

О. Н. Знаменский

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ



НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОГО
ОКТЯБРЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР
Ленинградское отделение

О. Н. ЗНАМЕНСКИЙ

Интеллигенция накануне Великого Октября (февраль—октябрь 1917 г.)



ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

ния пути, пройденного интеллигенцией в годы Советской власти.³ Тема «Октябрьская революция и интеллигенция» глубоко разработана С. А. Федюкиным и рядом других исследователей.⁴ В 1985 г. вышел в свет сборник статей, некоторые из них имеют прямое отношение к изучаемой нами проблеме.⁵ А вот о положении, роли, политической позиции, психологическом состоянии различных социальных групп интеллигенции накануне победы Великого Октября, в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую по-прежнему мало что известно. Данный пробел обедняет картину общественно-политической жизни и борьбы в России 1917 года, не позволяет воссоздать революционный процесс во всей его сложности.

Между тем, не разобравшись основательно в отношении интеллигенции к борьбе за свержение царизма,

второй половине XIX века. М., 1971. 368 с.; 2) Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. М., 1981. 285 с.; *Гусятников П. С.* Революционное студенческое движение в России: 1899—1907. М., 1971. 264 с.; *Ушаков А. В.* 1) Революционное движение демократической интеллигенции в России: 1895—1904. М., 1976. 239 с.; 2) Демократическая интеллигенция периода трех революций в России. М., 1985. 158 с.; *Березовая Л. Г.* Партия большевиков и демократическая интеллигенция в годы нового революционного подъема. М., 1985. 77 с.; *Пирумова Н. М.* Земская интеллигенция и ее роль в общественной борьбе до начала XX в. М., 1986. 369 с.

³ См.: *Зак Л. М.* История изучения советской культуры. М., 1981. 176 с.; Советская интеллигенция: Советская историческая и философская литература за 1968—1977 гг.: Библиогр. указ. Новосибирск, 1978. 445 с.; Социальное развитие советской интеллигенции. М., 1986. 336 с.

⁴ См.: *Федюкин С. А.* 1) Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. 471 с.; 2) Партия и интеллигенция. М., 1983. 238 с.; *Мамаева К. И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и интеллигенция. Рига, 1967. 27 с.; *Хренов Н. И.* Из истории борьбы Коммунистической партии за интеллигенцию в Октябрьской революции // Сб. трудов Ульяновского политехнического ин-та, 1968. Вып. 1, т. 6. С. 20—46; *Ерман Л. К.* Ленин о роли интеллигенции в демократической и социалистической революциях, в строительстве социализма и коммунизма. М., 1970. 46 с.; *Амелин П. П.* Интеллигенция и социализм. Л., 1970. 151 с.; *Соскин В. Л.* Ленин, революция, интеллигенция. Новосибирск, 1973. 108 с.; *Пинегина Л. А.* К вопросу о политическом размежевании буржуазной интеллигенции в период Октябрьской революции: (1917—1918) // Вестн. МГУ. Сер. истор. 1974, № 2. С. 3—19; *Федюкин С. А.* Октябрьская революция и интеллигенция // История СССР. 1977. № 5. С. 69—88; *Красильников С. А., Соскин В. Л.* Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти: 1917 — лето 1918. Новосибирск, 1985. 254 с., и др.

⁵ Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985. 335 с.

к февральским событиям, трудно уяснить особенности ее политической позиции, проявившиеся на протяжении последующих месяцев. Разрабатываемая в данной книге проблема — «интеллигенция в период буржуазно-демократической революции и ее перерастания в революцию социалистическую» — весьма актуальна: в современных условиях перерастание народно-демократических и национально-освободительных революций в социалистические — характерная черта мирового революционного процесса, а вовлечение в него интеллигенции — одна из насущных задач коммунистических партий.

Мы не утверждаем, будто к рассмотрению истории интеллигенции в феврале—октябре 1917 г. исследователи вовсе не обращались. Почти каждый изучавший политические позиции интеллигенции в послеоктябрьский период считал необходимым оценить ее отношение и к победе Февральской революции, и к последующим за ней событиям. В отдельных работах, например в книге С. А. Федюкина «Партия и интеллигенция», а также в упомянутых книгах П. П. Амелина и В. Л. Соскина,⁶ эти оценки сравнительно развернуты, содержат ряд интересных суждений и конкретных сведений. Кроме того, вышли в свет коллективные и индивидуальные труды по истории науки и образования, театра, медицины, в которых читатель найдет и некоторые данные о положении и деятельности соответствующих групп интеллигенции в марте—октябре 1917 г.⁷ Опубликова-

⁶ См. также: *Соскин В. Л.* Политические позиции сибирской интеллигенции в период Октябрьской социалистической революции // Изв. СО АН СССР. Сер. обществ. наук. 1967. Вып. 3, № 11. С. 102—108.

⁷ *Князев Г. А., Кольцов А. В.* Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964. 226 с.; *Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К.* Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. М., 1974. 552 с.; *История Московского университета.* М., 1955. Т. 1. 563 с.; *Зайченко П. А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева: Очерки по истории первого Сибирского университета за 75 лет (1880—1955). Томск, 1960. 478 с.; Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1968. Т. 2. 172 с.; *История Ленинградского университета: 1819—1969: Очерки.* Л., 1969. 663 с.; *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917—1920. М., 1958. 551 с.; *Юфит А. З.* Революция и театр. Л., 1977. 270 с.; *Барсуков М. И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения: Октябрь 1917 — июль 1918 гг. М., 1951. 316 с.; *Виноградов Н. А.* Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октя-

ны статьи, в которых рассмотрены те или иные сюжеты темы.⁸ Необходимо также учитывать работы, посвященные жизненному пути и творчеству крупнейших деятелей науки, литературы и искусства. В этой серии работ, если иметь в виду интересующие нас проблематику и хронологические рамки, выделяются монографии и статьи, авторы которых изучали наследие А. М. Горького, В. В. Маяковского.⁹ С удовлетворением отметим, что политической позиции интеллигенции в 1917 г. уделяется внимание в некоторых диссертационных исследованиях.¹⁰ Способствует уяснению по-

брьской социалистической революции. М., 1954. 32 с.; *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. 495 с.; и др.

⁸ *Тарновский К. Н.* Из истории Московского университета в годы первой мировой войны // Вестн. МГУ. Сер. истор. 1954, № 11. С. 117—131; *Быков В. Ф.* Медицинские работники в Октябрьской революции // Тр. Северо-Осетинского мед. ин-та. Орджоникидзе, 1958. Вып. 8, ч. 2. С. 3—15; *Рагнер Я. В.* Из истории советского театра: (1917—1919) // История СССР. 1962. № 6. С. 115—125; *Смирнова Л. И.* О Советах депутатов трудовой интеллигенции // Из истории советской интеллигенции. М., 1966, с. 197—222; *Соболева Е. В.* К истории «Свободной Ассоциации для развития и распространения положительных наук» // Тр. XI научной конференции аспирантов и молодых сотрудников Ин-та истории естествознания и техники. Секция истории физ.-мат. наук. М., 1967. С. 79—86; *Шалагинова Л. М.* Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопр. ист. КПСС. 1967. № 2. С. 102—106; и др.

⁹ *Муратова К. Д. М.* Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л., 1958. 485 с.; *Овчаренко А. М.* Публицистика М. Горького. М., 1965. 627 с.; *Бялик Б. А.* Властители дум и чувств: В. И. Ленин и М. Горький. М., 1970. 448 с.; *Красникова А. В. В. И. Ленин и А. М. Горький в 1917—1918 гг.* // Учен. зап. Ин-та истории партии Ленингр. ОК КПСС. Л., 1970. Т. 1. С. 161—186; *Менделевич Г. А.* Горький А. М. и «Ассоциация для развития и распространения положительных наук» // Горьковские чтения. М., 1968. Вып. 10. С. 310—321; *Катанян В. А.* Маяковский: Литературная хроника. М., 1956. 504 с.; *Динерштейн Е. А.* Маяковский в феврале—октябре 1917 г. // Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М., 1958. С. 541—570; *Эвентов И. С.* Маяковский в Петрограде — Ленинграде. Л., 1963. 392 с.; *Перцов В. О.* Маяковский: Жизнь и творчество. Т. 1: 1893—1917. М., 1976. 413 с.; и др.

¹⁰ См.: *Белошапкин С. С.* Деятельность петроградских большевиков по привлечению технической интеллигенции на сторону пролетариата в социалистической революции: Автореф. дис. канд. ист. наук. Л., 1983. 20 с.; *Ярошецкая В. П.* Борьба партии большевиков за художественную интеллигенцию в период подготовки социалистической революции и в первые годы Советской власти. Л., 1973. 19 с.

ложения и роли интеллигенции изучение позиции городских средних слоев.¹¹ И все же повторим, что история интеллигенции в феврале—октябре 1917 г. в целом остается разработанной весьма слабо, фрагментарно.

Перед каждым исследователем истории интеллигенции, о каком бы периоде ни шла речь, возникает далеко не простой вопрос о понятии «интеллигенция». Дискуссии по этому вопросу ведутся давно, а конца им пока не видно. Применительно к изучаемому периоду к интеллигенции мы относим людей, профессионально занятых высококвалифицированным умственным (интеллектуальным) трудом — ученых, деятелей литературы и искусства, преподавателей и студентов высших учебных заведений, школьных учителей, журналистов, инженеров, врачей, адвокатов, агрономов и др., т. е., по Ленину, «всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда (brain worker, как говорят англичане) в отличие от представителей физического труда».¹²

Как полагают, и не без оснований, некоторые исследователи,¹³ чиновничество, офицерство и духовенство в целом или по крайней мере в своем подавляющем большинстве не должны причисляться к интеллигенции, поскольку они, имея нередко высокий образовательный ценз, являлись «винтиками» и «колесиками» самодержавной государственной машины. По роду своих занятий, общественному положению и функциям, по своим устремлениям и психологии они имели мало общего с профессиональной интеллигенцией. В. И. Ленин оценивал чиновничество, бюрократию как особый слой лиц, специализировавшийся на управлении, поставленный в привилегированное положение перед народом.¹⁴ «Против всевластного, безответственного, подкупного, дикого, невежественного и тунеядствующего русского чинов-

¹¹ См.: *Востриков Н. И.* Борьба за массы: Городские средние слои накануне Октября. М., 1970. 200 с.; *Борьба за массы в трех революциях: Пролетариат и средние городские слои.* М., 1981. 303 с.

¹² *Ленин В. И.* Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 309.

¹³ См., напр.: *Лейкина-Свирская В. Р.* Русская интеллигенция в 1900—1917 годах. С. 34—35.

¹⁴ *Ленин В. И.* Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2. С. 455.

ничества восстановлены весьма многочисленные и самые разнообразные слои русского народа», — писал Ленин в 1897 г., добавляя, что превращение интеллигента в чиновника совершается легко.¹⁵ А в 1917 г. Ленин характеризовал чиновничество как паразита на теле буржуазного общества, паразита, «затыкающего» жизненные поры.¹⁶

В нашей исторической литературе распространена точка зрения, согласно которой чиновники, офицеры и служители культа составляли особые группы интеллигенции. Признавая вопрос спорным, автор все же решил не рассматривать позицию представителей этих профессий, которым, надеемся, будут посвящены специальные исследования. Разумеется, мы не относили к этим особым группам преподавателей, врачей, инженеров и других интеллигентов, формально состоявших на государственной службе, но занятых выполнением своих действительных профессиональных обязанностей.

Численность российской интеллигенции в 1917 г. определить чрезвычайно трудно. Отсутствие статистических данных за этот год, их отрывочность, несопоставимость и недифференцированность за предшествовавшие годы вынуждает историков ограничиваться сугубо предположительными оценками. Л. К. Ерман, например, полагал, что численность интеллигенции, включая чиновничество и офицерство, составляла 1.5 млн. человек.¹⁷ С. А. Федюкин, отказавшись принимать в расчет «младших служащих, а также лиц, профессии которых не могут быть отнесены к традиционно интеллигентским», уменьшил цифру до 1 млн.¹⁸ Б. Ц. Урланис, основываясь на материалах переписи 1897 г., подсчитал, что профессиональная интеллигенция имела в своем составе около 200 тыс. человек.¹⁹ В данной книге объектом исследования стали профессиональные группы не-пролетарской интеллигенции, общая численность которых в России к 1917 г., вероятно, не превышала 500 тыс. Наиболее крупные профессиональные группы состав-

¹⁵ Там же. С. 456.

¹⁶ Ленин В. И. Государство и революция // Там же. Т. 33. С. 30.

¹⁷ Ерман Л. К. Ленин о роли интеллигенции... С. 13.

¹⁸ Федюкин С. А. Октябрьская революция и интеллигенция. С. 69.

¹⁹ Урланис Б. Ц. История одного поколения: Социально-демографический очерк. М., 1968. С. 57.

ляли учителя (195 тыс.)²⁰ и студенты высших учебных заведений (127 тыс.).²¹ Врачей в стране было 33 тыс., в том числе около 14 тыс. служивших в армии,²² а представителей таких профессий, как инженер, адвокат, агроном и др. — всего по 20—30 тыс. и менее. В 1914 г. насчитывалось 10.2 тыс. научных работников, в том числе 6 тыс., составлявших научно-педагогический персонал высшей школы, и 4.2 тыс. — работников научно-исследовательских учреждений.²³ Численность деятелей литературы и искусства вряд ли превышала 15 тыс. Крупнейшими центрами сосредоточения интеллигенции, особенно ее наиболее квалифицированной части, были Петроград и Москва. Некоторое представление об этом могут дать материалы всеобщей переписи 1897 г.: в столицах трудились 45.8% всех ученых и литераторов, 30.7% художников и музыкантов, 30.5% инженеров и технологов, 26% учителей искусств и ремесел, 16% врачей, 14.3% адвокатов и нотариусов.²⁴

Не забудем, однако, что интеллигенция «не есть *самостоятельный* экономический класс и не представляет поэтому никакой *самостоятельной* политической силы»,²⁵ а есть особая социальная прослойка, внутренне неоднородная, связанная с различными классами общества. В исследуемый нами период интеллигенция делилась на буржуазную, мелкобуржуазную и пролетарскую социально-политические группы, причем если первые две имели немало общего, то облик третьей был качественно иной. Пролетарская интеллигенция формируется за счет тех передовых представителей рабочего класса, которые сумели значительно повысить свой общеобразовательный уровень, и представителей первых двух социально-политических групп, перешедших на позиции марксизма-ленинизма. Как отмечают советские историки интеллигенции, «основной сферой приложения сил

²⁰ По данным на январь 1916 г. (Учитель. 1917. № 1. С. 44). Видимо, без учета находившихся в армии, ибо по данным на 1914 г. в стране было 280 тыс. учителей (Федюкин С. А. Октябрьская революция и интеллигенция. С. 69).

²¹ По данным на 1914—1915 гг. (Высшее образование в СССР: Стат. сб. М., 1961. С. 79).

²² Быков В. Ф. Медицинские работники в Октябрьской революции. С. 11.

²³ Высшее образование в СССР. С. 203.

²⁴ Амелин П. П. Интеллигенция и социализм. С. 68, 69.

²⁵ Ленин В. И. По поводу одной статьи в органе Бунда // Полн. собр. соч. Т. 14, С. 191.

пролетарских интеллигентов была политическая деятельность в качестве профессиональных партийных работников. Часть из них, выполняя партийные поручения, одновременно трудилась по специальности». ²⁶ Это была большевистская интеллигенция, и, следовательно, история ее — неотъемлемая часть истории партии большевиков.

Пролетарская социально-политическая группа численно намного уступала буржуазной и мелкобуржуазной. В составе же последних выделяются три слоя, имевших, впрочем, размытые грани: верхний, средний и нижний. Верхний слой образовывался за счет буржуазной, как правило, самой квалифицированной и высокооплачиваемой интеллигенции. К ней относились часть деятелей науки, литературы и искусства, немало адвокатов, некоторые инженеры, врачи, агрономы, отдельные представители ряда других профессий. Эти люди занимали привилегированное положение в обществе, многие из них располагали широкими связями, пользовались известностью и влиянием. Значительное большинство их жило в крупных городах, предпочитая Петроград и Москву. К среднему, мелкобуржуазному слою интеллигенции, материально сравнительно обеспеченному, относилась преобладающая часть городской интеллигенции — рядовые инженеры, врачи, учителя средних школ, младшие преподаватели высшей школы и младшие сотрудники научных учреждений, газетные репортеры, многие начинающие литераторы, часть актеров и пр. Наконец, нижний, тоже мелкобуржуазный слой интеллигенции составляли большинство учителей начальных школ, немало актеров частных театров, «неудачливые», забытые невзгодами, представители других профессий. Это были люди с низкими, нередко нищенскими доходами. Многие из них жили в деревне и провинциальных городах.

В. И. Ленин высоко оценивал роль интеллигенции в жизни общества, отмечал ее свободолюбие, стремление бороться против полицейского гнета, травящего мысль и знание. ²⁷ Как социальный слой интеллигенция могла быть одной из опор буржуазно-демократического дви-

²⁶ Советская интеллигенция: Краткий очерк истории: (1917—1975 гг.). М., 1977. С. 11.

²⁷ См.: Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // Полн. собр. соч. Т. 2, С. 454.

жения,²⁸ а при условии сближения с народом интеллигенция, бессильная сама по себе, могла бы сыграть большую роль в революционной борьбе с самодержавием, давая мелкобуржуазным массам «как раз то, чего им недостает: знание, программу, руководство, организацию».²⁹ Имея в виду непролетарскую интеллигенцию, Ленин, как уже отмечалось, подчеркивал, что речь шла об ее участии только в буржуазно-демократическом движении. Однако и социалистическое движение объективно не противоречило коренным интересам интеллигентской массы, ибо капиталистический строй, указывал Ленин, все более отнимает у интеллигента самостоятельное положение, превращает его в зависимого наемника, грозит понизить и понижает его жизненный уровень.³⁰

Имелись, однако, существенные препятствия сближению интеллигенции с народом. В связи с этим В. И. Ленин указывал на два коренных обстоятельства: промежуточное, двойственное положение интеллигенции в обществе, сохранение ее связей с правящими классами («материальные интересы... интеллигенции привязывают ее к абсолютизму, к буржуазии, заставляют ее быть непоследовательной, заключать компромиссы, продавать свой революционный и оппозиционный пыл за казенное жалованье или за участие в прибылях или дивидендах»³¹) и особенности условий ее жизни и работы, «не дающих ей непосредственно широкого объединения сил, непосредственного воспитания на организованном совместном труде».³² В конечном счете это и порождало такие неоднократно отмечавшиеся Лениным качества представителей буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов, как индивидуализм, эклектичность воззрений, склонность совмещать мешанину противоположных по-

²⁸ См.: Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Там же. Т. 6. С. 374.

²⁹ Ленин В. И. В хвосте у монархической буржуазии или во главе революционного пролетариата и крестьянства? // Там же. Т. 11. С. 199.

³⁰ См.: Ленин В. И. 1) Рецензия: *Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm. Eine Antikritik* // Там же. Т. 4. С. 209; 2) Проект программы нашей партии // Там же. С. 238.

³¹ Ленин В. И. Задачи русских социал-демократов // Там же. Т. 2. С. 454.

³² Ленин В. И. К партии // Там же. Т. 9. С. 15.

зиций,³³ стремление возводить «свое междуклассовое положение в *принцип* внеклассовых партий и внеклассовой политики»,³⁴ недисциплинированность, неорганизованность, анархичность,³⁵ «склонность заменять дело дискуссией». ³⁶

Все эти особенности интеллигенции, как отмечается в работах исследователей ленинского идейного наследия, исключают узкоэкономический подход к оценке ее роли. Он был характерен для «легальных марксистов», в первую очередь для П. Б. Струве. По В. И. Ленину, жесткой экономической связи, доведенной до тождества, между интеллигенцией и классом не существует, ибо первая, по сравнению с другими социальными слоями буржуазного общества, наиболее резко обнаруживает отклонение систем ценностей, идейно-политической и нравственной позиций от «оси» социального происхождения и материального бытия. Особенно часто это проявляется там, где классовые капиталистические отношения и противоречия недостаточно развиты. ³⁷

И еще один весьма важный вывод. Такие отмеченные В. И. Лениным черты непролетарской интеллигенции, как индивидуализм, эклектичность воззрений, недисциплинированность и пр., уменьшают готовность и способность основной ее массы к организованной политической борьбе, усиливают стремление занять «внепартийную» позицию. Поэтому интеллигентам труднее, чем рабочим, приспособиться к дисциплине партийной жизни,³⁸ поэтому интеллигенция в ее массе — не политическая «соль земли», не лучший «материал» для строительства партий. В условиях же царского самодержавия потребность в защите элементарных гражданских прав закономерно «обгоняет гигантски всякую партийность». ³⁹

Однако заостренная схематизация позиции и качеств интеллигенции несостоятельна. Для уяснения ле-

³³ См.: Ленин В. И. 1) Там же; 2) Рецензия: *Karl Kautsky*. Bernstein... // Там же. Т. 4. С. 209.

³⁴ Ленин В. И. Памяти графа Гейдена // Там же. Т. 16. С. 40.

³⁵ См.: Ленин В. И. 1) Шаг вперед, два шага назад // Там же. Т. 8. С. 254; 2) К партии // Там же. Т. 9. С. 15.

³⁶ Ленин В. И. Как организовать соревнование? // Там же. Т. 35, с. 201.

³⁷ См.: Смоляков Л. Я. Некоторые проблемы ленинского анализа интеллигенции // *Вопр. философии*. 1983. № 6. С. 117—120.

³⁸ См.: Ленин В. И. К партии // Полн. собр. соч. Т. 9. С. 15.

³⁹ Ленин В. И. Социалистическая партия и беспартийная революционность // Там же, Т. 12, С. 136.

нинской оценки ее требуется руководствоваться не отдельными высказываниями, а их широким контекстом.

Поскольку интеллигенция является самым образованным социальным слоем общества, потенциально способна опережать другие слои в разработке и усвоении идеологических систем, постольку она «всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе». ⁴⁰ Следовательно, именно из среды самой активной части интеллигенции (напомним о необходимости общего контекста оценок ее!) выделяются политические лидеры и идеологи, что и подчеркивал В. И. Ленин: «всегда и везде вождями известного класса являлись его передовые, наиболее интеллигентные представители». ⁴¹ Правда, «интеллигентные, образованные, способные политические руководители в России были в небольшом количестве», ⁴² но они, как правило, являлись инициаторами создания политических партий, и в целом роль интеллигенции в партиях, особенно на начальном этапе их деятельности, была велика. И все же эту роль не следует преувеличивать. Социальным авангардом общества был и остается рабочий класс.

Методологическим руководством и важнейшим источником для автора данной книги являются произведения В. И. Ленина — русского интеллигента, ставшего вождем Коммунистической партии, российского и мирового пролетариата и социалистической революции. Источниковую основу составили также протоколы, стенограммы, постановления и переписка некоторых интеллигентских организаций, резолюции митингов и собраний, литературные произведения и публицистика 1917 г., газетно-журнальная информация, помещенная как в специальных интеллигентских, так и в общеполитических изданиях 1917 г., дневники, переписка, мемуары представителей интеллигенции. Часть использованных материалов хранится в архивных фондах, но большинство сведений почерпнуто из различных публикаций. Исполь-

⁴⁰ Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Там же. Т. 7. С. 343.

⁴¹ Ленин В. И. По поводу «Profession de foi» // Там же, Т. 4. С. 316.

⁴² Ленин В. И. Отчет Центрального комитета 18 марта [1919 г. VIII съезду РКП(б)] // Там же. Т. 38. С. 145.

зованы и имеющие отношение к теме документы политических партий, государственных и общественных учреждений. Особое внимание уделялось документам партии большевиков.

Многие источники, непосредственно отражающие позицию непролетарской интеллигенции в изучаемое время, позволяют судить не столько о ее мировоззрении, сколько о ее социально-психологическом состоянии, общественном настроении.⁴³ В связи с этим обратим внимание, что В. И. Ленин, характеризуя позицию интеллигенции в 1917 г., большую роль отводил именно социально-психологическим факторам.⁴⁴ Внимание к ним он считал необходимым условием при анализе позиции всех классов, всех групп населения. Чтобы вести работу в массах, писал Ленин, надо «уметь понять особенности, своеобразные черты психологии каждого слоя, профессии и т. п. этой массы».⁴⁵ В последнее время, в ходе революционной перестройки всех сторон нашей общественной жизни, КПСС значительно усилила внимание к человеческому фактору, в том числе к проблемам психологии.

В новейшей литературе уже отмечалась обязательность учета и анализа социальной психологии интеллигенции. Одним из первых к специальному изучению этой проблемы обратился В. С. Волков.⁴⁶ Следует отметить рассмотрение социальной психологии интеллигенции современного капиталистического общества в недавно опубликованном коллективном труде.⁴⁷ Тем не менее проведенная работа еще явно недостаточна. С. А. Федюкин, упомянув статью В. С. Волкова, отметил, что она — «одна из немногих работ, в которой подчеркивается значение не только социально-экономических факторов в

⁴³ О последнем, являющемся частью социальной психологии, см.: *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. М., 1966. 325 с.

⁴⁴ См.: *Ленин В. И.* 1) Удержат ли большевики государственную власть? // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 320—323; 2) Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Там же. Т. 35. С. 191—192.

⁴⁵ *Ленин В. И.* Тезисы ко II конгрессу Коммунистического Интернационала // Там же. Т. 41. С. 192.

⁴⁶ См.: *Волков В. С.* Ленинский анализ социальной психологии интеллигенции как составная часть научного обоснования политики партии по отношению к старым специалистам после победы Великого Октября // Роль интеллигенции в построении и дальнейшем развитии социалистического общества. Л., 1978. Вып. 2. С. 3—11.

⁴⁷ Социальная психология классов, М., 1985. С. 171—212.

определении позиции интеллигенции, что обычно и делается, но и факторов субъективных, социально-психологических, которые далеко не всегда принимаются во внимание историками интеллигенции и не избираются объектами исследования». ⁴⁸

«Буря страстей», порожденная революцией, исключительная сложность и динамичность политического положения, чреватого все новыми и новыми потрясениями, вели к тому, что основная масса непролетарской интеллигенции пришла в замешательство. При отсутствии у ее большинства ясных политических убеждений и твердых партийных воззрений роль социально-психологического фактора еще более и притом резко возрастала. Восприятие действительности, оставаясь в основе своей социальным, стало более, по-видимому, чем когда-либо ранее, эмоционально насыщенным. При этом поток недостаточно осознанной информации проходил через психику непролетарских элементов и порождал конгломерат нестабильных, внутренне не согласованных идей, мыслей и чувств. В итоге историк нередко имеет дело с таким состоянием объекта исследования, которое может быть охарактеризовано лишь с помощью понятий, определений и терминов из области социальной психологии и слагающих ее образований.

Итак, главный аспект избранной нами темы — русская непролетарская интеллигенция в феврале — октябре 1917 г., ее отношение к революционному процессу, поведение, эволюция ее политической позиции, социально-психологического состояния и общественных настроений, уровень ее организованности и особенности ее профессиональных занятий в условиях нараставшего массового движения и обострения классовой борьбы на протяжении девяти грозных месяцев 1917 г.

⁴⁸ Федюкин С. А. Октябрь и интеллигенция: (некоторые методологические аспекты проблемы) // Интеллигенция и революция. С. 32.

Глава I

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И СВЕРЖЕНИЕ ЦАРИЗМА

1. В канун буржуазно-демократической революции

С конца 1916 г. кризисные явления нарастали и в экономической, и в политической жизни страны. Ее хозяйственная структура не выдерживала перегрузок, порождавшихся участием в нескончаемой империалистической войне. В расстройство приходили финансы, транспорт, вся система снабжения. Угрожающих масштабов достигла коррупция.

В придворных и правительственных кругах царили растерянность и неразбериха. Распутинщина как социально-психологическое явление и после убийства Г. Е. Распутина в декабре 1916 г. разъедала правящие верхи. Царская власть, авторитет которой в обществе пал до предельно низкого уровня, видела спасение в расширении репрессивных мер. Обострились отношения царской власти с оппозиционно настроенными слоями буржуазии. Последняя была напугана подъемом революционного движения, раздражена бездарным ведением государственных дел.

На общественно-политическую жизнь могучее воздействие оказывало рабочее движение. С начала 1917 г. оно быстро росло, причем особенно быстро в Петрограде. Пролетариат был настроен решительно, по-боевому, показывал готовность и способность быстро развертывать активные формы борьбы. Он выступал как основная, ведущая сила революционного движения. Под его влиянием усиливалось брожение в армии, в многомиллионной толще крестьянской массы.

В итоге к началу 1917 г. в стране созрела революционная ситуация. Всесильным «режиссером» и могучим

ускорителем процессов являлась, как указывал В. И. Ленин, мировая империалистическая война.¹ Непосредственно порождая экономический и политический кризисы, она необычайно обостряла классовую борьбу, драматизировала весь ход событий. Война значительно ускоряла развитие монополистического капитализма и этим способствовала дальнейшему созреванию объективных предпосылок перерастания грядущей буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Единственной последовательно революционной партией страны была партия большевиков, частью которой были стойкие и последовательные революционеры-интеллигенты. Замечательным примером революционера-интеллигента был вождь пролетариата В. И. Ленин. Жестокие полицейские репрессии военного времени нанесли партии серьезный урон. И все же около 24 тыс. членов большевистской партии, объединенных примерно в 150 организациях и группах,² настойчиво и целеустремленно делали свое дело. Тесно связанные с наиболее сознательными и активными слоями народных масс, и прежде всего пролетариата, большевики звали рабочих, всех угнетенных на решительную борьбу за свержение царизма, за превращение войны империалистической в войну гражданскую.

Буржуазно-помещичьи партии, в состав которых входила и буржуазная интеллигенция, летом 1915 г. образовали «Прогрессивный блок». Они добивались согласия царя сформировать «министерство доверия», в котором преобладали бы представители либеральной буржуазии, и требовали проведения ряда буржуазно-демократических преобразований. Достигнуть этого надеялись легальным путем, лишь группа буржуазных деятелей на всякий случай обдумывала планы совершения дворцового переворота. Мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров, в какой-то мере за исключением их левых, интернационалистических течений, главные надежды возлагали на либеральную буржуазию, на приход ее к власти. Поэтому тактика мелкобуржуазных партий, идейными вождями которых были представители мелкобуржуазной интеллигенции, в целом приспособлялась

¹ См.: Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 13.

² История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 3, кн. 1. М., 1967. С. 20.

к наиболее радикальным требованиям буржуазной оппозиции царизму.

И здесь возникает вопрос: каков был социальный состав политических партий и доля интеллигенции в этом составе к началу 1917 г.?

До сих пор попытка соответствующего анализа (относительно доли интеллигенции) была предпринята лишь в отношении состава партии большевиков. Так, авторы коллективного труда «История КПСС», основываясь на материалах всероссийской переписи членов РКП(б) в 1922 г., пришли к выводу, что к началу 1917 г. 25,8% членов партии большевиков (около 6 тыс. человек) составляли служащие и профессиональные революционеры-интеллигенты.³ Эти сведения ориентировочны, но по составу буржуазных и мелкобуржуазных партий не проводился и такой анализ. Да он и вряд ли возможен ввиду отсутствия необходимых исходных данных. Ведь даже численность этих партий к началу 1917 г. (до свержения царизма) сугубо предположительна — по 10—15 тыс. человек у меньшевиков и эсеров и 15—20 тыс. у кадетов, причем в литературе высказано и мнение, что тогда у кадетов в составе партии формально было не более 700 членов.⁴ Поэтому еще менее определенно можно ответить на вопрос о конкретной доле интеллигенции в составе буржуазных и мелкобуржуазных партий. Например, в составе партии кадетов в рассматриваемое время преобладали представители верхнего, буржуазного, и отчасти среднего, мелкобуржуазного, слоев интеллигенции, а в составе партий меньшевиков и эсеров (особенно эсеров) доля представителей среднего и нижнего слоев мелкобуржуазной интеллигенции, вероятно, была не менее трети.

Пролетарская интеллигенция входила в состав партии большевиков. Доля же буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в составе непролетарских партий определялась классовой принадлежностью, особенностями личной позиции, степенью учета данной партией специфических интеллигентских интересов. Имели также значение степень участия партии в легальной деятельности и ее общественная известность.

Но сама по себе легальность не была приманкой. Подавляющее большинство интеллигентов, в том числе

³ Там же. С. 20—21.

⁴ Аврех А. Я. Распад третьей юнкерской системы, М., 1985. С. 242.

буржуазных, сторонились и черносотенно-монархических партий, и партии октябристов.

К началу 1917 г. в составе политических партий находилась ничтожная частица всей интеллигенции, вероятно 2—3%. Впрочем, в этом отношении она мало чем отличалась от других социальных слоев общества. Отсутствие в стране политической свободы, стремление царизма задавить всякое и прежде всего организованное сопротивление ему, присущее самодержавному государственному аппарату тяготение к мерам репрессий, стеснений, жестокой регламентации подрывали условия для существования массовых революционных и оппозиционных партий. Даже в ходе первой российской революции лишь представители буржуазной интеллигенции активно вступали в ряды одной из партий — кадетов. Впрочем, так было преимущественно во время выборов и «пиков» деятельности I и II Государственных дум, но уже в апреле 1907 г. В. И. Ленин отмечал, что «большая часть буржуазной интеллигенции живет с теми и кормится около тех, кого потянуло прочь от политики». ⁵ Что же касается мелкобуржуазной интеллигенции, то она, как пишет советский историк, в период революции в своем абсолютном большинстве ни в какие политические партии не входила и более или менее выработанной политической позиции не имела. ⁶ Приходя к такому выводу, исследователь опирался и на результаты своих изысканий, и на определение, данное В. И. Лениным в 1905 г.: «У нас в России политическое воспитание народа и интеллигенции совсем еще ничтожно. У нас ясные политические убеждения и твердые партийные воззрения совсем еще почти не выработаны». ⁷ А позднее, в 1906 г. В. И. Ленин подчеркнет: «Беспартийная революционность есть необходимое и неизбежное явление в эпоху буржуазно-демократической революции». ⁸ После революции 1905—1907 гг., когда наступил период реакции, членство в партиях многократно уменьшилось. Здесь уместно напомнить указание В. И. Ленина на то, что

⁵ Ленин В. И. Дума и русские либералы // Полн. собр. соч. Т. 15. С. 252.

⁶ Ерман Л. К. Интеллигенция в первой русской революции. М., 1966. С. 36.

⁷ Ленин В. И. Чего хотят и чего боятся наши либеральные буржуа? // Полн. собр. соч. Т. 11. С. 225.

⁸ Ленин В. И. Неверные рассуждения «беспартийных» бойкотов // Там же. Т. 13. С. 274.

при самодержавном строе потребность в защите элементарных прав человека и гражданина «обгоняет гигантски всякую партийность».⁹ С этими условиями и в еще большей мере с рядом особенностей социальной психологии интеллигенции было связано существование множества, как правило, мелких узкопрофессиональных союзов, обществ, групп. Как отмечают исследователи, для социальной психологии интеллигенции характерна идентификация с коллегами по профессии и своего рода «корпоративный коллективизм», субъективно приобретающий приоритетное значение и в известной мере ограничивающий интеллигентский индивидуализм.¹⁰

При всем этом вопрос о партийности не может решаться сугубо формально — являлись ли данные лица членами одной из партий. Те, кто был неспособен подняться до ясно выраженной партийности, выработать достаточно четкие партийные воззрения, все же не могли не находиться под большим или меньшим влиянием политических партий. Хорошо известно, что в период борьбы за победу буржуазно-демократических революций в России, по определению В. И. Ленина, вели борьбу три политических, классово-партийных лагеря: правительственный, либерально-буржуазный и демократический. Политически интеллигенция тоже подразделялась на эти три лагеря, причем было бы упрощением полагать, что принадлежность к тому или иному лагерю определялась исключительно социальным положением, материальной обеспеченностью и пр.¹¹ И все же можно полагать, что в правительственный лагерь входила очень незначительная часть интеллигенции, по преимуществу представители ее верхнего буржуазного слоя, в либерально-буржуазном лагере находилась основная масса буржуазной интеллигенции, в демократическом — многие мелкобуржуазные интеллигенты.

Отмеченная В. И. Лениным эклектичность мировоззрения интеллигенции буржуазного общества наглядно выявилась сразу после свержения царизма в условиях завоеванной свободы слова и печати. Поток резолюций,

⁹ Ленин В. И. Социалистическая партия и беспартийная революционность // Там же. Т. 12. С. 136.

¹⁰ См.: Социальная психология классов. М., 1985. С. 177, 198—199.

¹¹ См.: Ушаков А. В. Русская интеллигенция периода буржуазно-демократических революций // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985, С. 53.

речей и статей показал, что большинство буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов подходили к февральскому рубежу, причудливо совмещая в своей голове обрывки кадетско-октябристских, неонароднических и социал-демократических идей. Пропорции были различны, но многие партии, блокировавшиеся и противоборствовавшие, могли с удовлетворением распознать плоды своих пропагандистских усилий. Удовлетворен был и интеллигент, полагавший, что он — личность, способная синтезировать «все разумное», преодолевать «узкопартийное доктринерство». Все же наиболее распространенной была смесь кадетских и неонароднических идей.

Претензии на «надпартийность» проявлялись, в частности, в образовании кружков и групп, пытавшихся выработать свою, особую идейно-политическую позицию. Одной из предпосылок существовавшего в России накануне Февральской революции политического масонства¹² и были эти достаточно широко распространенные претензии на «надпартийность». Но если говорить о наиболее известной, в свое время нашумевшей (1909 г.) интеллигентской группе, то ею, конечно, были «веховцы». Эта националистически и ярко контрреволюционно настроенная группа, в которой значительным влиянием пользовались «неправоверные» кадеты (П. Б. Струве и др.), в конце 1916 г. ратовала, помимо прочего, за «освобождение» от «тлетворного влияния партийного духа», от «уродливых преувеличений партийной дисциплины», призывала к «национальному объединению» и созданию «национального парламентского министерства»,¹³ к обеспечению «общественно-правительственной консолидации».¹⁴

По мнению некоторых представителей творческой интеллигенции, «политика» мешала занятиям наукой и искусством и вообще являлась малодостойным порождением цивилизации. Это было данью традиции «чистого» творчества, следствием различных жизненных обстоятельств, удручающих впечатлений от государственной

¹² О российском политическом масонстве того времени см.: За кулисами видимой власти. М., 1984. С. 120—131.

¹³ Котляревский С. А. Парламентаризм и война // Русская мысль. 1916. Кн. IX. С. 3.

¹⁴ Изгоев А. С. Общество, власть, бюрократия // Там же. Кн. X. С. 115.

политики царизма и от политиканства буржуазно-оппозиционных деятелей. Демагогия, карьеризм, беспринципность заставляли брезгливо морщиться, думские спектакли несколько не восхищали. Иногда отчужденное отношение к политике было временным состоянием, отчасти или полностью вызванным проходящими обстоятельствами. Но «жить в обществе и быть свободным от общества нельзя»,¹⁵ и поэтому политика в конце концов властно вторгалась в жизнь каждого интеллигента.

В семьях, в кругу друзей часто обсуждали положение в стране, спорили. Интеллигентская публика внимательно следила за печатным политическим словом. Эпизодически в ее руки попадали нелегальные революционные издания, в том числе большевистские листовки. Однако уже в силу объективных условий для повседневного чтения служили легальные издания — газеты, толстые и тонкие литературные и общественно-политические журналы — буржуазно-либерального направления, неонароднического, правоменьшевистского и т. д., где нередко можно было найти проскользнувшие через цензурные препоны завуалированные, хотя и понятные каждому, выпады против правительственной политики. Но читателю из интеллигенции, рассерженному господствовавшими порядками, этого было мало. По рукам все чаще стали ходить «апокрифические» тексты (печатные и переписанные от руки), например речей Милюкова и Чхеидзе, произнесенных на заседании Государственной думы 1 ноября 1916 г. Текст распространялся не только в Петрограде и Москве, но и в отдаленных губерниях, причем распространители подправляли некоторые места, заостряя думские филиппики.¹⁶

И все же «политика» для большинства интеллигентов — ученых и деятелей искусства — оставалась на втором плане: и в сгущенной, чреватой грозowymi разрядами политической атмосфере они продолжали увлеченно заниматься своим делом. «В тот период я очень много работал, трудности повседневной жизни, ее тревоги и волнения не уменьшали моей энергии, — пишет в своих воспоминаниях К. И. Скрябин, в то время начавший раз-

¹⁵ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

¹⁶ См.: Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны: 1914—1917. Л., 1967. С. 276.

рабатывать новое направление в науке — гельминтологию. — Я всегда считал, что человек должен преодолевать любые трудности и невзгоды, никогда не отступать от своей цели и при любых обстоятельствах, как бы они ни были тяжелы, выполнять свой долг. А мой долг — это разработка и становление новой науки. Она нужна людям, и необходимо, невзирая ни на что, трудиться над ней». ¹⁷

Животрепещущий вопрос для научной и художественной интеллигенции — свобода творчества и продвижение творческих достижений в общество. Различными группами интеллигенции он ставился по-своему, по-разному. Представители новых, левых направлений в искусстве, особенно шумно проявлявшие себя в 1910—1914 гг., держались двойственной линии. «С одной стороны, — пишут историки искусства о «левых» художниках, — беспрестанно декларируемое и подтверждаемое делами полнейшее безразличие к реакции выставочной публики, себялюбивая, отнюдь не только показная уверенность в собственном величии и в величии своего искусства вне всякой зависимости от его общественной оценки в данный момент. С другой стороны, неприятие какого бы то ни было творческого или житейского отшельничества, желание все время быть „на людях“, постоянная жажда публичных демонстраций своего творчества, вовсе не исчерпываемая рекламными целями». ¹⁸ Эти художники яростно обрушивались на представителей «отживших» направлений в искусстве, были недовольны покровительственным отношением к последним со стороны государственных учреждений (Академии художеств, императорских театров, музеев и др.), что побуждало (помимо прочего, конечно) не только к анархическому толкованию свободы творчества, требованию полного невмешательства любого государства в жизнь мира искусства, но и к отрицательному отношению к самодержавной монархии. Отметим попутно, что отстранения государства от их профессиональных дел хотели и многие представители ряда других групп интеллиген-

¹⁷ Скрыбин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969. С. 104.

¹⁸ Сидоров А. А., Стернин Г. Ю. Изобразительное искусство в художественной жизни России 1908—1917 годов // Русская художественная культура конца XIX — начала XX века: (1908—1917). М., 1980. Кн. 4. С. 14.

ции, например учителя. К концу 1917 г. в этих интеллигентских сферах накопилось много «горючего материала».

Однако среди части маститых, популярных деятелей искусства получало признание мнение о возможности и необходимости использовать государство, тем более если это было бы государство обновленное, демократизированное, для материального и морального поощрения развития искусства, для собирания и охраны культурных ценностей и т. п. Последовательно исповедовал такого рода взгляды А. Н. Бенуа, который еще в конце 1905 — начале 1906 г. с глубокой убежденностью писал, что искусство должно иметь общегосударственное значение. «В истинно культурном государстве, — утверждал он, — искусство не должно быть частным делом, интимным удовольствием, оно должно пропитывать и „иллюстрировать“ и грандиозную жизнь самого государства, сообщать ему красоту, размах и блеск». ¹⁹ Многие из представителей художественной интеллигенции, которые в той или иной степени разделяли подобные взгляды на роль государства и к тому же отстаивали принцип преемственности в художественном творчестве, занимали в целом более консервативные общественно-политические позиции, чем представители левых направлений в искусстве. Последние, ратовавшие за «переворот» в жизни художественной, могли легче воспринять идею переворота в жизни общественной.

В ученом мире позиции «государственников» были гораздо прочнее. Деятели естественных наук все отчетливее сознавали необходимость направляющей и организующей роли демократизированного государства в освоении природных ресурсов, в развитии научно-технических исследований и внедрении их достижений в национальное хозяйство, в планомерной и широкой подготовке специалистов. Очень сильный толчок к распространению таких взглядов дала война. «Сила науки почувствовалась так, как она никогда не чувствовалась в человечестве, — заявлял академик В. И. Вернадский в докладе «Задачи науки в связи с государственной политикой в России», подготовленном зимой 1916/17 г. — Едва ли кто может сомневаться, что возможные достижения научной деятельности и научного творчества че-

¹⁹ Цит. по: Стернин Г. Ю. Художественная жизнь России начала XX века, М., 1976, С. 90.

ловчества превышают в несравненной степени то, что сейчас достигнуто, если только организация научной работы выйдет из рамок личного, частного дела и станет объектом могущественной организации человечества, делом государственным». ²⁰

В ту же зиму другой крупный ученый, К. А. Тимирязев, подготовил для издававшегося при ведущем участии А. М. Горького журнала «Летопись» статью «Наука, демократия и мир (старческие мечтания)». ²¹ Тимирязев был настроен левее, чем Вернадский, сочувствовал социалистическим идеалам, что среди ученых было большой редкостью. В своей статье, появившейся в неизмененном виде уже после свержения царизма, Тимирязев развивал излюбленную тему о союзе науки и демократии. И хотя в «мечтаниях» ученого было немало абстрактного, неопределенного (начиная с содержания, которое вкладывалось в термин «демократия»), но он, ратуя за широкое развитие науки, видел ее связь с социально-политическими условиями в обществе. «Наука, — убежденно заявлял Тимирязев, — должна прийти на помощь труду для того, чтобы при содействии знания сделать его более производительным, а в свою очередь для того, чтобы, опираясь на сознательную поддержку демократии, стать свободной от унижительной опеки недемократических правительств или далеко не всегда просвященного меценатства капитала». ²²

На все «мечтания» интеллигента накладывал отпечаток род его занятий, профессиональные заботы и интересы. Иначе и быть не могло, так как условия и возможности применения знаний для интеллигента имеют огромное значение. Между тем, как можно судить хотя бы по тому, что писали Вернадский и Тимирязев, ученые тревожились за судьбу науки. Жаждали перемен и многие деятели искусства, выражали недовольство институтскими порядками преподаватели и студенты, возмущались положением школы учителя, били тревогу по поводу состояния здравоохранения врачи, роптали, недовольные организацией производства, инженеры, негодовали в ответ на цензурные стеснения писатели и журналисты. А ведь существовали и материальные проблемы, для многих очень болезненные.

²⁰ Русские ведомости. 1917. 22 июня.

²¹ К. А. Тимирязеву тогда было 74 года.

²² Летопись. 1917. № 2—4. С. 297.

О материальном положении интеллигенции мы знаем значительно меньше, чем о положении рабочих. Причины этого заключаются не только в недостаточном внимании к истории интеллигенции, но и в скудости данных, содержащихся в источниках. В этом отношении историки рабочего класса находятся в несравненно лучшем положении. И все же кое-какие сведения имеются, и они позволяют составить более или менее конкретное представление о жизненном уровне интеллигентов.

Годовой доход в 10 тыс. р. и более обеспечивал высокий уровень жизни и в условиях экономической разрухи. Такими доходами располагала лишь очень небольшая часть интеллигенции, вероятно не более 2% всего состава ее. Сравнительно значительный процент высокооплачиваемых был среди адвокатов. Уже по данным на первые годы XX века 7.4% всех учтенных доходов адвокатов составляли от 10 до 50 тыс. р. в год.²³ Видимо, столь же высокими доходами располагали известные врачи с аристократической и буржуазной клиентурой, преуспевающие архитекторы, некоторые маститые ученые, отдельные представители других профессий. Известно, например, что с ведущими актерами императорских театров (их называли «первачами») заключались контракты на суммы, иногда существенно превышавшие 10 тыс. р. Н. Н. Ходотов и Ю. М. Юрьев имели, например, контракты по 12 тыс. р.²⁴ Судя по сохранившимся в архиве копиям контрактов с актерами Александринского театра В. А. Мичуриной и Е. Н. Рожиной-Инсаровой, первой обеспечивалась выплата 15 тыс. р. в год, а второй — 18.7 тыс.²⁵ Ф. И. Шаляпин по контракту с дирекцией получал 50 тыс. р. в год, а общие годовые доходы певца (включая доходы от частных концертов и от гастролей) достигали 100 тыс. р. и более.²⁶ Для сравнения укажем, что с молодыми, начинающими актерами дирекция императорских театров заключала годовые контракты на 900—1700 р.²⁷

Предположительно около 5% всего состава интеллигенции имели доходы по 6—9 тыс. р. в год, а около

²³ Амелин П. П. Интеллигенция и социализм. Л., 1970. С. 68.

²⁴ Ходотов Н. Н. Близкое — далекое. М.; Л., 1932. С. 379.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 497 (Дирекция императорских театров), оп. 14, ф. 48, л. 15, 17.

²⁶ Теляковский В. А. Воспоминания. М., 1965. С. 376.

²⁷ ЦГИА СССР, ф. 497, оп. 14, д. 48, л. 7, 10, 11, 19, 23.

15% — 3—5 тыс. Это были средневые и средние уровни доходов, которые позволяли жить в большем или меньшем достатке. Однако рост цен уже ощутимо задевал тех, чьи доходы не превышали 3—4 тыс. р. Отметим, что к этой категории интеллигентов относилось большинство ученых и старших преподавателей высших учебных заведений. Заработная плата последних по сравнению с 1895 г. почти не изменилась, а педагогическая нагрузка увеличилась вдвое.²⁸ Ввиду этого Министерству народного просвещения в 1916 г. пришлось вводить надбавки к окладу профессоров с расчетом, чтобы весь годовой оклад для ординарных профессоров не превышал 5 тыс. р., а для экстраординарных — 4 тыс. р.²⁹ Примерно столько же и более зарабатывали многие адвокаты, ведущие инженеры, часть деятелей искусства, некоторые врачи с достаточно обширной практикой, учителя привилегированных учебных заведений.

1.5—3 тыс. р. в год могли доставить лишь очень скромный достаток, обеспечить покрытие лишь самых необходимых расходов. 1.5 тыс. — тот прожиточный минимум, который в начале апреля 1917 г. определил I Всероссийский учительский съезд.³⁰ И такими доходами располагали, вероятно, до 40% всех интеллигентов — учителя средних школ и младшие преподаватели высших учебных заведений, многие рядовые инженеры и часть городских врачей. А еще примерно столько же (до 40%) интеллигентов имело доходы в 1.5 тыс. р. и меньше, т. е. с трудом сводили концы с концами, бедствовали. Это были учителя начальных школ и многие земские врачи, «илоты» театральной сцены и «неудачливые» служители других искусств, репортеры и демократическое студенчество.

«90% пишущей братии получают меньше наборщиков, врач — меньше водопроводчика, судья — меньше пильщика», — заявлял, несколько утрируя, обозреватель одного из журналов.³¹ Наиболее тяжкие невзгоды, несомненно, переживали рабочий класс и беднейшее крестьянство. Несомненно, однако, и то, что заработки основной массы представителей нижнего слоя интеллигенции и людей, занятых квалифицированным физиче-

²⁸ История Московского университета. М., 1955. С. 372.

²⁹ Петроградские ведомости. 1916. 27 февр.

³⁰ Учитель. 1917. № 1. С. 34.

³¹ Театр и искусство, 1917, № 25, С. 435.

ским трудом, мало отличались. Например, актер петроградских частных театров и, как мы уже знаем, некоторые начинающие актеры императорских театров получали 900 руб. в год, а средняя заработная плата петроградского рабочего в 1916 г. составляла 809 р.³² Но была немалая по численности группа интеллигенции, труд которых, как справедливо отмечали на учительском съезде в начале апреля 1917 г., оплачивался «ниже, чем труд чернорабочих».³³ Речь идет об учителях сельских школ.

Крайний недостаток цифровых данных о доходах интеллигенции придает особую ценность опубликованным материалам обследования положения учителей начальных школ Смоленской губернии, проведенного в декабре 1916 — январе 1917 г. В ходе этого обследования, видимо, организованного по инициативе губернского педагогического общества, на места разослали 3000 анкет, а получили заполненными 820.³⁴ Вот что показало обследование.

По официальным данным, средняя заработная плата народного учителя к началу 1917 г. составляла 600 р. в год (360 р. основной оклад плюс 240 р. прибавки на дороговизну), следовательно — 50 р. в месяц.³⁵ Однако, как показали анкетные обследования, проведенные среди смоленских учителей, последние фактически не получали и 50 р. Всего 46 р. в месяц (552 р. в год) — такова была средняя заработная плата. Причем 65,6% обследованных учителей получали заработную плату в размере 40—42 р. в месяц (480—504 р. в год),³⁶ поскольку оклад зависел от стажа работы, а стаж у большинства учителей был невелик: многие учителя уходили из школ в поисках более высокого заработка. Но и эта мизерная сумма из-за отсутствия денег у земства иногда не выплачивалась по нескольку месяцев.³⁷ «Жизнь каторжная, — читаем в одной из анкет, — полнейшая неудовлетворенность прежде всего с материальной стороны, а

³² Лейберов И. П. На штурм самодержавия. М., 1979. С. 20.— По данным И. П. Лейберова, средняя годовая заработная плата рабочих-металлистов составляла 1262 р., текстильщиков — 613 р. (там же. С. 21).

³³ Биржевые ведомости (утр. вып.) 1917. 9 апр.

³⁴ Учитель, 1917. № 1. С. 29—30.

³⁵ Вестник воспитания. 1917. № 6—7. С. 35.

³⁶ Учитель. 1917. № 1. С. 30—31.

³⁷ Там же. С. 15.

затем уже и с духовной. Материальное положение сельского учителя ниже всякой критики. Приходится голодать в полном смысле этого слова, быть без обуви и одежды, а своих детей оставлять без образования».³⁸

На рубеже 1916—1917 гг. жизнь рядового интеллигента, и городского и сельского, все более отягощалась экономической разрухой. Цены всюду росли, а товары исчезали. Особенно трудным становилось продовольственное положение. Нехватка продуктов в Петрограде и Москве была катастрофической. У лавок и магазинов выстраивались длинные очереди или, как говорили в то время, «хвосты». Во многих квартирах было холодно, так как дрова непомерно подорожали, запасы их оскудели. В Петрограде месячная квартплата возросла в 3—4 раза по сравнению с довоенной.³⁹ Острый недостаток всего жизненно необходимого ощущался и в других городах, ухудшалось положение в деревне. «Жизнь в деревне для лиц, не имеющих земли и собственного хозяйства, — отмечалось в одном из журналов, — немногим в настоящее время легче жизни в крупных городских центрах. При малой охоте крестьян к продаже продуктов за последние приходится переплачивать, и цены на них в глухой русской деревне немногим уступают ценам на столичных рынках. Что же касается цен на одежду, обувь и сахар, то в деревне все эти товары обходятся еще дороже, нежели в крупных городах».⁴⁰

Впрочем, и в этих условиях большая часть интеллигенции, преимущественно городской, не утрачивала вкуса к обычным для интеллигента интересам и занятиям. Это касается не только хорошо обеспеченного слоя интеллигенции, но и тех ее представителей, которые располагали средним или даже скромным достатком. И тут прежде всего нужно отметить, что в годы войны непрерывно увеличивалась страсть к чтению книг.

Побудительные мотивы книголюбия были различны. Одни искали в книгах ответа на «проклятые», заостренные ходом событий вопросы, для других чтение, напротив, становилось способом ухода от этих вопросов, для третьих книга являлась просто развлечением. Наконец, не так уж мало было и тех, которые в условиях роста дороговизны и падения цены бумажных денег рассма-

³⁸ Там же. С. 29.

³⁹ Лейберов И. П. На штурм самодержавия. С. 23.

⁴⁰ Для народного учителя. 1917. № 4. С. 54.

тривали книгу как выгодное место помещения накоплений. Но так или иначе, а по мнению знатоков книжного рынка, в России никогда ранее не было такого спроса на книги, как в 1916 г. «Распродаются книги, лежавшие годами в кладовых и предназначавшиеся к обращению в бумагу. В витринах столичных магазинов выставлены издания, вышедшие 15—20 лет тому назад. Спрашивается всякая книга — легкая, серьезная, специальная».⁴¹ В 1916 г. продажа академических изданий удвоилась по сравнению с 1915 г. и утроилась по сравнению с 1914 г. Скупали и сравнительно дешевые книги и роскошные дорогие издания по истории искусства.⁴² По-видимому, в этом повальном увлечении (не будем учитывать меркантильных «книголюбов») находили выход возросшие душевные и интеллектуальные нагрузки кризисного периода истории.

Небывало активному посещению интеллигентами всевозможных публичных лекций, концертов, театральных спектаклей, художественных выставок тоже трудно дать однозначное объяснение. Если, например, на публичных лекциях в Петрограде был, как в то время говорили, «биток», то он, конечно, не создавался какой-то материальной заинтересованностью. И среди 15 000 (рекордная цифра!) посетителей выставки Союза русских художников в Москве⁴³ подавляющее большинство, несомненно, не принадлежало к числу скупщиков и спекулянтов. Здесь было много чающих посмотреть и послушать, побыть на людях, обменяться новостями, может быть, получить «разрядку». Однако необычайно бойкая распродажа картин⁴⁴ обнаруживала присутствие и спекулянтов. М. В. Нестеров сообщал в письме из Москвы (24 февраля): «Выставки здесь (все без исключения) имели небывалый успех, все на них было продано и деньги платили, говорят, бешеные. Новый меценат пошел — это „герой тыла“. Слышно, покупает этот меценат не в розницу, а гуртом, целыми галереями, и, недолго думая, так же все купленное распродает, наживая большие деньги».⁴⁵

⁴¹ День. 1917. 5 янв.

⁴² Там же. — Такие издания, как «Господин Великий Новгород», «Дворцы в России», «Русское театрально-декоративное искусство» стоили по 100—160 рублей (см.: Нива. 1917. № 6. С. 113).

⁴³ Искусство. 1917. № 1—2. С. 24.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Нестеров М. В. Из писем. Л., 1968. С. 217.

Театры, лишавшиеся призываемых в армию актеров и испытывавшие нужду в самом необходимом (грим, технические средства и пр.), снизили художественный уровень постановок. Тем не менее они имели превосходные кассовые сборы. В Александринском и Михайловском театрах сборы сезона 1916/17 г. превзошли сборы предшествовавшего сезона на 134 тыс. р.⁴⁶ Большой и Малый театры в Москве в сезон 1916/17 г. тоже значительно увеличили кассовый сбор.⁴⁷ Правда, за годы войны состав зрителей несколько изменился. В театральных залах появился уже упомянутый «герой тыла» или «беженец» — нувориш, сколачивавший капитал на поставках военному ведомству, на спекулятивных махинациях. По воспоминаниям Я. О. Малютина, новый зритель успешно внедрялся в первые ряды партера.⁴⁸ В. А. Теляковский, хорошо знавший положение, отмечал: «...большинство публики, посещавшей императорские театры в Москве и Петербурге, состояло из дворянства среднего достатка, интеллигенции, чиновничьего мира, купечества и учащейся молодежи». ⁴⁹ Не пустовали и частные театры и театрики, а также кинематографы, где среди зрителей было немало людей с низкими доходами.

...19 января 1917 г. в Мариинском театре шла премьера оперы «Фенелла». Действие оперы было связано с революционными событиями 1830 г. в Брюсселе. На премьере присутствовал главноуправляющий собственной его величества канцелярии А. С. Танеев. В антракте он сказал скрипачу оркестра В. Г. Вальтеру: «Если сегодня вспыхнет революция, вы мне скажите, я лучше уйду раньше конца оперы». ⁵⁰ Это была шутка. Но так шутят в беспокойное время...

Да, на рубеже 1916—1917 гг. предгрозовая политическая атмосфера ощущалась достаточно явственно. Имеющиеся в распоряжении историка данные показывают, что и гражданское чувство, и профессиональные заботы, и материально-бытовые условия восстанавливались, очевидно, как никогда прежде, большую часть

⁴⁶ Театр и искусство. 1917. № 20. С. 332.

⁴⁷ Волков Н. Мейерхольд. Т. 2: 1908—1917. М.; Л., 1929. С. 472.

⁴⁸ Малютин Я. О. Актеры моего поколения. М.; Л., 1959. С. 331.

⁴⁹ Теляковский В. А. Воспоминания. С. 77.

⁵⁰ Волков Н. Мейерхольд. Т. 2. С. 460.

интеллигенции против господствовавших в стране порядков. Но в какие формы отливало недовольство интеллигентской массы? Готова ли она была к активному участию в борьбе за свержение царизма? Сначала о двух важных обстоятельствах, помогающих найти ответ.

Накануне Февральской революции интеллигенция была почти столь же слабо организована, что и накануне первой российской революции. Уже отмечалась незначительность участия интеллигенции в жизни политических партий. Профессионально-политические союзы интеллигенции (союзы учителей, инженеров, врачей, адвокатов и пр.), активно действовавшие в 1905—1906 гг., после поражения революции и возобновления гонений со стороны властей либо вовсе прекратили существование, либо были тщательно «законсервированы», не подавая никаких видимых признаков жизни. Оставались различные общества — научные, художественные и др. Некоторые из них, например Пироговское, педагогическое, театральное, формально имели в своем составе много членов, пользовались известностью, авторитетом. Функционировали общества и помельче, а подавляющее большинство по существу представляли собой узкие кружки. Таких объединений в стране имелось много сотен, возможно, не одна тысяча. В Петрограде только научно-технических и технических обществ насчитывалось — 23,⁵¹ а художественных обществ — не менее полусотни. Народные учителя к 1916 г. создали в стране 301 общество, в том числе 3 всероссийских, 72 губернских, 59 городских и 133 школьных.⁵² Но дело-то было в том, что все эти многочисленные объединения не имели общественно-политических функций и не давали или почти не давали выхода соответствующим настроениям. Как правило, в обществах обсуждались узкокорпоративные «текущие» дела, часть же художественных кружков имела богемный характер. К тому же царские власти с конца 1916 г. держали курс на ужесточение полицейского надзора. Дело дошло до того, что в Москве запретили намеченные собрания детских врачей, политехнического общества, фельдшеров зубоврачебной школы и др.⁵³

⁵¹ ЦГИА СССР, ф. 691 (В. П. Семенников), оп. 1, д. 21, л. 13.

⁵² *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917—1920. М., 1958. С. 61.

⁵³ *Дякин В. С.* Русская буржуазия и царизм. С. 259.

В таких условиях основной формой общения интеллигентов для обсуждения больших проблем стали встречи знающих друг друга людей на квартирах. Одной из самых посещаемых «явок», на которой, помимо партийных деятелей различных направлений, бывали и политически активные беспартийные представители интеллигенции, являлась петроградская квартира А. М. Горького на Кронверкском проспекте. Там же, где интеллигенты трудились не в одиночку, предпринимались попытки создать некое подобие «клубов». Вот что поведал об этом журнал «Русская школа» вскоре после победы Февральской революции.

«Новая жизнь захватила петроградского учителя в то время, когда он, в своей массе, жил в полном разброде и в одиночном почти заключении: дремал в своей каморке и не проявлял даже признаков тяготения к общественной деятельности. И когда невольно стало жить в атмосфере государственного цинизма старого режима, когда тревоги войны и события в „сферах“ невольно гнали из уединения, стали организовываться учительские клубы из членов одной школы или нескольких немногих школ — для чаепития, разговоров... Таящие в себе огонь жизни (революционные агитаторы. — О. З.) работали втихомолку, в одиночку вынимали камень за камнем из фундамента романовского „дворца“, и один работник не знал, что делает другой, его товарищ, за спиной, как и чем живет он». ⁵⁴ Впрочем, добавляет автор журнальной статьи, и в «клубах» и в педагогических советах «кипели как-то мелко», в основном по поводу намечавшихся бюрократических реформ школьного дела и минимума заработной платы. ⁵⁵ Вероятно, мало чем отличалось положение дел и общественных настроений среди инженеров, врачей.

Дезорганизация царила среди земского «третьего элемента». По оценке съезда представителей союзов земских служащих, состоявшегося в июне 1917 г., профессиональные объединения земских учителей, врачей, агрономов за годы войны были «местами почти сведены на нет или всецело отвлечены другой работой». В то же время повсеместно усилилась власть бюрократии, «сильно гипертрофировались управления и канцелярии». ⁵⁶

⁵⁴ Русская школа. 1917. № 1. С. 29.

⁵⁵ Там же. С. 30.

⁵⁶ Врачебная жизнь. 1917. № 1. С. 5.

Другое важное обстоятельство, характерное для жизни интеллигенции, заключалось в отдаленности немалой части ее от народа, от рабочей и крестьянской массы. Конечно, по сравнению с XIX в., с дворянским и разночинским периодами русского освободительного движения многое изменилось. Интеллигенты, перешедшие на сторону рабочего класса, тем самым установили тесную связь с народом и прежде всего с пролетариатом. Одной из форм связи передовой, прогрессивной части творческой интеллигенции с народом было ее активное участие в культурно-просветительной работе, которая велась через общества распространения образования в народе, Общество народных университетов и др. В этих обществах читали лекции, вели занятия, вероятно, несколько сот интеллигентов, а слушателями их были тысячи рабочих.⁵⁷ И все же давняя, трудная, порой принимавшая характер подлинной трагедии проблема единения интеллигенции и народа была не решена и не могла быть решена в рамках буржуазного общества. Значительное различие в образе жизни и круге интересов, образовании и воспитании, традициях и привычках давало о себе знать. В. И. Ленин считал правильной точку зрения, согласно которой интеллигент, стоящий на почве буржуазного общества, находится в определенном антагонизме (не в экономическом, а в настроении и мышлении) к пролетариату.⁵⁸

Выше рассматривалось положение учителей начальных школ, народных учителей — так их называли. Казалось бы, какой другой отряд интеллигенции мог быть ближе к народной массе? Если сельский учитель по происхождению был крестьянином, принадлежал к интеллигенции («полуинтеллигенции») «крестьянского звания», то проблем не возникало, ибо, по замечанию В. И. Ленина, этих людей тысячи нитей связывали с крестьянством.⁵⁹ Но учителя иного «звания» чувствовали себя, как правило, очень одинокими. Отнюдь не выделяясь среди крестьян материальным достатком, учитель оставался для многих окружающих «барином». Несколько утрируя (были же исключения!), журнал «Ве-

⁵⁷ См.: *Клейнбот Л. М.* Очерки рабочей интеллигенции. Пг., 1923. Т. 1: (1905—1916 гг.). С. 25—31.

⁵⁸ См.: *Ленин В. И.* Шаг вперед, два шага назад // Полн. собр. соч. Т. 8. С. 310.

⁵⁹ *Ленин В. И.* Новая демократия // Там же. Т. 22. С. 303.

стник воспитания» сообщал: «В деревне, где, кроме одной земской школы, нет других просветительных учреждений, живется тяжело, одиноко, оторванно от людей своего положения, отчужденно от крестьянского населения. Учитель и особенно учительница для деревни все еще „чуж чуженин“. Нет взаимности, нет точек соприкосновения в практической жизни, нет общности интересов. Школа и только школа заполняет с утра до вечера все время учителя...»⁶⁰

О достижении единения с народом мечтало не одно поколение передовой русской интеллигенции. Мечтало, размышляло, спорило. «С екатерининских времен проснулось в русском интеллигенте народолюбие, и с той поры не оскудевало. Собирали и собирают материалы для изучения „фольклора“; загромождают книжные шкафы сборниками русских песен, былин, легенд, заговоров, причитаний; исследуют русскую мифологию, обрядности свадеб и похорон; печалуются о народе; ходят в народ, исполняются надеждами и отчаиваются; наконец, погибают, идут на казнь и на голодную смерть за народное дело. Может быть, наконец, *поняли даже душу народную*; но как поняли? Не значит ли понять *все* и полюбить *все* — даже враждебное, даже то, что требует отречения от самого дорогого для себя, — не значит ли это *ничего* не понять и *ничего* не полюбить». ⁶¹

Это — начальный абзац статьи А. А. Блока «Народ и интеллигенция», статьи, наделавшей в свое время, в 1909 г., много шума, породившей жаркие споры и ставившейся особенно актуальной к началу 1917 г. В основу статьи был положен доклад Блока «Россия и интеллигенция», с которым он выступил в ноябре и декабре 1908 г. в Религиозно-философском и в Литературном обществах. Судя по тексту статьи, Блок говорил о разделенности народа и интеллигенции, о непонимании ими друг друга, о тонкости той «соединительной черты», на которой «сходятся и сговариваются те и другие». ⁶² Поэт предупреждал: «Гоголь и многие русские писатели любили представлять себе Россию как воплощение тишины и сна; но сон этот кончается; тишина сменяется отдаленным и возрастающим гулом, не похожим на смешанный городской гул. Тот же Гоголь пред-

⁶⁰ Вестник воспитания. 1917. № 6—7. С. 159.

⁶¹ Блок Александр. Собр. соч., т. 5. М.; Л., 1962. С. 322.

⁶² Там же, С. 327—328.

ставлял себе Россию летящей тройкой. „Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ”. Но ответа нет, только „чудным звоном заливаются колокольчик”. Тот гул, который возрастает так быстро, что с каждым годом мы слышим его ясней и ясней, и есть „чудный звон” колокольчика тройки. Что, если тройка, вокруг которой „гремит и становится ветром разорванный воздух”, — *летит прямо на нас?* Бросаясь к народу, мы бросаемся прямо под ноги бешеной тройке, на верную гибель». ⁶³

В докладах и статье Блока (статью он повторно опубликовал в феврале 1918 г.) отразились мучительные искания смысла жизни интеллигента, его пути к народу. Поэт был предельно искренен и честен, свои мысли и чувства он обрисовал чрезвычайно впечатляюще. Но в суждениях, от которых веяло безысходностью, имелись и слабости. И дело было не только в отсутствии классовых оценок явлений. Те, кто слушал доклады и читал статью Блока в 1908—1909 гг., и сами в подавляющем большинстве не понимали или не принимали классовых оценок. Но они ожидали конкретного анализа, научных или наукообразных доказательств, а услышали крик мятущейся души. Опубликованные отчеты о заседании Литературного общества ⁶⁴ показывают, что выступление Блока задело за живое. Присутствовавшие в зале писатели, публицисты, критики почти единодушно обрушились на докладчика, обвиняя его в бездоказательности суждений, ненаучности, наивности, декаденстве и пр. В. Г. Короленко, председательствовавший на заседании, примирительно заявил, что он не отрицает существования грани между народом и интеллигенцией, но полагает, что эта грань становится все уже и наступит время, когда она исчезнет. «Вопрос, поставленный Блоком, его мучительные переживания, — говорил Короленко, — старые, как мир. Ибо „раскололся мир, и трещина прошла по сердцу поэта”». ⁶⁵

Блок с достаточным на то основанием не считал себя поверженным в ходе дискуссии. Он открыто и прямо, не как ученый, а как художник слова, не аналитически, а образно указал на тяжкий недуг интеллигенции своего времени. «Я говорил в Литературном обществе: хочу сказать только в защиту не свою, а своей темы, — отме-

⁶³ Там же.

⁶⁴ См.: Речь. 1908. 14 нояб.; Слово. 1908. 14 нояб.

⁶⁵ Слово. 1908. 14 нояб.

чал Блок в «Записных книжках». — Она слишком вечна, слишком громадна, слишком не нова. Будто Толстой или Успенский не задавали себе тех же проклятых вопросов, и тоже в форме, не удовлетворяющей требованиям науки. Я не умею ответить, *в чем* пропасть, ни определить, *что такое* народ и интеллигенция. Верю, что кто хочет понять, — поймет. Пусть никто не отвечал мне полностью; но все, я уверен, или мучились, или будут мучиться тем же вопросом. Я заключаю об этом по возбужденности сегодняшних речей». ⁶⁶ Немало из тех, которые «обиделись» на Блока за указание на оторванность от народа, через десяток лет мучились и додумывали всю проблему уже в эмиграции.

Профессор Петроградского и Московского университетов, член Государственного совета И. Х. Озеров в своих воспоминаниях в послеоктябрьский период горько сетовал на то, что он и вообще «русская интеллигенция прежнего времени», люди его круга, «оторвались от жизни», занимались «большими вопросами», считали «ниже себя» интересоваться «вопросами маленькими», «чухломой», повседневной жизнью народа, а они-то, эти вопросы «были, пожалуй, поважнее разных книжек». «И мы, — в драматической тональности продолжал Озеров, — были с завязанными глазами и стояли на краю обрыва, не зная этого... Мы лишены были сейсмографических станций, которые регистрировали бы подземные толчки, как результат каких-либо разных процессов, происходивших там, внутри, где накапливались ярость и народный гнев». ⁶⁷

А теперь, имея в виду эти два характеризующих интеллигенцию обстоятельства (очень слабая организованность и отъединенность значительной части ее от рабочих и крестьянской массы), вернемся к поставленным выше вопросам о конкретных формах проявления недовольства интеллигенции существовавшим строем и о ее готовности к участию в революционном перевороте.

Сводки сведений о настроениях населения, составленные охранным отделением и департаментом полиции в конце 1916 — начале 1917 г., рисуют впечатляющую

⁶⁶ Блок Александр. Записные книжки: 1901—1920. М., 1965. С. 125—126.

⁶⁷ Озеров И. Х. Воспоминания // Отдел рукописей и редкой книги Гос. публич. б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (в дальнейшем: ОР ГПБ), ф. 541, д. 4, л. 41.

картину роста недовольства, раздражения, возмущения, резкого падения авторитета власти, отсутствия былого страха перед нею. Быстрее всего росло недовольство в столицах. «Сравнение настроения населения Петрограда и Москвы и отношения его к центральному правительству в данное время и в период 1905—1906 гг. устанавливает, что теперь оппозиционность настроений достигла таких исключительных размеров, до которых она далеко не доходила в широких массах в упомянутый период. Вся тяжесть ответственности за переживаемые родиной невзгоды возлагается ныне уже не только на правительство, в лице Совета министров, но даже и на верховную власть», — отмечалось в октябрьской сводке сведений.⁶⁸ Перед рождеством, сообщала охранка, подъем волны недовольства привел к тому, что «население открыто (на улицах, в трамваях, в театрах, в магазинах и пр.) критикует в недопустимом по резкости тоне все правительственные мероприятия». ⁶⁹ Доставалось не только министрам. В очередном донесении охранки говорилось: «В семьях лиц, мало-мальски затронутых политикой, открыто и свободно раздаются речи опасного характера, затрагивающие даже священную особу государя императора...» ⁷⁰ В этой «работе языка» интеллигенция была на первых ролях. Даже дети интеллигентов, ученики старших классов, были «в оппозиции к правительственной власти, критиковали при случае ее действия, презрительно относились к царской чете, издевались над невероятными эпизодами „распутинства“». ⁷¹

Раздражались, критиковали, осуждали, добираясь даже до «священной особы»... А что же дальше? Каким представлялся исход? Известные нам источники дают различную и даже противоречивую оценку умонастроений. Попытаемся разобраться в них.

Охранка уже в октябре 1916 г. доносила, что «буквально во всех слоях населения» выражают определенную уверенность в том, что «мы накануне крупных событий», в сравнении с которыми «1905 год — игрушка». ⁷² «Атмосфера ужасная. Нервы безобразно натяну-

⁶⁸ Буржуазия накануне Февральской революции. М.; Л., 1927. С. 136.

⁶⁹ Там же. С. 170.

⁷⁰ Там же. С. 174.

⁷¹ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 49.

⁷² Буржуазия накануне Февральской революции. С. 129.

ты», — отмечал в конце ноября А. М. Горький.⁷³ В январе — феврале 1917 г. настроение достигло крайней степени нервозности. По сведениям охраны, среди населения, прежде всего среди интеллигенции, циркулировали хаотические слухи и толки «как о намерениях правительственной власти (в смысле принятия различного рода реакционных мер), так равно и о предположениях враждебных этой власти групп и слоев населения (в смысле возможных и вероятных революционных начинаний и эксцессов). Все ждут каких-то исключительных событий и выступлений как с той, так и с другой стороны». ⁷⁴ С. А. Унковская, преподававшая в школе неподалеку от Твери, свидетельствовала: «В конце 1916 г. и начале 1917 г. газеты приходили все тревожнее и тревожнее». ⁷⁵

В представлении петроградских интеллигентов — и представлении правильном — «стороной», готовой к революционным выступлениям, — были студенты и особенно рабочие. Настроение рабочих, подчеркивала охранка, «вызывает у всех исключительное внимание». ⁷⁶ Выступления рабочих, забастовки на заводах, как будто порождали — это обнаруживалось все очевиднее — сочувствие, но в то же время — и беспокойство. Первой непосредственной реакцией обывателя, в том числе интеллигентского, на слухи о выступлениях рабочих были давка у трамвайных вагонов («уехать, пока трамваи ходят!»), спешная закупка продуктов впрок, ⁷⁷ одобрительное отношение к распоряжению полиции запираť ворота и подъезды. Геолог Д. И. Мушкетов сообщил в своем дневнике (хорошо сохранившемся, обстоятельном) о такой «популярной» (и явно не выдуманной!) мере предосторожности, как наполнение водой ванн «на случай порчи водопровода». ⁷⁸ Некоторые в связи с «предстоящими катастрофическими событиями» поговаривали о надобности уехать из столицы подальше, «в более спо-

⁷³ Архив А. М. Горького. Т. 9: Письма к Е. П. Пешковой: 1906—1932. М., 1966. С. 190.

⁷⁴ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 161.

⁷⁵ Унковская С. А. Моя жизнь: Воспоминания учительницы // ОР ГПБ, ф. 1007, д. 6, л. 695.

⁷⁶ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 162, 172.

⁷⁷ Там же. С. 187.

⁷⁸ Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник // ОР ГПБ, ф. 503, д. 311, л. 25.

койные места». ⁷⁹ Особенно много треволнений было накануне предполагавшихся демонстраций и забастовок 14 февраля. Ожидание «исключительных событий» несомненно получило широкое распространение. По воспоминаниям А. Н. Бенуа, нечто похожее имело место в январе 1905 г. ⁸⁰ Какая-то часть интеллигенции несомненно ожидала революционного переворота. Другие констатировали: «Никаких предвестников этого переворота не было в средней школе до момента его наступления». ⁸¹ «О том, что революция совсем близко, мне не приходилось слышать», — писала в своих воспоминаниях А. Ф. Пешехонова (жена А. В. Пешехонова). ⁸² О. А. Ерманский вспоминал, что за две — три недели до начала революции на квартире А. М. Горького состоялось совещание «революционных кругов» — в основном представителей мелкобуржуазных партий, организаций и групп, связанных преимущественно со столичной интеллигентской публикой. «Беседа на этом собрании сосредоточилась вокруг вопроса о настроении в рабочих массах и других слоях населения. Высказывались все, и никто не сообщал о таких настроениях, которые бы заставляли ожидать скорого взрыва революции, никто не высказывал никаких таких ожиданий. Единственный участник собрания, который дал сведения, отдаленно напоминающие относительно таких перспектив, был хозяин квартиры: Горький сообщал об оппозиционных настроениях в военных кругах... выразивших готовность „защитить“ Государственную думу, если царизм объявит о ее роспуске». ⁸³

А. М. Горький, в ту пору разделявший наиболее радикальные требования либеральной оппозиции царизму, искал в либерально-интеллигентской среде какие-то признаки готовности к активным действиям. Но надежды оказывались напрасными. Строки одного из его писем конца октября 1916 г. пронизаны разочарованием и едкой иронией: «Живем „на авось“. Главным образом надеемся на Николая Угодника, епископа Мир Ликийских. Сами ничего не делаем. Наиболее умные люди пола-

⁷⁹ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 163.

⁸⁰ Бенуа Александр. Мои воспоминания. М., 1980. Кн. 4. С. 420.

⁸¹ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 49.

⁸² Пешехонова А. Ф. Былое: Воспоминания 1905—1919 гг. // ОР ГПБ, ф. 581, д. 70, л. 96.

⁸³ Ерманский О. А. Из пережитого: (1887—1921). М.; Л., 1927. С. 136—137.

гают, что устроит нас по-хорошему не Никола, а — история. Но история для них тоже своего рода чудотворец, независимый от влияния умов и волей человеческих. Так что и они — ничего не делают. В общем — скучно, хотя и тревожно. Но — мы привыкли. Главное — ничего не делать, чтобы не ошибиться, ибо всего больше и лучше на Руси делают ошибки». ⁸⁴

Вероятно, А. М. Горькому не раз доводилось сталкиваться с умниками, прикрывающими безответственную беспечность и лень мысли примерно такими «философско-историческими» разглагольствованиями: «Мы вот говорим: страна стоит перед пропастью. Но переберите историю: нет такого дня, чтобы эта страна не стояла перед пропастью. И все стоит». ⁸⁵ Эти умники либо вовсе не слышали гула летящей «тройки», либо, услышав, испуганно затыкали уши.

Подобные умонастроения имели своими истоками, помимо прочего, некоторые традиционные свойства натуры российских интеллигентов, свойства, тонко подмеченные В. И. Лениным: склонность «рассуждать» о необходимости что-то сделать, решать вопросы «принципиально», рисовать схемы, «оперировать с общими словами и понятиями», предоставляя возможность действовать другим. ⁸⁶ Эта интеллигенция, писал Владимир Ильич, была «большей частью немножко по-русски халатной и неповоротливой». ⁸⁷

Анализируя позицию интеллигенции в каком-либо общественно-политическом вопросе, В. И. Ленин всегда указывал на решающее значение социальных факторов. И в данном случае, руководствуясь ленинской методологией, не забудем, что речь идет не «вообще» о российской, а о российской *буржуазной и мелкобуржуазной* интеллигенции, что в основе основ ее политического поведения и психологического состояния, осужденных Горьким, была социальная, классовая принадлежность.

За упомянутыми проявлениями умонастроений, в том числе за раздражавшим активные личности «ничегоне-

⁸⁴ Архив А. М. Горького. Т. 14: Неизданная переписка. М., 1976. С. 149 (письмо М. Н. Покровскому).

⁸⁵ Из статьи, опубликованной 6 февраля 1917 г. московской буржуазно-либеральной газетой «Утро России» (цит. по: *Дьякин В. С. Русская буржуазия и царизм*. С. 317).

⁸⁶ См.: *Ленин В. И.* 1) О реорганизации партии // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 92; 2) Памяти графа Гейдена // Там же. Т. 16. С. 40.

⁸⁷ *Ленин В. И.* Что делать? // Там же. Т. 6. С. 133.

деланием», таилось неприятие революции. Для многих интеллигентов революция была неприемлема главным образом потому, что она означала бы выход на авансцену «непросвещенных», действующих стихийно, инстинктивно или попавших под влияние крайне левых политических сил народных масс — рабочих, солдат, крестьян, т. е. широких масс народа, связь с которыми у них была слабой. И. В. Гессен, В. Б. Станкевич и некоторые другие современники, хорошо знакомые с позицией буржуазной интеллигенции, именно на эти причины ее антиреволюционности указывали со всей определенностью.⁸⁸

Был еще один очень важный фактор, порождавший в среде большей части буржуазной интеллигенции и среди некоторых мелкобуржуазных интеллигентов сумятицу мыслей и чувств, — война. Она, по их мнению, ожесточила, озлобила «низы», она же навязала миллионам озлобленных оружие. Как они используют оружие в революции, будут ли разборчивы в применении его? Не приведет ли внутренняя «смута» к разложению армии и военной катастрофе, к захвату обширной территории страны кайзеровскими войсками, к распаду российского государства? Поэтому, рассуждали многие интеллигенты, как ни несносен прогнивший самодержавный строй, ликвидировать его следует насколько возможно «аккуратно», не вызывая губительных потрясений. А отсюда было рукой подать до вывода о предпочтительности верхушечного, дворцового переворота со сменой лиц на престоле и в министерских креслах. Потому-то они так жадно ловили и муслировали слухи о переменах «наверху», о заговоре, о новых убийствах (по типу убийства Распутина), о далеко идущих намерениях лидеров Государственной думы.⁸⁹ Потому-то они охотно верили утверждениям кадетских деятелей о том, что все массовые «беспорядки» в стране и столице — всего лишь результат злокозненных действий царских властей, сознательно провоцирующих массы ради последующей расправы не только с революционерами, но и с либеральной оппозицией.

⁸⁸ Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 354; Станкевич В. Б. Воспоминания: 1914—1919. Л., 1926. С. 30.

⁸⁹ См.: Буржуазия накануне Февральской революции. С. 161, 170, 173—175.

Для обоснования неприемлемости революционного выхода из сложившегося положения изыскивались различные аргументы, в том числе «практически-политические», основанные на доктринерски-кабинетном анализе действительности. Это было характерно преимущественно для представителей верхнего слоя интеллигенции. Например, на состоявшемся 21 или 22 февраля 1917 г. совещании либерально настроенных интеллигентов «согласно порешили», что вооруженное восстание при современных видах оружия (бронемашины, пулеметы, артиллерия), путях сообщения (железные дороги) и средствах связи (телеграф, телефон) обречено-де на поражение и поэтому «единственным выходом является дворцовый переворот, сопровождаемый, пожалуй, даже царевубийством». ⁹⁰

Желание избежать болезненных ломок, кровопролития и разрушений само по себе естественно для основной массы людей. Ведь и большевики в противоположность левозэкстремистским элементам вовсе не являлись безоговорочными приверженцами вооруженного насилия. Пролетариат и пролетарская интеллигенция принципиально предпочитают, насколько возможно, мирное совершение и развитие революции. В. И. Ленин четко указывал на это уже в 1899 г. ⁹¹ Вернувшись к оценке альтернативных путей развития революции в 1917 г., Ленин снова подчеркнул, что мирное развитие, «конечно, наиболее желательно». ⁹² Но ведь не все желательное осуществимо. Активное противодействие правящих эксплуататорских классов и их власти назревшим преобразованиям, применение ими насилия к борющимся за свои жизненные интересы народным массам делают мирный путь развития революции исторически редко осуществимым, вынуждают рабочий класс и его союзников в соответствующих условиях прибегать к вооруженной борьбе. Программа действий партии большевиков основывалась на многократно доказанном — невозможности «мирной» ликвидации самодержавного строя. А в 1914 г. основным лозунгом партии было превращение войны империалистической в войну гражданскую. При этом большевики имели в виду глубокие социально-

⁹⁰ Русская свобода. 1917. № 3. С. 21, 22.

⁹¹ См.: Ленин В. И. Попятное направление в русской социал-демократии // Полн. собр. соч. Т. 4 С. 264.

⁹² Ленин В. И. К лозунгам // Там же. Т. 34, С. 11.

экономические и политические преобразования, достигимые лишь при условии вовлечения в борьбу широких масс во главе с рабочим классом. А буржуазная интеллигенция, в большинстве своем настроенная против царизма, отрицала историческую роль пролетариата, боялась вооруженной борьбы и «массовых беспорядков». Часть демократически настроенной интеллигенции не испытывала большой тревоги, даже предпочитала, чтобы ожидаемое свершилось поскорее. «Станут поезда, не будет и моих писем, узнаешь о событиях, еще более серьезных, — не тревожся. Все будет хорошо», — читал «в полном веселья» письмо, отправленном ему из Петрограда в январе 1917 г., писатель Е. Г. Лундберг.⁹³ Подобные свидетельства по сравнению с рассмотренными выше редки, но это не означает, что оптимисты численно настолько же уступали преисполненным тревогой. Определенные пропорции установить невозможно, но несомненно одно: последние не составляли абсолютного большинства, особенно на периферии, вдали от эпицентра общественных потрясений. Здесь же упомянем еще одно существенное: главным потенциальным источником рисовавшихся в воображении буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов катастрофических «беспорядков» была солдатско-крестьянская масса. К выступлениям же рабочих, как отмечалось, многие относились не без сочувствия и одобрения.

Очень важно и то, что такая значительная группа интеллигенции, как студенчество, которое В. И. Ленин называл самой отзывчивой ее частью,⁹⁴ не только не занимала позицию сочувствующего или встревоженного наблюдателя, а проявляла готовность к активному участию в революционных событиях. Студенчество по составу не было однородной массой.⁹⁵ Однако и выходцы из привилегированных социальных слоев общества обладали двумя незаменимыми, многозначными качествами — они были молоды и, как никто из интеллигентов, испытывали влияние коллектива. Это и предопределяло

⁹³ Лундберг Е. Записки писателя: 1917—1920. Л., 1930. С. 7.

⁹⁴ Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 343.

⁹⁵ О социальном составе петроградского и московского студенчества см.: Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. Л., 1968. С. 13—14; История Ленинградского университета: 1819—1969: Очерки. Л., 1969. С. 140; Очерки по истории Московского университета // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 50. С. 35.

отзывчивость студенческой массы, хотя социальное расслоение при определенных условиях неизбежно давало о себе знать. Но в рассматриваемый период учащая молодежь спланивало общее недовольство существовавшим строем. Имели значение и все ухудшавшиеся условия жизни и учебы.⁹⁶

Готовность студенчества к активным выступлениям созрела в конце 1916 г. Полицейские власти прозевали этот процесс. В октябрьском докладе охраны лишь указывалось на озлобление студенческой массы мобилизацией в армию, занятость студентов квартирным вопросом (подыскание помещений для жилья), продовольственными хлопотами (проблемы питания).⁹⁷ Правда, охранка предупредила, что «пассивное теперь настроение широких масс студенчества свободно может смениться какими-либо активными революционными действиями». ⁹⁸ Но в общем контексте доклада это выглядело лишь как стремление перестраховаться «на всякий случай».

Между тем революционное брожение в студенческой среде усиливалось с недели на неделю, причем не только в столицах, но и на периферии — в Харькове, Казани, Саратове.⁹⁹ В Петрограде брожению, несомненно, способствовала деятельность Объединенного комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений, в которых состояло до 150 студентов.¹⁰⁰ Вообще, петроградские студенты политически были заметно активнее, чем, например, московские, среди которых, по словам одного журнала, преобладала «академическая струя». ¹⁰¹ В Петрограде резкая вспышка студенческих волнений произошла в середине февраля 1917 г.

Согласно докладу столичного охранного отделения, 11—13 февраля в помещении Психоневрологического ин-

⁹⁶ *Купайгородская А. П.* Петроградское студенчество и Октябрь // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С. 242—243.

⁹⁷ Политическое положение России накануне Февральской революции в жандармском освещении // Красный архив. 1926. Т. 4. С. 31—32.

⁹⁸ Там же. С. 33.

⁹⁹ *Шалагинова Л. М.* Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции // Вопросы истории КПСС. 1967. № 2. С. 105.

¹⁰⁰ Очерки истории Ленинградской организации КПСС. Т. 1: 1883—1917. Л., 1980. С. 304.

¹⁰¹ Вестник студенчества. 1917, № 8—9, С. 5.

ститута состоялась многолюдная и бурная сходка студентов, обсуждавшая вопрос об участии 14 февраля в демонстрации для «выражения протеста по поводу продолжения войны и с требованиями смены министерства и изменения системы управления в государстве». ¹⁰² 14 февраля агитация за участие в уличных выступлениях возобновилась, причем речь шла явно не об организуемом меньшевиками и эсерами шествии к Таврическому дворцу, а о поддержке рабочих демонстраций. В тот день по призыву большевиков забастовало около 90 тыс. рабочих, их колонны с революционными лозунгами появлялись на Невском. Сюда-то и звали студентов агитаторы из их собственной среды. Дело принимало весьма серьезный характер, ибо, по полицейским сведениям, в городе функционировали «студенческие организационные группы», на заседаниях которых присутствовали молодые офицеры, главным образом прапорщики. ¹⁰³ По-видимому, эти офицеры были недавно мобилизованными студентами.

Агитация за уличные выступления велась с неодинаковым успехом. По донесению университетского начальства, 14 февраля в первом часу дня в большом коридоре университета (около аудитории № 10) состоялся митинг 200—250 студентов, принявший решение о забастовке, которую предлагалось провести без применения обструкции в аудиториях. ¹⁰⁴ Раздавались призывы присоединиться к рабочим-демонстрантам. Однако призывы не встретили общей поддержки. Лекции и семинарские занятия, как спешило заверить университетское начальство, в тот день «продолжались беспрепятственно, хотя и при меньшем, чем обыкновенно, числе слушателей». ¹⁰⁵ В некоторых же институтах студенты откликнулись на призывы агитаторов активнее. Во всяком случае, днем на Невском при энергичном участии прапорщиков трижды делались попытки организовать демонстрационные колонны. Возбужденные группы студентов распевали «Марсельезу». ¹⁰⁶

Революционное брожение не утихало и в последующие дни. Продолжались толки о новых демонстрациях,

¹⁰² Буржуазия накануне Февральской революции. С. 188.

¹⁰³ Там же. С. 187.

¹⁰⁴ Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 2. С. 39.

¹⁰⁵ ЛГИА, ф. 14 (Петроградский университет), оп. 27, д. 64, л. 1

¹⁰⁶ Буржуазия накануне Февральской революции. С. 188.

то и дело возникали инциденты в аудиториях. Настроения студентов имели ярко выраженную антиправительственную и антивоенную окраску. Те преподаватели, которые придерживались консервативных взглядов, попадали в нелегкое положение. Так, известный своими шовинистическими убеждениями профессор Петроградского университета П. П. Жигалин, явившись 15 февраля на лекцию, посвящавшуюся им определению целей войны, застал в аудитории необычно большое количество слушателей. Тут же выяснилось, что неожиданный наплыв студентов объяснялся принятым решением устроить профессору обструкцию. Лекция была сорвана.¹⁰⁷

И хотя в этой книге мы рассматриваем позицию буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, следует напомнить об интеллигентах-революционерах, перешедших на сторону рабочего класса, находившихся в рядах партии большевиков или близко к ней примыкавших. Эти интеллигенты активно боролись за победу революции, звали за собой народные массы. Такими были — кроме В. И. Ленина и его ближайших соратников по партии — В. В. Воровский, В. А. Карпинский, Г. М. Кржижановский, П. Н. Лепешинский, М. С. Ольминский и др. Они, будучи революционерами и интеллигентами, заглядывали вперед и готовились отдавать свои знания освобожденной от гнета самодержавия родине, народу. Например, А. В. Луначарский, находившийся в эмиграции, жил надеждой «на скорый взрыв революции» и поэтому, по словам самого Анатолия Васильевича, накануне ее «начал лихорадочно заниматься вопросами педагогики и школьного строительства на всех ступенях народного образования, а равно рабочими клубами и т. п., ибо пришел к полной уверенности, что скоро придется поехать на родину, и что работать надо будет, конечно, в этой наиболее близкой мне области».¹⁰⁸

А теперь подведем некоторые итоги.

Вся буржуазная и мелкобуржуазная русская интеллигенция, за исключением совсем небольшой части ее, сознательно связавшей себя с придворными кругами, была заинтересована в ликвидации самодержавного строя, в замене его по крайней мере конституционной монархией. Политическая свобода и демократизация об-

¹⁰⁷ ЛГИА, ф. 14, оп. 27, д. 64, л. 1.

¹⁰⁸ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления, М., 1968. С. 141.

щественных порядков, улучшение материальных условий жизни и условий для творческого труда, для применения своих профессиональных знаний не могла не манить. Поэтому демократически настроенная интеллигенция, в первую очередь ее нижние и средние слои, потенциально являлась одним из резервов надвигавшейся буржуазно-демократической революции. К такому выводу побуждал и исторический опыт 1905 г. Но имелись и серьезные сдерживающие начала объективного и субъективного свойства. Они были закономерным порождением сложных социально-экономических процессов предшествовавших лет, процессов дальнейшего развития монополистического капитализма в России. В. И. Ленин, дополнительно проанализировав в 1915—1916 гг. сущность империализма, пришел к глубокому обоснованному заключению, что между революционными кризисами в России периодов первой русской революции и мировой войны — «громкая разница». ¹⁰⁹

В конечном счете позиция интеллигенции определялась расстановкой и соотношением классовых сил накануне революции буржуазно-демократической, объективно способной незамедлительно положить начало процессу перехода к революции социалистической. Буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция не руководствовалась марксистско-ленинскими положениями о классовой борьбе, о классовых движущих силах революции. «Она полна, большей частью, неопределенных оппозиционных настроений, она питается либеральной трухой», — так характеризовал В. И. Ленин политический облик интеллигентских низов в 1913 г. ¹¹⁰ К 1917 г. радикальных изменений не произошло. Интеллигенты, ощущавшие признаки грядущего переворота, не осознавали его истинного социального содержания, не предвидели его масштабов и, что еще важнее, — его ближайших и более отдаленных последствий. Неясность исторической перспективы, неверие в творческие возможности революционных масс, претензии на особое «надклассовое» положение в государстве и одновременно чувство бессилия перед «стихийным» процессом, социальная неоднородность и индивидуализм, многочисленность нитей, связывавших с буржуазным обществом, — все это долж-

¹⁰⁹ Ленин В. И. Поражение России и революционный кризис // Полн. собр. соч. Т. 27. С. 26.

¹¹⁰ Ленин В. И. Новая демократия // Там же. Т. 22, С. 303.

но учитываться при оценке позиции буржуазной и мелко-буржуазной интеллигенции.

А вместе с тем оценка не может быть однозначной. Социальная неоднородность интеллигенции и другие факторы обуславливали групповые и индивидуальные особенности ее политического поведения и социально-психологического состояния. Студенчество, будучи самой отзывчивой и коллективистской частью интеллигенции, доказывало способность практически поддержать революционные выступления рабочих. Какая-то часть интеллигенции наблюдала за рабочим движением с большим или меньшим сочувствием, с верой в благополучный исход борьбы. У других предгрозовая атмосфера порождала лишь тревогу и страх. Наиболее отчетливо все эти умонастроения проявлялись в политическом и революционном центре страны — в Петрограде, где и развернулись решающие события второй российской революции.

2. В дни февральского «вихря»

В одной из глав своей замечательной работы «Победа кадетов и задачи рабочей партии» В. И. Ленин полемизировал с кадетским публицистом Р. Бланком. Последний приписывал революции сугубо «разрушительные» действия и последствия. Бланк, к рассуждениям которого (в 1905—1906 гг.) с готовностью присоединились бы многие представители буржуазной интеллигенции и в начале 1917 г., страшил читателей, что в период подъема революции или, как он определял, в период «революционного вихря» «на сцену выходит сама стихия во всемогуществе элементарных сил», а «все теории и принципы и даже сама мысль и простой разум отступают на задний план, почти исчезают за кулисами».¹¹¹

В. И. Ленин, обличая кадетского публициста, показывал, что именно в периоды подъема революции, в пору революционного вихря с наибольшей отчетливостью выявляются инициатива и разум народных масс, что именно это время отличается большей смелостью и яркостью исторического творчества народа. Ссылаясь на опыт и уроки русской революции и в первую очередь

¹¹¹ Цит. по: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 12, С. 313.

на уроки октябрьско-декабрьских событий 1905 г., Ленин выделил три главных особенности творчества масс: 1) самостоятельное осуществление народом политической свободы; 2) создание новых органов революционной власти (Советов); 3) применение насилия к угнетателям народа. При этом Ленин подчеркивал, что новая власть могла создаваться и создавалась «исключительно революционными слоями населения»,¹¹² ибо в народе есть люди, задавленные старой полицейско-чиновничьей властью, сбитые с толку антиреволюционной пропагандой и «предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!)».¹¹³

Вихрь революции начался в Петрограде 23 февраля. Первые 4 дня революция развивалась в форме забастовок, уличных митингов и демонстраций. Ведущей силой движения были рабочие, среди которых большевики вели активную агитацию. 25 февраля забастовка стала всеобщей, участились стычки с городовыми, слышались отдельные выстрелы. 26 февраля стало кровавым днем — царские войска открыли беспощадную стрельбу по густым колоннам демонстрантов. Большевики решили бороться за продолжение забастовки и перевод ее в вооруженное восстание, за организацию братания с солдатами.

Партии мелкобуржуазных социалистов, раздробленные на различные течения, оказывали незначительное влияние на ход событий. Лвоменьшевистские организации и левые группы эсеров агитировали за забастовки и уличные выступления, но основная часть партийного руководства ожидала решающих действий от Государственной думы. Лидеры же думского «Прогрессивного блока» сначала, 23—24 февраля, явно не улавливали характера уличных событий, рассматривая их как голодные беспорядки. Они добились от правительства согласия передать продовольственное дело в столице Городской думе и требовали у царя образования «министерства доверия», т. е. такого состава правительства, которое пользовалось бы доверием большинства Государственной думы. Но уже с вечера 24 февраля и особенно

¹¹² Там же. С. 317. — См. также с. 318, 321, 327.

¹¹³ Там же. С. 321.

с 25 февраля в среде буржуазных деятелей появилась и росла смутная тревога.

Царские министры с 26 февраля тоже начинали испытывать растерянность и даже подумывали об отставке. Все же надежда справиться с «беспорядками» при помощи вооруженной силы еще сохранялась. Николай II об ином пути и не помышлял. Кроме того, царь, не доверяя либеральной оппозиции и даже считая ее ответственной за «беспорядки», еще в начале февраля велел заготовить манифест о роспуске Государственной думы.

Хорошо ли была осведомлена обо всем этом столичная интеллигенция? Подцензурные газеты почти не давали информации, тем более о революционных событиях на улицах. Однако о настроении рабочих не могли не знать инженеры и техники. Какая-то часть интеллигентов, в первую очередь проживавшие в фабрично-заводских районах и на Невском, становились вольными или невольными очевидцами уличных событий. От очевидцев концентрические круги расходились по городу. Сведения и слухи просачивались «сверху», от людей, близких к деятелям «Прогрессивного блока» или к чиновной бюрократии. Информация передавалась и обсуждалась на работе, на квартирных «сходках», при встречах в общественных местах, в театрах. Важным средством оперативного общения был телефон. Все 57 тыс. телефонных аппаратов, установленных в петроградских квартирах, использовались с повышенной нагрузкой.

Степень и характер осведомленности были далеко неравномерны. Нижние и отчасти средние слои интеллигенции в целом лучше знали о событиях на улицах, а большинство других интеллигентов, главным образом представителей верхнего, буржуазного слоя, поглощали прежде всего информацию о положении в правительственных и думских кругах. Впрочем, все получаемые интеллигентской массой сведения, как правило, были отрывочными, неполными, противоречивыми, не позволявшими составить ясное представление о происходившем в городе.

По-видимому, многие из тех петроградских интеллигентов, которые вели личные дневники (а это было распространенным занятием), подробно записывали все, что видели и слышали в дни Февральской революции. Эти записки — ценнейший источник, но, к великому сожалению, лишь очень немногие дневники сохранились и еще

меньшая часть их попала в архивные фонды и в библиотечные собрания рукописей. В дневнике для историка важно все — и каждая строчка, содержащая отзвуки революционных событий, «самоотчет» писавшего, и порой неожиданное, досадующее исследователя умолчание, которое, однако, тоже становится своего рода историческим фактом, требующим внимательного учета. Сказанное в значительной мере относится и к эпистолярному наследию.

Разве не примечательно, что некоторые авторы дневников и писем, как правило, аккуратно, даже дотошно фиксируя все заслуживающие (по их оценке) быть зафиксированными политические сведения, 23 февраля никак не упомянули уличные события того дня? Причиной здесь могла быть не обязательно элементарная неосведомленность, случайная или неслучайная. Иногда умолчание могло порождаться недооценкой происходившего и мало ли какими еще соображениями и личными обстоятельствами! А. М. Горький, обычно хорошо и оперативно информированный, в трех известных письмах, помеченных 23 февраля (Е. П. Пешковой, В. Я. Брюсову и К. А. Тимирязеву), также ни словом не упоминает о политической обстановке в столице.¹¹⁴ Может быть, корреспонденция отправлялась ранним утром? Никак не отреагировала в своем дневнике на события 23 февраля М. К. Станюкович (дочь писателя К. М. Станюковича).¹¹⁵ Д. М. Мушкетов, который вел дневник нерегулярно, спохватился лишь 26 февраля: «Кажется, скоро будет что записывать...»¹¹⁶ Можно (и нужно!) различно истолковывать эту неотзывчивость или это неведение, но все это наводит на предположение: для какой-то части интеллигенции день 23 февраля не стал особенно примечательным.

Другие интеллигенты, в первую очередь работавшие или проживавшие в пролетарских районах, «заметили» тот последний февральский четверг 1917 г., а некоторые даже разволновались, хотя и не очень сильно. Все, конечно, помнили о совсем недавних уличных событиях 14 фев-

¹¹⁴ См.: Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 192; *Горький А. М. Собр. соч. М., 1954. Т. 29, С. 379—381.*

¹¹⁵ См.: *Станюкович М. К. Дневники 1916—1918 гг. // ОР ГПБ, ф. 736, д. 145, л. 13 об.*

¹¹⁶ *Мушкетов Д. М. Личный зимний дневник // ОР ГПБ, ф. 503, д. 311, л. 25.*

раля, которые кое-кому могли представляться более драматичными и более организованными. Степенный и аккуратный, относившийся к ведению дневника как к летописанию, учитель С. П. Каблуков вечером 23 февраля повествовал: «Сегодня в СПб начались рабочие беспорядки. Толпы демонстрантов с красными флагами останавливали трамваи, почему трамвайное движение к семи часам вечера прекратилось почти всюду. Казаки и полиция разгоняли собравшихся». ¹¹⁷

Демократически настроенная учительница О. В. Синакевич, проживавшая и имевшая основную работу на Выборгской стороне, в тот день кое-что видела собственными глазами. Она — типичный представитель тех мелкобуржуазных интеллигентов, которые живо интересовались событиями, сочувствовали революции, но непосредственно не участвовали в ней. Наблюдательная, хотя и подвластная настроению, обладавшая цепкой памятью, очень добросовестная в передаче впечатлений, хорошо владевшая пером, О. В. Синакевич оставила чрезвычайно интересные, а в некоторых случаях уникальные свидетельства, которые очень пригодятся и историкам рабочего движения. Она рассказывает в своем полудневнике-полувоспоминаниях, ¹¹⁸ что, по ее наблюдениям, «до полудня все было как всегда», а затем в Выборгском коммерческом училище, где преподавала Синакевич, взволнованно заговорили о демонстрации, которая двигалась по Финскому переулку. Синакевич подошла к окну в учительской и увидела: из подъездов и дверей магазинов выбегали люди, и все устремлялись куда-то по направлению к Нижегородской, — очевидно, там сосредоточивалась толпа. ¹¹⁹ «„Так было, так будет“, — сказала я, отходя от окна. Вновь прибывавшие в училище преподаватели рассказывали, что толпа останавливает трамваи, ломает их. Внизу непрерывно звонил телефон — родители предупреждали, что на улицах

¹¹⁷ Каблуков С. П. Дневник 1917 г. // ОР ГПБ, ф. 322, д. 43, л. 44.

¹¹⁸ Запись в дневнике о событиях последних дней февраля, сделанная 8 марта 1917 г., явно представляет собой авторскую литературную обработку предшествовавших ежедневных заметок.

¹¹⁹ О. В. Синакевич, как правило, точно «привязывает» события ко времени и к месту их совершения. Около часа дня двухтысячная колонна рабочих-выборжцев двигалась по Нижегородской улице и Финскому переулку. Здесь же полиция пыталась разогнать демонстрантов (См.: Лейберов И. П. На штурм самодержавия. С. 123).

неспокойно и просили задержать детей в школе. Я дала урок и ушла домой». ¹²⁰

Уже 23 февраля к рабочим примкнули группы наиболее инициативных студентов. Имеются сведения, что утром того дня на некоторых митингах и собраниях, посвященных Дню работницы, революционно настроенные студенты выступали с докладами. В Психоневрологическом институте состоялся общий митинг рабочих, студентов и курсисток. Студенческие фуражки и тужурки виднелись и в отдельных демонстрационных колоннах. ¹²¹

В пятницу 24 февраля, вероятно, уже не было ни одного петроградца, не прослышавшего об уличных событиях или не увидевшего их самолично. Дневниковые записи становятся обстоятельнее, общее волнение нарастало, состояние нервной приподнятости заставляло энергичнее искать источники информации, а некоторых гнало из дома, побуждало добираться до центра города, чтобы стать если не участниками, то очевидцами народного движения. Все активнее присоединялись к нему студенты, а вслед за ними и гимназисты старших классов. Как стало обычным в такой обстановке, многие жители столицы, в том числе интеллигенты, старались запастись продуктами и водой. Однако продовольственные магазины катастрофически пусты. «Невероятно возросли хвосты у лавок за хлебом», — свидетельствовал Д. И. Мушкетов. ¹²² «Забастовка, хлеба нет», — с мрачным лаконизмом пометила 24 февраля М. К. Станюкович. ¹²³ «Хлеба нет» — именно в этом многие усматривали непосредственную причину выступления рабочих, и именно это вызывало у части интеллигенции, особенно у представителей ее нижнего слоя, живое сочувствие к демонстрантам. В местах их переправы через Неву нередко стояла толпа, из которой доносились приветствия. В этой толпе, конечно, были и интеллигенты.

Мужество и дружные действия рабочих, отсутствие крупных эксцессов и стрельбы, очевидное «благодушие», нередко проявлявшееся казаками, наконец ослепительно

¹²⁰ Синакевич О. В. Жили-были // ОР ГПБ, ф. 163, д. 357, л. 38.

¹²¹ Шалагинова Л. М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции. С. 105.

¹²² Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 25.

¹²³ Станюкович М. К. Дневники 1916—1918 гг., л. 13 об.

яркий солнечный день — все это на какое-то время создавало мажорное настроение, чему, помимо прочего, способствовали студенты и гимназисты, державшие себя очень экспансивно, как будто даже вызываясь весело. Те, что смутно представляли себе общее положение в столице или могли наблюдать лишь за некоторыми сценами на Невском проспекте, выносили впечатление, что именно учащаяся молодежь («мальчишки и барышни») — главные участники «беспорядков». Отдельные воинские команды, появившиеся на центральных улицах по приказу штаба военного округа, пока не внушали больших опасений. «Солдаты открыто заявляют, — с удовлетворением отмечал 24 февраля в дневнике начинающий научный работник И. А. Боричевский, — что идут насильно — „иначе расстреляют“. „Сейчас одна публика, потом будет и публика, и солдаты“, — так говорил публике драгун на Мойке, пользуясь тем, что офицер был не очень близко». ¹²⁴

Некоторые интеллигенты попадали в самую гущу событий совершенно стихийно. Снова обратимся к тетрадкам О. В. Синакевич. Встретив по дороге в гимназию, где она совместительствовала, колонну демонстрантов и крайне возбужденную публику на панелях, она позвонила в учительскую и сказала, что не приедет, так как на Выборгской слишком тревожно. «Потом вызвала Тилю и Якова (родственники Синакевич. — О. З.) и вышла с ними к нашим воротам. Посреди улицы шла толпа, направляясь к Литейному мосту». ¹²⁵

Далее О. В. Синакевич подробно записала, как они, все трое, прошли с колонной рабочих от Нижегородской улицы к Литейному мосту и здесь наблюдали, как рабочие, остановленные несколькими рядами полицейских и казаков, стали прыгать на невиский лед и, «увязая по колено в снегу, спеша и спотыкаясь, потянулись вереницей наперерез через реку». На набережной «было необычному людно и оживленно». ¹²⁶

Оценивая восприятие буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией уличных событий 24 февраля, приходится учитывать довольно широкую распространенность домыслов о намеренном провоцировании «беспо-

¹²⁴ Боричевский И. А. Дневник // ОР ГПБ, ф. 93, д. 2, блокн. 6, л. 56.

¹²⁵ Синакевич О. В. Жили-были, л. 39.

¹²⁶ Там же, л. 40.

рядков» царскими властями. И то, что последние пока не отдавали приказа о расстреле демонстрационных колонн, и то, что правительственные вооруженные силы, как многим интеллигентам казалось, вообще не проявляли особого рвения, и то, что голосистые студенты, курсистки и гимназисты были очень заметны на Невском проспекте — все это как будто давало основания доверять исходившим от кадетов предостережениям. На самом деле правительству было не до тактики провокаций: «наверху», как уже отмечалось, постепенно нарастала растерянность, поскольку на самом деле гегемонном революционного движения стал пролетариат, решимость которого покончить с царизмом росла со дня на день. Но те интеллигенты, которые прониклись домыслом относительно «провокаций» и к тому же уловили в уличных событиях кое-что, как им представлялось, подтверждающее это, в дальнейшем на все смотрели предвзято, видели то, что хотели увидеть, произвольно корректировали собственные наблюдения. Подобные феномены восприятия знакомы каждому историку, имевшему дело с мемуаристикой и иными свидетельствами очевидцев различных событий. Для примера — два добросовестных свидетельства, не правленных под влиянием собственных ретроспективных оценок.

О. В. Синакевич так передавала свои впечатления и размышления: «Хорошо памятуя уличные беспорядки доброго старого времени (1899 и 1901 гг.),¹²⁷ я со скептическим недоверием смотрела на весело оживленные толпы, спокойно двигавшиеся по Невскому, и на отряды казаков, с чисто цирковой осторожностью разъезжавшие по тротуарам между публикой. „Вот ведь даже и нечаянно не заденут ни одного пешехода. Разве такие «всамделишные» беспорядки бывают? Провокация все это... Не беспорядки, а какая-то балетная инсценировка. Да еще и бездарная впридачу“, — ворчала я».¹²⁸ Вот как — даже то, что час или два назад было перед гла-

¹²⁷ 8 февраля 1899 г. в ходе всероссийской студенческой забастовки конная полиция избила нагайками студентов Петербургского университета, вышедших с пением революционных песен на Университетскую набережную. 4 марта 1901 г. полиция и жандармерия напали на несколько тысяч студентов-демонстрантов у Казанского собора, учинив зверское избиение (см.: *Ушаков А. В. Революционное движение демократической интеллигенции в России: 1895—1904. М., 1976. С. 133—134, 151—152).*

¹²⁸ *Синакевич О. В. Жили-были, л. 40 об.*

зами на Выборгской стороне и при переходе через скованную льдом Неву, оказалось перекрытым сугубо субъективным восприятием «балетной инсценировки» на Невском проспекте. Между прочим, о «балете» на Невском поговаривали и некоторые представители буржуазно-интеллигентских верхов.¹²⁹

Профессор Ю. В. Ломоносов (крупный инженер-паровозостроитель, в молодости увлекавшийся революционными идеями, а затем целиком посвятивший себя службе в железнодорожном ведомстве) 24 февраля заглянул на Невский проспект у угла Владимирского. У профессора, в отличие от эмоциональной учительницы, умонастроение было не легковесным. Не было оно и упадочническим. Но на глазах у него тоже оказались шоры, он, пожалуй, еще более слепо уверовал в версию относительно определяющей роли в происходящем провокационной политики царских властей. Ю. В. Ломоносов видел мельком какую-то колонну демонстрантов, а затем записал в дневнике: «Состав странный: студенты, подростки, женщины, офицеры. Знамен мало. На большинстве надписи: „Хлеба!“. Но вот и старый знакомый: „Долой самодержавие!“. Чинно несут это красное знамя мимо приставов и городских. Те смотрят на него спокойно и насмешливо. Не нравится мне этот взгляд, от него пахнет провокацией. Что-то затевается именно полицией. Рабочих на улицах совсем не видно. В парикмахерской слышал разговоры: „Все заводы работают“. Главное, странно, что демонстрантам позволяют свободно ходить по улицам, точно заманивают».¹³⁰

Ю. В. Ломоносова вряд ли можно причислить к тем, у кого доверие к домыслам о «провокаatorстве» стимулировалось страхом перед революцией и ее разрушительными последствиями. Что касается О. В. Синакевич, то она определенно принадлежала к числу готовых приветствовать победоносный революционный переворот. В начале марта она попыталась сама разобраться в причинах «бодро спокойного» умонастроения, вдруг преисполнившего ее и, как она полагала, многих других 24 февраля. В поисках ускользающего ответа она задавалась вопросом: «Было ли то предчувствием грядущей

¹²⁹ См.: *Гиппиус Э.* Сияя книга. Петербургский дневник: 1914—1918. Белград, 1929. С. 75.

¹³⁰ *Ломоносов Ю. В.* Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 17.

радости или непосредственное влияние первого весеннего дня?». ¹³¹ Ну что ж, на сиюминутное умонастроение эмоциональных натур и погода может основательно подействовать. Но главным-то все же был не эмоциональный фактор и даже не упомянутый выше феномен восприятия. Малая осведомленность при неспособности дать картине событий отвечающее действительности классовое истолкование, принадлежность к промежуточному социальному слою, отъединенность от народа, от рабочего класса — вот что являлось глубинными истоками дезориентации.

В восприятиях, мнениях и переживаниях каждого было что-то свое, особенное, и притом на протяжении насыщенного впечатлениями дня умонастроения не оставались неизменными. Многоликость и изменчивость observable побуждает к осторожности в обобщающих суждениях, и все же в умонастроении интеллигентской массы можно заметить одну наиболее часто и резко обозначающуюся черту, точно подмеченную А. М. Горьким. В письме, отправленном А. М. Горьким Е. П. Пешковой 24 февраля, итог дневных впечатлений подведен словами: «Очень тревожно». ¹³² В тот день Алексей Максимович, конечно же, знал и о событиях на улицах, хотя, как и накануне, не упомянул о них в письме. И вряд ли можно сомневаться, что такими же или примерно такими же словами подводили итог дню весьма многие, не совсем сознавая, что шел уже второй день революции. Уличные события представлялись как крупномасштабное возобновление массовых волнений, о дальнейшем ходе которых можно было только гадать.

Имелся, впрочем, показатель, который мог бы дать более или менее наглядное представление о степени встревоженности интеллигентской массы — состояние театральных сборов. Репертуар был пестрым. 23 и 24 февраля в Мариинском театре ставили «Майскую ночь» и «Каменного гостя», в Александринском — «Ревизора» и «Милых призраков». В Паласс-театре (Михайловская пл., 18) шли оперетты «Ева» и «Веселая вдова». В Народном доме на Кронверкском проспекте состоялся абонементный концерт с участием Ф. И. Шаляпина. Интимный театр (Крюков канал, 12) предлагал

¹³¹ Синакевич О. В. Жили-были, л. 40 об.

¹³² Архив А. М. Горького, Т. 9, С. 193.

«Повесть о господине Сенькине», а «Невский фарс» (Невский, 56) завлекал «Нашей содержанкой» («Новый злободневный фарс из современной жизни!») и т. д.¹³³ Однако 23 февраля сборы «пошатнулись», а на следующий день «стали еще больше понижаться».¹³⁴ Коснулось это в первую очередь театров, существовавших не столько предварительной, сколько «вечеровой» продажей билетов: «Невского фарса», «Троицкого фарса», Интимного театра и др. Кроме того, обстановка в городе, понятно, менее всего располагала к посещению фарсовых представлений. Но и зал Мариинского театра, по свидетельству очевидца, 24 февраля «наполовину пустовал».¹³⁵ Это — верный показатель роста тревоги, повышения «температуры» переживаний.

25 февраля, в день, когда петроградские рабочие усилили революционный натиск, в среде буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, похоже, стали если не сознавать, то чувствовать, что события выходят за пределы «обычных» волнений, которые назавтра могут и прекратиться. Нет, кардинального изменения в умонастроениях интеллигентской массы еще не произошло. Некоторые по инерции продолжали толковать о «балете» на Невском. Но таких стало намного меньше, и еще неизвестно, насколько они верили сами себе.

О. В. Синакевич, накануне настроенная беспечно, 25 февраля возвращалась из гимназии домой с иными мыслями и впечатлениями: «Многие магазины на Большом проспекте, преимущественно те, что торговали какими-либо съестными продуктами, спешно заколачивали свои окна досками; это уже становилось похоже на 1905 год. На углу Большого и Каменноостровского возбужденная толпа стояла на площади, с озлоблением провожая отряды солдат, проезжавших по Каменноостровскому проспекту. Мне пришлось пробираться через эту толпу, чтобы попасть на Архиерейскую. Кругом стоял говор, переходивший порою в крик. На ходу я улавливала только отдельные разрозненные фразы: — ...А она ему грит: „я-то не сволочь, сам ты сволочь“. А он-то из седла перегнулся, да как плашкой-то ее по роже — и раз, и два... Я ускорила шаги и невольно

¹³³ Петроградский листок, 1917. 23 и 24 февр.

¹³⁴ Театр и искусство. 1917 № 10—11. С. 190.

¹³⁵ Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 25 об.

вдохнула с облегчением, выбравшись на свободную от толпы Архиерейскую улицу». ¹³⁶

Обратим внимание: представительница среднего слоя интеллигенции, настроенная не антиреволюционно, не пугливая, «невольнo вдохнула с облегчением», выбравшись из толпы. Она не ощущала внутреннего контакта с «возбужденной толпой», она не чувствовала себя частицей революционного народа. А что же говорить о буржуазно-интеллигентских верхах? З. Н. Гиппиус констатировала в своем дневнике, что «у интеллигентов либерального толка вообще сейчас ни малейшей связи с движением» и что «с каждым нарастающим мгновением они как будто все меньше делаются нужны». ¹³⁷ В данном случае имелись в виду представители буржуазно-оппозиционного «Прогрессивного блока», но «ни малейшей связи с движением», даже (употребляя выражение Гиппиус) связи «созерцательно-сочувственной» не было и у подавляющего большинства не являвшихся членами партий буржуазных интеллигентов.

Об активной позиции студенчества — ниже. Но у большинства интеллигентов, как свидетельствовали очевидцы, возобладало стремление «выбраться из толпы» и даже не покидать дом, тем более, что днем дворники обходили некоторые квартиры и предостерегали: «Пристав велел сказать, чтобы не улицу не выходили, будут стрелять». ¹³⁸ «Надо сидеть по углам», — убеждал себя Ю. В. Ломоносов, — ибо «все это на руку только правительству», ибо «беспорядки будут раздавлены и явятся предлогом для новых репрессий и... сепаратного мира». ¹³⁹

Здесь мы снова встречаемся с удобной для сторонников «сидения по углам» версией о провокационных замыслах царского правительства. Логика рассуждений вела веривших в эту версию интеллигентов к осуждению революционных масс за то, что они действуют-де «на руку» царизму, препятствуют достижению отвечающей интересам страны победы над кайзеровской Германией в единстве с «западной демократией». А некоторые интеллигенты просто осторожничали, не особенно вдаваясь в «политику». К числу последних принадлежал, напри-

¹³⁶ Синакевич О. В. Жили-были, л. 41 об.

¹³⁷ Гиппиус З. Синяя книга. С. 76.

¹³⁸ Философов Д. В. Дневник // ОР ГПБ, ф. 814, д. 2, л. 7.

¹³⁹ Ломоносов Ю. В. Указ. соч. С. 18.

мер, художник К. А. Сомов. В предыдущие дни он писал портрет Н. Г. Высоцкой, но 25 февраля в дневнике сделал такую запись: «Не рисовал Высоцкую, так как я ей не советовал ко мне ехать ввиду слухов о стрельбе, беспорядках и т. д. ... Вечером не решились идти к Бенуа, несмотря на мое желание. Ходил слух, что мосты с 11 ч. вечера закрыты для прохода». ¹⁴⁰

Впрочем, могла иметь место и не простая, а в некотором роде «концепционная» осторожность. Тот же Сомов в декабре 1905 г. в письме А. Н. Бенуа тщательно проанализировал свою, как он выразился, «психику» революционного времени. Сомов писал, что он ненавидит самодержавный строй, деспотизм, восхищается «каждой новой победой революции», верит, что хотя освобождающийся народ вскоре «фатально попадает под новое ярмо», все же каждый раз остается «большой и осязаемый кусок свободы». Поясняя, что он, Сомов, не боится «происходящего» («говорю для нас о страхе благородном, а не буржуазном или шкурном (который я тоже не считаю неблагородным, но весьма человеческим)»), художник в то же время признавал: «Я потому не могу всей душой и, главное, каким-нибудь делом отдаться револ[юционному] движению, охватившему Россию, что прежде всего безумно влюблен в красоту и ей хочу служить. Одиночество с немногими и то, что в душе человека вечно и неосознательно, ценю я выше всего. Я индивидуалист, весь мир вертится около моего „я“, и мне в сущности нет дела до того, что выходит за пределы этого „я“ и его узкости». ¹⁴¹ Эта «психика» индивидуалиста и эстета, готового приветствовать (только со стороны!) победоносную революцию, но не готового и не способного участвовать в борьбе, давала о себе знать и в 1917 г.

Как мы уже знаем, 23 и особенно 24 февраля театральные сборы в Петрограде «пошатнулись». В последующие два дня фарсовые спектакли, продолжая привлекать любителей главным образом из разряда обывателей-полуинтеллигентов, вызывали прямой и нарастающий общественный протест. Дело доходило до того, что 25—26 февраля по отношению, в частности, к Интимному

¹⁴⁰ Константин Андреевич Сомов. М., 1979. С. 173.

¹⁴¹ Цит. по: Лапина В. П. Мир искусства // Русская художественная культура конца XIX—начала XX века: (1895—1907). Кн. 2. М., 1969. С. 141—142.

театру «толпа позволила себе некоторые эксцессы». ¹⁴² Обозреватель театрального журнала, сообщивший об этом, не уточнил состава «толпы», видимо, воспринявшей постановку и посещение фарсовых спектаклей не только как отвратительное обывательское бесчувствие, но и как косвенное демонстрирование глумливого отношения к разворачивавшейся на улицах столицы исторической драме.

Вполне вероятно, что среди активно выразивших протест преобладали группы рабочих и студентов. Сложнее было оценить облик тех, что в обстановке усиливавшейся тревоги направлялись в императорские театры или на концерты классической музыки, наконец тех представителей художественной интеллигенции, которые участвовали в этих спектаклях и концертах. В данном случае особого внимания заслуживает то, что было связано со спектаклем в Александринском театре. Речь идет о премьере драмы М. Ю. Лермонтова «Маскарад», состоявшейся 25 февраля.

Новаторская и дорогостоящая постановка лермонтовской пьесы, над которой В. Э. Мейерхольд и А. Я. Головин трудились целых шесть лет с перерывами, давно породила толки и противоречивые предположения. Ажиотаж подогревался и тем, что царская цензура со времен Николая I держала постановку пьесы под запретом («слишком резкие» страсти и характеры, недостаточно вознаграждена добродетель!) и что на спектакле ожидалось присутствие «всего Петрограда», включая придворные круги и министров. Цены на билеты, распродававшиеся задолго до премьеры, стоили 20 р. и дороже. ¹⁴³ Тем не менее был аншлаг, и даже платная генеральная репетиция, состоявшаяся днем 24 февраля, дала 5000 р. чистого сбора. ¹⁴⁴

Между тем в труппе Александринского театра отношение к подготовленному спектаклю и к назначению его премьеры было неодинаковым. Некоторые молодые актеры («кружок молодежи») осуждали «помпезную роскошь» постановки, усматривали в ажиотаже вокруг спектакля некий политический расчет. ¹⁴⁵ Дальнейшие

¹⁴² Театр и искусство. 1917. № 10—11. С. 190.

¹⁴³ Там же. С. 192.

¹⁴⁴ Теляковский В. А. Воспоминания. С. 170.

¹⁴⁵ См.: Горин-Горяйнов Б. А. Актеры: (Из воспоминаний). М.; Л., 1947. С. 130. — В воспоминаниях Горин-Горяйнова его настрое-

внутритеатральные события, не связанные непосредственно с началом революции, обострили взаимоотношения в труппе. За несколько дней до премьеры «Маскарада» хор Мариинского театра, выдвинув экономические требования, начал своеобразную «итальянскую забастовку» — во время спектаклей с его участием выходил на сцену, но не пел.¹⁴⁶ По воспоминаниям Б. А. Горин-Горайнова, молодежь Александринского театра восприняла весть о конфликте «как сигнал к общему наступлению. По коридорам и уборным театра начались собрания многочисленных групп, обсуждавших инцидент. раздавались голоса за необходимость поддержать забастовавших товарищей».¹⁴⁷

Предстоявшая премьера была весьма значительной для выдающегося актера Ю. М. Юрьева. В спектакле ему поручалось исполнение роли Арбенина, над которой он много и вдохновенно работал, и, кроме того, премьера «Маскарада» была бенефисом актера по случаю двадцатипятилетия его служения сценическому искусству. Юрий Михайлович позднее, имея в виду свою неподготовленность к восприятию революции, виновато ссылаясь на самодержавные порядки, при которых актерам внушали, что «искусство должно стоять вне политики, должно быть аполитичным».¹⁴⁸ Аполитичность многих актеров того времени несомненна, но необходимо учитывать и особенность душевного состояния деятелей искусства в торжественный момент близкого осуществления большого творческого замысла.

Юрьев вспоминал, как он волновался, ожидая решения В. А. Теляковского и министра двора В. Б. Фредерикса относительно премьеры спектакля, как добирался от дома Лидваля на Каменноостровском проспекте до Александринского театра в экипаже, «пререкаясь» с офицерами из задерживавших экипаж цепей загражде-

ние тех дней, возможно, отражено не совсем точно. Автор воспоминаний сам участвовал в спектакле, исполняя роль Казарина (см.: Сто лет: Александринский театр — театр госдрамы. Л., 1932. С. 371).

¹⁴⁶ Хористы много лет добивались повышения их годового оклада с 600 до 840 р. — столько получали оркестранты. Однако дирекция была против такой уравнительности, ссылаясь на то, что в отличие от хористов многие оркестранты имели консерваторское образование (Театр и искусство. 1917. № 9. С. 171; Теляковский В. А. Воспоминания. С. 269).

¹⁴⁷ Горин-Горайнов Б. А. Актеры. С. 129—130.

¹⁴⁸ Юрьев Ю. М. Записки. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 238.

ния.¹⁴⁹ Е. И. Тиме, исполнявшая в спектакле роль баронессы Штраль, направлялась в театр пешком в сопровождении мужа, видного инженера Н. Н. Качалова. Вокруг было тревожно. «Фонари не горели, — вспоминала Елизавета Ивановна. — И только со стороны Адмиралтейства бил вдоль проспекта яркий голубой прожектор».¹⁵⁰ Для актрисы, волновавшейся как и все участники предстоявшей премьеры, вечерний Невский с освещавшим его лучом голубого прожектора, вероятно, представлялся фантастической декорацией. О бурных событиях, разворачивавшихся здесь час или два назад, в таком состоянии не думалось. Впрочем, судя по воспоминаниям, об этих событиях актриса мало что знала. Скорее в театр!

«А как же публика? — недоумеваю я. — Ее ведь тоже не будут пропускать?»¹⁵¹ — Этим вопросом Ю. М. Юрьев задался уже находясь в театре. Оказалось, что и публика — одни пешком, другие на извозчиках, заламывавших бешеные цены, третьи на автомобилях — просочилась и пробились к месту интригующего представления. Сотрудник журнала «Театр и искусство», добравшийся до Александринки незадолго до начала спектакля, был потрясен картиной: «У подъезда театра стояли автомобили черными сплошными рядами».¹⁵² Между прочим, здесь у подъезда часа два назад шальная пуля оборвала жизнь некоего студента-театрала, покупавшего билет у барышника.

Театральный зал был переполнен. Здесь шире, чем обычно, были представлены придворная знать, высокопоставленные чиновники, финансовые и торгово-промышленные тузы. Здесь же находилась и «натуральная» интеллигенция, представители ее верхнего и сравнительно обеспеченного среднего слоя, горячие поклонники театра, а также те, кого привлекли необычность зрелища и состава публики, желание посмотреть на власть имущих и услышать новости. Власть имущие это понимали, и всю обстановку в зале то ли продуманно, то ли экспромтом (если и был замысел, то возник он за несколько часов до начала спектакля) превращали в демонстрацию своей веры в непоколебимость старого строя.

¹⁴⁹ Там же. С. 195—196.

¹⁵⁰ Тиме Е. Дороги искусства. М., 1967. С. 179.

¹⁵¹ Юрьев Ю. М. Записки. Т. 2. С. 196.

¹⁵² Театр и искусство. 1917. № 10—11. С. 192.

Но старый строй был обречен и демонстрация не достигала цели.

26 февраля в настроении интеллигентской массы вполне определенно наступил перелом. Напомним, что в этот день царские войска открыли огонь по демонстрантам. Зверская расправа с ними ужасала и возмущала. Теперь уже мало кто недооценивал размаха событий, хотя и столь же мало кто отдавал себе отчет в социально-политической сути всего происходившего. Уже в субботу, 25-го, на службу являлись не столько ради работы, сколько ради обсуждения обстановки в городе. Во многих институтах и школах занятия были скомканы или вовсе не состоялись. В воскресенье в интеллигентских квартирах шли «семейные советы», совещания друзей. По нужному номеру телефона было трудно дозвониться, так как аппараты почти непрерывно находились в действии. Важнейшим центром информации была квартира А. М. Горького, куда приходили и знакомые, и незнакомые хозяину люди, приходили делиться впечатлениями, советоваться, спорить. За квартирой, по-видимому, установили полицейскую слежку. «Я был так ловко обставлен, что все, что у меня дома творилось, было в тот же день сообщаемо охранке, — писал Алексей Максимович в первых числах марта. — С моего стола воровали письма: письмо, полученное мною 25-го февраля, лежавшее на столе у меня, — 26-го исчезло, а 2-го марта его нашли в охранке».¹⁵³

В поисках информации столичный интеллигент продолжал штудировать газеты, пытаясь читать «между строк». Но цензура была на посту, и из газет ничего не удавалось почерпнуть. Редакторы и журналисты чувствовали себя в нелепом положении — хронику грозных событий не пропускала цензура, а программных статей не было не только из-за цензурных тисков, но и по причине растерянности в среде либерально-буржуазных деятелей, их нерешительности и неспособности занять определенную позицию. Кроме того, с часу на час ожидали забастовку типографских рабочих. В воскресенье газеты (за исключением правительственных и крайне правых) по решению совещания редакторов не вышли.

Еще поздно вечером 25 февраля на стенах домов появилось отпечатанное оповещение генерала Хабалова об

¹⁵³ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 195.

отданном им приказе «навести порядок» силой оружия. А поскольку все уже были наслышаны о предостережении полицейских чинов и дворников («будут стрелять»), то многие интеллигенты предпочитали оставаться дома. Но было немало и таких, которые в солнечный слабomорозный день 26 февраля (в конце февраля 1917 г. выдалась прекрасная погода) появились на улицах и вновь, как и в предшествовавшие дни, своими глазами видели происходившее, слушали горячие речи уличных ораторов, а теперь еще и прятались в подъездах при стрельбе. Наиболее смелые и энергичные сами выступали на импровизированных митингах, вразнобой высказывались за продолжение или за прекращение демонстраций, за свержение царизма и за «министерство доверия».

Возвращались домой физически вымотанные, с расстрепанными нервами. Многие провели воскресный вечер и ложились спать в подавленном настроении. Кому-то уже мерещились потоки крови, воцарение анархии, а затем — черной реакции. «Начинается кошмар 1905 г., но хуже, надвигается ужасное... — пишет в этот вечер Д. И. Мушкетов. — Продовольствие передали вчера городу (т. е. продовольственное дело передали в ведение Городской думы. — О. З.), но теперь это вряд ли поможет — все так спутано, что кому под силу это распутать».¹⁵⁴ В этом духе резюмировал, вероятно, далеко не один Мушкетов.

А что же студенчество, которое (напомним слова В. И. Ленина) являлось «самой отзывчивой частью интеллигенции»?¹⁵⁵ С 25 февраля резко активизировалась деятельность Объединенного комитета социал-демократических фракций высших учебных заведений, ожили ранее созданные «организационные группы», начав устанавливать между собой связи. «В среде учащихся высших учебных заведений, — доносила охранка, — наблюдается полное сочувствие движению, в стенах заведений происходят сходки, руководимые ораторами».¹⁵⁶ По сообщению ректората Петроградского университета, 25 февраля в первой половине дня «летучая» сходка

¹⁵⁴ *Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 26.*

¹⁵⁵ *Ленин В. И. Задачи революционной молодежи // Полн. собр. соч. Т. 7. С. 343.*

¹⁵⁶ Цит. по: *Очерки по истории Ленинградского университета, Т. 2. С. 40.*

студентов приняла резолюцию о присоединении к забастовке рабочих. Вступительные лекции были сорваны, после чего «значительная часть студентов покинула университет». ¹⁵⁷ Примерно так же развивались события в других высших учебных заведениях. Некоторые студенты, вероятно, разошлись по домам, но многие отдельными группами и в составе колонн рабочих двинулись к центру города. ¹⁵⁸ В демонстрациях и митингах 25 февраля активно участвовали тысячи студентов. 26 февраля, в день кровавой расправы над демонстрантами, студенты и курсистки стали создавать группы по оказанию медицинской помощи пострадавшим. ¹⁵⁹

Студенты участвовали в революционном движении, разумеется, не в полном своем составе. Есть основания полагать, что наибольшую активность проявляли демократические по социальному происхождению представители учащейся молодежи. Среди выходцев из дворянско-буржуазной среды доля аполитичных или даже антиреволюционно настроенных была значительнее. Во всех слоях студентов находились либо люди по натуре своей пассивные, осторожные, либо усердные «академисты», ни при каких обстоятельствах не желавшие отвлекаться от учебы, благоговевшие перед наукой и своими профессорами. Академик В. А. Стеклов, для которого научные занятия были превыше всего и который соответственно воспитал некоторых своих учеников, с подкупающей непосредственностью передал в дневниковой записи 25 февраля состояние людей, замкнувшихся в храме науки: «Сегодня в половине 2-й лекции ворвались в аудиторию ко мне забастовщики (студенты. — О. З.), потребовали прекращения занятий. Студент Трофимов, вскипев, послал их к черту и, вскочив с парты, схватил за шиворот первого... На него набросились, чуть не подрались. Я заявил, что при таких условиях читать не буду, остановил Трофимова, а толпу выпроводил из кабинета. Кончилось благополучно, а могло и мордобитие произойти! Чертовщина какая-то творится. Говорят, все заводы бастуют». ¹⁶⁰ Так увлеченность

¹⁵⁷ Там же.

¹⁵⁸ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция: Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 146.

¹⁵⁹ Шалагинова Л. М. Студенческое движение накануне и в дни Февральской революции. С. 105.

¹⁶⁰ ААН, ф. 162 (Владимир Андреевич Стеклов), оп. 3, д. 169. л. 16 об. — 17.

наукой, сама по себе заслуживающая глубокого уважения, могла препятствовать участию в борьбе, успех которой, помимо всего прочего, создал бы и лучшие условия для научной деятельности. Но все же большинство учащейся молодежи 25—26 февраля примкнуло к рабочим.

Массовое присоединение студенчества к всеобщей забастовке петроградского пролетариата, энергичное участие в революционных демонстрациях и митингах, в открытой борьбе за свержение царизма имело большое значение. Оно, это участие, помогало оградить общественное достоинство интеллигенции, не позволяло контрреволюции изолировать рабочих, способствовало дальнейшему расширению базы революционного движения. Студенчество присоединилось к революции раньше, чем это сделала солдатская масса, скованная цепями воинской дисциплины. Но нельзя забывать, что только союз рабочего класса с крестьянством, в первую очередь с крестьянами, одетыми в солдатские шинели, мог обеспечить свержение царизма и победу буржуазно-демократической революции. Ведущей силой, гегемоном революции был пролетариат. «Революцию совершил пролетариат, — подчеркивал В. И. Ленин, — он проявил героизм, он проливал кровь, он увлек за собой самые широкие массы трудящегося и беднейшего населения...»¹⁶¹

В понедельник 27 февраля с раннего утра рабочие Выборгской стороны и других пролетарских районов столицы по призыву большевиков готовились к решительной борьбе. Группа рабочих еще в ночь на 27 февраля захватила цейхгауз с оружием в районе Лесного проспекта, а утром рабочие-выборжцы овладели еще двумя складами с оружием и патронами. На заводских дворах, на улицах собирались огромные толпы митинговавших, по-боевому настроенных людей. К полудню восставшие заняли здание Финляндского вокзала. Непрерывно усиливалось брожение в казармах. Многие солдаты в ночь на 27 февраля обсуждали вопрос: подчиняться или не подчиняться приказам о стрельбе в демонстрантов. В отдельные казармы проникали агитаторы-рабочие. Тяготение к братанию с рабочими было особенно сильным среди солдат тех воинских частей, ко-

¹⁶¹ Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 24.

торым пришлось стрелять в народ минувшим днем. Решающий толчок дало восстание солдат учебной команды Воынского полка, размещенной в Виленском переулке.

Восстание распространялось по городу со стремительностью снежной лавины. К воынцам тотчас прикнули солдаты еще нескольких полков, расквартированных поблизости. Смешавшись, восставшие беспорядочной массой направились по Литейному проспекту на Выборгскую сторону. Здесь солдаты объединились с рабочими, здесь был главный оплот восстания. Революционные массы захватили тюрьму «Кресты», освободив политических заключенных. К середине вошедшего в историю дня восстание охватило почти весь город. На Литейном сооружались баррикады. Клубы дыма валили из окон трехэтажного дома, расположенного вблизи Литейного моста — здания Окружного суда. Неподалеку от Мариинского театра полыхал Литовский замок, превращенный царскими властями в тюрьму; кое-где горели полицейские участки. В разных концах города слышалась ружейная и пулеметная стрельба. Группы рабочих и солдат расправлялись с полицейскими, стрелявшими с чердаков и крыш. В поисках «фараонов» обыскивали некоторые дома. К концу дня восставшие овладели всем городом. Только четыре правительственных здания (Зимний дворец, Адмиралтейство, Петропавловская крепость и Градоначальство) еще не были в их руках.

То, что со стороны казалось хаосом, представляло собой историческое действие народных масс, во все большей мере направляемое революционерами, в том числе революционерами-интеллигентами. Члены партии большевиков находились в гуще восставших, увлекаая личным примером, указывая политические цели борьбы, внося в движение организованность.

В Таврическом дворце образовался легальный центр восстания — Петроградский Совет рабочих депутатов. Вечером 27 февраля открылось его первое заседание. Здесь же, в Таврическом дворце, думские либеральные деятели поспешили создать Временный комитет Государственной думы — зародыш буржуазного Временного правительства. У дворца перед толпами народа выступали с речами ораторы — представители Исполкома Совета и думского Комитета.

В ночь на 28 февраля и днем восстание продолжало шириться. В него вовлекались солдаты все новых воинских частей. Из пригородов в столицу двигались колонны полков, расквартированных в Стрельне, Ораниенбауме, Петергофе. Очаги сопротивления царских властей быстро таяли. По улицам неслись автомобили с красными флагами, со щетиной штыков. И вот уже министры, генералы, сановники препровождаются арестованными в Таврический дворец или являются туда добровольно. С фасадов зданий правительственных учреждений летят на землю, а затем в костры царские гербы. Николай II, приказав генерал-адъютанту Н. И. Иванову вести на Петроград карательные войска, выехал литерным поездом из Могилева в Царское Село, впрочем так до него и не доехав. В тот же день революция началась в Москве. Забастовали рабочие, колонны демонстрантов двинулись к центру города, к революции стали присоединяться солдаты московского гарнизона. 1 марта после столь же бурных событий, что и в Петрограде, революция одержала решающую победу во второй столице. Начались выступления рабочих в других городах страны.

Созданный и контролируемый рабочими Петроградский Совет действовал как орган революционно-демократической диктатуры. 27—28 февраля он принял ряд важных мер: создал «повстанческий штаб», или военную комиссию, постановил организовать рабочую милицию, образовал продовольственную комиссию с правом конфискации запасов продовольствия на складах, литературную комиссию для издания газет и воззваний, почтово-телеграфную комиссию с контрольными функциями, финансовую комиссию для организации изъятия из распоряжения старой власти всех государственных финансовых средств и др. Создание Совета рабочих депутатов (с 1 марта он стал Советом рабочих и солдатских депутатов) означало, что революция вышла за рамки «обычного» буржуазно-демократического переворота, *«дошла вплотную до революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства»*.¹⁶² Наступал переходный период в развитии революции, начинался процесс перерастания буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую.

¹⁶² Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Там же, Т. 31. С. 154.

Единственной политической партией, борющейся за полную победу буржуазно-демократической революции, за всемерное развязывание инициативы широких народных масс была партия большевиков. Она призывала рабочих и всех трудящихся к свержению царского самодержавия, установлению демократической республики, государственная власть в которой принадлежала бы созданному Петроградским Советом Временному революционному правительству. Деятели мелкобуржуазных партий, получившие преобладание в Исполкоме Петроградского Совета, хотели, чтобы власть перешла в руки буржуазного Временного правительства. А лидеры думского «Прогрессивного блока», в большинстве своем буржуазные интеллигенты, мечтали спасти монархию, выторговав у царя конституцию. Лишь к вечеру 27 февраля под впечатлением победы революции они стали склоняться к решению о взятии власти Временным комитетом Государственной думы, а несколько позднее стали подумывать и о формировании Временного правительства.

27—28 февраля 1917 г. петроградская буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция испытывала сильнейшее потрясение.

Многих из них поразила неудержимость и мощь истинно народного движения: «тройка», к гулу которой прислушивался А. А. Блок еще в 1908 г., наконец-то примчалась. Особенно сильное потрясение испытали те, что жили в центре города или на Выборгской стороне — именно здесь уличные события были наиболее крупномасштабны и насыщены. «Был ослепительно солнечный полдень, — читаем в дневнике О. В. Синакевич. — Воробы в нашем саду положительно сошли с ума и наперебой старались перекричать друг друга. Но в их громкое чириканье поминутно врывались другие — отрывистые, сухие, незнакомые звуки. „Стреляют“, — не сразу сообразила я. Двенадцатый год доживала я в этом доме, но когда я подошла к воротам, мне показалось, что я в первый раз в жизни вижу Нижегородскую улицу... Во всю ширину улицы непрерывным, беспорядочно вольным потоком шли мимо меня солдаты и рабочие, вооруженные чем попало, одни — решительные и уверенные, другие — с растерянной улыбкой недоумения и вопроса, по-видимому, врасплох захваченные общим властным потоком и, без руля и якоря, отдавшиеся на

волю его волн. Иные на ходу спокойно ели хлеб, другие выкрикивали что-то...». ¹⁶³

Настроение молодой учительницы, судя по записям в дневнике, не было подавленным. «Господи, — с замиранием сердца думала она, наблюдая за «беспорядочно вольным потоком», — да неужели же это не бред, не сон, а то самое, наконец, настоящее, так давно и так многими с тоской жданное — русское 14 июля? ¹⁶⁴ Да неужели мы и вправду до него дожили? Или это только опять „беспорядки“, обреченные на неудачу, как и все прежние революционные попытки? Господи, не допусти хоть на этот раз, чтобы восторжествовало старое...» ¹⁶⁵

О. В. Синакевич — представительница многоликого среднего слоя интеллигенции. Но и в верхнем слое ее были люди, настроенные в общем-то оптимистично: «Как это все не ко времени», — досадовал Ю. В. Ломоносов, все еще опасавшийся, что свершившееся спровоцировано царским правительством. И тут же добавлял: «А все-таки, несмотря на все безрассудство этих вооруженных столкновений, какое-то радостное чувство колышется в душе». ¹⁶⁶ К. А. Сомов днем 27 февраля вышел прогуляться на Морскую и пришел к заключению, что на залитой солнцем улице «не зловеще». ¹⁶⁷ Б. М. Кустодиев, наблюдая уличные сцены из окна, начал писать свою известную картину «27 февраля 1917 г.». «Было жутко и радостно все время», — сообщил он через несколько дней артисту В. В. Лужскому. ¹⁶⁸ Академик В. А. Стеклов осторожно назвал события «поразительными» и пометил, что они развиваются «пока удачно». ¹⁶⁹ Видный статистик (впоследствии академик) С. Г. Струмилин и его жена заканчивали срочную работу в Особом совещании по топливу. Услышав о происходившем, они «бросились на улицу» и присоединились к народу на Литейном. ¹⁷⁰

¹⁶³ Синакевич О. В. Жили-были, л. 48 об. — 49.

¹⁶⁴ 14 июля 1789 г. были взяты и разрушены восставшим народом Францию Бастилия — королевская тюрьма в Париже.

¹⁶⁵ Синакевич О. В. Жили-были, л. 49.

¹⁶⁶ Ломоносов Ю. В. Указ. соч. С. 18.

¹⁶⁷ Константин Андреевич Сомов. С. 173.

¹⁶⁸ Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967. С. 156.

¹⁶⁹ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, л. 17 об., 18 об.

¹⁷⁰ Струмилин С. Г. Из прожитого: 1897—1917. М., 1957. С. 276, 277.

В самой гуще событий находился В. В. Маяковский, проходивший в то время службу в Военно-автомобильной школе. «На крохотном форде мчим, обгоняя погони пуль. Взрывом гудков продираемся в городе», — через месяц напишет Владимир Владимирович в поэтохронике «Революция». ¹⁷¹ Поэт жадно вслушивался в революционные речи на улицах: «Еще! О, еще! О, ярче учи, красноречивый оратор!». ¹⁷² В ночь на 28 февраля Маяковский в расстегнутой шинели и без шапки метался по городу, по его словам, «бегал туда, где стреляют». ¹⁷³ А. М. Горький воспринимал события сдержаннее. Он хотел верить в победу революции, но опасался возникновения массовых эксцессов. В письме Е. П. Пешковой (27 и 28 февраля) Алексей Максимович так оценивал положение: «Пока все идет сносно». Далее следовало деловитое перечисление некоторых событий (переход солдат на сторону восставших, освобождение политических заключенных и др.) и итоговое суждение: «Солдаты братаются с публикой, в общем настроение растет. Но — трудно понять, чем кончится все это». ¹⁷⁴

Между тем подавляющее большинство представителей буржуазной и немало представителей мелкобуржуазной интеллигенции восприняли революционный взрыв как некое светопреставление. Вокруг рушились низвергаемые народом обломки старого, веками возводившегося строя, а вместе с ними, как многим показалось, и обломки всего обжитого, привычного бытия. Неожиданно для самих себя дрогнули даже некоторые убежденные противники царизма. «Неужели старый порядок рухнул так быстро? — с недоумением писал в дневнике И. А. Боричевский. — Ведь за ним чуть ли не пять столетий... Трудно поверить: кажется не только всей душой, но всем телом ожидали этой страшной минуты, а между тем...». ¹⁷⁵ На память приходили где-то вычитанные сцены Великой Французской революции — штурмы тюрем и дворцов, пожары и разрушения памятников, закон о «подозрительных» и якобинский террор... Воображаемые ужасы «русского 14 июля», пусть даже не-

¹⁷¹ Маяковский В. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 136.

¹⁷² Там же. С. 137.

¹⁷³ Эвентов И. Маяковский в Петрограде — Ленинграде. Л., 1963. С. 113.

¹⁷⁴ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 194.

¹⁷⁵ Боричевский И. А. Дневник, л. 68.

когда «с тоской жданного», многих повергали в смятение. То была психологическая расплата за отъединенность от народа.

Здесь нелишне еще раз напомнить: царизм был свергнут в условиях достаточной зрелости предпосылок социалистической революции, гегемоном революционного движения был пролетариат, и поэтому февральская победа положила начало процессу перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Недаром думские буржуазно-либеральные деятели, по воспоминаниям осведомленного современника, и через несколько дней после свержения царизма «в душе, в разговорах наедине ужасались, содрогались и чувствовали себя плененными враждебной стихией, идущей каким-то неведомым путем». ¹⁷⁶ Так было, конечно же, и 27—28 февраля, причем «содрогались» не только «верхи» и думские деятели. «События разворачиваются невероятно, неожиданно... Трудно все переварить, весь день трясет как в ознобе», — читаем одну из дневниковых записей от 27 февраля. ¹⁷⁷ «Страшный день. Думал, что, пережив 1905 г. и два с половиной года войны, ко всему готов. Но события потрясают... Кажется, надо дойти до конца всего, все испытать», — записывал нервным почерком Д. В. Философов. ¹⁷⁸ «Да, невыяснимо все страшно. Небывало страшно», — признавалась З. Н. Гиппиус. ¹⁷⁹

К таким оценкам свершавшегося вела классовая позиция буржуазной интеллигенции, социальную психологию которой, противопоставляя социальной психологии пролетариата, В. И. Ленин очень точно характеризовал в 1908 г.: «Погодите, придет опять 1905 год. Вот как смотрят рабочие. Для них этот год борьбы дал образец того, *что делать*. Для интеллигенции и ренегатствующего мещанства, это — „сумасшедший год“, это образец того, *чего не делать*». ¹⁸⁰

Многие деятели искусства и науки в те дни беспокоились прежде всего о судьбе культурных ценностей. А. Н. Бенуа в апреле 1917 г. напоминал об опасениях

¹⁷⁶ Станкевич В. Б. Воспоминания. С. 33.

¹⁷⁷ Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 26, 28 об.

¹⁷⁸ Философов Д. В. Дневник, л. 33, 43 об.

¹⁷⁹ Гиппиус З. Синяя книга. С. 83.

¹⁸⁰ Ленин В. И. К оценке русской революции // Полн. собр. соч. Т. 17. С. 40.

художественной интеллигенции накануне революции. «„Утопист“, — писал Бенуа, — не пожалел бы красок для того, чтобы представить разбушевавшуюся стихию народной ярости. В пожарах Петербурга и Москвы погибли бы у него все дворцы тиранов; толпы униженных и оскорбленных напрягли бы все усилия, чтобы расплавить бронзовые кумиры деспотов; в гигантские костры были бы сложены эмблемы царской власти и все те предметы, которые напоминали бы о свергнутом иге...»¹⁸¹ «К стыду своему должен признаться, — продолжал Александр Николаевич, — что моя психология была не совсем чужда психологии всех петербургских обывателей. В понедельник я чувствовал себя очень и очень неуютно; подходя к окнам, я с унынием всматривался в панораму крыш, церквей и башен, расстилавшуюся с нашего шестого этажа. Все думалось, что я тут или там вдруг увижу черное облако дыма».¹⁸²

Артист Александринского театра Р. Б. Аполлонский рассказывал в начале марта, как он «в страшные исторические дни» приходил к зданию театра «даже под выстрелами и под крики толпы», чтобы «удостовериться — на месте ли он еще, цел ли он пока».¹⁸³ Несколько наиболее смелых и деятельных актеров являлись в помещение театра не просто ради того, чтобы удостовериться в его целостности, но и для несения дежурства, для принятия мер по охране театра.¹⁸⁴ В. А. Стеклова тянуло в родной университет. 28 февраля Владимир Андреевич не выдержал и направился на Университетскую набережную, обнаружив, что входные двери *Alma mater* заперты.¹⁸⁵

Многие почувствовали себя неуютно и оттого, что 27 февраля лишились газет — привычного источника информации и одного из признаков устойчивости окружающего мира. Впрочем, уже утром того же дня на совместном заседании бюро Общества думских журналистов и совета Общества петроградских журналистов был избран Комитет петроградских журналистов, который тотчас приступил к подготовке выпуска своих

¹⁸¹ Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 55.

¹⁸² Там же. С. 58. — А. Н. Бенуа жил на Никольской ул. (ныне ул. Глинки, 15).

¹⁸³ Театральная газета. 1917. № 10—11. С. 7.

¹⁸⁴ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. Л., 1927. С. 23.

¹⁸⁵ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, л. 19 об. ✓

«Известий». Ведущую роль в этом предприятии играли Л. М. Клячко, А. И. Ксюнин, Л. М. Неманов, А. А. Поляков, А. И. Гессен и другие газетчики. Взяв обязательство публиковать только «фактические сведения о событиях, а также все акты, которые будут иметь к ним отношение», Комитет заручился соответствующим разрешением Временного комитета Государственной думы, а затем и Исполкома Петроградского Совета.¹⁸⁶ Первый номер этих «Известий» бесплатно распространялся на улицах столицы вечером 27 февраля, а утром 28 февраля произошло гораздо более важное событие — выпуск группой рабочих во главе с В. Д. Бонч-Бруевичем и Р. Арским первого номера «Известий Петроградского Совета рабочих депутатов». ¹⁸⁷

Номера вышедших газет жадно расхватывали, читали группами. Д. И. Мушкетов, выйдя на улицу вечером, слушал возле фонаря громкое чтение выпуска «Известий» Комитета петроградских журналистов.¹⁸⁸ Ознакомился Мушкетов и с расклеенным на стене «объявлением» о ходе событий,¹⁸⁹ но в «объявлении», отмечает он, «было точно то, что я уже записал по телефону». ¹⁹⁰ Вот так — новости не только выслушивались, но и записывались, т. е. велась хроника событий, очевидно для того, чтобы позднее во всем самому разобраться и, может быть, другим помочь. С. П. Каблуков, не ограничиваясь записью услышанного и увиденного, вклеивал в дневник вырезки из «Известий». ¹⁹¹

Важным средством связи с внешним миром оставался телефон. 27 февраля Мушкетов «полдня провел с телефонной трубкой у уха, разговаривал со всеми углами города», и после всего этого голова у него «пухла от сообщений». ¹⁹² Но утром 28 февраля, когда, едва проснувшись, он снова взялся за трубку, в ней не было «ни гласа, ни послушания»: телефонная связь прервалась. Действительно, телефонистки покинули городскую стан-

¹⁸⁶ Известия (Комитет петроградских журналистов). 1917. 3 и 5 марта.

¹⁸⁷ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте — апреле 1917 г. Л., 1976. С. 73.

¹⁸⁸ Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 30.

¹⁸⁹ По-видимому, это было одно из обращений думского комитета или Исполкома Петроградского Совета.

¹⁹⁰ Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 29.

¹⁹¹ Каблуков С. П. Дневник 1917 г., л. 54—55.

¹⁹² Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 26 с об.

цию после того, как она перестала охраняться правительственными войсками. На станцию был отправлен революционный караул и механики. К концу дня 28 февраля телефонистки вернулись на работу.¹⁹³

В понедельник 27 февраля учреждения практически не работали, магазины были закрыты, «хвосты» возле них исчезли: большинство представителей средних слоев городского населения, если и выходили на улицу, то старались не слишком удаляться от дома. Зато у подъездов все время маячили пестрые по составу группки. Мушкетов (он жил на Васильевском острове) и ранним утром во вторник видел из окна «кучки беспокойно жаждущих новостей».¹⁹⁴ «Много раз снова и снова выходила я к воротам, — смотрела, слушала, ловя долетавшие отовсюду вести», — читаем в дневнике-воспоминаниях О. В. Синакевич.¹⁹⁵ Вести, передававшиеся как бы «по эстафете», обсуждались, иногда завязывались споры. Ю. М. Юрьев, проживавший на углу Каменноостровского и Кронверкского проспектов, рассказал в своих воспоминаниях как он, выйдя из дома «в надежде узнать что-либо о том, что происходит в городе», сразу натолкнулся на группу возбужденных людей. «Одни обрушивались на рабочих, обвиняя их в том, что они подняли восстание во время войны, другие толковали о предательстве правительства, об измене генералов. Крики, переругивания, доходившие чуть ли не до рукопашной...»¹⁹⁶

Революция началась, но что произойдет завтра? Как откликнется фронт и вся страна? Устоит ли царская власть и что она предпринимает? Что происходит в стенах Таврического дворца, что делают или собираются делать депутаты Государственной думы? Руководит ли кто-нибудь восставшими рабочими и солдатами? Не воспользуются ли гражданской междоусобицей в России германские войска для нанесения сокрушающего удара? На эти вопросы в среде буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции 27 февраля давались разноречивые ответы. Всего быстрее, буквально с каждым часом росла жажда услышать весть об организации новой власти, способной предотвратить «полную анархию». Именно

¹⁹³ Великие дни российской революции 1917 г. Пг., 1917. С. 20.

¹⁹⁴ *Мушкетов Д. И.* Личный зимний дневник, л. 28.

¹⁹⁵ *Синакевич О. В.* Жили-были, л. 49 об.

¹⁹⁶ *Юрьев Ю. М.* Записки. Т. 2. С. 235.

новой власти, ибо сохранение старой теперь, кроме всего прочего, угрожало невиданными массовыми репрессиями. Иные устремления имели разве что интеллигенты, тесно связанные с придворной камарильей.

Между тем, помимо рабочих и пролетарской интеллигенции, лишь студенчество активно участвовало в борьбе за свержение царизма. Уже в первой половине дня 27 февраля сотни и тысячи студентов вливались в ряды восставших. В Петроградском университете сходка постановила приступить к организации боевых и санитарных дружин.¹⁹⁷ Немало студентов в дни восстания проявили бесстрашие, пролили свою кровь в борьбе за свержение царизма. 6 студентов погибли, 19 получили ранения.¹⁹⁸ Широкую известность получил мужественный поступок погибшего в 22 года студента В. И. Хлебцевича, который заслонил от пуль сестру милосердия Е. Шупп,¹⁹⁹ находившуюся 27—28 февраля среди студентов. Е. Шупп рассказывала, что студенты и сестры милосердия испытывали необычайный подъем духа. Были голодными, но «очень веселыми» — непосредственно и несколько наивно передавала свои впечатления сестра милосердия, сама недавняя курсистка.²⁰⁰

Большая часть учащейся молодежи организовывалась при своих институтах, в которых с 27 февраля создавались студенческие комитеты. Одним из первых был создан и действовал весьма энергично комитет Технологического института в составе 16 человек.²⁰¹ От институтов студенческие дружины и группы, нередко возглавляемые студентами-большевиками, направлялись в различные районы города, обычно в близлежащие, и здесь вместе с рабочими и солдатами участвовали в занятии правительственных учреждений, в разгроме по-

¹⁹⁷ ЛГИА, ф. 14 (Петроградский университет), оп. 27, д. 101, л. 87.

¹⁹⁸ Вестник Временного правительства. 1917, 25 марта. — И. П. Лейберов подсчитал, что всего за дни революции в Петрограде были убиты 28 студентов и курсисток, 69 получили ранения (Лейберов И. П. На штурм самодержавия. С. 273).

¹⁹⁹ ЛГИА, ф. 14, оп. 27, д. 101, л. 87; Огонек. 1917. № 14. С. 216. — Гроб с телом В. И. Хлебцевича в начале марта 1917 г. перевезли на родину, в Сызрань. В Петрограде его провожали тысячи людей. В Сызрани Хлебцевич был похоронен на Кузнецкой площади.

²⁰⁰ ЛГИА, ф. 14, оп. 27, д. 101, л. 107 с об.

²⁰¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (далее: Известия Петроградского Совета). 1917. 10 марта.

лицейских участков, в арестах представителей старой власти и т. п. Часть студентов 27 и 28 февраля направлялась к Таврическому дворцу для получения заданий от Исполкома Петроградского Совета и Временного комитета Государственной думы. Видимо, главным образом в Таврическом дворце формировались «летучие санитарные отряды», разъезжавшие по городу в автомобилях. Членами одного из таких отрядов, оказывавших помощь пострадавшим, и были Хлебцевич и Шупп. Здесь же, в Таврическом дворце, представители студенческих комитетов получали задания обеспечить расквартирование воинских частей, прибывавших с ночи на 28 февраля из пригородов. Эти воинские части временно размещались в зданиях Технологического, Политехнического, Коммерческого, Женского политехнического институтов, а также институтов путей сообщения и гражданских инженеров.

Именно при высших учебных заведениях были созданы первые питательные пункты и временные столовые со складами продовольствия и санитарными пунктами. Университетские студенты взяли на себя организацию питательных пунктов на Васильевском острове и Петроградской стороне, разыскивая подходящие помещения, призывая публику приносить продукты.²⁰² Весьма деятельны были студенты-технологи, создавшие при институте продовольственную и столовую комиссии. Столовая комиссия предоставила в распоряжение солдат институтскую студенческую столовую и 17 питательных пунктов. Для организации снабжения продуктами гражданского населения Московского района студенты создали особую комиссию.²⁰³ Всего, по далеко не полным данным, петроградские студенты организовали 70 пунктов,²⁰⁴ часть которых имела неплохо налаженную отчетность за продукты. «Питательные пункты были и клубами. Где-нибудь в кофейне Филиппова или у „Пекаря” в комнатах, еще недавно наполненных подозрительными хищниками, кормившимися около военных подрядов, все залито серыми шинелями. На столе стоит студент и срывающимся голосом говорит о самодисципли-

²⁰² ЛГИА, ф. 14, оп. 27, д. 67, л. 22; д. 101, л. 87.

²⁰³ Известия Петроградского Совета. 1917. 21 марта. — По сведениям столовой комиссии, возможно несколько преувеличенным, студенты-технологи обеспечили обедами 15 тыс. солдат (там же).

²⁰⁴ Речь 1917. 13 апр.

лине, о свободе, о том, что великая республика не поддается немцам. Ему возражают, спорят, поддерживают... А тут же в уголке несколько студентов и студенток деловито разбираются в книгах, счетах и отчетах». ²⁰⁵

За устройство питательных пунктов при содействии студентов и по призыву Временного исполкома еще не сформировавшегося Петроградского Совета (призыв был опубликован вечером 27 февраля в «Известиях» Комитета петроградских журналистов) 28 февраля энергично взялись некоторые представители буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, прежде всего, конечно, женщины. Было зарегистрировано еще не менее 160 пунктов. ²⁰⁶ В представлении деятельных интеллигентов «кормление» голодного солдата было не только гуманным делом, но и средством предотвращения погромов и вообще формой некоего приобщения к революции. В помещения питательных пунктов, обозначенных белыми холщевыми плакатами, понесли продукты, самовары, посуду, в студенческие фуражки щедро сыпали деньги. Дамы вместе со студентами варили кашу, резали хлеб, наливали и разносили чай. Но отъединенность представителей интеллигентских верхов от революционного народа преодолевалась плохо. Солдаты, вспоминал В. Б. Станкевич, чувствовали, что от них «откупаются» и поэтому «сосредоточенно сидели и жевали, не выпуская из рук винтовок, не разговаривая даже между собой, не делясь впечатлениями, но каким-то стадным чувством сознавая что-то общее, думали по-своему, по-иному, по-непонятному и не поддающемуся истолкованию». ²⁰⁷

Нет оснований полагать, что так было на всех питательных пунктах, организованных буржуазной интеллигенцией, равно как и вряд ли следует быть уверенным, что там, где хозяйничали представители мелкобуржуазной, демократической интеллигенции, например учителя, контакты во всех случаях устанавливались легче. Вероятно, учителям действительно чаще удавалось устранять натянутость, но ведь атмосфера могла зависеть и от состава солдат, и от чисто человеческих качеств «хозяев» и «гостей», и от ряда привходящих обстоятельств.

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Станкевич В. Б. Воспоминания. С. 34.

28 февраля в квартирах появлялись патрули, разыскивавшие полицейских, жандармов, офицеров, требовавшие сдать огнестрельное оружие.²⁰⁸ А кое-какое оружие в квартирах некоторых интеллигентов действительно имелось. Тот же Д. И. Мушкетов, когда к нему явился патруль, безропотно расстался со своими двумя револьверами.²⁰⁹ В «доме Лидваля», где жил Ю. М. Юрьев,²¹⁰ обыски проводились многократно. «А тут еще ночью, — с досадой вспоминал Юрий Михайлович, — ко мне явилась растерянная М. Ф. Кшесинская — она бежала из своего дворца, расположенного недалеко от моего дома, и теперь искала у меня убежища, опасаясь эксцессов, и не без оснований...»²¹¹ Однако эксцессов и инцидентов при обысках в интеллигентских квартирах, как правило, не возникало, ибо рабочие и солдаты вели себя сдержанно, а интеллигенты сознавали неизбежность принимаемых мер уже потому, что о стрельбе полицейских с чердаков и крыш все были наслышаны.

Большое воздействие на настроение интеллигентской массы оказывали меры по охране порядка в городе. Некоторые студенты уже 27 февраля привлекались к борьбе за предотвращение эксцессов и в первую очередь к борьбе с погромщиками продовольственных складов и магазинов, с грабителями частных квартир. Преступный мир в тот день получил «пополнение» в лице 4000 уголовников, выпущенных из тюрем²¹² и принявших за свое дело.²¹³ Налаживание дозорной и патрульной службы пытался взять на себя Комитет военно-технической помощи объединенных научных и технических организаций (КВТП).²¹⁴

²⁰⁸ О проводившихся обысках упоминали на заседании Петроградского Совета 28 февраля (см.: *Токарев Ю. С.* Петроградский Совет... С. 39). — По официальному извещению, с утра 1 марта обыски проводились в домах, из которых накануне стреляли (Великие дни российской революции 1917 г. С. 29).

²⁰⁹ *Мушкетов Д. И.* Личный зимний дневник, л. 31.

²¹⁰ Этот дом (Каменноостровский, 1/3), построенный в начале XX в. архитектором Ф. И. Лидвалем, был одним из лучших доходных домов Петрограда.

²¹¹ *Юрьев Ю. М.* Записки. Т. 2. С. 235.

²¹² Вечернее время. 1917. 6 марта.

²¹³ См.: *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция. С. 262.

²¹⁴ Этот орган, созданный в 1915 г., имел непосредственной задачей мобилизацию сил научной и инженерно-технической интеллигенции для работы на нужды армии. В Петрограде КВТП объединял 23 научных и технических общества — таких, как Русское физико-техническое общество, Русское техническое общество, Обще-

27 февраля КВТП обратился к студенчеству с призывом записываться (в своих учебных заведениях) в «организацию для поддержания порядка в Петрограде». По существу это были первые шаги к созданию городской милиции, хотя такое название еще не использовалось. Студенты, записавшиеся в «организацию для поддержания порядка», прикрепляли на левый рукав белую повязку и принимали на себя обязанности: «1) прекращение бесполезной стрельбы; 2) отобрание оружия от малолетних и нетрезвых; 3) предотвращение грабежей; 4) наблюдение за порядком на улицах и в общественных местах и проч.». ²¹⁵

В тот же день Комитет военно-технической помощи выпустил воззвание к населению Петрограда, объявляя о намерении добиться «скорейшего установления уличного порядка». В воззвании говорилось об организации дозорной службы на автомобилях с белым флагом и патрульной службы, которую несли патрули во главе с постовым начальником. «Постовые начальники, — указывалось в воззвании, — следят за тем: 1) чтобы патруль стоял в одном пункте под ружьем; 2) чтобы не допускать пьянства; 3) чтобы не допускать стрельбы без приказаний; 4) чтобы предупредить и не допускать грабежа лавок и поджогов». ²¹⁶

Кто мог возразить против борьбы с грабежами, против борьбы с уголовно-анархическими элементами? Однако нельзя не обратить внимания на то, что КВТП под явственным влиянием Временного комитета Государственной думы придавал задачам борьбы за «порядок» буржуазно-обывательское толкование. Ведь в столице разворачивалось вооруженное восстание, шла решающая, беспощадная схватка сил революции и контрреволюции, а авторы воззваний усматривали в уличных событиях одни лишь «беспорядки», которые надлежало как можно скорее прекратить. Ориентируя студентов на устранение от участия в революционной борьбе, на

ство технологов и др. (ЦГИА СССР, ф. 691 (В. П. Семенников), оп. 1, д. 21, л. 19). Он возглавлялся оборончески, в основном про-кадетски настроенными учеными и инженерами. К участию в исследовательских работах КВТП привлек ряд крупных ученых (см.: Костенко М. П. Светлый, благородный образ // Александр Евгеньевич Ферсман: Жизнь и деятельность. М., 1965. С. 123).

²¹⁵ Известия (Комитет петроградских журналистов). 1917. 27 февр.

²¹⁶ Там же.

выполнение функции нейтральных стражей порядка, КВТП тем самым вел дело к изоляции студенчества от революционных рабочих и солдат и в конечном счете к подрыву основного условия эффективности участия студентов в борьбе против эксцессов.

Появление на улицах города студентов с белой повязкой на рукаве имело не столько практическое, сколько символическое значение. Дозорно-патрульная служба, организованная КВТП, помогала обывательской массе выбираться из шокового состояния, в чем и заключался главный эффект деятельности «организации для поддержания порядка в Петрограде». А основная тяжесть практической борьбы легла на плечи рабочей милиции, для которой охрана общественного порядка была частью задачи революционной борьбы за свержение царизма.

Формирование рабочей милиции началось в пролетарских районах города уже 27 февраля и широко развернулось на следующий день. В ночь на 28 февраля Исполком Петроградского Совета по инициативе большевиков постановил создавать рабочую милицию на фабриках и заводах в расчете по 100 человек на 1000 рабочих. Рабочая милиция незамедлительно начала выставлять посты на улицах Петрограда.²¹⁷

Формирование рабочей милиции вынудило буржуазных деятелей принять новые меры, которые помогли бы им взять в свои руки организацию службы охраны порядка. В этом они нашли поддержку со стороны эсеро-меньшевистских лидеров Исполкома Петроградского Совета. По поручению Временного комитета Государственной думы обязанности непосредственного организатора взяла на себя Городская дума. Было решено приступить к созданию городской милиции, первоначальной основой которой стало бы студенчество. На 8 часов вечера 28 февраля в Александровском зале Городской думы назначалось собрание студентов, желавших вступить в милицию. Студентам предлагалось явиться с матрикулами или иными документами, удостоверявшими принадлежность к высшему учебному заведению. Собрание состоялось, и запись студентов в городскую милицию началась.²¹⁸

²¹⁷ *Старцев В. И.* Очерки по истории петроградской Красной гвардии и рабочей милиции. М.; Л., 1965. С. 41—47.

²¹⁸ Великие дни российской революции 1917 г. С. 18, 31.

Уже днем и особенно к вечеру 28 февраля настроение интеллигентской публики стало улучшаться. Правда, в городе еще слышалась стрельба, обыски продолжались, кое-где орудовали уголовники, но то, что кульминация событий позади, что всеразрушающая анархия не воцарилась, многие с облегчением поняли. А. Н. Бенуа, который 27 февраля чувствовал себя «очень и очень неуютно», на следующий день был в ином состоянии: «...уже во вторник, несмотря на действительно появившееся облако дыма от горящего Окружного суда и на языки пламени, лизавшие стены Литовского замка, я как-то ощутил наличность „чуда“, и сразу стало яснее на душе. Даже трескотня пулеметов совершенно не действовала устрашающим образом — до того на всех лицах было написано сознание уже одержанной победы и убеждение в том, что „вот теперь все пойдет к лучшему“. А ведь известно, что кто чувствует себя действительно победителем, тот уже и способен щадить низверженного врага. И тем более он с чувством мудрого хозяина щадит все то, чем владел враг и что по праву победы досталось победителю».²¹⁹ Разрушений и повреждений культурных ценностей при столь бурном течении уличных событий действительно было немного: здания Окружного суда и Литовского замка (они загорелись не 28, а 27 февраля) да несколько статуй и ваз возле Большого Ораниенбаумского дворца.²²⁰

Если накануне интеллигентская публика, едва выйдя из дома, стремилась опять под крышу, то 28 февраля многие впервые за два, а то и за три дня направились в город. «Выстрелы, раздававшиеся по городу и наводившие на первых порах панический страх, уже не казались такими страшными и не удерживали дома», — вспоминал Ю. М. Юрьев.²²¹ Городской транспорт не работал, и все шли пешком, преимущественно к центру города и к Таврическому дворцу. Из проносившихся грузовиков студенты бросали в толпу листовки, и «те, кто посмелее, быстрее, бросались к автомобилям, бежали вслед, протягивая руку».²²² Душевное состояние некоторых было очень приподнятым. «Как и все, — чи-

²¹⁹ Александр Бенуа размышляет... С. 58.

²²⁰ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 64.

²²¹ Юрьев Ю. М. Записки. Т. 2. С. 236.

²²² Сперанская В. Н. Записи по памяти // ОР ГПБ, ф. 1960, д. 352, тетр. № 2, л. 14.

таем записи О. В. Синакевич, — шла почему-то не по панели, а посреди улицы, благо не было ни трамваев, ни извозчиков, — и радостно, полной грудью вдыхала свежий утренний воздух. И мне казалось, что и дышится сегодня совсем по-новому, легко и вольно, „словно после грозы“. Казалось также, что и все другие вокруг с таким же радостным облегчением расправляли свои легкие». ²²³

И все же отнюдь не все испытывали «радостное облегчение». Часть интеллигенции и 28 февраля ожидала бед, угрожавших «изнутри» и «извне». «Толпа благодушно настроена, но, думаю, будет резня», — меланхолично размышлял К. А. Сомов, вернувшись домой с прогулки. ²²⁴ Ю. В. Ломоносова тревожило другое: «Придет с фронта дикая дивизия с артиллерией, и от всего восстания только мокро останется». ²²⁵

В общем умонастроение и психологическое состояние все-таки было разнородным и неустойчивым. Те, кто не ощущал «наличность чуда», особенно охотились на слухи и сообщения о формировании новой правительственной власти — Временного комитета Государственной думы в Таврическом дворце. Публика ознакомилась с обращением полковника Э. А. Энгельгардта, назначенного думским комитетом комендантом гарнизона, с изложением речей М. В. Родзянко, П. Н. Милюкова, А. Ф. Керенского, которые, как обрадованно отмечал Мушкетов, призывали «к порядку». ²²⁶ Еще более обнадеживало появление на улицах первых милиционных постов. Но в то же время среди части интеллигенции росло недовольство нерешительностью и медлительностью действий думского комитета. «Скверно! Думское правительство заседает в Думе и что-то ждет, верно согласия царя на свое низложение! Глупо. Надо было бы скорее организовать власть. Найти хороших военного и морского министра и министра внутренних дел, юстиции и т. д.», ²²⁷ — записывал в свой дневник В. А. Стеклов. Петроградский Совет и его Исполком поначалу не принимались в расчет Стекловым и многими другими, что было следствием недостаточной

²²³ Синакевич О. В. Жили-были, лл. 52 об. — 53.

²²⁴ Константин Андреевич Сомов. С. 174.

²²⁵ Ломоносов Ю. В. Воспоминания. С. 19.

²²⁶ Мушкетов Д. И. Личный зимний дневник, л. 30.

²²⁷ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, л. 20.

осведомленности о положении дел и еще более — следствием глубоко укоренившихся представлений о форме государственной власти. Но были и такие представители буржуазной интеллигенции, которые весьма быстро обратили внимание на особую роль Петроградского Совета, и не только обратили внимание, но и встревожились. В первую очередь это были интеллигенты, некогда причастные к социал-демократическому или неонародническому движению, сохранившие связи с деятелями мелкобуржуазной демократии и сравнительно неплохо осведомленные не только о тактике либералов, но и о тактике революционеров.

В Москве, где, как уже отмечалось, революция началась 28 февраля, а решающие события развернулись 1 марта, настроения буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции были примерно такими же, как и в Петрограде.

Часть московского студенчества, хотя оно в целом и считалось более «академичным», чем студенчество петроградское, сразу же поддержала революционных рабочих. По донесению ректора Московского университета градоначальнику, 28 февраля «в связи с распространявшимися вчера слухами о событиях, происшедших в Петрограде, сегодня в университете наблюдалось неспокойное настроение студентов и не состоялись лекции, читаемые в старом здании университета на медицинском и физико-математическом факультетах».²²⁸ В аудиториях и коридорах разбрасывалась листовка Бюро ЦК РСДРП, выпущенная в ноябре 1916 г. и призывавшая к свержению царизма и завоеванию демократической республики. Несколько сот студентов направились на Воскресенскую площадь к зданию Городской думы для участия в демонстрации. «Одновременно с тем, — сообщал ректор, — группа студентов вошла в городской лазарет, находившийся в здании юридического корпуса, отобрала у попечительницы лазарета М. Ф. Акимовой все перевязочные материалы и снесла их в лабораторию медицинской химии, намереваясь, по-видимому, устроить там нечто вроде перевязочного пункта. На историко-филологическом и юридическом факультетах лекции шли нормально, на математическое отделение ворвалась толпа студентов разных учебных заведений

²²⁸ Московское студенчество и профессура накануне Февральской революции // Красный архив. 1933. Т. 3. С. 128.

и увлекла за собой находившихся там студентов на улице». ²²⁹ Имеются сведения, что студенты-медики, занимавшиеся в клиниках на Девичьем поле, 28 февраля создали боевую дружину. Эта дружина вела революционную агитацию, участвовала в захвате охранки, в ликвидации полицейских участков. Студенты из Замоскворечья вместе с рабочими добились присоединения к революции солдат 55-го запасного пехотного полка, размещавшегося в Александровских казармах. ²³⁰ Немало студентов активно участвовало и в событиях последних революционных дней.

В то же время в верхнем и среднем слое московской интеллигенции не затухали тревога и смятение. «Первого марта, я помню, — говорил через 10 дней на собрании писателей А. Н. Толстой, — у всех был только один страх, — кабы не произошла неуместная жестокость, не пролилась кровь». ²³¹ А затем — ликование, искреннее и не совсем, при сохранении в глубине души горького и тревожного ощущения, что полного единства с народом, совершившим революцию, не достигнуто. «Мимо нас, — сокрушался А. Я. Таиров, — проносились моторы, мимо — шли войска, мимо — заливая снежные улицы, перекатывались мощные волны рабочих. А мы стояли на тротуарах, за чертой, за цепью — зрители той непостижимой мистерии, что творилась на наших глазах! Взволнованные, с горячим ликованием в сердцах, трепетно встречали мы грядущую свободу, но отраженными были наши чувства — чувства зрителя мирового театра, на арене которого творили жизнь зодчие новой России». ²³²

Провинциальная интеллигенция встречала революцию, уже одержавшую решающую победу в политическом центре страны, в обеих ее столицах. На местах предстояло завершить дело, начатое революционным Петроградом. А это предопределяло существенно иную политическую и психологическую атмосферу. Она была насыщена неполными и неточными, но все же торжественными, поднимавшими дух известиями о свершенном в Петрограде и Москве. «Столицы, — отмечал

²²⁹ Там же. С. 128—129.

²³⁰ *Бурджалов Э. Н.* Вторая русская революция: Москва, Фронт. Провинция. М., 1971. С. 26—27.

²³¹ Русские ведомости. 1917. 14 марта.

²³² Театральная газета. 1917. № 13—14. С. 14.

В. И. Ленин, — или вообще крупнейшие торгово-промышленные центры (у нас в России эти понятия совпадали, но они не всегда совпадают) в значительной степени решают политическую судьбу народа, — разумеется, при условии поддержки центров достаточными местными, деревенскими силами, хотя бы это была не немедленная поддержка». ²³³

В городах на периферии страны революционный переворот осуществлялся в условиях дезорганизации и деморализации старой власти. Открытого сопротивления она оказать не могла. Поэтому революционные рабочие, присоединявшие к себе солдат местных гарнизонов, как правило, быстро добивались смещения высших чинов царской администрации, ареста многих из них, ликвидации жандармерии, а кое-где и полиции, освобождения политических заключенных. Наиболее высокая волна революции прокатилась по городам страны 1—3 марта. В народные революционные шествия, не сопровождавшиеся какими-либо эксцессами, вливались студенты, представители низших и средних слоев интеллигенции. Из среды интеллигентов, партийных и беспартийных, выдвигались организаторы органов новой местной власти в лице общественных комитетов, получивших различные названия. Например, в Томске, где интеллигенция составляла сравнительно значительную прослойку городского населения, временный Комитет общественного порядка и безопасности возглавил юрист Б. Ган. ²³⁴ Впрочем, реальной властью на местах, особенно в рабочих центрах, во все большей мере располагали Советы рабочих и солдатских депутатов, к созданию которых массы приступали при ведущем участии большевиков в первых числах марта.

Большинство городской интеллигенции, по крайней мере внешне, ликовало. Вот как описала томская газета настроение жителей университетского города Сибири 1—2 марта: «Весть о государственном перевороте, как о величайшем счастье России, об этой Синей птице, которая живет в мечтах сынов своей страны, снизу доверху всколыхнула население города. Появившиеся еще накануне вечером слухи, нашедшие подтверждение в полу-

²³³ Ленин В. И. Выборы в Учредительное собрание и диктатура пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 40. С. 6—7.

²³⁴ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция : Москва. Фронт, Провинция, С. 236.

ченных редакцией «Сибирской жизни» телеграммах, собирали около ее помещения толпу, проникшую внутрь здания и не расходившуюся до позднего вечера. На улице пешие и едущие вливались в печатные строки телеграмм и, не веря глазам, перечитывали их. Около редакции и на Почтамтской улице, от Ямского переулкa и до Юрточной горы образовалось скопление людских масс, внимательно слушавших чтение телеграмм под городскими фонарями, около лампочек в окнах магазинов. Так было до 10 часов вечера. Встречавшиеся знакомые радостно жали руки, сыпались поздравления!». ²³⁵

Радостно встречали с трудом доходившие до них вести из столицы сельские интеллигенты — народные учителя, земские врачи и агрономы. В отдельных уездах и волостях весь процесс протекал замедленно, без обычных для городских условий ослепительных вспышек торжества. Территориальная разобщенность интеллигентов, запоздалая и скудная осведомленность о событиях в центре сдерживали проявление общественно-политической активности. Иначе было во многих уездах промышленного центра страны, где интеллигенты нередко играли значительную роль в начинавшихся преобразованиях. Журнал «Врачебная жизнь» поведал, в частности, о большой активности калужских врачей. Многие из них вошли в состав различных комитетов, а некоторые заняли в них руководящее положение. С удовлетворением отмечалось «благожелательное» отношение к общественно-активным врачам со стороны крестьян. ²³⁶ Отсюда, однако, не следует, что и в других губерниях именно врачи выделялись своей активностью.

По-видимому, наиболее деятельными в начале марта были уездные и сельские учителя промышленного центра страны. В первую очередь это относится к учителям Московской губернии. «Быстро были созваны районные совещания и организованы районные группы, — сообщал учительский журнал. — В ближайшее воскресенье, 5 марта, во многих селениях под руководством учащихся уже прошли многолюдные организованные митинги, на которых народу освещался исторический ход и смысл событий и намечалась очередная политическая работа. Митинги проходили при блестящем порядке, при восторженном настроении народа. Это были настоящие поли-

²³⁵ Сибирская жизнь. 1917. 3 марта.

²³⁶ Врачебная жизнь. 1917. № 4. С. 3.

тические праздники, в иных местах, например в селе Пушкине, с участием военного оркестра и с участием гостей — делегатов от местных военных частей. Деревенские женщины-гражданки в порыве благодарности и политического восторга просили разрешения у председателя митинга покачать на руках докладчиков». ²³⁷ Другой журнал, соглашаясь, что в деревнях Московской губернии «внешний лик революции был торжествующе праздничным», вместе с тем объективно отмечал ведущую роль пролетариата: «На раскаты московской и петроградской грозы всего скорее и решительнее откликнулись разбросанные по губернии фабричные центры, где было много организованных рабочих и войск, которых старый режим с близорукой заботливостью припас для борьбы с рабочим движением. Там быстро организовывались рабочие и солдатские комитеты, старая власть была сметена первым же натиском почти без сопротивления, и весь переворот получил еще более резкую пролетарскую окраску, чем в крупных городских центрах. Только потом к рабочему ядру примкнули кооперативы, земская интеллигенция...» ²³⁸

Создание революционным творчеством масс, ведомых рабочим классом, Советов рабочих и солдатских депутатов — органов революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства — стало важнейшим показателем начала процесса перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Столичная интеллигенция, оказавшись в эпицентре «революционного вихря», в своем большинстве заняла позицию встревоженного, растерянного наблюдателя, опасавшегося неясных для него перспектив. И социальные, и психологические особенности облика буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции делали такую ее позицию предсказуемым, закономерным явлением. Столь же закономерным было присоединение к рабоче-солдатским массам многих студентов — наиболее отзывчивой части интеллигенции.

Февральская революция в Петрограде, несмотря на предельно острые формы борьбы противостоящих сил (более 300 убитых и 1100 раненых), несмотря на участие в различных событиях десятков и сотен тысяч крайне возбужденных людей, не сопровождалась разгулом

²³⁷ Для народного учителя. 1917. № 4. С. 3.

²³⁸ Общественный врач. 1917. № 1/3. С. 158.

анархии, актами вандализма и пр. Это очень важное, знаменательное обстоятельство, а также то, что непосредственной, публично провозглашаемой задачей революции было свержение прогнившего царского самодержавия и завоевание политической свободы, сравнительно быстро успокаивало, ободряло столичную интеллигентскую массу. На местах же революционный переворот проводился после решающего успеха в центре, при отсутствии открытого сопротивления старых властей. Буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция здесь сразу же выступила как часть революционно-демократических сил, и ее позиция во многом способствовала возникновению мимолетной ситуации, которую В. И. Ленин охарактеризовал как «„момент“ всеобщего слияния классов против царизма». ²³⁹

²³⁹ Ленин В. И. Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 248.

Глава II

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ПОСЛЕФЕВРАЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ БОРЬБЕ

1. Развитие революции и умонастроения интеллигенции

Февральский революционный «вихрь» смел царизм. Официальная государственная власть перешла в руки буржуазного Временного правительства, сформированного Временным комитетом Государственной думы по соглашению с Исполкомом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, который как орган революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства занял положение «контролирующей» власти. Он пользовался безоговорочной поддержкой народа, солдатских масс и, следовательно, обладал реальной силой, несравненно большей, чем Временное правительство. Так возникло двоевластие, временное, переходное состояние государственной власти.

Классовым источником двоевластия было численное преобладание в стране мелкой буржуазии — двойственной по своей социальной природе массы. Революция резко привела эту массу в движение, подняла, как образно заметил В. И. Ленин, гигантскую мелкобуржуазную волну, которая «захлестнула все».¹ На гребне этой волны поднялись партии меньшевиков и эсеров, занявшие преобладающее положение в столичных и многих местных Советах. Стремительный переход от самодержавно-полицейских порядков к политической свободе вскружил голову многим, породил так называемые «мартовские настроения» — ликование по поводу великой победы и наивную веру в приход социального мира и общего согласия.

¹ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

Однако двоевластию и доверчивому отношению масс к буржуазному правительству была уготована недолгая жизнь. Положение складывалось так, что эффективные меры решения насущнейших задач практически означали бы поэтапное продвижение, «шаги» к торжеству социалистической революции. Конкретное и всестороннее обоснование плана этого продвижения, плана перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую содержали исторические Апрельские тезисы В. И. Ленина и другие его работы того периода. Основой ленинского плана, принятого партией большевиков, был лозунг перехода всей государственной власти в руки Советов. Это был курс на мирное развитие революции. В обстановке завоеванных народом широких демократических свобод («Россия *сейчас* самая свободная страна в мире из всех воюющих стран»²), при отсутствии у буржуазии и ее правительства возможности применить насилие вся государственная власть могла перейти в руки Советов беспрепятственно. А это расширило бы возможность дальнейшего мирного развития революции.

Тактика большевиков, которой руководствовалась и пролетарская интеллигенция, принципиально отличалась от тактики мелкобуржуазных социалистов. Если большевики уже в марте 1917 г. разоблачали контрреволюционность буржуазного Временного правительства, призывали массы и их организации к дальнейшим завоеваниям, к осуществлению требований народа революционным путем («явочным порядком»), то меньшевики и эсеры, мелкобуржуазные интеллигенты, входившие в состав этих партий, проводили политику сотрудничества с буржуазией. В противоположность большевикам мелкобуржуазные партии заявляли о «неготовности» России к социалистической революции, о недопустимости перехода всей власти к Советам. Согласно программно-тактическим установкам меньшевиков и эсеров, буржуазному правительству, контролируемому Советами, предстояло обеспечить созыв Всероссийского Учредительного собрания и этим «увенчать» победу революции. До созыва Учредительного собрания, открывающего «правовую эру», утверждали мелкобуржуазные деятели, не следует

² Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Там же. С. 114.

осуществлять крупные социально-экономические преобразования, провозглашать республику.

Буржуазные партии, среди которых доминирующее положение заняли кадеты, стремились по меньшей мере остановить дальнейшее развитие революции. Большинство буржуазных деятелей, в том числе почти все политически активные буржуазные интеллигенты, хотели путем реформ ввести Россию в «семью западных демократий». Но проведение реформ в революционное время, в условиях «анархии» считалось опасным. Поэтому первоочередной целью кадетов и их сторонников было укрепление буржуазной правительственной власти и «наведение порядка». По этой же причине Временное правительство не спешило с подготовкой Учредительного собрания.

Поскольку буржуазные партии и их Временное правительство не располагали возможностью применить насилие, основным средством воздействия на массы становились посулы и обман. Особое значение придавалось продолжению участия России в империалистической войне, что, помимо прочего, создавало благовидный предлог для призывов к «единению сил» перед лицом внешнего врага, к «порядку и дисциплине», к напряженной работе на нужды фронта и пр. А все это, как надеялись лидеры буржуазных партий, должно было способствовать обузданию «анархии», т. е. революции. Мелкобуржуазные соглашатели способствовали осуществлению этих замыслов, изобретя тезис о коренном изменении характера участия России в войне после победы Февральской революции. Война стала-де лишь «революционной обороной» против милитаристской кайзеровской Германии, и в это поверили многие, прежде всего мелкобуржуазные массы. В. И. Ленин отмечал, что настроения «революционного оборончества» — «злейший враг дальнейшего движения и успеха русской революции».³ Покончить с империалистической войной, разъясняли большевики, можно было лишь обеспечив переход всей власти к Советам.

Развитие революции, ее перерастание из буржуазно-демократической в социалистическую продолжалось. Возглавлял массовое движение пролетариат. Его роль

³ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Там же. С. 159.

боевого авангарда, гегемона революции еще более возросла.

В начале марта 1917 г. пролетарии Петрограда и Москвы продолжали забастовку, добивались введения 8-часового рабочего дня, повышения зарплаты, демократизации внутризаводских порядков. Этому же требовали рабочие и в провинции. Всюду разворачивался процесс строительства пролетарских организаций — Советов, фабрично-заводских комитетов, профсоюзов. В ходе борьбы делались первые шаги к установлению рабочего контроля над производством. Повсеместно с предприятий изгонялись те мастера, инженеры, управляющие и директора, которые были известны как ярые приверженцы царского строя и которые жестоко обращались с рабочими. Особенно ненавистных инженеров и администраторов арестовывали, вывозили за ворота заводов на тачках. Преобладало, однако, тяготение к организованности, к недопущению анархических выходов.

Широкий размах приняло и солдатское движение. Большое влияние на его рост оказал знаменитый приказ № 1 Петроградского Совета, отразивший основные требования солдатских масс. Действуя согласно положениям приказа, солдаты и матросы избирали свои комитеты, обладавшие значительными полномочиями. Крестьянское движение ширилось медленнее. Но и в деревне появлялись признаки революционного брожения. Там создавались Советы крестьянских депутатов, земельные комитеты, которые способствовали росту извечной крестьянской борьбы за землю.

Помня о всей сложности, своеобразии общеполитического положения, и необходимо судить о настроениях русской буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции после победы Февральской революции.

На первый взгляд может показаться, будто вся масса интеллигенции в марте — апреле 1917 г. предавалась ликованию в связи с обретением политической свободы. На самом же деле для определения политических настроений и социально-психологического состояния различных интеллигентских слоев однозначные оценки не годятся. В действительности все было многообразно, многолико. В настроениях интеллигенции обнаруживаются и полярные крайности, и промежуточные состояния, и сочетание, казалось бы, несочетаемого. Индивидуализм и мировоззренческий эклектизм, расплывчатость

социальных идеалов и нечеткость политических взглядов, наконец растерянность и «спутанность мыслей» (на последнее жаловались многие интеллигенты) — все это исключает жесткую схематизацию. От нее отказываются историки, исследующие позицию интеллигенции в период победы Великого Октября.⁴ Такой подход обязателен, очевидно, и для изучающего позицию интеллигенции в предоктябрьское время. Это поможет полнее и точнее судить о всей сложности общественно-политической атмосферы весны 1917 г., поможет глубже уяснить ленинское положение о размежевании внутри «революционной демократии», о процессе классовой борьбы с начала марта 1917 г.⁵

Еще в 1902 г. В. И. Ленин отмечал как факт, что непролетарская интеллигенция может быть одной из опор только буржуазно-демократического движения. «А в момент политического переворота, — продолжал Ленин, — и на другой день после этого переворота этот факт неизбежно скажется еще с гораздо большею силой». ⁶ Ленинское предвидение полностью подтвердилось в дни Февральской революции и сразу после ее победы. В период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую изменилась расстановка классово-партийных сил, образовались три новых лагеря: «Кадеты заняли место монархии. Церетели и Черновы заняли место кадетов. Пролетарская демократия заняла место *действительно* революционной демократии». ⁷ Такая передвижка имела отношение и к классово-партийной позиции интеллигенции — буржуазная интеллигенция в преобладающей части сдвинулась вправо, оказавшись в одном лагере с кадетами, а мелкобуржуазная интеллигенция вслед за эсерами и меньшевиками в своей массе покинула лагерь революционной демократии. В нем вместе с рабочим классом и беднейшим крестьянством находилась пролетарская интеллигенция.

Однако здесь еще раз следует напомнить о недопустимости жесткой схематизации. Политическая дезори-

⁴ См.: Фведюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 32—34.

⁵ См.: Ленин В. И. Мелкобуржуазная позиция в вопросе о разрухе // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 248—249.

⁶ Ленин В. И. Почему социал-демократия должна объявить решительную и беспощадную войну социалистам-революционерам? // Там же. Т. 6. С. 374.

⁷ Ленин В. И. Классовый сдвиг // Там же. Т. 32. С. 386.

ентация («спутанность мыслей») и временное, но резкое возрастание роли эмоций представляют историку, что уже отмечалось во введении к книге, при рассмотрении позиции немалой части буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции материал, который чаще позволяет судить не о уже сформировавшихся политических взглядах, а о неопределенно-переходных умонастроениях, социально-психологическом состоянии. Это имело место не только сразу после свержения царизма, но и позднее, тем более после победы Великого Октября, когда, как отмечал В. И. Ленин, для тех непролетарских элементов, которые утратили историческую перспективу, было характерно состояние растерянности и запуганности.⁸

Красные банты, появившиеся весной 1917 г. на груди некоторых представителей верхнего, буржуазно-либерального слоя интеллигенции, далеко не всегда свидетельствовали об их революционности. Они сознавали или инстинктивно чувствовали, что действительность оправдала, а кое в чем и превзошла их недавние опасения, что революция уже зашла дальше приемлемого для них предела, не остановилась, продолжает развиваться. Не случайно в книжных магазинах расхватывали все издания, которые могли бы помочь разобраться в неясном для многих вопросе: «Что такое социализм?». «Быстрым темпом революция из политической становится социальной, причем весьма невовремя», — мрачно помечал 13 марта в своем дневнике С. П. Каблуков.⁹ З. Н. Гиппиус записывала, как после «незабвенного утра» 1 марта, когда ей все вокруг показалось светлым и радостным, поздним вечером, после рассказов Иванова-Разумника (Р. В. Иванова) об обстановке в Таврическом дворце, о якобы проповедуемой Советом рабочих и солдатских депутатов «пугачевщине» она, Д. С. Мережковский и близкие к ним по умонастроению «пали духом», окунулись в «ужаснейший мрак».¹⁰ Из этого «мрака» Гиппиус, Мережковский и их единомышленники так и не выбрались во все последующие месяцы и годы.

⁸ См.: Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Там же. Т. 35. С. 191—192.

⁹ Каблуков С. П. Дневник 1917 года // ОР ГПБ, ф. 322, д. 44, л. 42.

¹⁰ Гиппиус З. Синяя книга: Петербургский дневник: 1914—1918. Белград, 1929. С. 90, 92—94.

Не все «павшие духом» могли утаить или считали нужным утаивать свое состояние, но и афишировать его они не стремились. Обращает на себя внимание, что некоторые специальные журналы (например, «Вопросы философии и психологии», «Инженерный журнал», «Русский врач», «Архитектурно-художественный еженедельник») сначала устроили нечто вроде заговора молчания вокруг победы революции. Впрочем, «Вопросы философии и психологии», «Инженерный журнал» продлили этот «заговор» на весь 1917 г. Последний из номера в номер демонстративно публиковал нескончаемый обзор военных действий под Верденом, ни словом не упоминая о революционных событиях в России. Редколлегия «Русского врача», выдержав продолжительную паузу, стала-таки публиковать кое-какие политические документы под рубрикой «Хроника и мелкие события».

Это была не только и не просто аполитичность, но и своеобразная форма неприятия революции. Редакторы «Архитектурно-художественного еженедельника» в конце концов сочли нужным достаточно откровенно разъяснить свою позицию, причины полуторамесячного молчания журнала после свержения царизма. Архитектор О. Р. Мунц в программной статье «Заря свободы и вечное искусство» писал, что до революции архитекторы «почти не испытывали, надо иметь смелость сознаться», гнета самодержавия, как художники. Трудно сказать, продолжал Мунц, как отразятся «великие события» на «путях нашего искусства», однако «мечты о прошлом, как бы ни были они заманчивы, будут теперь оставлены...»¹¹

Как видим, в среде буржуазной интеллигенции, в том числе прокадетской, находили себе место даже «заманчивые мечты о прошлом». Правда, представители этой среды, как правило, не желали реставрации самодержавного строя. В той же статье Мунца отмечалось, что близкий ему круг архитекторов, не ощущавший стеснений в творчестве, испытывал страдания «как граждане». Но эти «граждане» привыкли находиться не на нижних, а на верхних ступенях общественной иерархии, привыкли к преуспеванию в своей области занятий, к пользованию различными льготами, материальным достатком. А что если народная революция, которая про-

¹¹ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14, С. 73, 74.

должает развиваться, перевернет вверх дном весь строй жизни? Эти страхи имели отчетливые социальные, классовые истоки.

Большинство из непринявших Февральскую революцию, перераставшую, при ведущей роли пролетариата и его партии, из буржуазно-демократической в социалистическую, тщательно скрывали свои настроения, жили двойной жизнью. Один из знакомых О. В. Синакевич, указывая на прикрепленный к его пальто огромный красный бант, сказал в объяснение и оправдание: «Без этого теперь опасно показываться на улице». ¹² Синакевич писала в дневнике, как ей было «больно и обидно» наблюдать за людьми, в том числе из среднего слоя интеллигенции, которые относились к революции отрицательно, но спешили свидетельствовать ей свою «преданность» тем, что прикалывали к груди банты и во всеуслышание называли свергнутого царя «Николашкой», а царицу «Сашкой». О сходных наблюдениях сообщает В. Б. Станкевич: «Официально торжествовали, славословили революцию, кричали „ура“ борцам за свободу, украшали себя красными бантами и ходили под красными знаменами... Дамы устраивали питательные пункты. Все говорили „мы“, „наша“ революция, „наша“ победа и „наша“ свобода. Но в душе, в разговорах наедине — ужасались, содрогались и чувствовали себя пленными враждебной стихией, идущей каким-то неведанным путем». ¹³

Буржуазная пресса пыталась успокоить «содрогавшихся». Например, кадетская «Речь» призывала не бояться «резкости слов, остроты выступлений» на митингах, ибо резкость протеста «всегда прямо пропорциональна молчанию, которое им предшествовало». Газета уговаривала своих читателей обрести «душевную бодрость», «не нервничать», ибо это «вернейший способ выбраться из хаоса и организовать стихию», «дать ложе лаве, вылившейся из вулкана». ¹⁴ Кадетский орган иногда даже расшаркивался перед революционным народом. Но вот перед нами мемуары редактора «Речи» Гессена. Оказывается, как откровенно признает он, все было лицемерием. «Положительно утверждаю, — заявлял Гессен, — что ни одной минуты не верил, что рево-

¹² Синакевич О. В. Жили-были // ОР ГПБ, ф. 163, д. 347, л. 69.

¹³ Станкевич В. Б. Воспоминания: 1914—1919. Л., 1926. С. 33.

¹⁴ Речь. 1917. 11 марта.

люции удастся прекратить разруху, обуздать стихию, всеми фибрами души ощущал, что мы стоим на наклонной плоскости, на которой удержаться немислимо, а куда соскользнем — не вижу, и сохраним ли при этом голову на плечах — не думаю». ¹⁵ Я, продолжал Гессен, в своих статьях «провидел „зарю новой жизни“, приветствовал „сознательность революционной армии“, не веря ни одному слову, все было кимвал бряцающий, становился сам себе противен и некуда от себя самого было скрыться». Гессен утверждал, что такое состояние было характерно для тех буржуазно-интеллигентских кругов, в которых он вращался. ¹⁶

Не может быть обойдена позиция идеологов «веховства». Их воззрения В. И. Ленин характеризовал как *энциклопедию либерального ренегатства*, ¹⁷ в свое время имевшую «громадный успех среди либерально-буржуазного общества» и вызвавшую «недостаточный отпор и недостаточно глубокую оценку в лагере демократии». ¹⁸ Глубоко вскрывая реакционную сущность «веховства» и призывая к неустанной борьбе с ним, Ленин указывал, что оно, либеральное ренегатство, будет активно проявлять себя во всех капиталистических странах. ¹⁹ Воззрения «веховцев» и по сей день широко используются буржуазными и ревизионистскими «советологами» для борьбы с марксизмом. ²⁰ Поэтому показ контрреволюционной и антинародной, подчас двуличной сущности позиции «веховцев», их идейно-политического крушения в 1917 г. остается актуальной задачей.

В марте — начале апреля 1917 г. «веховцы» и прежде всего лично П. Б. Струве, увидев «содрогания» части интеллигентов, решили, что настал час для попытки резко усилить свое влияние. Потому-то и были приняты экстренные меры для издания в дополнение к «Русской мысли» более популярного журнала «Русская свобода».

¹⁵ Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Т. 22. Берлин, 1937. С. 356.

¹⁶ Там же. С. 356, 362.

¹⁷ См.: Ленин В. И. О «Вехах» // Полн. собр. соч. Т. 19. С. 168.

¹⁸ Ленин В. И. Еще один поход на демократию // Там же. Т. 22. С. 82.

¹⁹ См.: Ленин В. И. Политические споры среди либералов // Там же. Т. 24. С. 346.

²⁰ См.: Логинов В. Т. В. И. Ленин о «Вехах» и современная идеологическая борьба // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985. С. 281—285.

Его редактором стал опять-таки Струве, а среди издателей вместе с ним значились В. Н. Львов и В. А. Маклаков. В начале апреля первый номер нового журнала уже вышел в свет.

«Веховцы», давно прославившиеся принципиальными, убежденными противниками революционных переворотов, в мартовских номерах «Русской мысли» и «Русской свободы» неожиданно высказали похвальные слова революции. В этом отношении Струве превзошел всех своих сотоварищей. Он писал об «историческом чуде», которое «прожгло, очистило и просветило нас самих», ²¹ о «слезах волнения и восторга, тревоги и умиления». ²² Н. А. Бердяев хвалил русский народ, который «вдохновенно и гениально совершил самую короткую, бескровную и безболезненную революцию». ²³ С. Л. Франк обронил фразу, из которой следовало, что в новой России совершается «огромной важности государственное строительство» и совершается «необыкновенно быстро и успешно». ²⁴

Что это означало? Уже через месяц «веховцы» предстанут в привычном для них облике — они станут злобно и безоговорочно поносить революцию. Но что произошло с ними в марте? Трудно поверить, чтобы Струве и группировавшиеся вокруг него лица вдруг, хотя бы на короткое время преобразились в убежденных сторонников развивавшейся революции. Более вероятно, что здесь мы имеем дело, во-первых, с тем же «кимвалом бряцающим», а, во-вторых, с последствиями некоего психологического шока, испытанного в дни февральского переворота. Недаром Франк (в той же статье) признавался: «Старый строй пал так быстро и, несмотря на все предчувствия, так неожиданно, что трудно опомниться и осознать совершившееся».

Впрочем, при более внимательном ознакомлении с мартовскими статьями «веховцев» нельзя не заметить, что в целом их умонастроение, несмотря на использование бодрых фраз, было вовсе не радужным. Струве, возможно, искренне старавшийся выглядеть оптимистом, назидательно рассуждал о «пагубных соблазнах нена-

²¹ Русская свобода. 1917. № 1. С. 3.

²² Русская мысль. 1917. № 2. С. 11.

²³ Русская свобода. 1917. № 1. С. 6.

²⁴ Там же. С. 13.

висти и разобщения», о неких таящихся в человеческой природе «мертвящих силах зла», которые могут превозмочь «живящие силы добра» и «возвести вместо разрушенного, новое здание насилия». ²⁵ Бердяев пугал «опасностями революционных эксцессов, анархии и социального разложения», признаками усиления «классовой и партийной ненависти». ²⁶ Об угрозе «пасть в бездну анархии» писал и Франк. ²⁷ Почти все статьи «веховцев» были насыщены религиозно-морализаторскими поучениями, осуждением «материалистического понимания жизни», самой идеи классовой борьбы, выпадами против революционных устремлений рабочего класса и революционной агитации партии большевиков.

Тревожным обстоятельством для «веховцев» была удаленность интеллигенции (антиреволюционной ее части, разумеется) от народа. А. Ф. Зайцев писал о «темной туче на горизонте», о «трагедии нашей революции», которая заключалась в «обнаружившейся грозной пропасти между интеллигенцией и народом». ²⁸ «Кто знает, — меланхолично продолжал автор статьи, — что суждено нашему поколению интеллигенции? Может быть, и мы найдем в себе силы слиться с народом и вместе с ним войдем в новую жизнь, а, может, погибнем в угоду революции, первые зарницы которой уже промелькнули, как погибли во Франции жирондисты». ²⁹ Но здесь выявлялись и разногласия. Например, Бердяев был высокомерным противником «слияния» с народом и «механического уравнивания» личностей. Он видел в интеллигенции «истинную аристократию», «качество», которое должно возвышаться над «количеством» (народом). Установление новой общественной иерархии провозглашалось им «идеальной социальной демократией». ³⁰

Никакая из буржуазно-интеллигентских групп, кроме «веховцев», в те недели не осмеливалась или не желала прямо признавать свою удаленность от народа. А между тем эта проблема, столь болезненно заявившая о себе в дни февральского революционного вихря,

²⁵ Там же. С. 4.

²⁶ Там же. С. 8, 10, 12.

²⁷ Там же. С. 15.

²⁸ Там же. С. 31.

²⁹ Там же. С. 32.

³⁰ См. там же. С. 9, 10.

не исчезла и после свержения царизма. Применительно к той части интеллигентских верхов, о которых здесь шла речь, иначе и быть не могло (напомним, что отчужденность не преодолевалась и во время «кормлений» на питательных пунктах).³¹

Эта отчужденность давала о себе знать не только в Петрограде. Е. Г. Лундберг вспоминал о подобной же атмосфере весной 1917 г. в Новороссийске.³² Да и в других городах многим буржуазным интеллигентам вряд ли удалось найти общий язык с людьми из народа, из рабочих и солдат. Напротив, фальшь, неискреннее подлаживание, инстинктивно ощущавшиеся простыми, прямодушными людьми, возводили новые перегородки. «Инженеры, — писал Лундберг, хорошо знавший положение в своем городе, — стали отменно либеральны, отчего уважение к ним рабочих сократилось еще вдесятеро».³³ Эта оценка в своей основе правильна. Ведь даже большинство тех инженеров, которые не фальшивили и были искренне рады победе революции, воспринимали послефевральскую действительность совсем иначе, чем рабочие. «В конце концов не велика уж была разница в мировоззрении хозяина (завода. — О. З.) и его привилегированного слуги-инженера», — с горечью вспоминал И. П. Бардин.³⁴

В мартовские недели стал постепенно складываться тот своеобразный общественный тип, который через два-три месяца в интеллигентской же среде язвительно и вместе с тем сочувственно окрестят как «и. и.» — «испуганный интеллигент». Эта неоднородная и непостоянная по составу, весной 1917 г. сравнительно немногочисленная категория людей пополнялась за счет части буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, наиболее подверженной воздействию обывательских настроений. Выбитый бурными событиями из привычной жизненной колеи, потерянный и дезориентированный, начиненный слухами-однодневками, «и. и.» боялся всего — экономической разрухи, нашествия германских войск, реставрации самодержавной монархии, «распада» государства, массовых репрессий со стороны сил контрреволюции,

³¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. С. 34.

³² См.: Лундберг Е. Г. Записки писателя: 1917—1920. Л., 1930. С. 31—32, 37, 47—48.

³³ Там же. С. 48.

³⁴ Бардин И. П. Жизнь инженера. Новосибирск, 1939. С. 46.

«революционных эксцессов» и т. д. и т. п. Нервная взвинченность порождала частые и резкие перепады в душевном состоянии. Переведа дух после событий 27—28 февраля, петроградский «и. и.» с трепетом ждал дня торжественных похорон жертв революции — не избежать-де «ходынки», а затем «резни и погромов». ³⁵ Но похороны, состоявшиеся 23 марта с участием миллиона человек, вновь изменили настроение. «Порядок, дисциплина, — отмечала «Правда», — были самыми удивительными и достигались одними товарищескими напоминаниями». ³⁶

Большинство «и. и.» не являлись противниками революции, но могли ими стать, если бы революция оправдала их наихудшие опасения. Пока же куцые политические убеждения этих людей имели неопределенно-демократическую окраску, и силы революции при обеспечении ее дальнейшего мирного развития могли рассчитывать на переход многих «и. и.» по крайней мере на позиции благожелательного нейтралитета. «И. и.» соседствовали с другой категорией буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, которую можно назвать временно растерявшимися. Но о них нужно говорить особо.

В первые недели после победы Февральской революции растерялись многие. Чаще всего это был не страх за свое благополучие, а изумление перед масштабами свершавшегося исторического действия, неспособность быстро освоиться с новым положением. Ведь, как отмечал В. И. Ленин, даже передовым партиям требовалось время для того, чтобы освоиться с новым положением после крутого поворота истории. ³⁷ В начале марта временно растерявшиеся были многочисленны, пестры по составу и столь же пестры по политическим убеждениям. Напряженная внутренняя жизнь, мучительные, лихорадочные поиски истины, точки опоры — все это особенно характерно для состояния этой части интеллигенции. Практически все они, кто быстрее, кто медленнее, приходили к выводу, что победившая революция — благо и что широкие и «упорядоченные» буржуазно-демократические преобразования необходимы. Еще

³⁵ См.: День. 1917. 25 марта; Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 57; Каблуков С. П. Дневник 1917 г., л. 164; Кони А. Ф. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8: Письма. М., 1969. С. 302, и др.

³⁶ Правда. 1917. 25 марта.

³⁷ См.: Ленин В. И. К лозунгам // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 10,

позднее в этой среде по мере обострения в стране классовых противоречий все шире разворачивался процесс социально-политической поляризации.

Все были очень возбуждены, много размышляли, читали, слушали митинговые речи и говорили, говорили, говорили... «Жизнь кипела, одни события стремительно сменялись другими, мы просто не успевали их осмыслить», — вспоминает академик К. И. Скрябин.³⁸ Характеризуя обстановку в своей ветеринарной лаборатории, Константин Иванович рассказывает: «Даже те, кто были вне политики, теперь интересовались всем происходящим, хотели во всем разобраться, организовывали шумные дискуссии. Со всех сторон проникали в лабораторию самые различные сведения об одном и том же факте и событии. Люди читали газеты всех направлений, верили слухам, даже самым сомнительным, — все это сплеталось в один клубок, размотать который было нам тогда не под силу».³⁹ А дома «вечерами мы зачитывались газетами, обсуждали наиболее интересные статьи, делали прогнозы на будущее».⁴⁰ О частых разговорах и спорах с домашними и знакомыми о «политике» с некоторой досадой и иронией сообщал в своем дневнике К. А. Сомов.⁴¹

Переживания были индивидуальны, сложны и, видимо, ясный отчет в них мог дать не каждый. «Хотелось бы много написать, но хаос мыслей мешает это сделать... Почему я не слесарь, не столяр?!», — горестно жаловался С. П. Каблукову в письме от 9 марта провинциальный учитель.⁴² «Сколько неврастения и психоза в воздухе», — отмечал наблюдательный А. Н. Бенуа.⁴³ На нервное утомление жаловался знакомым океанограф и картограф-геодезист Ю. М. Шокальский.⁴⁴ «Никто не в силах сейчас хоть отдаленно учесть все внешние и внутренние последствия совершающегося», — с тревогой писал музыковед А. Н. Римский-Корсаков.⁴⁵ О состоя-

³⁸ Скрябин К. И. *Моя жизнь в науке*. М., 1969. С. 106.

³⁹ Там же. С. 107.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ См.: Константин Андреевич Сомов: Письма. Дневники. Суждения современников. М., 1979. С. 174—176.

⁴² Каблуков С. П. *Дневник 1917 г.*, л. 82 об.

⁴³ Александр Бенуа размышляет... С. 56.

⁴⁴ См.: *Мушкетер Д. И. Личный зимний дневник* // ОР ГПБ, ф. 503, д. 311, л. 40 об.

⁴⁵ *Музыкальный современник*, 1917. № 4. С. 5.

нии растерянности вспоминали ученый Е. О. Патон, артист Ю. М. Юрьев, лицеист Л. Д. Любимов.⁴⁶

А. А. Блок приехал в Петроград 19 марта из полеского захолустья, где он служил в инженерно-строительной дружине. Его весенние переживания были сложны. У поэта многое вызывало радость, светлые надежды. «Все, с кем говоришь и видишься, — писал он матери, — по-разному озабочены событиями, так что воспринимаю их безоблачно только я один...»⁴⁷ Блоку нравилось оживление на улицах революционного Петрограда, он с удовольствием смотрел на «веселых и подбравших» людей, которые без полицейского надзора («благодаря отсутствию полиции») сами обеспечивали порядок. Ему нравились даже обгоревшие остовы зданий Литовского замка и Окружного суда: «...бросается в глаза вся красота их фасадов, вылизанных огнем, вся мерзость, безобразившая их внутри, выгорела».⁴⁸ В картине дней февральского переворота, составляемой по рассказам очевидцев, Блок усматривал «нечто сверхъестественное, восхитительное». Поэт верил в успешное преодоление всех «опасностей», хотя «события еще далеко не развернулись, что чувствуют более или менее все».⁴⁹ Ему было «все не страшно» прежде всего потому, что при завоеванной политической свободе рассеялся «демонический мрак» прошлого, опасности были «освящены» и что «произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса».⁵⁰ «Для меня, — заявлял Блок в одном из писем, — мыслима и приемлема будущая Россия как великая демократия (не непременно новая Америка)».⁵¹

Вместе с тем Блок никак не мог избавиться от периодически мучившего его чувства беспокойства и неудовлетворенности. Обратился к врачу и услышал диагноз — «нейрастения».⁵² Сам поэт беспощадно определял свое состояние так: «Я не имею ясного взгляда на

⁴⁶ См.: Патон Е. О. Воспоминания. М., 1958. С. 63; Юрьев Ю. М. Записки. Т. 2. М.; Л., 1963. С. 27; Любимов Л. По ту сторону: Из записок очевидца // Новое время. 1967. № 12. С. 27.

⁴⁷ Блок Александр. Собр. соч. В 8-ми т. Т. 8. М.; Л., 1963. С. 482.

⁴⁸ Там же. С. 480—486.

⁴⁹ Там же. С. 482.

⁵⁰ Там же. С. 480.

⁵¹ Там же. С. 479.

⁵² Там же. С. 485.

происходящее», ⁵³ «я довольно туп», «я еще думаю плохо», «я попал в какой-то нравственный тупик». ⁵⁴ Иногда он даже сетовал на революцию: «Если история будет продолжать свои чрезвычайные игры, то, пожалуй, все люди отобьются от дела и культура погибнет окончательно. За уродливое пристрастие к „малым делам“ история мстит истерическим нагромождением событий и фактов, безобразное количество фактов только оглушительно, всегда антимузыкально, т. е. бессмысленно». ⁵⁵

Причины этих крайне удручающих его перепадов умонастроения были для Блока ясны. Они заключались в неспособности быстро и самостоятельно разобраться в «нагромождении событий и фактов», четко определить свою политическую позицию, найти для себя место в революционной борьбе и, что, пожалуй, всего важнее, — вновь обрести себя как поэта. А тут еще возникали тяжелые сомнения: «Нужен ли художник демократии?». ⁵⁶ И наконец, фактор, о котором уже говорилось при анализе настроений других представителей интеллигенции — грозная масштабность исторических событий. Вот что писал об этом Блок: «Произошло то, что никто еще оценить не может, ибо таких масштабов история еще не знала». ⁵⁷

Следовательно, Блок, продолжая нелегкие искания, в отличие от многих интеллигентов чувствовал и видел, что революционная действительность не только «совершенно необычайная, трудная, грозная», но и «блистательная». ⁵⁸ А это было залогом преодоления того, что Блок заостренно назвал «нравственным тупиком». Пробным шагом к непосредственному участию в свершавшихся событиях стало согласие, данное Блоком в апреле, работать одним из редакторов правительственной Чрезвычайной следственной комиссии, которая расследовала преступления царского режима. «Это значит сидеть в Зимнем дворце и быть в курсе всех дел», — так оценил Блок полученное им предложение. ⁵⁹

⁵³ Блок Александр. Записные книжки: 1908—1920. М., 1965. С. 316.

⁵⁴ Блок Александр. Собр. соч. Т. 8. С. 479, 485.

⁵⁵ Там же. С. 484.

⁵⁶ Блок Александр. Записные книжки. С. 316.

⁵⁷ Блок Александр. Собр. соч. Т. 8. С. 479.

⁵⁸ Там же. С. 485.

⁵⁹ Там же. С. 481.

Нелегко было и А. М. Горькому. Свержение царизма и завоевание политической свободы он, конечно же, безоговорочно приветствовал. Однако писатель не всегда верно осмысливал послефевральскую обстановку и перспективы дальнейшего развития революции. Сам Алексей Максимович писал позднее, в 1927 г.: «Я человек, воспринимающий явления жизни не рассудком, а эмоционально, и это качество навсегда пребудет со мною». ⁶⁰

С марта 1917 г. Горький окунулся в общественно-политическую жизнь с головой, оказав благодаря своей широкой известности и авторитету воздействие на умонастроения многих интеллигентов. Поскольку же это воздействие тогда не способствовало четкому осознанию революционных задач, В. И. Ленин был вынужден публично упрекнуть писателя (в четвертом «Письме из далека»):

«Пишущему эти строки случалось, при свиданиях на острове Капри с Горьким, предупреждать его и упрекать за его политические ошибки. Горький парировал эти упреки своей неподражаемо-милой улыбкой и прямодушным заявлением: „Я знаю, что я плохой марксист. И потом, все мы, художники, немного невменяемые люди“. Нелегко спорить против этого. Нет сомнения, что Горький — громадный художественный талант, который принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению. Но зачем же Горькому братья за политику?». ⁶¹

В письмах Е. П. Пешковой Алексей Максимович оценивал обстановку по меньшей мере сдержанно: «Не очень увлекайся, не позволяй себе поддаваться телячьему оптимизму и предостерегай других от этой болезни. Положение очень сложно и опасно»; ⁶² «Иллюзий — не

⁶⁰ В. И. Ленин и А. М. Горький: Письма, воспоминания, документы. М., 1969. С. 344 (письмо И. И. Скворцову-Степанову).

⁶¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 48—49. — В этом письме В. И. Ленин, находившийся в швейцарской эмиграции, упоминал, со ссылкой на «Новую Цюрихскую газету», об ошибочном приветственном обращении А. М. Горького к Временному правительству и Исполкому Петроградского Совета (см. там же. С. 48). В 1933 г. Горький в письме И. А. Груздеву заявил, что не может вспомнить такого своего выступления в печати и высказал предположение: «Вероятно, было что-то выдуманно иностранной прессой» (Горький М. Собр. соч. в 30-ти т. Т. 30. М., 1954. С. 303).

⁶² Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 195.

имею. Очень сложно все, и мы легко можем проиграть игру»; ⁶³ «Мы вообще переживаем момент крайне сложный и жуткий. Я не знаю, не вижу — как мы разберемся в хаосе развалин, унаследованных нами? Вокруг меня все ликует, а я чувствую себя среди людей, которые говорят на языке, непонятном мне». ⁶⁴

Напомним, что А. А. Блок давал противоположную оценку настроениям окружавших его людей («Все, с кем говоришь и видишься, по-разному озабочены событиями...»). А вот в настроении А. М. Горького он видел сходство с собственным: «...об этом „не страшно“ теперь думает и Горький». ⁶⁵ Что касается выводов Блока и Горького о восприятии революционной действительности теми, с кем они «говорили и виделись», то здесь дело, видимо, в следующем. Во-первых, эмоциональные выводы о «всех» не следует толковать слишком буквально, а, во-вторых, необходимо учитывать, что у Блока и Горького в то время было различное окружение. Приехав в Петроград, Блок имел возможность беседовать преимущественно с представителями верхнего, «озабоченного» слоя интеллигенции, а в более широкое окружение Горького входили и представители демократической, «ликующей» интеллигенции.

Не ошибался ли Блок в оценке настроения самого Горького? Цитированные выше высказывания **Алексея Максимовича** содержатся в его письмах, датированных 11—19 марта, а Блок высказал свое мнение о настроении Горького в письме Л. И. Катонину 19 апреля. Разговаривал ли Блок незадолго до этого с Горьким — неизвестно. Но он мог прочитать свежий номер журнала «Летопись», в котором публиковались горьковские «Письма к читателю». Судя по той части их, которая, похоже, была дописана в последний момент перед набором журнала, Горький после 23 марта (день похорон жертв революции) на какое-то время воспрянул духом. Во всяком случае, он восторженно писал: «В этом парадном шествии сотен тысяч людей впервые и почти осязательно чувствовалось — да, русский народ совершил революцию, он воскрес из мертвых и ныне приобщается к великому делу мира — строению новых и все

⁶³ Там же. С. 196.

⁶⁴ Там же. С. 197.

⁶⁵ Блок Александр. Собр. соч. Т. 8. С. 486.

более свободных форм жизни! Огромное счастье дожить до такого дня!». ⁶⁶

Однако в том же номере журнала «Летопись» и в первом номере газеты «Новая жизнь» А. М. Горький вновь высказывает пессимистическую оценку сложившейся обстановки. Он полагал, что старый строй развратил огромную массу людей, сделал их политически безграмотными, социально невоспитанными обывателями, что «великое дело возрождения страны в руках людей, воспитанных тяжкими впечатлениями прошлого в духе недоверия друг к другу, неуважения к ближнему и уродливого эгоизма». ⁶⁷ Положение казалось писателю трагическим. «Всюду, внутри и вне человека, — писал он, — опустошение, расшатанность, хаос и следы какого-то Мамаева побоища. Наследство, оставленное революции монархией, ужасно». ⁶⁸

Как известно, В. И. Ленин очень хорошо видел всю сложность обстановки, и в те же дни, когда А. М. Горький вновь предавался подобным размышлениям, писал: «Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, *проснулись и потянулись* к политике... Гигантская мелкобуржуазная волна захлестнула все, подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но и идейно, т. е. заразила, захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику». ⁶⁹

Отсюда следовал ленинский вывод о необходимости широкой и интенсивной политико-просветительной и организаторской работы среди народных масс, работы, которая быстро давала плоды, так как уроки жизни

⁶⁶ Летопись. 1917. № 2/4. С. 308. — А. М. Горькому, его творчеству и мировоззрению посвящено много исследований, подготовленных почти исключительно литературоведами. Тем не менее политическая позиция Горького в марте—октябре 1917 г. проанализирована недостаточно. Выделим, однако, следующие работы: Бялик Б. Властители дум и чувств: В. И. Ленин и М. Горький. М., 1970, 448 с.; Красникова А. В. В. И. Ленин и А. М. Горький в 1917—1918 гг. // Учен. зап. Ин-та истории партии Ленингр. обкома КПСС. Т. 1. Л., 1970. С. 163—186; Овчаренко А. Публицистика М. Горького. М., 1965. 627 с.

⁶⁷ Летопись. 1917. № 2/4. С. 305.

⁶⁸ Новая жизнь. 1917. 18 апр.

⁶⁹ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

подтверждали правильность агитации большевиков и так как в революционное время темпы развития стремительны. В. И. Ленин твердо верил, что пролетариат был и есть гегемон революции. Одним из решающих условий этого становилось ясное осознание народными массами противоположности их классовых интересов интересам буржуазии, освобождение сознания масс от мелкобуржуазных иллюзий относительно общественного «единства» и достижения соглашения с буржуазией.

А Горький тогда не верил в способность рабочих осуществить свою ведущую роль и к тому же, как, утрируя, писал он позднее в очерке «В. И. Ленин», он плохо верил «в разум масс вообще, в разум же крестьянской массы — в особенности». ⁷⁰ Он призывал к «разумному единению всех сил», способных добиваться «политического, экономического и духовного возрождения России». ⁷¹ В 1917 г. наибольшие опасения у Алексея Максимовича вызвал «столыпинский мужичок, хуторянин». ⁷² Поэтому, вспоминал он, «когда в 17 году Ленин, приехав в Россию, опубликовал свои „тезисы“, я подумал, что этими тезисами он приносит всю ничтожную количественно, героическую качественно рать политически воспитанных рабочих и всю искренно революционную интеллигенцию в жертву русскому крестьянству. Эта единственная в России активная сила будет брошена, как горсть соли, в пресное болото деревни и бесследно растворится, рассосется в ней, ничего не изменив в духе, быте, в истории русского народа». ⁷³

Следовательно, делал вывод в марте—апреле 1917 г. Горький, «задача момента — по возможности прочно укрепить за собой взятые нами позиции...», сосредоточить все силы на повышении культурного уровня народа, на распространении научных, прежде всего естественнонаучных, знаний. Знание, писал там же Горький, «лежит в основе современного миропорядка», является «неустранимой силой культурно-политического развития», оно — «источник плодотворной работы, основа культуры», сила, которая «должна привести людей к победе над стихийными энергиями природы». ⁷⁴ Посколь-

⁷⁰ Горький М. Собр. соч. Т. 17. С. 25.

⁷¹ Летопись. 1917. № 2/4, С. 307.

⁷² Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 197.

⁷³ Горький М. Собр. соч. Т. 17. С. 25.

⁷⁴ Летопись. 1917. № 2/4, С. 307.

ку же носителем знаний являлась интеллигенция, то именно ей, по убеждению Горького, принадлежала ведущая роль. «Интеллектуальная сила, — утверждал он, — это первейшая, по качеству, производительная сила, и забота о росте ее должна быть пламенной заботой всех классов». ⁷⁵

Пройдет несколько лет и великий писатель, который «принес и принесет много пользы всемирному пролетарскому движению», ⁷⁶ честно и мужественно признает свои временные заблуждения, укажет на громадную роль в его судьбе В. И. Ленина. Но в 1917 г. шли трудные поиски истины, концентрированно отражавшие сложность исканий многих представителей русской интеллигенции.

Прямее был путь В. В. Маяковского. Активный участник Февральской революции, он и в марте—апреле не испытывал сколько-нибудь серьезных колебаний и сомнений. Напротив, поэт чувствовал небывалый прилив новых сил, а в ходе политических событий его больше всего беспокоили попытки контрреволюционеров укрепить свои позиции. «Гучковееет, — вспоминал Маяковский о своих впечатлениях в мартовские дни. — Старое офицерье по-старому расхаживает в Думе». ⁷⁷ Это настороженное отношение в первую очередь к военному министру А. И. Гучкову, ярому стороннику продолжения империалистической бойни, к «офицерью» — естественно для человека, поварившегося в солдатском котле. Но Маяковский и в серой шинели — поэт. Он, едва представилась возможность, взялся за оружие, которым лучше всего владел: «Пишу в первые же дни революции Поэтохронику „Революция“». ⁷⁸ Она и дает нам наиболее точное представление о настроении и мыслях Маяковского в марте—апреле 1917 г.

Маяковский воодушевленно воспринимал революцию как исторический поворот в судьбе не только России, но всех стран («сегодня пересматривается миров основа», «идем запутавшемуся миру на выручу!»). ⁷⁹ Главное действующее лицо революции — рабочий класс («Это первый день рабочего потопа») и потому-то

⁷⁵ Новая жизнь. 1917. 18 апр.

⁷⁶ Ленин В. И. Письма из далека // Полн. собр. соч., Т. 31. С. 49.

⁷⁷ Маяковский Владимир. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 24.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С. 136.

«днесь небывалой сбывается былью социалистов великая ересь!». Социализм для Маяковского — братство людей труда, прекрасная мечта, реальная и осуществимая благодаря «величию сердца человеческого». ⁸⁰ Однако поэт не хотел быть мечтателем, отвлеченным от суровой действительности, он сознавал, что воля восставшего народа «повелевается» до тех пор, «пока на оружии руки не разжали». ⁸¹

Исследователь жизненного и творческого пути Маяковского В. О. Перцов справедливо отмечает, что поэт ждал дальнейшего нарастания, углубления революции. ⁸² Но верно и то, что пафос «поэтохроники» — не позволить «землю нашу ядрами рвать». ⁸³ Именно этот пафос привлек внимание Горького, при активной поддержке которого «поэтохроника» была опубликована «Новой жизнью». Маяковский был приглашен в число постоянных сотрудников газеты. ⁸⁴

Безоговорочно приветствовал, славил революцию, пробуждение «державного народа» и его борьбу за укрепление и расширение демократических завоеваний В. Я. Брюсов. Его стихотворение «На улицах. Февраль 1917 г.», написанное 2 марта и опубликованное 5 марта, пронизано неподдельной бодростью, торжеством и твердой уверенностью в справедливости требований народа: «Народ, испытавший однажды дыханье священной свободы, пойти не захочет назад; он полон божественной жажды, ее лишь глубокие воды вершителных прав утлят». ⁸⁵

Искреннее и устойчивое, не подверженное изнурительным перепадам чувство радости выражало немало представителей творческой — научной и художественной — интеллигенции. Счастлив был К. А. Тимирязев, ⁸⁶ радовался академик И. П. Павлов, ⁸⁷ призывал воздвигнуть памятник борцам за освобождение психиатр

⁸⁰ Там же. С. 140.

⁸¹ Там же. С. 139.

⁸² Перцов В. Маяковский: Жизнь и творчество. В 2-х т. Т. 1: 1893—1917. М., 1976. С. 362.

⁸³ Маяковский Владимир. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 139.

⁸⁴ Перцов В. Маяковский: Жизнь и творчество. Т. 1. С. 367.

⁸⁵ Русские ведомости. 1917. 5 марта.

⁸⁶ См.: Тимирязев К. А. Сочинения. Т. 9. М., 1939. С. 255, 264, 266, 463, 464, 465.

⁸⁷ См.: Павлов И. П. Полн. собр. соч. Т. 1. М.; Л., 1951. С. 10, 11.

В. М. Бехтерев.⁸⁸ «А какое счастье нам выпало в жизни. Все еще не верится... Великий, всемогущий боже! Какое счастье...», — делился чувствами И. Е. Репин с литературным деятелем В. Г. Чертковым.⁸⁹ К. С. Станиславский в письме к литературоведу Н. А. Котляревскому назвал революционные события «великими и радостными».⁹⁰ В подписанной им и В. И. Немировичем-Данченко приветственной телеграмме к новым властям с подобающей артистам эмоциональностью выражались «чувства святого восторга и благородного поклонения перед свершившимся».⁹¹ Б. М. Кустодиев поздравлял старого знакомого с «великой радостью»,⁹² а И. Э. Грабарь писал брату в конце марта: «Теперь живет так радостно и хочется так много сделать, что голова кружится».⁹³ К. Д. Бальмонт в то время испытал небывалый подъем духа, написав гимн «Да здравствует Россия, свободная страна!» (музыка А. Г. Гречанинова)⁹⁴ и прочувствованное стихотворение «Христос воскрес»: «И в диком лесе, и в чистом поле душа на воле. Нет рабства боле...»⁹⁵

Победа революции приветствовалась на многих собраниях творческой интеллигенции. Мы уже знаем, что публичные ликования отнюдь не всегда были искренними. Однако на большинстве собраний преобладали и задавали тон, весьма вероятно, те, которые безоговорочно принимали революцию. С учетом этого следует оценивать, в частности, и «декларацию» собрания петроградских писателей и журналистов, состоявшегося 9 марта. «Декларация», проект которой был написан С. А. Венгеровым и дополнен в соответствии с предложениями Н. И. Иорданского, А. М. Редько, Е. А. Ляцкого, А. В. Амфитеатрова и Д. Н. Овсяннико-Куликовского, возглашала, что «при виде чудеснейшего из всех известных всемирной истории переворотов» сердца писателей «переполнены радостью безмерной и энтузиазмом безграничным».⁹⁶ Помянув имена А. Н. Радищева,

⁸⁸ Русская воля. 1917. 8 марта.

⁸⁹ Репин И. Е. Письма к писателям и литературным деятелям: 1880—1929. М., 1950. С. 198.

⁹⁰ Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 7. М., 1960. С. 198.

⁹¹ Театральная газета. 1917. № 10/11. С. 6.

⁹² Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967. С. 156.

⁹³ Грабарь Игорь. Письма. 1891—1917. М., 1974. С. 319.

⁹⁴ Русские ведомости. 1917. 10 марта.

⁹⁵ Бальмонт К. Революционер я или нет. М., 1918. С. 26.

⁹⁶ Нива. 1917. № 11/12. С. 181.

А. С. Пушкина, А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого, писатели не преминули гордо отметить: «...пышно взошли теперь семена, впервые орошенные именно русской литературной мыслью». С. А. Венгеров во вступительном слове оценил роль литературы еще внушительнее и прямолинейнее: «Не литература наша присоединяется к революции, а революционная Россия осуществила теперь на деле то, что проповедуется русской литературой уже более 100 лет». «Декларация» содержала и приветствие революционным рабочим и солдатам.⁹⁷

Оптимистическое настроение представителей передовой русской интеллигенции питали восхищение революционным подвигом народа, вера в его мудрость. Это явствует из сохранившихся писем, дневников, печатных выступлений. Подвигом народа восхищался А. Н. Бенуа. Заранее отводя обвинения в национализме, он высказывал убежденность в том, что русский народ достиг «как раз в надлежащий момент истории той зрелости и той мудрости, которые призваны спасти культуру...»⁹⁸ Немало значили и такие умозаключения: нужно радоваться главному — исторической победе революционного народа, а все остальное (подъем экономики, расцвет культуры и пр.) в конце концов приложится. Напомним характерное суждение, записанное Блоком: «...произошло чудо и, следовательно, будут еще чудеса». Типично и суждение, высказанное Тимирязевым в письме к Горькому: «„Что день грядущий мне готовит?“ — Кто знает, одно только всякому ясно — мы отчалили наконец от того берега и отчалили навсегда!». ⁹⁹ Иные не утруждали себя долгими рассуждениями, а просто радовались крушению самодержавно-полицейских порядков. «Первый период революции, — сообщал С. А. Есенин в «Автобиографии», — встретил сочувственно, но больше стихийно, чем сознательно». ¹⁰⁰

В атмосфере радостных переживаний полнее раскрывались такие прекрасные качества русской интеллигенции, как бескорыстие. С. В. Рахманинов передал свой первый гонорар (1000 р.), полученный после победы

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Александр Бенуа размышляет... С. 56.

⁹⁹ Тимирязев К. А. Сочинения. Т. 9. С. 463.

¹⁰⁰ Есенин Сергей. Собр. соч, Т. 5. М., 1968, С. 17.

революции (за концерт 13 марта в московском театре «Зон»), на приобретение подарков солдатам революционной армии и на оказание помощи бывшим политзаключенным.¹⁰¹ Старый службист профессор Ю. В. Ломоносов, пять суток напряженно трудившийся для обеспечения контроля за работой железных дорог (в частности, 28 февраля — 1 марта он контролировал блуждания царских литературных поездов), 5 марта уезжал домой в таком настроении: «В каком-то восторге с высоко поднятой головой вышел я из министерства и поехал на вокзал. Сознание, что я не получил за участие в революции никакой платы, делало меня гордым и счастливым. По совести, более счастливых минут я не переживал в моей жизни. Жена тоже всецело разделяла мой восторг».¹⁰² Отметим кстати, что основная масса творческой интеллигенции после победы Февральской революции не требовала и не получила, несмотря на стремительный рост дороговизны, никакой прибавки к своим доходам.

Материальное положение интеллигентских верхов накануне революции было, как уже отмечалось, сравнительно обеспеченным. Поэтому особое впечатление производит тот факт, что, если не считать служащих, даже большинство представителей среднего и низшего слоя интеллигенции весной 1917 г. не заостряли вопроса о своем уровне жизни. Исключением стал резкий конфликт низкооплачиваемых актеров с дирекцией Малого театра А. С. Суворина, приведший в апреле к своеобразной «итальянской забастовке».¹⁰³ Среди учителей в те весенние месяцы получила широкое признание точка зрения, выраженная журналом «Вестник воспитания» так: заговорить «с места в карьер» о прибавке зарплаты значило бы совершить ошибку; «первой мыслью» учителя должен стать «не свой карман», а школа.¹⁰⁴

¹⁰¹ Рахманинов С. В. Письма. М., 1955. С. 473, 474.

¹⁰² Ломоносов Ю. В. Воспоминания о Мартовской революции 1917 г. Стокгольм; Берлин, 1921. С. 80.

¹⁰³ Театр и искусство. 1917. № 25. С. 437.

¹⁰⁴ Вестник воспитания. 1917. № 5—6. С. 2. — По постановлению Временного правительства от 27 марта основной оклад народного учителя был повышен на 240 р. в год. Однако эта мизерная прибавка (средняя зарплата, включая прибавку на дороговизну, с марта 1917 г. составляла 840 р. в год, или 70 р. в месяц) тотчас была съедена ростом цен (Вестник воспитания. 1917. № 6—7. С. 36).

Радостные переживания, предвкушения новых «чудес» в среде мелкобуржуазной демократической интеллигенции распространились шире, чем в интеллигентских верхах. Сохранившиеся источники полнее всего позволяют проследить эти настроения в учительской массе. К тому же, вероятно, именно в ней царило наибольшее воодушевление. О. В. Синакевич записывала свои впечатления об атмосфере на заседании педсовета и родительского комитета Выборгского училища: «У всех собравшихся были светлые, торжественные лица. Многих товарищей я увидела здесь впервые после перерыва занятий и, пожимая их руки, вместо приветствия, говорила каждому: „Христос воскрес!“, и со многими троекратно целовалась». ¹⁰⁵ А вот проникновенный рассказ об обстановке перед началом работы I съезда учителей Томской губернии: «Съехалось из разных концов губернии до 1000 человек, и уж одно это создает необычную атмосферу для учителя, не привыкшего чувствовать себя единицей огромного коллектива. В застенчивых движениях, наивных вопросах некоторых товарищей сквозит маленькая растерянность и робость. Кажется почему-то, что они стоят на неведомой вершине и созерцают оттуда открывающиеся перед ними слегка затуманенные, но чудесные и манящие дали. У других заметна преувеличенная деятельность, нервная суетливость, но глаза блестят молодо и счастливо». ¹⁰⁶ О подобном состоянии демократической интеллигенции свидетельствовали современники, проживавшие и в других районах страны. ¹⁰⁷

Достоверность такого рода свидетельств о настроении демократической интеллигенции (не только учителей, разумеется) не вызывает сомнений. Но ради более полной и точной оценки отметим, что внимательные наблюдатели и среди учительства обнаруживали скептиков и пессимистов. ¹⁰⁸

Настроения в студенческой среде более или менее отвечали настроениям соответствующих слоев и групп «взрослой» интеллигенции. По-видимому, накал страстей в высших учебных заведениях весной 1917 г. был все же

¹⁰⁵ Синакевич О. В. Жили-были, л. 65.

¹⁰⁶ Школа и жизнь Сибири. 1917. № 1. С. 55.

¹⁰⁷ См.: Унковская С. А. Моя жизнь: Воспоминания учительницы // ОР ГПБ, ф. 1007, д. 6, л. 696.

¹⁰⁸ Школа и жизнь Сибири. 1917. № 1. С. 1.

несколько слабее, чем осенью 1905 г. Об этом можно судить, в частности, по двум оценкам, приведенным с противоположных позиций. Профессор Петроградского университета И. М. Гревс хвалил студентов за то, что они показали бóльшую, по сравнению с октябрём 1905 г., устойчивость «против дурмана покоряющих громких слов», в меньшей степени «поддавались опьяняющей и слепящей иллюзии митинговой психологии». ¹⁰⁹ Журнал «Вестник студенчества», напротив, с осуждением сообщал о недостатке, по сравнению с 1905 г., «революционного пыла». ¹¹⁰ Эти суждения и сопоставления не лишены субъективности, но мы не имеем оснований отрицать, что значительное большинство студентов радовалось победе революции.

Итак, политическое настроение и социально-психологическое состояние различных слоев и групп интеллигенции после свержения царизма было сложным и неоднозначным. Меньшая часть русской интеллигенции (в основном ее верхи) отнеслись к победившей в феврале революции и к ее дальнейшему развитию отрицательно или настороженно. Бóльшая же часть интеллигенции, особенно представители ее средних и нижних слоев, торжествовала и ликовала. Но это лишь самые общие выводы, еще не дающие представления о всех особенностях индивидуальных исканий и переживаний.

Имея в виду эту многокрасочную картину, перейдем к рассмотрению отношения интеллигенции к конкретным социально-политическим проблемам, выдвинутым революционным процессом.

2. Политические позиции и приобщение к пропаганде

В работе «Задачи пролетариата в нашей революции», написанной В. И. Лениным вскоре после возвращения из швейцарской эмиграции в Петроград, указано: «Один из главных, научных и практически-политических признаков *всякой* действительной революции состоит в необыкновенно быстром, крутом, резком увеличении числа „обывателей“, переходящих к активному, самостоя-

¹⁰⁹ ААН СССР, ф. 726 (И. М. Гревс), оп. 1, д. 64, л. 1 (черновик неопубликованной статьи).

¹¹⁰ Вестник студенчества. 1917. № 8—9, С. 4.

тельному, действительному участию в политической жизни, в *устройстве государства*». ¹¹¹ На положении таких «обывателей» оказалась и основная масса интеллигенции. Она, эта масса, была «обывательской», в том смысле и потому, что условия дореволюционной действительности, режим самодержавной монархии не давали ей возможности жить организованной политической жизнью, активно и действенно, на основе объединяющих партийных программно-тактических установок участвовать в решении государственных дел.

И вдруг эта масса, испытывавшая в февральские дни небывалую встряску, была внезапно и властно поставлена перед необходимостью перехода от слов к делу, перед объективной обязательностью безотлагательного решения социальной дилеммы — примыкать либо к пролетариату, либо к буржуазии. Отсюда многочисленные жалобы на «спутанность мыслей», отсюда еще бо́льшая растерянность и нервозность. Душевное состояние оказывало подчас определяющее воздействие на ход мыслей, «спутывало» их еще сильнее. Кроме того, значительную роль играли уже упоминавшиеся эклектичность мировоззрения и традиционная аполитичность части интеллигентов. Только с учетом всего этого можно согласиться с высказанным в литературе жестким суждением о том, что, например, немало актеров вошли в 1917 год «людьми политически незрелыми и даже невежественными». ¹¹²

«Спутанность мыслей», от которой страдали и большинство скептиков, и большинство оптимистов, порождала жгучую потребность в общении. После победы революции, сообщал журнал «Русская школа», сложные переживания столичных учителей — «изумление, радость, тревога, испуг, напряжение, порыв, стихийность — заставляли искать друг друга. Нельзя сидеть в одиночестве и ждать. Надо сообща подумать». ¹¹³ На первых интеллигентских собраниях «думалось», естественно, главным образом об общеполитических проблемах. Правда, ни один из вопросов во все затоплявшем «потоке

¹¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

¹¹² См.: Юфит А. Революция и театр. Л., 1977. С. 22. — В. Базаров (В. А. Руднев) бросил интеллигенции такие обвинения: «Словосочетание „несознательный интеллигент“ звучит как логическое противоречие, а между тем оно совершенно точно выражает горькую истину». (Летопись. 1917. № 2/4. С. 384).

¹¹³ Русская школа, 1917, № 1. С. 30.

чувств» «не решался в глубину, до конца»,¹¹⁴ но этого и не следовало ожидать. Важно, что многие сразу осознали безнадежность попыток игнорировать политические проблемы. Группа петроградских военных врачей осудила намерение некоторых сослуживцев замкнуться в «узкопрофессиональных интересах»,¹¹⁵ а журнал «Для народного учителя» призывал учительство выполнить отведенную ему «огромную политическую роль». ¹¹⁶ Демократически настроенные студенты охотно внимали агитации за прекращение «академической жизни» ради сосредоточения всех сил на политической деятельности. ¹¹⁷ Даже в мире художественной интеллигенции, по неодобрительному замечанию журнала «Аполлон», «искусство как бы даже начинает сдавать свои позиции в угоду политике». ¹¹⁸

Тем не менее некоторые интеллигенты намеревались не то чтобы отгородиться от политики, а ограничить свое участие в политической жизни. В основном это были ученые и художники, поглощенные творческой работой и полагавшие, что активная политическая деятельность — не их удел. «Каждому свое,— утверждал И. П. Павлов.— Люди науки должны быть поглощены думами о положении и интересах науки при новом строе русской жизни». ¹¹⁹ И. Э. Грабарь писал, что деятели искусства «должны работать ничем не связанные» и ради этого отказываться от государственных постов. ¹²⁰ В. А. Стеклов осудил выдвинутую кем-то из преподавателей точку зрения, согласно которой университет, ученые должны отдавать приоритет решению общеполитических задач. Об этом зашел спор на заседании Совета Петроградского университета 3 марта. «Возражая,— записал Стеклов в дневнике,— сказал, что не понимаю, будто теперь нельзя работать (т. е. заниматься наукой.— О. З.). Можно сколько угодно. Будь хоть землетрясение, а я при первой возможности буду работать.

¹¹⁴ Там же. С. 35, 36.

¹¹⁵ Русский врач. 1917. № 38—42. С. 544.

¹¹⁶ Для народного учителя. 1917. № 4. С. 2.

¹¹⁷ Новая жизнь. 1917. 21 апр.; Вестник воспитания. 1917. № 5—6. С. 27—28.

¹¹⁸ Аполлон. 1917. № 2—3. С. 72.

¹¹⁹ Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве. Пг., 1917. С. 26.

¹²⁰ Грабарь Игорь. Письма. С. 319.

И сейчас, когда почти что землетрясение. Согласились». ¹²¹ Через месяц, развивая свою мысль, Владимир Андреевич высказался так: «В большинстве случаев настоящий ученый, по самому складу ума своего, по самой природе своей, всегда остается только ученым и, за редким исключением, плохим политиком и мало полезным практиком». К этому В. А. Стеклов добавил, что люди науки, «берясь за несвойственное им дело, могут часто принести лишь вред, а не пользу». ¹²²

Если воздержание некоторых беспартийных ученых и художников от активного участия в политической борьбе было оправданно, то попытки оградить от политики целые интеллигентские союзы были ошибочны и нерезультативны. Эти попытки предпринимались рядом ведущих участников интеллигентского движения во имя обеспечения «корпоративного единства». К. П. Сулима в докладе на объединенном заседании членов петроградских врачебных обществ (11 марта) говорил: «Мы, ранее разрозненные, не имеем общих политических целей и задач. Всякий из нас о политическом устройстве России имеет свое мнение, и потому на этой почве мы не соединимся, а можем разъединиться... Мы уже имеем пример того, что врачи 1905 г., во время общественного движения, страстно желая соединиться, на политических задачах разошлись. Не будем повторять этого горького опыта». ¹²³ Журнал «Вестник воспитания» давал этой точке зрения «классовое» обоснование. Поскольку интеллигенция, рассуждал автор журнальной статьи, в отличие от рабочих и предпринимателей социально неоднородна, неоднородны и ее социально-политические позиции. Отсюда следовало заключение: во избежание «раздоров» интеллигенции, в том числе учительству, не следует допускать политическую деятельность в рамках своих объединений. ¹²⁴ Эти заключения, разумеется, оставались без последствий.

И еще об одном широко бытовавшем мнении. Многие из тех, что не были противниками политических дискуссий даже в рамках интеллигентских союзов, с характерной для интеллигенции буржуазного общества пре-

¹²¹ ААН СССР, ф. 162 (В. А. Стеклов), оп. 3, д. 168, л. 31 об.

¹²² Речь и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях... С. 13.

¹²³ Русский врач. 1917. № 10. С. 219.

¹²⁴ См.: Вестник воспитания. 1917. № 5—6. С. 6, 7.

тенциозностью и непоследовательностью бранили «партийные раздоры». ¹²⁵ Необходимость функционирования в стране политических партий не отрицалась, но партийная «ортодоксия», строгое руководство в кругу коллег по профессии «разъединяющими» партийными принципами осуждались, ибо, как отметил В. И. Ленин, «беспартийность есть порождение — или, если хотите, выражение — буржуазного характера нашей революции... кто сознательно или бессознательно стоит на стороне буржуазного порядка, тот не может не чувствовать влечения к идее беспартийности», однако, как тут же подчеркивал Ленин, политическая борьба есть борьба классовая, а «самым цельным, полным и оформленным выражением политической борьбы классов является борьба партий». ¹²⁶

В итоге, хотя значительные слои интеллигенции, так же как и миллионы трудящихся, политически забытых царизмом, после свержения его «проснулись и потянулись к политике», ¹²⁷ шире ознакомились с позициями главных политических партий, оформленное членство интеллигентов в партиях в целом, по нашему мнению, возросло незначительно. Имеющиеся источники не позволяют провести соответствующие подсчеты, но, видимо, сравнительно больше неопитов обрели кадеты и эсеры. Можно предположить, что последние имели главный источник интеллигентского пополнения в лице живших в провинции учителей, врачей, агрономов, инженеров и техников. Это были «ликующие», из числа тех, что традиционно симпатизировали народническим идеям. Кадеты тоже пополнили свои ряды за счет провинциальной и притом, как правило, материально более обеспеченной интеллигенции. Но основной контингент новых членов кадеты явно получили в крупных городах, прежде всего в Петрограде и Москве. К ним шли главным образом антиреволюционно настроенные и «встревоженные» интеллигенты.

«Внезапный шквал революции,— сообщал о своих наблюдениях петроградский корреспондент московской газеты,— так всколыхнул страну влево, что партия ка-

¹²⁵ См.: Для народного учителя. 1917. № 4. С. 2; Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 60; и др.

¹²⁶ Ленин В. И. Социалистическая партия и беспартийная революционность // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 137.

¹²⁷ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Там же, Т. 31. С. 156.

детов оказалась уже не в центре партий, а далеко на правой стороне. Кадетская партия сделалась министерской, почти официальной партией. Она сейчас — ближайшее прибежище для многих людей, вспугнутых из-под тихой сени старого режима... Правоверные кадеты, конечно, не вполне рады новым сочленам, но их массовое включение в партию неизбежно, потому что с тонущего корабля толпы людей бросаются на правый борт подошедшего благополучно корабля». ¹²⁸ Это — любопытные наблюдения, хотя они и грешат публицистическими преувеличениями. Интеллигенция массовых профессий в эту партию не пошла. ¹²⁹ Даже в Петрограде далеко не столь уж большие «толпы» вступили в партию кадетов. Точнее было бы говорить не о «толпах новых сочленов», а об увеличении «толпы» сочувствующих. Кроме того, не все вошедшие в партию кадетов были интеллигентами и отнюдь не все из этих интеллигентов занимали более правую позицию, чем «правоверные» кадеты. Нет, не становилась основная масса интеллигенции частью активных и политически организованных контрреволюционных сил. Тяготение к позиции выжидательного нейтралитета — вот что оказалось наиболее характерным для «среднего» интеллигента уже в начале послефевральского периода.

Рассмотренные нами в предыдущем разделе интеллигентские настроения показывают, что в то время не могло быть сколько-нибудь значительного притока интеллигенции в партию большевиков. Ее установки на всемерное углубление революции, на развязывание революционной инициативы рабочих, солдатских и крестьянских масс настораживали и отпугивали весьма многих буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов. Уже в начале марта стали возникать конфликты, порой резкие. К. В. Островитянов вспоминал, что 3 марта его выступление с защитой большевистской позиции на митинге рабочих и студентов вызвало со стороны последних «бурю негодования». Оратор, добившись принятия большевистской резолюции, уходил с митинга под охраной нескольких рабочих. ¹³⁰

¹²⁸ Русское слово. 1917. 17 марта.

¹²⁹ Гусев К. В. Интеллигенция России и борьба политических партий // Интеллигенция и революция. С. 38.

¹³⁰ Островитянов К. В. Из пережитого: Воспоминания о революционной Москве // Вопросы истории КПСС. 1957. № 3. С. 189.

А вместе с тем, коль скоро речь идет об интеллигенции, именно среди студенчества (его наиболее демократического слоя, разумеется) большевики в марте—апреле чаще всего находили новых активных приверженцев. В Петрограде группы студентов-большевиков оформились в Университете и во многих институтах, даже в Петроградском женском медицинском институте.¹³¹ В Московском университете большевики привлекали на свою сторону студентов через Студенческий дом, полностью перешедший под большевистское влияние,¹³² и через организованный в помещении Студенческого дома Клуб социалистической молодежи.¹³³ Весной 1917 г. немногочисленные группы большевиков образовались в ряде провинциальных университетов и институтов, причем иногда эти группы входили в состав объединенных социал-демократических организаций, а иногда были полностью самостоятельными. В отдельных случаях размежевание внутри социал-демократических организаций вело к созданию нескольких групп. Например, в Томском университете было 4 социал-демократические группы.¹³⁴

Малочисленные социал-демократические или социалистические группы, имевшие в своем составе и большевиков, оформились среди учителей, инженеров. Существеннейшей предпосылкой возникновения таких групп было, естественно, наличие более или менее значительного коллектива сотрудников. В Петрограде учредительное собрание группы учителей — социал-демократов состоялось уже 12 марта.¹³⁵ Голос учителей-

¹³¹ *Тикотин М. А.* Петроградский женский медицинский институт накануне и в дни Великой Октябрьской социалистической революции // Советское здравоохранение. 1978. № 3. С. 64.

¹³² История Московского университета. М., 1955. С. 555. — Студенческий дом, созданный в 1915 г., занимался не только организацией материальной взаимопомощи, но и налаживанием организационно-политической связи между демократическими элементами студенчества.

¹³³ Очерки по истории Московского университета // Учен. зап. МГУ. 1940. Вып. 50. С. 55.

¹³⁴ *Зайченко П. А.* Томский государственный университет им. В. В. Куйбышева: Очерки по истории первого сибирского университета за 75 лет: (1880—1955). Томск, 1960. С. 206.

¹³⁵ Правда. 1917. 16 марта. — Газета «Известия» назвала это собрание, состоявшееся в Тенишевском училище (Моховая, 33), собранием «учителей-марксистов» средних и начальных школ (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (в дальнейшем: Известия Петроградского Совета). 1917. 12 марта).

большевиков прозвучал на ряде учительских собраний и съездов, в том числе на I Всероссийском съезде в апреле. Но, как отмечалось в обращении социал-демократической группы петроградских учителей, на Всероссийском съезде социал-демократы «составляли ничтожное меньшинство, и влияние их было слабо». ¹³⁶

Врач-большевик С. И. Мицкевич в своих воспоминаниях утверждает, что на чрезвычайном Пироговском съезде, отрывшемся 4 апреля в Москве, в социал-демократическую фракцию записалось около 200 делегатов. ¹³⁷ Это очень много, если, конечно, сведения мемуариста верны. ¹³⁸ Но так или иначе, а большевиков во фракции, по воспоминаниям С. И. Мицкевича, было всего несколько человек. ¹³⁹ Среди же делегатов съезда решительно преобладала «масса колеблющихся интеллигентов с душами, представляющими совершенную *tabula rasa*...». ¹⁴⁰ А ведь это были общественные врачи (земские, городские), которые всегда слыли политически куда более активными, чем врачи, жившие частной практикой.

Итак, большинство интеллигентов формально оставалось вне рядов политических партий. Но легализация последних, их резко усилившаяся печатная и устная агитация и пропаганда увеличили число интеллигентов, более или менее определенно сочувствовавших какой-либо партийной программе действий. Тех, чья «душа» являла собой «*tabula rasa*», стало заметно меньше. Для того же, чтобы конкретнее представить себе сложность, многообразие и эволюцию партийной ориентации представителей интеллигенции, обратимся к позиции четырех хорошо известных лиц.

В. В. Маяковский, согласившийся сотрудничать в левоменьшевистской «Новой жизни», все определеннее симпатизировал большевистским лозунгам. С. А. Есенин, как он сообщил в «Автобиографии», «работал с эсерами не как партийный, а как поэт», причем тяготел к левоэсеровским элементам. ¹⁴¹ А. А. Блок горестно со-

¹³⁶ Правда. 1917. 28 апр.

¹³⁷ Мицкевич С. И. Записки врача-общественника : (1880—1918). М., 1969. С. 196.

¹³⁸ Всего на съезде присутствовало свыше 1500 делегатов (Общественный врач. 1917. № 1/3. С. 1).

¹³⁹ Мицкевич С. И. Записки врача-общественника. С. 196.

¹⁴⁰ Вестник студенчества. 1917. № 8/9. С. 23.

¹⁴¹ Есенин Сергей. Собр. соч. Т. 5. С. 13.

общал матери о своей позиции: «Вообще все правы — и кадеты правы, и Горький с „двумя душами“ прав, и в большевизме есть страшная правда. Ничего вокруг не вижу, хотя оптимизм теряю не всегда. Все, все они, „старые“ и „новые“, сидят в нас самих; во мне, по крайней мере. Я же — вишу в воздухе...»¹⁴²

А. М. Горький в марте решительно опроверг слухи о причастности его к радикал-демократической партии,¹⁴³ добавив затем, что в прошлом, когда он имел дело с радикал-демократами, «то, разумеется, ограничивал себя. Сильно ограничивал».¹⁴⁴ Заявив в письме редакции газеты «Русское слово», что он остается «тем, чем был, — социал-демократом»,¹⁴⁵ Горький отказался сотрудничать в большевистской «Правде»,¹⁴⁶ но не стал сотрудничать и в меньшевистской «Рабочей газете». Он решил создать свою социал-демократическую газету¹⁴⁷ и даже выражал намерение «строить партию», «крепко организовываться».¹⁴⁸ Сотрудничая с группой левоменьшевистских деятелей, Горький не попал в плен их программно-тактических установок. Он избежал этого благодаря испытанному им в прежние годы влиянию ленинских, большевистских идей, а также потому, что в 1917 г. упорно стремился сохранить идейно-политическую самостоятельность. «Теперь, — полушутливо писал Алексей Максимович Е. П. Пешковой (19 марта), — я сам составляю партию, а не знаю, как назвать ее. В этой партии один член — я. Не думаю, что она разрастется до трех, например».¹⁴⁹

Итак, даже часть передовой, наиболее демократически настроенной интеллигенции тогда еще не успела сделать окончательный выбор. Он был сделан позднее, через несколько месяцев или даже через несколько лет.

¹⁴² Блок Александр. Собр. соч. Т. 8. С. 495—496.

¹⁴³ Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 381.

¹⁴⁴ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 196.

¹⁴⁵ Горький М. Собр. соч. Т. 29. С. 381.

¹⁴⁶ Овчаренко А. Публицистика М. Горького. С. 347.

¹⁴⁷ Ею стала «Новая жизнь», первый номер которой вышел 18 апреля. Среди ее редакторов и сотрудников преобладали левые меньшевики-интернационалисты, именовавшие себя внефракционными социал-демократами (Б. А. Авилов, В. А. Базаров, В. А. Стров, Н. Н. Суханов и др.).

¹⁴⁸ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 195 (Письмо Е. П. Пешковой от 11 марта).

¹⁴⁹ Там же. С. 196.

Теперь об отношении интеллигенции к новой власти и к другим выдвинутым революцией проблемам.

Государственная власть — коренной вопрос всякой революции. Истинная, совершаемая народными массами революция не решает его стандартно. В России, как мы знаем, после свержения царизма этот вопрос решался чрезвычайно своеобразно, противоречиво и непоследовательно. Разобраться в состоянии государственной власти, ее классовых основах и классовом значении было очень нелегко. Исчерпывающий анализ всей проблемы смог дать лишь В. И. Ленин в Апрельских тезисах, примыкающих к ним работам, затем в труде «Государство и революция».

Сотни приветственных телеграмм, отправленных организациями и группами буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции в адрес органов государственной власти, показали, что значительное большинство ее поддержало Временное правительство. В конечном счете на то были классовые причины. Но сами представители интеллигенции не могли или не желали уяснить социальные истоки своей позиции. Субъективно их отношение к буржуазному Временному правительству складывалось в основном под воздействием таких факторов: традиционные, усвоенные еще на студенческой скамье положения буржуазного правоведения о формах, полномочиях и задачах государственной власти; уверенность в «законности» и «прогрессивности» нового правительства, связанного своим происхождением с оппозиционной теперь уже свергнутому ненавистному царизму Государственной думой и ее Временным комитетом; стремление поскорее обрести общепризнанную, обеспечивающую «законность и порядок», защищающую от «эксцесов и анархии» государственную власть.

Для многих непролетарских интеллигентов очень большое значение имела степень известности и популярности имен новых министров. П. Н. Милюков, А. И. Гучков, Г. Е. Львов, А. И. Коновалов и другие — все они, особенно в начале марта, казались этому интеллигенту, привыкшему штудировать буржуазную прессу и судачить о позиции думского «Прогрессивного блока», Союза земств и городов и прочих организаций, порядочными и передовыми, политически опытными и подготовленными к «разумному» ведению государственных дел. В ворохе приветственных посланий Временно-

му правительству нередко говорилось о «безупречном прошлом» министров,¹⁵⁰ об их «доблестной силе гражданского мужества»,¹⁵¹ их «твердых и честных руках»,¹⁵² о том, что министры представляют «народное правительство свободной России» и т. д. и т. п.¹⁵³ На отношение к правительству влияло и обнаружение в составе его бывших коллег или лиц, способных понять заботы интеллигентских «корпораций». Например, некоторые адвокаты были особенно довольны тем, что одним из министров стал их коллега А. Ф. Керенский. Врачи приветствовали «представителя отечественного врачебного мира» А. И. Шингарева.¹⁵⁴ Актеры государственных театров возлагали надежды на М. И. Терещенко, который одно время служил в дирекции императорских театров и слыл меценатом.¹⁵⁵ В потоке устных и письменных приветствий, который кто-то из публицистов не очень благозвучно квалифицировал как «дизентерию языка», не было и следа попыток дать буржуазному Временному правительству классовую, социальную оценку.

Первые признаки критического отношения к Временному правительству были слабыми, почти незаметными, даже в массе мелкобуржуазной и демократической интеллигенции. «Доверчиво-бессознательное отношение к капиталистам, худшим врагам мира и социализма, — вот что характеризует современную политику масс в России, вот что *выросло* с революционной быстротой на социально-экономической почве наиболее мелкобуржуазной из всех европейских стран»,¹⁵⁶ — писал В. И. Ленин.

Все же признаки недовольства появлялись, и не только в интеллигентских низах. Обычно это было связано с зарождавшимся разочарованием в надеждах на то, что министры будут действовать быстро, решительно, целеустремленно и деловито, что они станут немедленно удовлетворять все пожелания интеллигентских групп.

¹⁵⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 1 апр.

¹⁵¹ Русский врач. 1917. № 10. С. 238, 261.

¹⁵² Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 18. С. 12.

¹⁵³ Речь. 1917. 9 марта; Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 38, и др.

¹⁵⁴ Русский врач. 1917. № 10. С. 238.

¹⁵⁵ Петроградский листок. 1917. 7 марта.

¹⁵⁶ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 156.

Уже в марте на собрании членов Петроградского учительского союза подвергся резким нападкам за тяготение к старым методам управления школой министр просвещения А. А. Мануилов.¹⁵⁷ В. А. Стеклов, человек очень энергичный, в своем дневнике стал отзываться о министрах как о «мямлях», «вносуковыряльщиках», которые дела не делают, а только «празднуют».¹⁵⁸ С. П. Каблуков приходил к выводу, что правительство «слабо», «нерешительно», что оно по составу и образу действий «типично интеллигентское» (в отрицательном смысле).¹⁵⁹ Горький смотрел глубже, полагая: «правительство — люди вчерашнего дня», и если есть среди них «тройка» даровитых людей, на ней все-таки «далеко не уедешь».¹⁶⁰ Как видно, для писателя главное заключалось в неспособности министров успевать за развитием революционной действительности, их политическое пребывание во «вчерашнем дне».

Интеллигенция сразу заметила, что рядом с Временным правительством появился другой, облеченный реальной силой орган — Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Если в некоторых приветственных резолюциях Временное правительство упоминалось как единственный полновластный орган,¹⁶¹ то причиной этого было нежелание признавать реальные полномочия Петроградского Совета и его Исполкома. В большинстве же приветствий авторитет Петроградского Совета охотно или неохотно признавался. Типичной формой признания было адресование единого приветствия Временному правительству и Петроградскому Совету.¹⁶² Реже от-

¹⁵⁷ Русская школа. 1917. № 1. С. 49, 50.

¹⁵⁸ ААН СССР, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 30, 73 об., 74.

¹⁵⁹ Каблуков С. П. Дневник 1917 г., л. 299.

¹⁶⁰ Архив А. М. Горького. Т. 9. С. 195.

¹⁶¹ ААН СССР, ф. 208 (С. Ф. Ольденбург), оп. 2, д. 47, л. 41 об. (резолюция общего собрания Академии наук); ЛГИА, ф. 14, оп. 27, д. 67, л. 1 с об. (резолюция Совета Петроградского университета); Русские ведомости. 1917. 3 марта (резолюция Совета Московского университета); Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14. С. 76 (резолюция объединенного заседания Советов Академии художеств и Высшего художественного училища); Русские ведомости. 1917. 14 марта (резолюция собрания московских присяжных поверенных); ГАФ (Государственный архив Финляндии), ф. Русские военные дела (РВД), д. 2420 (воззвание группы нижегородских учителей, распространившееся на фронте), и др.

¹⁶² Медицинское обозрение Спримона. 1917. № 5/6. С. 331 (резолюция собрания врачей — членов общественных и научных медицинских обществ Петрограда); Русские ведомости. 1917. 12 марта

правлялись параллельные послания этим органам.¹⁶³ Все это было фактическим признанием того, что революция привела к образованию двоевластия, однако о его истинных классовых основах представления были самыми смутными.

Образование двоевластия вызывало у большей части буржуазной интеллигенции тревогу и недовольство. Опасались неизбежной дальнейшей борьбы за власть, общего ее ослабления и всего того, что в представлении интеллигентов с этим могло быть связано (подрыв оборонных усилий, анархия). Судя по имеющимся источникам, интеллигентские верхи большей частью настроенные прокадетски, желали ликвидации двоевластия в пользу Временного правительства. Профессор П. И. Люблинский высказывался за полновластное Временное правительство, ответственное не перед Петроградским Советом, а перед Государственной думой — «единственным представительным органом всей России».¹⁶⁴ В Новочеркасске на собрании присяжных поверенных один из ораторов с пафосом говорил: «Кто вводит двоевластие и разруху, тот создает упадок духа, который когда-то заставил республиканца Лафайета воскликнуть: „Людовик-Филипп — это лучшая из республик!“».¹⁶⁵ Даже на собрании учителей Московского промышленного района прошла резолюция, вероятно, предложенная кадетами: «Никакая иная общественная организация, как бы ни была она авторитетна по своему составу и значению, не должна претендовать на равное с Временным правительством место в государстве».¹⁶⁶ Упомянутые нами резолюции, в которых Временное правительство приветствовалось как единственный полновластный орган, были недвусмысленным осуждением двоевластия.

(резолюция митинга московских артистов); Русская воля. 1917. 14 марта (резолюция собрания Петроградского общества журналистов); Известия Петроградского Совета. 1917. 12 марта (резолюция митинга студентов в помещении Бестужевских женских курсов); Известия Петроградского Совета. 1917. 26 марта (постановление коллегии лекторов Петроградского общества народных университетов), и др.

¹⁶³ Общественный врач. 1917. № 6/8. С. 42, 43 (телеграмма от правления Пироговского общества); Новая жизнь, 1917. 4 мая (телеграмма от Всероссийского съезда инженеров), и др.

¹⁶⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 8 марта.

¹⁶⁵ Ростовская речь. 1917. 29 марта.

¹⁶⁶ Для народного учителя. 1917. № 4. С. 49.

Мелкобуржуазная демократическая интеллигенция, основываясь на личных воспоминаниях о 1905 г., на впечатлениях, сложившихся в февральско-мартовские дни 1917 г., наконец на заявлениях и разъяснениях меньшевистско-эсеровских лидеров, обычно оценивала Советы как «руководящие органы революционной демократии». Последней давалось расплывчатое толкование. Немало интеллигентов и себя причисляли к «революционной демократии», хотя безоговорочно признавали решающее преобладание в ней представителей рабочих, солдат и крестьян. Назначением Советов считалось внесение организованности в массы, отстаивание их справедливых требований, контроль за действиями Временного правительства. Что касается вопроса о продолжительности существования Советов, то широко распространенное мнение сводилось к тому, что Советы рождены особыми условиями революции и со временем либо трансформируются в профессиональные организации, либо сойдут с общественной сцены. К интеллигенции в полной мере относятся слова В. И. Ленина: «Советы рабочих, солдатских, крестьянских и пр. депутатов не поняты не только в том отношении, что большинству неясно их классовое значение, их роль в *русской* революции. Они не поняты еще и в том отношении, что они представляют из себя новую форму, вернее, новый *тип государства*».¹⁶⁷

Представители верхнего слоя интеллигенции относились к Советам, как к организации масс, по-разному. Одни из них, не оценивая Советы отрицательно, просто не признавали их действительного назначения в совершавшемся процессе и тем более их роли в будущем. К. И. Скрябин писал, что для него большевистский лозунг «Вся власть Советам!» был тогда непонятен. «Я относился к тем, кто совершенно не представлял себе, как Советы будут управлять нашей огромной страной и кто будет их депутатами».¹⁶⁸ Другие, тоже оценивая Советы в общем-то положительно, усматривали в них некую зародышевую форму нового парламента. А. Н. Бенуа не без удовлетворения отмечал, что «у нас образовалось само собой, в один день, без всяких предварительных комиссий и заседаний нечто весьма близ-

¹⁶⁷ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 162.

¹⁶⁸ Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. С. 108.

кое к *народному* парламенту в образе Совета рабочих и солдатских депутатов». ¹⁶⁹ А третьи, составлявшие значительное большинство буржуазной интеллигенции, относились к Советам неприязненно и даже враждебно. Для них эти органы были дезорганизующим, подрывающим правительственную власть началом, источником страшившего их двоевластия. Например, З. Н. Гиппиус представляла себе Петроградский Совет в образе «двухтысячной толпы, властного и буйного перманентного митинга». ¹⁷⁰

Важно отметить, что определенная часть интеллигенции под влиянием разъяснительной работы (главным образом большевиков) была способна отменить пропаганду буржуазной прессы и быстро изменить свою позицию. Характерные события разыгрались на Пироговском съезде в Москве. 4 апреля во время выступления представителя Московского Совета рабочих депутатов А. Ф. Федорова-Девяткина в зале поднялся невероятный шум. Одни аплодировали оратору и выкрикивали: «Правильно!». На съезде это называли «гулом». Другие (их было большинство) организовали обструкцию («контргул») — стучали, топали ногами, кричали: «Довольно!», «Идите на митинг!». Но к концу работы съезда, после разъяснительной работы в кулуарах и выступлений с трибуны социалистов «гул» решительно возобладал над «контргулом», и съезд одобрил резолюцию с приветствием к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. ¹⁷¹

Главным практическим показателем отношения демократической интеллигенции к Советам было избрание в них депутатов. Исследователи истории Советов уславливают факты избрания, но, не располагая необходимыми источниками, сообщают лишь очень приблизительные и отрывочные сведения. ¹⁷² Собранные нами сведения тоже ограничены. Представительство интеллиген-

¹⁶⁹ Новая жизнь. 1917. 23 апр.

¹⁷⁰ Гиппиус З. Синяя книга. С. 105.

¹⁷¹ Медицинское обозрение Спримона. 1917. № 7/8. С. 419, 431; Вестник студенчества. 1917. № 8/9. С. 24.

¹⁷² См.: Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967. С. 74—86; Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. М., 1969. С. 36—47; Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. Л., 1976. С. 30—35, 113—125, и др.

ции в Советах 1917 г. — один из вопросов, представляющих большой интерес и нуждающихся в дальнейшем специальном исследовании.

Интеллигентские организации избирали своих представителей в Советы, по-видимому, и по собственной инициативе, помня о соответствующих прецедентах из истории 1905 г., и по предложению исполнительных органов Советов. Вопрос о возможности и целесообразности избрания депутатов иногда вызывал длительные споры. Правда, имеются данные, что собрание учителей Петроградского городского общественного управления уже в марте избрало в Совет трех представителей,¹⁷³ но этим дело не ограничилось. Собрания учителей различных школ, состоявшихся 3, 4, 7 и 9 марта, так и не пришли к окончательному решению. Выдвигались два основных возражения против избрания депутатов: в организации профессионального характера нельзя проводить выборы «политического характера»; Совет — «рабочая организация, и не наше дело вмешиваться в его жизнь».¹⁷⁴ Сторонники участия в деятельности Петроградского Совета ссылались на «ответственность политического момента» и необходимость общими усилиями «толкать» Временное правительство.¹⁷⁵ Лишь 20 марта на общем собрании Петроградского учительского союза были избраны два депутата (В. А. Герд и С. А. Золотарев), отвечавшие перед баллотировкой на четыре заранее сформулированных вопроса: «желательная форма государственного правления в России (монархия или республика); отношение к Временному правительству и Совету рабочих и солдатских депутатов; война и условия мира; принадлежность к политической партии».¹⁷⁶ Своего представителя в местном Совете имело Гельсингфорское педагогическое общество.¹⁷⁷

Имеются сведения о том, что в Петроградский Совет избрали своих представителей Пироговское общество (врача-большевика З. П. Соловьева)¹⁷⁸ и Комитет Всероссийского союза оркестрантов (дирижера Театра

¹⁷³ Злоказов Г. И. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в период мирного развития революции. С. 42.

¹⁷⁴ Русская школа. 1917. № 1. С. 30.

¹⁷⁵ Там же. С. 30—31.

¹⁷⁶ Там же. С. 36.

¹⁷⁷ ГАФ, ф. РВД, д. 3240.

¹⁷⁸ Соловьев З. П. Вопросы здравоохранения: Избр. статьи и речи. М.; Л., 1940. С. IX.

музыкальной драмы А. Павлова-Арбенина и виолончелиста Марининского театра И. Чернявского).¹⁷⁹ Избрать депутата от «тружеников сцены» предложила группа артистов, и этот вопрос обсуждался на собрании «сценических деятелей» частных театров,¹⁸⁰ но какое в конце концов было принято решение — неясно. Вопрос о «вступлении» в Совет обсуждался и в Петроградском обществе журналистов,¹⁸¹ а также на многолюдном собрании адвокатов, на котором, однако, предложение выбрать депутатов «сочувствия не встретило».¹⁸²

По сведениям историка Ю. С. Токарева, во второй половине марта (к 18 марта) среди 3000 депутатов Петроградского Совета была группа в 200—300 человек, представлявшая «социалистическую интеллигенцию» и делегатов различных организаций и учреждений.¹⁸³ Можно предполагать, что в этой группе находилось не более полутора десятков представителей профессиональной интеллигенции. Видимо, не были существенно иными пропорции между социальными группами депутатов и в составе Советов других наиболее крупных городов.

Следует, однако, иметь в виду, что связь интеллигенции с Советами не ограничивалась избранием немногочисленных депутатов. Некоторые организации и группы интеллигентов, отдельные их представители устанавливали контакты с Советами, оказывали им различное содействие или, наоборот, просили о содействии в решении различных дел. Правление Общества архитекторов-художников, узнав из газет о готовившихся похоронах жертв революции, 6 марта направило в Исполком Петроградского Совета «для предложения помощи» в подготовке места захоронения четырех своих представителей (С. В. Домбровского, Л. В. Руднева, А. Л. Шиловского и Е. Ф. Шретера). Предложение было принято, и архитекторы в дальнейшем добросовестно выполнили возложенные на них обязанности.¹⁸⁴ Заседа-

¹⁷⁹ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 19. С. 17.

¹⁸⁰ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 8 марта; Речь. 1917. 9 марта.

¹⁸¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 11 марта.

¹⁸² День. 1917. 7 марта.

¹⁸³ Токарев Ю. С. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в марте—апреле 1917 г. С. 120.

¹⁸⁴ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14. С. 75, 76.

ние кинодеятелей Москвы поручило режиссеру М. М. Бонч-Томашевскому съемку документальных фильмов, «отражающих текущие события», и постановило передавать все фильмы Московскому Совету рабочих депутатов.¹⁸⁵ Организация петроградских студентов («Совет советов») решила, что студенты, помимо прочего, должны оказывать содействие в организационной подготовке к созданию районных Советов.¹⁸⁶ Писатель С. А. Гарин в марте редактировал печатный орган Гельсингфорсского Совета. Практические контакты с Советами устанавливали инженеры, адвокаты, художники, врачи, артисты,¹⁸⁷ хотя, по свидетельству В. В. Вересаева, нередко проявляли при этом некую «настороженность».¹⁸⁸

Выборы депутатов в Советы, установление с ними какой-то связи, хотя бы в ряде случаев и вынужденной, имели безусловно положительное значение. Это способствовало вовлечению интеллигенции в революционную деятельность, ее политическому воспитанию, укреплению ее связи с народными массами, прежде всего с рабочими. Результаты не могли последовать немедленно, но в перспективе первое практическое знакомство и приобщение передовой интеллигенции к сотрудничеству с Советами должны были принести и принесли плоды.

Это — в будущем. А весной 1917 г. почти вся демократическая интеллигенция преклонялась перед учреждением, существовавшим лишь в туманных мечтах да ходких лозунгах — Всероссийским Учредительным собранием. Оно представлялось воплощением заветов деятелей русского освободительного движения XIX в., всемогущим завершителем революции и верховным устроителем новой жизни, «хозяином земли русской» и олицетворением единства всенародной воли. Это была романтическая мечта, это было типичное проявление мелкобуржуазных по классовому источнику конституционных иллюзий.

Нет необходимости приводить здесь тексты многочисленных резолюций и заявлений относительно Учреди-

¹⁸⁵ Русские ведомости. 1917. 4 марта.

¹⁸⁶ Рабочая газета. 1917. 9 марта.

¹⁸⁷ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 10 марта; День. 1917. 14 марта; Известия Петроградского Совета. 1917. 21 марта, и др.

¹⁸⁸ Бюллетени литературы и жизни. 1917. Кн. VII. С. 30.

тельного собрания, срок созыва которого Временное правительство удосужило назначить лишь в июне 1917 г. Для понимания отношения мелкобуржуазной демократической интеллигенции к задаче созыва Учредительного собрания отметим лишь, что в некоторых интеллигентских кругах в основном под влиянием эсеров всерьез обсуждался вопрос об использовании отпускного времени для проведения соответствующей организаторской и политико-просветительной работы среди населения, главным образом деревенского. В частности, в начале марта это обсуждалось и встречало определенную поддержку на сходках студентов высших учебных заведений Петрограда.¹⁸⁹ А областной делегатский съезд учителей в Москве (4—6 апреля) принял резолюцию, в которой говорилось, что в связи с подготовкой выборов и созыва Учредительного собрания учителя должны считать своей «нравственной обязанностью» никуда не разъезжаться в период летних каникул.¹⁹⁰ Сходное решение принял Всероссийский съезд учителей (7—9 апреля), добавивший, что «в случае недостатка местных сил учителя должны быть двинуты в деревню и распределены по уездам».¹⁹¹ Со стороны же прокадетски настроенных интеллигентских верхов отношение к идее Учредительного собрания в целом было куда сдержаннее, трезвее. В этой среде многие считали укрепление правительственной власти более насущной, первоочередной задачей.¹⁹²

Вопрос о государственной власти неразрывно переплетался с другим важнейшим вопросом — о войне и мире. Ключ к пониманию позиции демократической интеллигенции дает ленинский анализ настроений «революционного оборончества». В. И. Ленин разъяснял, что «революционное оборончество» имело социальные корни, было «самым крупным, самым ярким проявлением мелкобуржуазной волны, захлестнувшей „почти все“...».¹⁹³ Настроения «революционных оборонцев» отражали не

¹⁸⁹ Новое время. 1917. 9 марта.

¹⁹⁰ Земля и воля (Москва). 1917. 9 апр.

¹⁹¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 11 апр.

¹⁹² Подробно об идее и лозунге Учредительного собрания, об отношении к нему политических партий и масс см.: Знаменский О. Н. Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. 364 с.

¹⁹³ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 159.

только положение мелкого буржуа, до известной степени заинтересованного в военных прибылях, но и устремления тех широких масс, которые не пользовались и не могли пользоваться военными прибылями. Эти массы, названные В. И. Лениным «добросовестными оборонцами», действительно желали демократического мира, но были обмануты буржуазной националистической пропагандой и заблуждались относительно путей выхода из войны. «Они,— говорил В. И. Ленин,— идут под влиянием традиций и обмана. У них нет еще политического опыта». ¹⁹⁴ Они, прислушиваясь к голосам эсеро-меньшевистских деятелей, верили, что после свержения царизма революционная Россия ведет оборонительную войну против кайзеровской, милитаристской Германии, что войну можно закончить путем соглашения социалистов разных стран и давления на буржуазные правительства, путем выявления воли народов к миру и широковещательных воззваний. Это не отвечало особенностям международной обстановки и внутреннего положения России того времени. «Все это,— писал В. И. Ленин,— лублановщина, сладенькие мечты, игра в „политические кампании“, на деле повторение басни с Котом-Васькой». ¹⁹⁵

Формально беспартийная демократическая интеллигенция была частью массы «добросовестных оборонцев», ей требовалось помочь освободиться от иллюзий и заблуждений. Но это было очень трудной задачей, более трудной, чем задача просвещения рабочих, солдат, крестьян. Ведь интеллигенция была особенно падкой на «патриотическую» фразу, она знала историю и по условиям своего воспитания и обучения, по давним традициям много думала и рассуждала о внешнем и внутреннем «благополучии» российского государства, она, наконец, по привычке регулярно читала буржуазную прессу. Поэтому для подавляющего большинства демократической интеллигенции, субъективно движимой стремлением «защитить отечество, революцию и свободу», необходимость ведения «оборонительной» войны была непреложной, само собой разумеющейся задачей. С ошибочными воззрениями этой разновидности оборон-

¹⁹⁴ Ленин В. И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) // Там же. С. 350.

¹⁹⁵ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Там же. С. 161.

цев следовало бороться путем терпеливой разъяснительной работы, «исключительно способами товарищеского убеждения». «Мы,—указывал В. И. Ленин,—не делаем им ни малейших принципиальных уступок, но к ним мы не можем подходить как к социал-шовинистам». ¹⁹⁶

Устоять против поветрия, твердо держаться на антивоенной позиции могли очень немногие. Это относится и к рядовой демократической интеллигенции, и тем более к творческой. Маяковский, Тимирязев, Блок — этот перечень последовательных противников участия в империалистической войне, противников из числа не входивших в состав партий представителей интеллигенции, продолжить нелегко. Бенуа, укреплявшийся на пацифистских позициях, порвавший с кадетской «Речью», все же делал уступки «революционному оборончеству», приняв, например, участие вместе с 16 другими художниками в конкурсе эскизов на плакат оборонческого «Займа свободы». ¹⁹⁷

Основная масса «революционных оборонцев» из интеллигенции держалась пассивно. По утверждению В. Б. Станкевича, «средний интеллигент» в душе «не принимал» войны. «Был ужас перед ней, была печаль, была привычка и, наконец, была тоска от незнания, как и где найти выход». ¹⁹⁸ Присутствуя на собраниях и митингах, эти интеллигенты с готовностью голосовали за резолюции, в которых подчеркивались вынужденность продолжения войны и приверженность к заключению всеобщего демократического мира. Здесь несомненно прослеживалось эсеровское и меньшевистское влияние. Например, митинг в московском Студенческом доме, резко осудив империалистическую войну, высказался за «вооруженную защиту родины» ввиду того, что «в настоящий момент общего соглашения демократии в вопросе о войне нет». ¹⁹⁹ Областной делегатский съезд учителей в Москве в своей резолюции призвал «трудовые классы всех народов» к борьбе против «политики территориальных захватов», а также «к революционной борьбе

¹⁹⁶ Ленин В. И. Доклад о текущем моменте 24 апреля (7 мая) // Там же. Т. 31. С. 350—351.

¹⁹⁷ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14. С. 86. — Жюри признало лучшим эскиз, представленный Б. М. Кустодиевым.

¹⁹⁸ Станкевич В. Б. Воспоминания. С. 51.

¹⁹⁹ Вестник студенчества. 1917. № 8/9. С. 28, 29.

за демократизацию строя, который явился бы лучшей гарантией скорейшего заключения мира». Вместе с тем съезд провозгласил право «демократии каждого народа» на «самооборону», на обязанность «защиты завоеваний революции и свободы» от внешних посягательств.²⁰⁰ Данная резолюция, как и ряд других, выражала полную солидарность с принятым 14 марта обращением Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов «К народам всего мира».²⁰¹

Некоторые «революционные оборонцы», руководствуясь благими намерениями, активно пропагандировали свою точку зрения. Среди этих глубоко заблуждавшихся тогда людей были А. Н. Толстой, В. И. Немирович-Данченко и некоторые другие. Толстой говорил 11 марта на собрании московских писателей: «Грядущая свобода должна уничтожить войну навсегда. Но, чтобы была у нас эта свобода, нужно эту войну довести до конца... Мы не хотим ничьих страданий, ничьего ущерба, ничьей гибели, никаких насилий. Но судьба в эти дни поставила нас над бездной. Германская империя готова раздавить нас в то время, когда наше сердце взяло верх над злобой».²⁰² Немирович-Данченко опубликовал статью «Завтра будет поздно!», в которой призывал продолжать «оборонительную» войну, создавать «боевую» армию.²⁰³ В воззвании Совета Военно-химического комитета Отделения химии Русского физико-химического общества при Петроградском университете говорилось о необходимости «энергично взяться за работу», забыть «партийные счёты», до тех пор «пока враг не сломлен. Иначе наша победа над свергнутым царским правительством не останется победною». Воззвание, к составлению которого, очевидно, приложили руку кадеты, подписали председатель Совета академик

²⁰⁰ Народное образование. 1917. № 3/4. С. 13.

²⁰¹ Текст обращения см.: Революционное движение в России после свержения самодержавия: Документы и материалы. М., 1957. С. 252—253. — Обращение в целом выдержано в духе «революционного оборончества».

²⁰² Толстой А. Н. Полн. собр. соч. Т. 13. М., 1949. С. 8. — На собрании, проходившем под председательством В. И. Немировича-Данченко, с речами выступили 17 человек, в том числе А. Белый, В. Я. Брюсов, В. В. Вересаев, М. А. Волошин и др. В ходе прений «необходимость обороны» признавали «в полной мере» и те, которые «высказывались за идею мира народов» (Русские ведомости, 1917. 14 марта).

²⁰³ Русская воля. 1917. 21 марта.

Н. С. Курнаков и делопроизводитель профессор Л. А. Чугаев.²⁰⁴ Оборонческие по содержанию прокламации издавал Комитет военно-технической помощи.²⁰⁵

Узнав из буржуазных газет о заявлениях военного министра А. И. Гучкова относительно опасного положения на фронте (опасность намеренно преувеличивалась), В. Г. Короленко передал по телеграфу в редакции ряда газет свое воззвание. Он заявил, что от писателя естественно слышать призыв к «любви и миру» и что считает «безумную свалку народов, озарившую кровавым пожаром европейский мир и грозящую перекинуться в другие части света, великим преступлением, от ответственности за которое не должно уйти ни одно правительство, ни одно государство».²⁰⁶ Но, продолжал В. Г. Короленко, у благородной мечты о человеческом братстве пока только слабые ростки. А речь идет о сегодняшней опасности. «Тревога звучит, ширится, облегает страну. Я желал бы, чтобы голос печати звучал, как труба на заре, чтобы подхватить ее, передать дальше, разнести всюду до самых дальних углов, заронить в наименее чуткие сердца, в самые беспечные души. Тревога! Тревога! Смотрите в одну сторону. Делайте в эти дни одно дело... С Запада идет туча, какая когда-то надвигалась на Русь с Востока. И она готова опять покрыть свою тенью родную землю, над которой только что засияло солнце свободы».

Текст воззвания, написанного взволнованно, страстно, не только публиковался в газетах, но и издавался в виде листовок, распространялся на фронте.²⁰⁷ В Петрограде курсистки и гимназисты раздавали листовки прохожим, расклеивали на стенах домов.²⁰⁸

Были и воинствующие «революционные оборонцы», которые не просто пропагандировали свои убеждения, но и обрушивались с нападками на тех, кто «подрывал защиту страны». Распропагандированные этими воинствующими элементами, участники собрания учителей Московского района одобрили резолюцию, согласно ко-

²⁰⁴ Петроградский комитет военно-технической помощи: Бюллетень осведомительно-статистического бюро при Химическом отделе. 1917. № 5. С. 164.

²⁰⁵ ЦГИА СССР, ф. 691 (В. П. Семенников), оп. 1, д. 21, л. 19—21.

²⁰⁶ Известия Петроградского Совета. 1917. 14 марта.

²⁰⁷ ГАФ, ф. РВД, д. 2420.

²⁰⁸ Русские ведомости. 1917, 22 марта.

торой «проповедь» мира «в настоящее время» является «опасной для дела свободы», ибо следствием этой «проповеди» может стать «поражение России полчищами Вильгельма», недостижение победы «свободы и света над мраком и рабством». ²⁰⁹

Отсюда видно, насколько прав был В. И. Ленин, оценивавший «революционное оборончество» как одно из главных препятствий дальнейшему развитию революции. ²¹⁰ Ведь «смотреть в одну сторону», отвлекаясь от насущнейших внутренних проблем, от борьбы за революционные преобразования призывали не только буржуазные и мелкобуржуазные политические деятели, но и пользовавшиеся прочным уважением у читающей публики крупные художники слова. Их ошибочные призывы, облеченные в блестящую публицистическую форму, воздействовали подчас гораздо сильнее, чем призывы министров Временного правительства и членов Исполкома Петроградского Совета.

Другая, меньшая часть интеллигенции вместе с буржуазией и кадетами ратовала не за «революционную оборону», а за продолжение участия в войне с империалистическими целями. Сакраментальная формула «войны до победного конца в тесном единении с союзниками» была отличительным знаком шовинистов. Среди толпившихся под знаменами буржуазного шовинизма были обманутые и обманывавшиеся, были и сознательно подчинившие свои интересы классовым интересам буржуазии и помещиков.

Именно среди последних получили хождение те «новые аргументы» за участие в войне, которые так поразили и возмутили А. Н. Бенуа. В статье «Почему мы воюем» Бенуа писал, что сторонники «новых аргументов» хотели «занять» войной «праздных и невежественных» людей, «угрожающих из защитников родины превратиться в разбойников и душегубов». Почему? Оказывается, вот по какой причине: если солдаты вернутся домой без победы, то им «захочется выместить свою злобу», и «тогда помещики прощайтесь со своей усадьбой, буржуа со своими банками, ремеслами и художествами, патриоты — с Россией и, в конце концов, все — со свободой». Бенуа так резюмировал суть этих цинич-

²⁰⁹ Для народного учителя. 1917. № 4. С. 49.

²¹⁰ Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 159.

ных рассуждений: «...во избежание внутренней резни, нужно занять миллионы резней внешней». ²¹¹

Вероятно, не все признавались сами себе в бесчеловечном стремлении «занять резней миллионы». Поэтому при публичных выступлениях помыслы шовинистов и контрреволюционеров прятались за «патриотической» фразой. Как отмечал В. И. Ленин, «буржуа и гг. „интеллигенты“», прекрасно осознавшие взаимосвязь захватнической войны с господством капитала, бессовестно обманывали массы. ²¹²

Для агитации буржуазных «патриотов» всегда характерны демагогичность, а также крикливость и агрессивность тона. Так было и в России 1917 г. «Победу над Германией! — взывал известный фельетонист и беллетрист, редактор газеты «Русская воля» А. В. Амфитеатров. — Победу! Победу! Победу! Дайте нам победу! Победу, необходимую нам как хлеб! Потому что победа и свобода сейчас синонимы». ²¹³ Сходка студентов Петроградской духовной академии резко осудила «космополитические и интернационалистические тенденции, скрывающиеся под лозунгом скорейшего прекращения войны». ²¹⁴ Злопыхательство шовинистов уже тогда обращалось главным образом против партии большевиков — единственной последовательной защитницы идеал демократического мира между народами.

Свою линию гнули «веховцы». П. Б. Струве уверял, что в армии «воплощается наша национальная сила», что «теперь лозунг „война до победного конца“ получил свой окончательный смысл и всецелое оправдание». ²¹⁵ Н. А. Бердяев, приписывая народу надуманные им, Бердяевым, настроения, заявлял, будто свержению старой власти в решающей мере способствовало «патриотическое негодование» и «подозрение в измене». ²¹⁶ И далее он призывал всех «быть на высоте патриотической задачи», ибо, мол, в конце концов «проливы (Босфор и Дарданеллы. — О. З.) нужны не только буржуазии, но и самим рабочим, всему русскому народу, всем грядущим поколениям: от этого зависит эконо-

²¹¹ Новая жизнь. 1917. 23 апр.

²¹² См.: Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 160.

²¹³ Русская воля. 1917. 11 марта.

²¹⁴ Речь. 1917. 11 марта.

²¹⁵ Русская мысль. 1917. № 2. С. XII.

²¹⁶ Русская свобода. 1917. № 1. С. 7.

мическое развитие России». ²¹⁷ Уже в марте «веховцы» оказались в идеологическом авангарде шовинистически и контрреволюционно настроенной буржуазной интеллигенции.

Лозунг «война до победного конца» находил приверженцев не только в интеллигентских верхах, но и среди представителей среднего, мелкобуржуазного слоя. Это были, как правило, шовинисты по недоразумению, попавшие под влияние широкой и планомерной, по тону сравнительно сдержанной кадетской агитации. Наибольшие плоды эта агитация приносила, пожалуй, в Москве. Там «войну до победного конца» поддерживали собрания, участниками которых были десятки и тысячи интеллигентов. Соответствующие резолюции приняли: собрание профессоров и младших преподавателей Московского университета, собрание присяжных поверенных, митинг артистов в Никитском театре, ²¹⁸ собрание врачей Москвы и Московской губернии ²¹⁹ и др.

И все же основная масса представителей среднего, а отчасти и верхнего слоев интеллигенции больше тяготела к лозунгам «революционных оборонцев». Распропагандированных шовинистами удавалось без особого труда сдвигать «влево». В результате иногда появлялись резолюции-гибриды, вроде той, которая была одобрена Всероссийским съездом учителей. «Рабочие — к станкам, солдаты — в окопы, учителя — в народ. Война до победного конца над Вильгельмом и немецкой казармой», — это была дань, отданная делегатами съезда шовинистам. Но далее в резолюции следовало: «Мир без аннексий и контрибуций. Полная свобода и полное право на самоопределение всех народностей, малых и больших». ²²⁰

На Пироговском съезде позиция его участников относительно войны претерпела столь же замысловатую эволюцию, что и позиция относительно Советов. Когда Д. Н. Жбанков (близкий к народным социалистам член правления Пироговского общества) огласил проект резолюции с призывом к Временному правительству начать «в согласии с союзниками» мирные переговоры, в зале поднялся «контргул». Кадет С. С. Салазкин, председа-

²¹⁷ Там же. С. 8.

²¹⁸ Русские ведомости, 1917. 9, 12 и 14 марта.

²¹⁹ Медицинское обозрение Спримона. 1917. № 5/6, С. 331.

²²⁰ Биржевые ведомости (утр. вып.), 1917. 11 апр.

тельствовавший на съезде, заявил, что «нельзя выносить с плеча резолюций по вопросу такой громадной важности. Сейчас каждое лишнее, неосторожно сказанное слово отзывается на фронте лишними жертвами, лишними дезертирами. Таких слов произносить на съезде не должно!». ²²¹ Однако, встретив это заявление, по определению автора журнального отчета, «бурными аплодисментами», через день участники съезда большинством голосов поддержали резолюцию о присоединении к воззванию Петроградского Совета «К народам всего мира», ²²² которое, с точки зрения кадетов, содержало еще более «лишние» слова. ²²³

Еще более важным политическим вопросом, волновавшим интеллигенцию, был будущий государственный строй России. Здесь наблюдалось почти полное единодушие во мнениях. Лишь немногие предпочитали установление подновленного монархического строя. Даже те буржуазные интеллигенты, которые еще неделю — другую назад видели в конституционной монархии предел возможного и желаемого, высказывались за республику. Они, вероятно, были вполне солидарны с профессором Н. А. Гредескулом, убеждавшим своих читателей, что республика — «это не вопрос будущего, а вопрос уже прошлого. Это вопрос, решенный историей, решенный всем тем, что у нас произошло, начиная с 9 января 1905 г., и решенный бесповоротно». ²²⁴

В уже цитированной нами корреспонденции «Русского слова» говорилось: «Масса вчерашних монархистов сразу делается республиканской по лозунгу партий. Видели мы также в Петрограде двух-трех октябристов, задумчиво говоривших: „М-да... Если подумать, то, пожалуй, республика теперь самое лучшее“. Даже „октябристы“ сразу превратились в „февралистов“. А дальше вправо никого больше сейчас и не слышно. Может быть,

²²¹ Медицинское обозрение Спримона. 1917. № 7/8. С. 420.

²²² Там же. С. 431—432.

²²³ Воззвание Петроградского Совета содержало и такой призыв: «...настала пора начать решительную борьбу с захватными стремлениями правительств всех стран; наступила пора народам взять в свои руки решение вопроса о войне и мире» (Революционное движение в России после свержения самодержавия. С. 253).

²²⁴ Русская воля. 1917. 9 марта. — Любопытно, что в 1908 г. Н. А. Гредескул уверял в противоположном: царская власть будет «жить с народом еще долгие века» (Цит. по: Дякин В. С. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907—1911 гг. Л., 1978. С. 54).

Марков 2-й сохранил любовь к монархии, но его нигде не могут найти. Влево же от кадетов колышется сплошное море республиканских партий, групп, союзов, течений». ²²⁵

В марте кадеты испытывали ошутимое давление извне. По заявлению «Русской воли», ее редакция «буквально осаждалась лицами, являвшимися с разных сторон, вне всякой зависимости друг от друга», которые спрашивали, не намерена ли редакция газеты «взять на себя задачу организации „республиканской“ партии»? Этим лицам, отвечала «Русская воля», место в партии кадетов, но позиция последней по меньшей мере неопределенна. «Нерешительное колебание ее маятника между ограниченной монархией, которую она признает, и республикой, которую она не отрицает, вызывает все большее и большее недоумение широких общественных кругов», ²²⁶ — продолжала газета, явно имея в виду под этими «кругами» буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию.

Такого рода давление кадеты испытывали не только в Петрограде. В Москве на организованном кадетами митинге «некоторые ораторы горячо протестовали против параграфа программы кадетов, неопределенно отвечающего на вопрос о форме правления, и настаивали, чтобы партия определенно высказалась за демократическую республику. Лишь при таком условии партия соберет вокруг себя широкие демократические круги. „Пусть она похоронит параграф 13 в той же могиле, где теперь схоронено самодержавие“, — говорил под бурные рукоплескания один из ораторов». ²²⁷ В Томске на массовом митинге кадетов и прокадетски настроенной интеллигентской публики при баллотировке вопроса о форме государственного правления за монархию проголосовали 8 человек, а за республику — 1160. ²²⁸

Очертания будущего республиканского строя вырисовывались неясно, и все надежды возлагались на все разрешающую и всеопределяющую роль Учредительного

²²⁵ Русское слово. 1917. 17 марта.

²²⁶ Русская воля. 1917. 10 марта.

²²⁷ Русские ведомости. 1917. 11 марта. — В § 13 программы партии кадетов говорилось о желательности введения конституционной монархии. 25 марта 1917 г. съезд партии кадетов единогласно высказался за «демократическую парламентскую республику» (Речь. 1917. 26 марта).

²²⁸ Сибирская жизнь. 1917. 14 марта.

собрания.²²⁹ Для подавляющего большинства интеллигенции несомненным представлялось одно — в России будет парламентская республика, осуществляющая буржуазно-демократические преобразования по образцу США и передовых стран Западной Европы или даже оставляющая позади эти образцы. О последнем всерьез подумывала демократическая интеллигенция. Однако и она не могла представить себе, что революционная Россия в ближайшие месяцы осуществит прорыв в мировой системе капитализма, что их страна даст миру первую республику Советов. «Мы, — вспоминал И. П. Бардин, — были настроены конституционно. Монархию мы отрицали единодушно, но капитализм и буржуазную свободу приветствовали. В них мы видели источник прогресса».²³⁰ Не все, конечно, видели в капитализме «источник прогресса», но и давно усвоенные частью демократической интеллигенции расплывчатые народническо-социалистические идеалы при их практическом осуществлении обеспечили бы лишь дальнейшее развитие капитализма.

В. И. Ленин в работе «Политические партии в России и задачи пролетариата» отметил, что мелкобуржуазные партии меньшевиков и эсеров «в настоящее время» хотят «буржуазной парламентарной республики с реформами для рабочих и крестьян».²³¹ Фактически того же хотело и большинство интеллигенции. Но какие именно реформы имелись в виду? Буржуазные и мелкобуржуазные интеллигенты нередко предпочитали уйти от конкретного ответа на этот вопрос. Потрясенные размахом и мощью народного движения в дни Февральской революции, наблюдавшие за продолжавшимся революционным напором масс, интеллигенты сделали вывод: народ с помощью политических партий и массовых организаций, через Учредительное собрание или без него добьется-таки осуществления своих требований. Поговаривали о нежелательности «вмешательства» в борьбу рабочих, солдат и крестьян за их собственные права, за их «профессиональные» интересы,²³² тем более, что кое-

²²⁹ Любопытно, что фактически уже восторжествовавшему, но не «освященному» Учредительным собранием республиканскому строю избегали давать определение.

²³⁰ Бардин И. П. Жизнь инженера. С. 45.

²³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 195.

²³² Русская школа, 1917. № 1. С. 30.

где наблюдалось стремление рабочих уйти от словесной «опеки» представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции.²³³

Однако было бы неверно полагать, будто интеллигенция проявляла безразличие к устремлениям народных масс. Многие интеллигенты, не говоря уже о представителях передовой, демократической интеллигенции, желали избавления народа от многочисленных бедствий, радикального улучшения его материального и правового положения. Некоторые интеллигентские собрания, например областной делегатский съезд учителей в Москве и Пироговский съезд, поддерживали в своих резолюциях требования передать землю крестьянам, установить 8-часовой рабочий день, предоставить право на самоопределение всем населяющим страну народам,²³⁴ причем Пироговский съезд заявил, что он «протестует против попыток использовать лозунг о 8-часовом рабочем дне для выпадов против рабочего класса и сеяния розни между рабочими и солдатами».²³⁵ Вместе с тем в связи с широким распространением оборонческих настроений именно вопрос о немедленном введении 8-часового рабочего дня вызывал у многих интеллигентов сомнения. В частности, среди инженеров были сторонники установления в военное время по меньшей мере 9-часового рабочего дня.²³⁶ В те месяцы лишь очень немногие инженеры (в их числе Л. Я. Карпов²³⁷) шли рука об руку с рабочими. «В конце концов, — писал И. П. Бардин, — все мы были крепко прикованы к колеснице капитализма».²³⁸

Что касается метода проведения в жизнь предстоявших преобразований, то в интеллигентской среде господствовало тяготение к «законности», к реформаторству сверху, осуществляемому Временным правительством, а затем Учредительным собранием в обстановке «единства и согласия». С большей или меньшей последовательностью за это высказывались представители всех групп буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. П. Б. Струве призывал «всячески бороться против

²³³ Общественный врач. 1917. № 1/3. С. 160.

²³⁴ Там же. С. 1; Народное образование. 1917. № 3/4. С. 13.

²³⁵ Общественный врач. 1917. № 1—3. С. 3.

²³⁶ Русские ведомости. 1917. 12 марта.

²³⁷ Писаржевский О. Страницы жизни большевика-ученого. М., 1960. С. 20.

²³⁸ Бардин И. П. Жизнь инженера. С. 45.

пагубных соблазнов ненависти и разобщения»,²³⁹ добиваться «полного порядка в тылу и на фронте».²⁴⁰ Общее собрание Петроградского учительского союза 9 марта одобрило примечательную резолюцию: «Принимая на себя участие в государственном и общественном строительстве в трудную переходную эпоху, Союз объявляет себя защитником начал права, умственной и нравственной культуры общества. Он заявляет, что теперь, когда старый политический строй может считаться окончательно сломленным, общество должно отказаться от старых приемов политической борьбы, стремиться к установлению взаимного доверия и терпимости, а побежденных противников свободы, запятнавших себя преступлениями перед Россией, судить судом беспристрастным и милостивым, избегая актов политической мести».²⁴¹

В обосновании и пропаганде таких методов преобразований ведущая роль принадлежала юристам, которые по роду своей деятельности склонны к законодательной регламентации общественных движений. В этой связи В. И. Ленин в апреле 1917 г. напомнил ироничные слова А. Бебеля: «...юристы самые реакционные люди на свете».²⁴² Эта «реакционность» отчетливо проявлялась при попытках формально-юридического подхода к решению проблем в революционное время, тогда как в пору «революционных вихрей» (Ленин указывал на это еще в 1906 г.) народная масса «сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право».²⁴³ Развивая ранее выдвинутые положения, В. И. Ленин писал в июле 1917 г.: «Революция именно тем и отличается от „обычного“ положения дел в государстве, что спорные вопросы государственной жизни решает непосредственно борьба классов и борьба масс вплоть до вооруженной борьбы их».²⁴⁴

²³⁹ Русская свобода. 1917. № 1. С. 4.

²⁴⁰ Русская мысль. 1917. № 2. С. XII.

²⁴¹ Русская школа. 1917. № 1. С. 34—35.

²⁴² См.: Ленин В. И. Политические партии в России и задачи пролетариата // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 197.

²⁴³ Ленин В. И. Победа кадетов и задачи рабочей партии // Там же. Т. 12. С. 321.

²⁴⁴ Ленин В. И. О конституционных иллюзиях // Там же. Т. 34, С. 40.

Игнорируя или не сознавая эти закономерности и, независимо от субъективных побуждений, выступая против революции, видные юристы в серии статей, докладов, лекций, следуя кадетским установкам, внушали читателям и слушателям, что «закон, право и милость более ярко, чем когда-либо должны сиять под нашим знаменем»,²⁴⁵ что «основной принцип всякого правопорядка» заключается в соблюдении «правовой нормы» до тех пор, пока «она не отменена новой нормой»,²⁴⁶ что «надо всеми мерами устранять возможность внутренней смуты, подавляя в себе чувства недоверия или озлобления против других общественных элементов».²⁴⁷ Даже осторожное признание неизбежности ломки законодательства сопровождалось оговорками относительно обязанности проявлять «большую осторожность», бороться с «соблазнами разрубать гордиевы узлы».²⁴⁸

«Законность и единство» была одной из главных, но не единственных тем пропаганды, развернутой политически активной частью буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Излюбленными темами для лекторов и докладчиков стали: «Монархия и республика», «Формы государственного строя», «Учредительное собрание и местное самоуправление», «Избирательное право», «Революция и война», «Из истории русских революций», «Французская революция», «Русские политические партии», «О сущности социализма», «Рабочий вопрос», «Аграрный вопрос» и др. Следовательно, проблематика пропагандистских выступлений лекторов-интеллигентов была достаточно широкой.

Роль главных организаторов «непартийной» пропагандистской работы взяли на себя просветительные общества (народные университеты имени Л. И. Лутугина и А. Л. Шанявского, общества грамотности и пр.), университеты и институты, Советы и органы местного самоуправления (городские думы и земства), учительские организации. Например, съезд учителей Островского района Псковской губернии 8 апреля устроил общегородской митинг, посвященный «текущему моменту».²⁴⁹

²⁴⁵ Речь. 1917. 15 марта.

²⁴⁶ Юридический вестник. 1917. № 1. С. 8.

²⁴⁷ Там же. С. 5.

²⁴⁸ Право. 1917. № 16. С. 927.

²⁴⁹ Известия Псковского Совета солдатских и рабочих депутатов. 1917. 16 апр.

Важная, хотя и своеобразная роль принадлежала театрам, о которых речь впереди. Для непосредственного руководства лекционной пропагандой при некоторых высших учебных заведениях и общественных организациях создавались специальные комиссии и бюро.

Не меньшее значение придавалось печатной пропаганде. Ученые, писатели и другие представители творческой интеллигенции не только готовили статьи для газет и журналов, но и взялись за написание небольших по объему пропагандистских брошюр, тематика которых была примерно такой же, как и тематика лекций. Многие брошюры, вероятно, представляли собой доработанный текст лекций и докладов. Количество названий брошюр, изданных в феврале — октябре 1917 г., исчислялось тысячами, а тиражи — десятками и сотнями тысяч экземпляров.

Пропагандистская работа в основном организовывалась политическими партиями, и участником этой работы являлась интеллигенция, входившая в состав партий. Но и прочая интеллигенция, как мы знаем, не была нейтральной и беспристрастной. Поскольку подавляющее большинство ее в той или иной мере тяготело к программе действия буржуазных и мелкобуржуазных партий, то соответствующим было и содержание пропаганды. Между тем, политическая позиция, которую занимала и пыталась отстаивать интеллигенция, особенно интеллигенция буржуазная, не встречала поддержки среди рабочих, солдат и крестьян. Лекции и доклады, читавшиеся интеллигентами, обычно не только по содержанию, но и по форме не устраивали «простую» аудиторию. И. М. Гревс, полагавший, что «нужна не зажигательная речь митингового оратора-разрушителя, а спокойно-твердое, убежденное разъяснение интеллигентного зиждителя», ²⁵⁰ был далек от понимания действительного положения. Именно «зажигательная», звавшая к активной борьбе речь оратора-революционера сильнее всего воздействовала на умы и чувства людей из народа.

Бывало так, что рабочие и солдаты, терпеливо высиживая на лекции, посвященной, например, избирательному праву, фактически ничего не воспринимали и не слушали, так как думали о своих делах. Один из интеллигентов-пропагандистов, читавший лекцию об Уч-

²⁵⁰ ААН, ф. 726, оп. 1, д. 64, л. 2.

редительном собрании перед солдатами, был смущен, когда выяснилось, что слушателей интересовал лишь вопрос о земле.²⁵¹ Со временем посетители лекций становились менее терпеливыми. Историк Н. И. Кареев вспоминал в декабре 1917 г., что уже весной «объективное» разъяснение «политических и исторических вопросов» со стороны «людей науки» встречало равнодушное или неприязненное отношение. Кареев с обидой поведал, как однажды перед началом его лекции «в аудиторию пришел некто и увлек половину слушателей в другое место на какое-то собрание. Я пробовал читать в казармах, и дело шло хорошо, но скоро и казармы сделались для нас недоступными».²⁵² Большевицкая газета «Социал-демократ» сообщила, что слушатели, явившиеся на лекцию по аграрному вопросу, вынудили прокадетски настроенного докладчика быстро закончить, а затем, после выступления оратора-большевика приняли большевицкую резолюцию по аграрному вопросу.²⁵³

Подведем краткие итоги. После свержения царизма интеллигенция, за немногими исключениями, желала укрепления одержанной победы, утверждения в стране буржуазно-демократического республиканского строя. Демократическая интеллигенция объективно становилась союзником пролетариата в борьбе за ликвидацию остатков феодального строя, за предотвращение монархической реставрации. Однако подавляющее большинство интеллигенции обнаружило политическую неопытность, незнание и непонимание расстановки классовых сил, закономерности классовой борьбы и развития революции, приверженность конституционным иллюзиям. Часть интеллигенции пыталась сыграть активную политическую роль, оказать воздействие на ход событий. Формально ее принадлежность к тем или иным партиям возросла незначительно, но политическая связь верхнего слоя интеллигенции с буржуазными партиями, а среднего и нижнего слоев — с мелкобуржуазными весной 1917 г. расширилась.

²⁵¹ Солдат-гражданин. 1917. 19 марта.

²⁵² Русские ведомости. 1917. 31 дек.

²⁵³ Социал-демократ. 1917. 28 апр.

Глава III

ПРИСТУП К «САМООПРЕДЕЛЕНИЮ» ПОСЛЕ СВЕРЖЕНИЯ ЦАРИЗМА

1. Полоса организационного учредительства

Стремление организовать ради отстаивания своих интересов охватило интеллигенцию сразу после свержения царизма. Реализуя это стремление, интеллигенция могла воспользоваться собственным опытом, приобретенным в 1905 г., и примером рабочего класса, организационное творчество которого (создание фабзавкомов, профсоюзов, осуществление рабочего контроля) производило сильное впечатление. Отметим, что от хода и итогов, от успехов и недостатков организационного строительства в немалой степени зависел политический потенциал интеллигентской массы.

В марте — начале апреля доминировала точка зрения, согласно которой интеллигенции следовало объединяться по профессиям. По такому принципу создавались интеллигентские организации в 1905 г., так у всех на глазах строились рабочие профсоюзы в 1917 г. Суммируя возобладавшее мнение, член правления Пироговского общества К. И. Шидловский говорил в докладе на Пироговском съезде, что если «при старом строе», в период борьбы «за достижение общих свободных условий» было целесообразно не дробить силы, то ныне «противоположение профессиональности и общественности» является «полнейшей несообразностью и неуместностью». В новых условиях, продолжал докладчик, когда «весь строй русской жизни становится общественным», объединение «лиц того или иного знания, той или иной профессии не может быть никаким иным, как только профессиональным».¹

¹ Общественный врач, 1917, № 1—3, С. 151.

Две другие точки зрения имели мало сторонников. Одну из них представляли пропагандисты путаной вульгарно-социологической концепции разделенности «класса интеллигенции» по образцу всего общества на три «под-класса»: буржуазию (владельцы театров, лечебниц и пр.), мелкую буржуазию (лица свободных профессий) и пролетариат (работающие в коллективе). 11 апреля в большой аудитории Петроградского университета Г. Боровой, А. Солонович и Л. Черный излагали соответствующую «декларацию» и призывали создать «федерацию умственного пролетариата», ведущего борьбу теми же методами, что и рабочий класс (стачки и пр.).² Федерация создана не была, однако возможно, что пропагандирование ее оказало некоторое влияние на формирование идеи организации Советов депутатов трудовой интеллигенции, о которых речь впереди.

Третья точка зрения была диаметрально противоположна второй и принадлежала сторонникам претворения «надклассовой» интеллигенции своей «ведущей» роли в обществе. И. Ясинский в статье «Роль интеллигенции» утверждал, что последняя «всегда и везде была и будет» служить «резервуаром идей и идеалов для всех». Отсюда следовало: интеллигенции не нужны собственные организации. «Надо объединять, а не объединяться,— получал автор статьи.— Напротив, как можно шире разливаться во всех отдельных политических и социальных группах, питать идеями и идеалами всех объединившихся и радоваться, когда эти идеи и идеалы становятся их собственностью и претворяются в дело».³ Имелись в виду, конечно, идеи и идеалы буржуазной интеллигенции. Ее пропагандистская работа являлась формой осуществления подобных призывов.

Тем временем дело организационного строительства в целом продвигалось быстро. Первые меры, принятые интеллигентскими коллективами, нередко являлись прямым подражанием действиям рабочих. В казенных, в принадлежавших городским думам и земствам, а кое-где и в частных учреждениях создавались под различными названиями комитеты и комиссии, которые практически брали под контроль управление всеми делами, удаляли представителей старой администрации. Ведь немало чиновников, администраторов были и никудышными спе-

² Вестник студенчества. 1917. № 8/9. С. 11—14.

³ Петроградский листок. 1917. 16 марта.

циалистами и консервативно настроенными людьми, не способными к выполнению своих управленческих обязанностей в послефевральской обстановке. Поэтому, по сообщению учительского журнала, педагогические коллективы удалили директоров «во многих школах». Редакция журнала, однако, не одобряла эту практику и ориентировала на «планомерное и общее» решение проблемы обновления руководства.⁴

Создавались и объединения по профессиям, причем и здесь своей организованностью, оперативностью и целеустремленностью выделялось учительство. Причин этому, видимо, было несколько: активность школьных коллективов, больший, по сравнению с другими отрядами интеллигенции, морально-политический подъем, жгучая необходимость незамедлительного преобразования школьного дела и улучшения положения учителя, активное содействие созданию нового профессионального объединения со стороны Всероссийского педагогического общества.

В этом было дело или еще в чем-то, но всего лишь за месяц учительство, действуя «снизу» (региональные объединения) и «сверху» (Совет Всероссийского педагогического общества), подготовили возрождение Всероссийского учительского союза, работа которого была свернута в 1908 г.

Уже в первых числах марта почти повсеместно состоялись собрания учителей в уездах, учебных районах, городах, а с середины марта началась полоса губернских и областных съездов. Помимо этого, в крупных городах проводились собрания учителей различных типов школ (мужских и женских гимназий, реальных и коммерческих училищ, церковноприходских школ), а также учителей частных учебных заведений и школ, принадлежавших городским думам. Состоялись и собрания директоров школ, начальников училищ и председателей педагогических советов.⁵ Все же в этой массе собраний количественно преобладали и имели главное значение общие собрания учителей районов, уездов, городов и губерний.

Общие собрания учителей обычно провозглашали основание регионального союза или сразу же, как это было в Нижегородской губернии, объявляли свою органи-

⁴ Русская школа. 1917. № 1. С. 10.

⁵ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 60.

зацию местным отделением еще только воссоздавшего Всероссийского учительского союза.⁶ На собраниях, начиная с районных, намечались программа деятельности, организационная структура и избирались руководящие органы региональных союзов (бюро, президиумы). Так, 44 учителя района, примыкавшего к селу Пушкино (Московская губерния), 9 марта избрали 5 человек в президиум своего союза.⁷ Подобные низовые объединения составляли главную опору уездных и губернских объединений. Весной 1917 г. в сельской местности наиболее активными и четко организованными, по-видимому, были уездные, а в городах — городские союзы учителей. Например, союз учителей Сенгилеевского уезда Симбирской губернии имел такую структуру: «Главное правление находится в Сенгилее. Учащие уезда организуются в порайонные (около крупных сел и местечек) небольшие союзы, выборные делегаты коих должны входить в связь с центральным союзом уезда, сообщаям районным союзам о всех своих действиях и постановлениях».⁸

В процессе воссоздания Всероссийского союза не все шло гладко. Возникали разногласия и трудно разрешимые противоречия, предпринимались попытки создать параллельные союзы, в частности Союз педагогов средней школы с узкопрофессиональной задачей защиты прав и экономических интересов учителей.⁹ Кроме того, учительским организациям пришлось иметь дело и искать формы взаимоотношений с родительскими и ученическими комитетами, которые тоже приступили к созданию своих объединений.¹⁰ Тем не менее, несмотря на внутренние неурядицы и на привходящие обстоятельства, вынуждавшие отвлекаться от борьбы за достижение главной в то время цели, успех был налицо. Проведение в начале апреля областных съездов учителей центральных и северо-западных губерний в Москве и Петрограде, энергичные действия Совета Всероссийского педагогического общества обеспечили созыв Всероссийского делегатского учительского съезда. Он состоялся 7—9 апреля в Петрограде в помещении коммерческого учили-

⁶ Народный учитель. 1917. № 9. С. 14.

⁷ Для народного учителя. 1917. № 4. С. 3.

⁸ Там же. № 6. С. 38.

⁹ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 59.

¹⁰ Там же. С. 61; Русская школа. 1917. № 1. С. 11.

ща. Съезд, участниками которого были 800 делегатов,¹¹ провозгласил воссоздание Всероссийского учительского союза (ВУС) и избрал членов его Совета (С. А. Золотарев, В. А. Герд, И. М. Лопатнев, В. И. Чарнолуцкий, Н. А. Чехов и др.). Совет придерживался политической линии, пролежавшей где-то посередине между позициями мелкобуржуазных партий (главным образом неонароднических) и кадетов. Это соответствовало политическим умонастроениям многих делегатов съезда. Напомним в связи с этим о цитированной в предыдущем разделе оборонческой резолюции съезда.

К этому времени учительство, добившись замены многих директоров, подновив составы педагогических советов, демократизировало внутришкольные порядки. Однако коренная реорганизация всего дела народного образования так и не началась. Правда, Временное правительство создало Особое совещание по вопросам упорядочения учебного дела в средней и низшей школе, которое под руководством Д. Д. Гримма провело первое заседание 13 марта.¹² Но это совещание, имевшее в виду не коренную реорганизацию, а «упорядочение», решавшее вопросы келейно и медленно, не вызывало доверия в учительской массе. 29 марта на общем собрании Петроградского учительского союза (присутствовало 1500 человек) министр народного просвещения А. А. Мануилов, впервые появившийся перед учителями, подвергся резким нападкам за бюрократический подход к реформаторству.¹³ В резолюции Всероссийского съезда министерство осуждалось за медлительность в деле ликвидации «даже самых неприемлемых пережитков старого учебно-административного строя на местах».¹⁴

Большевики призывали учителей к революционному правотворчеству в области народного образования.¹⁵ Как показывали события на местах, к такому методу преобразований тяготела немалая часть учительства. Однако Совет ВУС предпочитал иной путь разработки и осуществления реформ: пусть «голос учительства» будет решающим, но практически дело должно идти «упо-

¹¹ *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы и педагогики: 1917—1920. М., 1958. С. 62.

¹² Вестник Временного правительства. 1917. 14 марта.

¹³ См.: Русская школа. 1917. № 1. С. 44—50.

¹⁴ *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы... С. 64.

¹⁵ Правда. 1917. 9 апр.

рядоченно», путем создания широкой по составу комиссии при министерстве. Всероссийский учительский съезд в одном из своих постановлений потребовал, чтобы Министерство народного просвещения образовало специальную коллегия, в которую вошли бы представители ВУС, Совета рабочих и солдатских депутатов, Союза городов и других общественных организаций.¹⁶

Преподаватели высшей школы проявили куда меньшую, по сравнению с учительством, готовность к организационному строительству. Профессура заботилась главным образом о сохранении и упрочении положения советов высших учебных заведений. Поэтому создание комитетов и комиссий, которые ущемляли бы или хотя бы самым фактом своего существования ставили бы под сомнение prerogatives советов, считалось не просто излишним, но и нежелательным. Поэтому и воссоздание местных групп дореволюционного Академического союза разворачивалось вяло. По осторожной оценке Н. И. Кареева, местные группы и к июню 1917 г. «далеко не везде успели вполне organizovatsya».¹⁷

Первое официально выдвинутое требование, а точнее пожелание профессуры сводилось к формальному отчислению из состава советов тех их членов, которые были назначены царской администрацией, и возвращение либеральных профессоров, уволенных во время «чистки» 1911 г. Временное правительство без проволочек пошло навстречу и 11 марта приняло соответствующее постановление, на основании которого ректорам разослали циркуляр.¹⁸ Изменения в составе советов (кое-где значительные¹⁹) повели к замене ряда ректоров, проректоров и деканов. В Московском университете, как и в некоторых других высших учебных заведениях, эти замены позволили кадетской профессуре занять доминирующее положение.²⁰

Большинство профессуры на этом хотело бы и закончить первоначальные преобразования, что, между прочим, имело связь со стремлениями буржуазной интеллигенции ограничить и социально-экономические преобразования. Но не тут-то было. Многие младшие пре-

¹⁶ Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы... С. 64.

¹⁷ Речь. 1917. 17 июня.

¹⁸ Вестник Временного правительства. 1917. 15 марта.

¹⁹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 29 марта.

²⁰ История Московского университета. М., 1955. С. 556.

подаватели и студенты желали не только автономии высшей школы, но и демократизации управления ею. Младшие преподаватели, кое-где создававшие свои комитеты, и студенческие организации давили на ректораты и советы, добиваясь в первую очередь пополнения своими представителями состава советов. В результате возникали конфликты, которые иногда улаживались с немалым трудом.²¹ Администрация и Совет Петроградского университета, упорно сопротивляясь нажиму снизу, согласились лишь на то, чтобы комиссия в составе членов правления и четырех избранных советом профессоров проводила, по словам ректора Д. Д. Гримма, совещания «со студенческими представителями и, буде понадобится, другими университетскими организациями».²² Это было ответом на телеграмму ректора Киевского университета, известившего, что совет постановил «учредить в видах восстановления нормального течения академической жизни согласительную комиссию из профессоров, младших преподавателей и студентов по пяти представителей от каждой группы».²³ Д. Д. Гримм, судя по его ответной телеграмме, счел создание подобной комиссии проявлением излишней уступчивости.

Усиленно маневрировало руководство Московского университета. Совет, не желая вводить в свой состав представителей младших преподавателей и студентов, призвал, однако, последних к «единению» и согласился на создание комитета из выборных делегатов профессоров, младших преподавателей и студентов. Комитету полагалось «выработать формы участия студенчества в делах, касающихся его интересов и его быта». А до создания комитета образовывалась временная комиссия из 8 профессоров «для установления сношений с младшими преподавателями и студентами».²⁴

Своеобразные «согласительные» комитеты и комиссии, имевшие, помимо прочего, целью подменить созданием их представительство младших преподавателей и студентов в советах, образовывались и в некоторых других университетах и институтах. Но лишь в немногих

²¹ Вестник воспитания. 1917. № 6/7. С. 79.

²² ЛГИА, ф. 14 (Петроградский университет), оп. 27, д. 67, л. 42.

²³ Там же, л. 43.

²⁴ Русские ведомости. 1917, 12 марта.

высших учебных заведениях (например, в Петроградском электротехническом институте) советы изъявляли готовность пойти на некоторое расширение своего состава.²⁵ Впрочем, среди профессуры постепенно росло число сторонников уступок по крайней мере младшим преподавателям. Академик В. А. Стеклов уже в марте решительно заявлял, что «ждать нечего», что в интересах сплочения следует «без лишнего гонора и взаимных оскорблений» расширять права младших преподавателей.²⁶

Наибольшую сплоченность и инициативность проявляла профессура московских высших учебных заведений. Именно в Москве образовалось первое межвузовское объединение преподавателей. Почин исходил от профессоров Московских высших женских курсов. Совет курсов 6 марта призвал к организации общегородского академического союза и разослал в Университет, институты и научные учреждения приглашение на общее собрание. Был создан Организационный комитет (ОК). На призыв откликнулись 18 высших учебных заведений и научных учреждений,²⁷ 300 представителей которых (в том числе младшие преподаватели) 13 марта собрались в помещении Женских курсов. Председательствовал профессор Л. А. Тарасевич, с докладом от ОК выступил профессор Д. Н. Егоров. После оживленных прений собрание единогласно высказалось за создание Союза деятелей высшей школы Москвы, в состав которого входили бы и сотрудники научных учреждений. Было решено, что исполнительный комитет союза избирается путем делегирования в него представителей от советов. Намечались меры и к созыву всероссийского академического съезда.²⁸

Свою основную задачу московский союз определил очень претенциозно: «строительство и ведение высшей школы».²⁹ Но это определение придумали ради красного словца. Московская профессура была очень довольна назначением своего коллеги А. А. Мануилова министром народного просвещения, видела в нем «своего человека», уволенного администрацией из Москов-

²⁵ Речь. 1917. 10 марта.

²⁶ ААН СССР, ф. 162 (В. А. Стеклов), оп. 3, д. 16, л. 75, 75 об.

²⁷ Русские ведомости. 1917. 15 марта.

²⁸ Там же; Вестник воспитания. 1917. № 3, С. 38, 39.

²⁹ Русские ведомости. 1917. 15 марта.

ского университета в 1911 г., верила, что он, не ущемляя интересов преподавателей, обеспечит «строительство и ведение высшей школы». Примерно так рассуждали в «академических кругах» и других городов. Не в последнюю очередь поэтому практическое обсуждение и решение вопросов реорганизации высших учебных заведений полностью оказалось в руках Министерства народного просвещения. Последнее создало Комиссию по реформе высшей школы во главе с членом Государственной думы М. М. Новиковым. Первое заседание комиссии состоялось 21 марта.³⁰

Студенты в делах организационного строительства опережали преподавателей. Студенческие комитеты, возникшие еще в дни Февральской революции, в первой половине марта повсеместно добивались создания межинститутских объединений. Ведущее положение среди них, естественно, занимали столичные организации. В Москве действовал Совет студенческих депутатов, сформированный путем выборов 1 депутата от 100 студентов и курсисток.³¹ Совет регулярно устраивал многочисленные собрания. Он провозглашал задачу «организовать и объединить все студенчество Москвы в его общественно-культурной и политической работе, равно как и в его экономических, просветительных и научных организациях, а также в тактических выступлениях студенчества, вызванных требованиями текущего момента».³² Однако совету, объединявшему основную массу студенчества, но политически находившемуся под смешанным влиянием буржуазных и мелкобуржуазных партий,³³ противостояла группа большевистски настроенных студентов. Их оплотом был уже упоминавшийся Студенческий дом.

В Петрограде университетские и институтские студенческие организации в начале марта сформировали Совет советов высших учебных заведений,³⁴ который в общеполитических вопросах ориентировался в основном на эсеро-меньшевистские и отчасти на кадетские лозунги. Петроградский Совет советов начал устанавливать контакты со студенческими организациями других горо-

³⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 23 марта.

³¹ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 41.

³² Русские ведомости. 1917. 11 марта.

³³ История Московского университета. С. 556.

³⁴ Рабочая газета. 1917. 9 марта.

дов. В частности, 11 марта он заслушал доклад киевского Комитета коалиционного студенчества о роли и деятельности последнего.³⁵ Дело шло к превращению Совета советов во всероссийский студенческий центр. Но Московский Совет студенческих депутатов воспрепятствовал этому. В начале апреля он принял решение созвать в Москве Всероссийский съезд студентов.³⁶ Была создана комиссия по созыву съезда, разославшая на места анкету и приглашение избрать делегатов по 1 на 1000 студентов и курсисток.³⁷

По сравнению с высшими учебными заведениями Академия наук представляла собой некую тихую заводь. Академики принимали решения осторожно, неторопливо. В конце марта они постановили «признать состоящим» в числе почетных академиков А. М. Горького, не утвержденного царем в этом звании в 1902 г.³⁸ Начался пересмотр некоторых параграфов устава Академии, имевших отношение к выборам президента и вице-президента. 15 мая 1917 г. академики на общем собрании Академии наук впервые в ее истории избрали из своей среды президента (А. П. Карпинского) и вице-президента (И. П. Бородина).³⁹ Академия получила автономию и тогда же (в мае) из Императорской была переименована в Российскую.⁴⁰

О консервативности умонастроений некоторых ученых наглядно свидетельствовали, например, события в Русском историческом обществе. Его председателем был великий князь Николай Михайлович. 10 марта он подал заявление о «решении сложить с себя» эту должность, поскольку «был назначен председателем Императорского исторического общества государем Николаем II».⁴¹ Несколько растерявшиеся члены общества 18 марта решили созвать заседание, которое состоялось лишь 11 апреля. Тогда-то и огласили заявление великого князя, начав обсуждение изменений устава. Историки

³⁵ Известия Петроградского Совета. 1917. 14 марта.

³⁶ Русские ведомости. 1917. 8 апр.

³⁷ День. 1917. 13 апр.

³⁸ История Академии наук СССР. Т. 2. М.; Л., 1964. С. 464.

³⁹ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР: Краткий исторический очерк. М., 1974. С. 250, 251.

⁴⁰ Князев Г. А., Кольцов А. В. Краткий очерк истории Академии наук СССР. М.; Л., 1964. С. 66.

⁴¹ ЦГИА СССР, ф. 746 (Русское историческое общество), оп. 1, д. 95, л. 1.

(А. Н. Кулагин, М. М. Бородин, С. М. Горяинов, Д. Ф. Кобеко, Н. П. Лихачев, В. В. Майков, Г. Л. Модзалевский, С. В. Рождественский и др.) постановили взять за основу нового устава записку члена общества князя Н. В. Голицина и после доработки ее представить проект на утверждение в Министерство народного просвещения.⁴² Нового председателя решили избрать демократическим путем — тайным голосованием. Оно состоялось 24 апреля. Похоже, была разыграна инсценировка с predetermined исходом, ибо во всех без исключения записках значилось имя великого князя, о чем его торжественно известила специальная делегация в составе Ю. А. Иксюля фон Гильденбанда, А. С. Лаппо-Данилевского и В. М. Сеитова.⁴³ Одна из газет назвала все это «единственным в практике последнего времени случаем».⁴⁴

В незавидном положении оказалось большинство технической интеллигенции. Весной 1917 г., когда разворачивалось движение за рабочий контроль, когда с предприятий удалялись скомпрометировавшие себя представители администрации и инженерно-технического персонала, группы инженеров на заводах и фабриках почти всюду оказались практически парализованными. Установление новых отношений с революционными рабочими для инженеров, в большинстве настроенных прокадетски, представляло, естественно, очень сложную задачу. Немало из тех инженеров, которые не были изгнаны, сами спешно подыскивали новую работу, не связанную с производством.⁴⁵

В этих условиях совместные выступления и коллективные действия, если они расходились с направлением рабочего движения (а они, как правило, расходились), можно было предпринять лишь при наличии более или менее широких профессиональных объединений. Эти объединения, чаще всего в форме союзов инженеров одного города или промышленного района, росли как грибы после дождя. Одним из первых при деятельном участии ряда технических обществ организовался Союз инженеров в Петрограде, в состав которого вошло около 2000 инженеров различных специальностей. На первом

⁴² Там же, оп. I, д. 231, л. 128 с об.

⁴³ Там же, л. 129.

⁴⁴ Современное слово. 1917. 11 мая.

⁴⁵ Русские ведомости. 1917. 27 мая.

собрании, состоявшемся уже 5 марта, по свидетельству очевидца, было «не протолкнуться». ⁴⁶ Собрание, на котором председательствовал профессор Д. С. Зернов, избрало Совет союза из 16 членов (Б. А. Бахметьев, Б. П. Вьюшков, Е. В. Галкин, А. А. Гапсев, Д. С. Зернов, М. Д. Покровский и др.). ⁴⁷ Однако Совет союза решил пополнить свой состав делегатами, избранными на заводах (по 1 делегату от 10 инженеров), а также в технических обществах (по 2 делегата). ⁴⁸ Своей задачей союз объявлял объединение инженеров «на почве их профессионально-общественной деятельности», ⁴⁹ а практически весной 1917 г. свел свою работу к попыткам улаживания через Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов многочисленных конфликтов социального характера, возникавших на предприятиях.

В марте — первой половине мая на местах организовались не менее 50 союзов инженеров, насчитывавших около 10 000 членов. ⁵⁰ В Петрограде был создан Временный центральный совет союзов, ⁵¹ который при содействии московского союза стал готовить созыв всероссийского учредительного съезда Союза инженеров и техников. Однако последние начали создавать самостоятельные объединения. В результате только в Петрограде весной 1917 г. образовалось более десятка союзов технической интеллигенции, среди которых, помимо Союза инженеров, наиболее крупными были Союз мастеров, заведующих мастерскими и техников, Союз чертежников, Союз техников Министерства почт и телеграфа. ⁵² Следовательно, мечты петроградской и московской группы инженеров об объединении вокруг себя всей технической интеллигенции не осуществлялись. Средние и низшие ее слои имели собственные профессиональные интересы и иную политическую ориентацию — преимущественно эсеро-меньшевистскую.

⁴⁶ *Мушкетов Д. И.* Личный зимний дневник, л. 39 об.

⁴⁷ День. 1917. 14 марта.

⁴⁸ Речь. 1917. 9 марта.

⁴⁹ День. 1917. 14 марта.

⁵⁰ Русские ведомости. 1917. 25 мая.

⁵¹ День. 1917. 17 марта.

⁵² *Белошапкин С. С.* Деятельность петроградских большевиков по привлечению технической интеллигенции на сторону пролетариата в социалистической революции: (март 1917—июнь 1918): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1972. С. 9.

Хаотично и в целом замедленно шло строительство профессиональных организаций врачей. Авторитетное Пироговское общество, объединявшее врачей земских и городских самоуправлений, не являлось ни противником, ни активным сторонником создания единого союза. На апрельском Пироговском съезде в Москве после долгих прений была одобрена резолюция, признававшая «неотложной задачей момента» создание на местах «профессиональных союзов с последующим их слиянием во всероссийский союз». Однако вследствие разногласий по вопросу о характере союза (быть ли ему «чисто» профессиональным или профессионально-общественным)⁵³ создание единого корпоративного объединения отложили до следующего Пироговского съезда, т. е. надолго.

Между тем в обеих столицах и на периферии — где быстро, где с промедлением — возникали различные объединения. 11 марта под председательством профессора В. Е. Предтеченского состоялось многолюдное (1500 человек) учредительное собрание Союза врачей Москвы и Московской губернии.⁵⁴ В тот же день прошло собрание членов петроградских врачебных обществ, вполне определенно высказавшееся за строительство единого всероссийского союза.⁵⁵ Через несколько дней, 16 марта в Александровском зале Городской думы состоялось и учредительное собрание Союза врачей Петрограда, на котором, однако, единого мнения о срочной необходимости и характере всероссийского союза уже не было. Неопределенность в этом вопросе привела к образованию 31 марта особого Союза врачей петроградского общественного самоуправления, объединившего более 800 врачей из 50 лечебных учреждений.⁵⁶ Еще ранее в Петрограде военные врачи (на собрании под председательством Р. Р. Вредена) и врачи-женщины (на собрании под председательством А. Н. Шибановой) решили создать соответственно Союз военных и морских врачей и Союз женщин-врачей.⁵⁷ Возникли и самостоятельные союзы врачей Московского военного

⁵³ Медицинское обозрение Спримона. 1917. № 7/8. С. 425, 432.

⁵⁴ Там же, № 5/6. С. 331; Русский врач. 1917. № 10. С. 229.

⁵⁵ Русский врач. 1917. № 10. С. 218.

⁵⁶ Медицинское обозрение Спримона. 1917. № 7/8. С. 442.

⁵⁷ Там же, № 5/6. С. 330, 331.

округа, врачей и зубных врачей частных лечебниц Москвы.

Судя по явно неполным сведениям, опубликованным журналом «Врачебная жизнь», весной 1917 г. на местах образовались 22 союза гражданских и 6 союзов военных врачей.⁵⁸ Эти объединения определяли свои задачи и характер деятельности далеко не одинаково и имели различные названия (союзы, общества, корпорации). Возникали объединения и ведомственные (врачи городских самоуправлений, фабричные, частные и пр.) и территориальные (в масштабах уезда, города, губернии). Большинство этих союзов, возглавлявшихся прокадетски или неонароднически настроенными деятелями, проявляло малую активность. «При виде такого организационного и идейного разнообразия,— заключал журнал «Врачебная жизнь»,— следует допустить, что коллективная врачебная жизнь в области объединения бродит в потемках и пока еще не нашла, не определила самое себя».

Особого внимания заслуживают процессы, охватившие художественную интеллигенцию, и в частности театральную. А события в театральных коллективах разворачивались интенсивно, шумно и противоречиво. 4 марта в петроградских государственных театрах⁵⁹ началась нескончаемая череда собраний, в которых наравне с артистами (нововведение!) участвовали рабочие, техники и служащие.⁶⁰ 5 марта собрание в Александринском театре избрало комитет для разработки устава «образцового государственного театра».⁶¹ В состав комитета, который, не ограничиваясь разработкой устава, взял на себя фактическое управление театром, вошли представители режиссеров, актеров и технического персонала.⁶² Образовались комитеты (комиссии) и в Мариинском театре. Их было четыре: от оперной труппы,

⁵⁸ Врачебная жизнь. 1917. № 2. С. 4—6.

⁵⁹ С 3 марта императорские театры стали именоваться государственными.

⁶⁰ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. Л., 1927. С. 28.

⁶¹ Речь. 1917. 8 марта.

⁶² В комитет избрали режиссеров Е. П. Карпова и В. Э. Мейерхольда, актеров Л. С. Вивьена, Г. Г. Ге, Е. И. Тиме и др. (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 10 марта). Комитет вскоре назвали «Комитетом государственной драматической труппы» и в его состав допустили представителей Михайловского театра (Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 18 марта).

балета, оркестра и хора.⁶³ Первенствующее положение занимал комитет, избранный оперной труппой.

В середине марта составы комитетов в Александринском и Мариинском театрах обновились. Собрание актеров-александринцев, переизбрав комитет, выразило, однако, доверие режиссерам (в том числе Е. П. Карпову и В. Э. Мейерхольду), оставив их членами комитета. Управляющим драматической труппой избрали Е. П. Карпова.⁶⁴ В Мариинском театре в новый комитет, наделенный, помимо прочего, полномочиями решать вопросы «о возобновлении контрактов с прежними артистами и приглашением новых сил», вошли 9 человек и среди них дирижеры А. К. Коутс и Н. А. Малько, режиссеры И. В. Тартаков и П. И. Мельников, артисты Н. В. Андреев и Е. И. Збруева.⁶⁵ В Мариинском же театре создали особую комиссию из представителей артистов и режиссеров, призванную «разрешать вопросы репертуара и распределения ролей».⁶⁶ Здесь контролировалась даже связь с внетеатральной общественностью и с этой целью артисты избрали бюро печати для осведомления представителей прессы «о делах театра».⁶⁷

Комитет государственной драматической труппы к середине марта выработал проект устава «Союза деятелей Александринского и Михайловского театров на началах общественного самоуправления», содержащий 13 основных пунктов.⁶⁸ Согласно проекту, высшим органом союза являлось бы общее собрание актеров, пополненное представителями режиссуры, технического персонала, рабочих и служащих. Все текущие дела полагалось вести Совету союза, избранному общим собранием. Для исполнения постановлений собрания и Совета союза труппа избирала бы управляющего театром и его помощника, а также заведующего художественно-режиссерской частью и его помощника.⁶⁹ Несколько

⁶³ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 18.

С. 11.

⁶⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 18 марта.

⁶⁵ Там же. 22 марта.

⁶⁶ Там же. 11 марта.

⁶⁷ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 19.

С. 16.

⁶⁸ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 16 марта.

⁶⁹ *Мокульский С. С.* Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра. Т. 1: Петроградские театры на пороге Октября и в эпоху военного коммунизма: 1917—1921. Л., 1933. С. 31.

позднее подготовили проект и комитеты Марининского театра. По их предложениям высшим органом управления театром стал бы художественный совет и пленарная комиссия, в состав которой вошли бы члены комитетов, избранных на отдельных собраниях профессиональных групп (оперных артистов, хора, балета, оркестра, служащих, техников и рабочих).⁷⁰

Все это свидетельствовало о расширительной трактовке принципов самоуправления, намерении актеров резко ограничить компетенцию администрации и режиссуры. Бывший директор императорских театров В. А. Теляковский в сердцах сказал, что «отныне за дирекцией артисты признают лишь две обязанности: передавать автономным труппам деньги из казначейства и подметать театральные коридоры». ⁷¹ Будущее угрожало старому руководству еще более трудной жизнью, ибо и в Александринском и в Марининском театрах намеревались по завершении текущего сезона «внеести большие изменения в составе режиссерского управления». ⁷² Обсуждались и кандидатуры на пост директора государственных театров. Положение Теляковского стало неопределенным и шатким, и он заявил о предстоящем уходе. Александринцы выдвинули на пост директора кандидатуру Горького, но тот отказался, как и некоторые другие (С. М. Волконский, С. П. Дягилев, В. И. Немирович-Данченко, А. И. Южин-Сумбатов). ⁷³

Комитеты, комиссии создавались и в театрах Москвы. Так, в Малом театре комиссии разрабатывали план организации управления театром, намечали избрание нового управляющего драматической труппой и но-

⁷⁰ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 19. С. 15

⁷¹ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. С. 37.

⁷² Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 10 марта.

⁷³ Мокульский С. С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю. С. 31. — Теляковский официально ушел со своего поста в начале мая, но уже 2 марта Временный комитет Государственной думы назначил комиссаром государственных театров Н. Н. Львова (см.: Ратнер Я. В. Из истории советского театра (1917—1919 гг.) // История СССР. 1962. № 6. С. 115). Последний вскоре сдал полномочия кадету Ф. А. Головину, который постановлением Временного правительства 8 марта был назначен комиссаром всех учреждений бывшего Министерства императорского двора (ЦГИА СССР, ф. 794 (Союз деятелей искусства), оп. 1, д. 2, л. 125). Н. Н. Львов ограничил свою деятельность ни к чему не обязывавшими беседами и митинговыми речами. Ф. А. Головин сначала тоже мало вмешивался в дела театров.

вого главного режиссера. Предполагалось, что в «автономный» орган управления театром войдут и выборные от театральных рабочих и служащих.⁷⁴ А. И. Южин-Сумбатов и Л. В. Собинов стали соответственно комиссарами Малого и Большого театров.

При всем этом реальные достижения актеров государственных театров в борьбе за автономию и самоуправление были не столь уж и велики. Глубоко въевшаяся привычка к дореволюционному укладу внутри-театральной жизни, отсутствие объединяющей конкретной программы борьбы, стремление и самоуправление обрести и все привилегии казенных театров сберечь, неподготовленность к ведению общественных дел, безрукость и многоречивость, интеллигентский индивидуализм и вызванная крутым политическим поворотом растерянность — все это сразу дало о себе знать и оставило у многих актеров тягостные воспоминания. Я. О. Малютин утверждал, что половодье митингов и собраний «не приблизило нас к автономии ни на один шаг», саркастически упоминал о «хитрецах и хамелеонах», озабоченных «сделать правильную ставку».⁷⁵ Б. А. Горин-Горяинов выразительно рассказал о распрях и настойчивых попытках маститых актеров («ведущей головки») обкарнать идею самоуправления, свести реформы к мелким переделкам.⁷⁶ В черных красках рисовал положение в «Александринке» Н. Н. Ходотов: «После революции в театре воцарилась полная неурядица, актеры грызлись из-за ролей. Дразги и личные счеты были на первом плане. Мне становилось нестерпимо в такой обстановке. Труппа раскололась, не имея руководителя, шла к полному развалу».⁷⁷

Эти свидетельства, конечно, не могут не приниматься во внимание. Но ведь имеются и иного рода оценки. Например, Е. И. Тиме вспоминала о настроениях актеров того времени: «Радовались, что исчезает надоевшая атмосфера протекционизма, что кончается засилие высокопоставленных протекже, что театры вышли из подчинения министерства двора, куда они входили наравне

⁷⁴ Русские ведомости. 1917. 10 марта.

⁷⁵ Малютин Я. О. Актеры моего поколения. М.; Л., 1959. С. 340, 343.

⁷⁶ Горин-Горяинов Б. А. Актеры. Из воспоминаний. М.; Л., 1947. С. 131, 132.

⁷⁷ Ходотов Н. Н. Далекое — близкое. М.; Л., 1932. С. 382.

с царскими конюшными, и что мрачная тень Распутина отступила в небытие». ⁷⁸ Видимо, внутритеатральная жизнь была сложна, неодноцветна, в ней наличествовали и негативные и позитивные явления. Вряд ли можно сомневаться, что многие актеры искренне желали ликвидации сложившейся при царизме бюрократической регламентации, казенщины и протекционизма. Весной 1917 г., после свержения царизма и перехода официальной государственной власти в руки буржуазного правительства борьба за самоуправление была естественным, здоровым процессом, и хотя в государственных театрах процесс развивался далеко не лучшим образом, хотя на поверхность всплывала пена, но самоуправление все же начинало осуществляться, причем шире, чем во многих других коллективах творческой интеллигенции. Поэтому суждение С. С. Мокульского о том, что принципы самоуправления в государственных театрах того времени «чудовищно искажались» и «превращались в злую карикатуру», ⁷⁹ слишком односторонне и прямолинейно.

В частных театрах создание комитетов было редким явлением, а там, где комитеты и комиссии возникали, заметного следа от их деятельности не оставалось. Были, однако, и исключения. Широкую огласку получила, например, борьба актеров Малого театра А. С. Суворина в Петрограде. Комитет театра, возглавлявшийся актрисой В. А. Мироновой, добивался не только увеличения минимума оклада, но и радикального изменения старых методов управления, введения в состав дирекции представителей труппы, полного обновления репертуара. Ввиду отказа директрисы (А. А. Сувориной) выполнить эти требования комитет организовал 7 апреля «итальянскую» забастовку. ⁸⁰

Попытки создать объединенные союзы театральных деятелей наталкивались на практически непреодолимые

⁷⁸ Тиме Е. И. Дороги искусства. М., 1967. С. 185.

⁷⁹ Мокульский С. С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю. С. 33.

⁸⁰ Актеры, выйдя на сцену в гримах и костюмах, двигались, но все реплики произносили вполголоса. В зале поднялся шум, однако, когда В. А. Миронова, появившись на сцене вместе с членами комитета, в горячей речи объяснила положение, зрители поддержали актеров. Во время очередного спектакля зал устроил А. А. Сувориной обструкцию (См.: Мокульский С. С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю. С. 44).

трудности. Они возникали вследствие противодействия со стороны Российского театрального общества (РТО), соперничества между ведущими театральными коллективами Петрограда и Москвы. Но главное значение имели противоречия между актерами государственных и частных театров, противоречия, которые были особенно обнажены в Петрограде. Актеры государственных театров, сорвав попытки добиться слияния государственной и частной сцены и, следовательно, ликвидации привилегий первой, поспешили «самоокопаться», а именно: постановили никаких новых приемов в свои труппы не производить. Актеры частных театров отреагировали очень болезненно и сгоряча открыли было кампанию за полное закрытие всех театров на время войны, но вскоре поостыли и взялись за собственное организационное строительство.⁸¹

Началом строительства союзов актеров частной сцены стало шумное и беспорядочное собрание, которое прошло 6 марта в помещении Малого театра А. С. Суворина. На собрании присутствовало около 2000 актеров, в том числе из нескольких провинциальных театров.⁸² «Сколько слов, и какие слова, какие звучные их сочетания, — с иронией сообщал о ходе этого собрания театральный обозреватель. — Одно только тревожно: соединились бы? Возможна ль была бы какая-нибудь гармония в этом разрозненном творчестве? Иль это только блестящий хаос?». ⁸³ Собрание затратило много времени на решение частных и процедурных вопросов. Например, о кандидатуре председателя собрания спорили полтора часа, избрав в конце концов В. Л. Градова. Все же решение о создании Временного комитета, обязанного разработать проект устава союза, было принято.

Через две недели второе собрание утвердило устав Союза сценических деятелей частных театров Петрограда. Членами союза могли быть артисты не только театра, но и эстрады и цирка. Собрание избрало Совет союза из 25 человек, выделивший из своего состава исполнительный комитет. Целями союза объявлялось повышение уровня театрального дела, улучшение положения деятелей сцены и охрана их труда. Ведущая роль

⁸¹ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. С. 46—47.

⁸² Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 10 марта.

⁸³ Театр и искусство, 1917. № 10/11. С. 189.

в исполнительном комитете принадлежала актерам Музыкальной драмы, в помещении которой и находился Совет союза.⁸⁴

В Москве 29 марта на общегородском собрании актеров было решено добиваться создания общероссийского Союза союзов. Собрание избрало Организационно-согласительный комитет, который 26 апреля созвал новое собрание. На нем для начала и был основан Союз московских актеров.⁸⁵ Устав союза, написанный А. Я. Таировым, нацеливал «трудящиеся массы актеров» на решительную борьбу с театральными предпринимателями. Союз опубликовал воззвание, приглашая периферийные союзы присылать в Москву свои программы и уставы, устанавливать связи между собой. Все это повело к конфликту с РТО, в состав которого входили не только артисты, но и антрепренеры. РТО стремилось во что бы то ни стало оставить в своих руках право на оформление актерских контрактов.

Создание крупных союзов в столицах, попытки Московского союза подготовить основание общероссийской организации не предотвратили дробления актерских сил. На периферии возникали наспех сколоченные, между собой не связанные, малочисленные и маложизнеспособные городские объединения⁸⁶ наподобие насчитывавшего 140 человек «Объединенного собрания служащих и сценических деятелей театров, кино и цирка г. Симферополя». ⁸⁷ А в Петрограде и в Москве неудержимо росли узкокорпоративные, как правило, мелкие союзы: хористов, капельдинеров, драматических актрис и т. п.⁸⁸

Старались не отстать от общего движения и деятели музыкальной культуры. 5 марта заседание художественного совета Петроградской консерватории избрало комиссию по пересмотру консерваторского устава, а также особую комиссию во главе с А. К. Глазуновым, уполномоченную участвовать «в общих собраниях представи-

⁸⁴ Мокульский С. С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю. С. 41—43.

⁸⁵ Утро России. 1917. 28 апр.

⁸⁶ Театральная газета. 1917. № 31. С. 2; Театр и искусство. 1917. № 25. С. 430.

⁸⁷ Театр и искусство. 1917. № 15. С. 242.

⁸⁸ Мокульский С. С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю. С. 41.

телей всех родов искусства». ⁸⁹ Консерватория и редакция журнала «Музыкальный современник» пытались добиться широкого объединения музыкантов. В статье «Наш долг» А. Н. Римский-Корсаков (редактор «Музыкального современника», сын Н. А. Римского-Корсакова) призвал к подготовке созыва Всероссийского съезда музыкальных деятелей «для выработки новых основ музыкального дела и просвещения в России». ⁹⁰ Сначала приступили к организации Союза музыкальных деятелей Петрограда. 24 марта на совещании группы музыкантов была намечена комиссия, обязанная подготовить общее собрание и доклад о целях союза. ⁹¹ Собрание, учредившее Союз музыкальных деятелей Петрограда, состоялось в зале Певческой капеллы 16 апреля. На собрании, председателем которого избрали историка и ценителя музыки академика С. А. Лаппо-Данилевского, присутствовало около 150 человек. ⁹² Русское музыкальное общество (РМО) в то время стужевалось.

Наряду с Союзом музыкальных деятелей в Петрограде возникали и другие корпоративные организации. 4 апреля был создан Союз музыкальных педагогов, провозгласивший своей главной целью «поднять научно-культурный уровень педагогов и урегулировать материальные условия их работы». ⁹³ В апреле же организовались Союз учителей пения Петрограда и его окрестностей ⁹⁴ и Всероссийский союз оркестрантов, в состав которого вошли несколько тысяч человек из Петрограда и из ряда провинциальных городов. ⁹⁵

Параллельно развивалось «учредительное» движение в Москве. Здесь в апреле был создан Союз музыкальных деятелей Москвы, который, по сообщению печати, намеревался со временем «стать своего рода Союзом союзов с целью объединения всех музыкальных учреж-

⁸⁹ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 18. С. 9, 12.

⁹⁰ Музыкальный современник. 1917. № 4. С. 7.

⁹¹ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 19. С. 16. — В состав комиссии вошли А. Н. Римский-Корсаков, Ю. Л. Вейсберг, С. М. Майкапар, Л. В. Николаев, Г. Н. Тимофеев, М. О. Штейнберг, О. Я. Штример (см.: Каблуков С. П. *Дневник* 1917, л. 287. Текст извещения от комиссии).

⁹² Новое время. 1917. 21 апр.

⁹³ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 19. С. 17.

⁹⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.), 1917, 30 апр.

⁹⁵ Аполлон. 1917. № 4/5. С. 87.

дений, организаций и отдельных музыкантов на почве запросов общественных, художественных и профессиональных». Тогда же образовалось Общество взаимопомощи музыкантов-педагогов Москвы.⁹⁶

На периферии в крупных городах тоже возникали корпоративные объединения. Видимо, наибольшую активность проявили музыканты Ростова-на-Дону. 27 марта они (композиторы, дирижеры, педагоги, регенты, хористы и оркестранты) организовали общее собрание, которое вел М. Ф. Гнесин. Собрание постановило создать ряд союзов (оркестрантов, хористов, педагогов и др.). Эти союзы вместе с представителями музыкальных учреждений должны были составить Городской совет по выяснению музыкальных нужд. «На собрании, — сообщалось в письме из Ростова, — представителями различных музыкальных профессий в ярких красках изображались мрачные стороны нашего „дореформенного“ музыкального быта: материальные невзгоды, унижительное социальное положение, отсутствие культурной жизни».⁹⁷

А теперь о положении в мире художников.

8 марта экстренное совместное заседание Совета Академии художеств и Совета Высшего художественного училища избрало комиссию из 7 человек «для разработки оснований деятельности Академии художеств в связи с новым государственным строем России».⁹⁸ Тут же после острых прений определили направление реорганизации: введение выборного начала с коллективным управлением и автономией учащихся. Однако решения совещания были внутренне противоречивы и непоследовательны. Члены советов «временно сняли с очереди» обсуждение требования студентов училища отстранить от должности президента Академии художеств великую княгиню Марию Павловну, секретаря Академии В. П. Лобойкова, инспектора училища Я. Д. Андреева⁹⁹ и обратились к Временному правительству с просьбой назначить в Академию комиссара. Практиче-

⁹⁶ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 20. С. 17—18.

⁹⁷ Там же. № 19. С. 15.

⁹⁸ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14. С. 77. В состав комиссии вошли В. А. Беклемишев, Л. Н. Бенуа, С. А. Жебелев, В. П. Кондаков, Г. И. Котов, В. Е. Маковский, П. И. Нерадовский.

⁹⁹ Речь. 1917. 10 марта.

ская реорганизация Академии и училища под предлогом недопустимости решения «этого сложного вопроса кабинетным или министерским путем» откладывалась до созыва «художественного учредительного собрания выборных представителей от всего художественного мира России». ¹⁰⁰

Инициативу основания профессиональной организации художников взяло на себя Общество имени А. И. Куинджи. По его призыву 18 марта в зале Совета Академии художеств состоялось многолюдное собрание членов почти всех петроградских художественных обществ (Товарищества передвижных выставок, Общества имени А. И. Куинджи, «Мира искусства», Общины художников, «Нового общества», Союза молодежи и др.). Вели собрание В. Е. Маковский и И. Е. Репин. Основательно поспорив, участники собрания решили создать Союз деятелей пластических искусств, членами которого, как предполагалось, станут около 1000 живописцев, скульпторов и графиков. ¹⁰¹ На собрании был избран Организационный комитет.

Союз деятелей пластических искусств оформился и начал функционировать в апреле. Однако это не обеспечило единства среди петроградских художников. Сами же устроители собрания 18 марта намеревались отмежеваться от «левых», или так называемых футуристических, течений. Представителями последних, объединившихся в федерацию «Свобода искусству», даже не разослали приглашения на собрание. ¹⁰² Когда же воинственно настроенные «футуристы» все-таки явились во главе с И. М. Зданевичем в зал Совета Академии художеств, то им предложили организовываться самостоятельно «ввиду отсутствия точек соприкосновения с большинством членов собрания». ¹⁰³ Впрочем, в Союз деятелей пластических искусств не вошли не только «футуристы». В апреле в Петрограде организовались обособленные союзы скульпторов и художников-декораторов.

Московские художники, по отзывам прессы, проявили большую, по сравнению с петроградскими, делови-

¹⁰⁰ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14, С. 77.

¹⁰¹ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 69, 70.

¹⁰² Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 22 марта.

¹⁰³ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 70.

тость и сплоченность. Это преимущество было непрочным, ибо основывалось на особенно старательном сглаживании острых проблем, прежде всего общественно-политических, на демонстративном стремлении ограничиться решением сугубо профессиональных задач. Но на начальном этапе корпоративного строительства успехи были налицо.

18 марта в помещении цирка Саламонского (на Цветном бульваре) состоялся массовый митинг с участием не только художников, но и некоторых писателей, артистов, музыкантов.¹⁰⁴ Ради обеспечения «беспристрастности» на митинге председательствовал адвокат М. Ф. Ходасевич, вместе с ним в президиуме находились И. Э. Грабарь и А. М. Васнецов.¹⁰⁵ Митинг постановил основать союзы художественной интеллигенции, делегаты от которых образовали бы Союз союзов и его исполнительный орган — Совет художественных организаций. В конце марта — начале апреля состоялись еще три организационных собрания, участниками которых тоже были в большинстве художники. На одном из собраний избрали президиум совета в составе 12 человек (К. А. Коровин, А. М. Васнецов, А. В. Лентулов, Г. Б. Якулов и др.).¹⁰⁶

Одновременно организовывались союзы живописцев, скульпторов, граверов, деятелей художественного воспитания, среди которых ведущее положение занимал Союз живописцев. В его основании участвовали представители различных обществ («Союза русских художников», «Мира искусства», Товарищества передвижных выставок, Общества любителей художеств, «Бубнового валета», «Свободного творчества», «Московского салона» и др.),¹⁰⁷ образовавшие в составе союза три автономные группы: «старшую» во главе с «передвижниками», центральную, ядром которой были «союзники» и «мирискусники», и «молодую» (футуристы). Соответственным было и представительство во Временном со-

¹⁰⁴ По воспоминаниям С. Т. Коненкова, в митинге участвовало 3000 человек (Коненков С. Т. *Мой век*, М., 1972. С. 202). Однако сведения журнала «Аполлон», указавшего вдвое меньшую цифру (Аполлон. 1917. № 2/3. С. 71), по-видимому, точнее.

¹⁰⁵ Русские ведомости. 1917. 19 марта.

¹⁰⁶ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 82.

¹⁰⁷ Там же. С. 72.

вете Союза живописцев.¹⁰⁸ Председателем союза стал А. М. Васнецов, а его товарищами — К. А. Коровин и В. Н. Домогацкий.¹⁰⁹

Не следует полагать, будто у московских художников, в отличие от петроградских, все шло гладко. Между группами и в Совете художественных организаций, и во Временном совете живописцев возникали трения, многие из избранных в исполнительные органы союзов были недействительны, занимали выжидательную позицию. Поэтому, несмотря на энергию, проявленную А. М. Эфросом, И. И. Машковым и некоторыми другими, окончательное оформление Союза союзов и Совета художественных организаций затягивалось. Некоторые художники отказывались войти в состав Союза живописцев и создавали другие организации. В частности, при ведущем участии В. М. Васнецова и М. В. Нестерова возник Союз изографов.¹¹⁰ Ни московские, ни петроградские союзы практически не имели связи с группами художников провинциальных городов, и вопрос о создании Всероссийского союза художников повисал в воздухе.

Московские деятели искусства, объединявшиеся в Союз союзов, пытались наладить контакт хотя бы со своими петроградскими коллегами. В связи с этим К. А. Коровин и В. В. Маяковский были уполномочены представлять в петроградских художественных организациях. Единое понимание корпоративных задач проявили московские и петроградские архитекторы. Избранный 16 марта в Москве на собрании местных архитекторов оргкомитет во главе с А. В. Шусевым¹¹¹ нашел поддержку у петроградского Общества архитекторов-художников, что позволило в апреле создать Всероссийский союз зодчих.¹¹²

Писатели заговорили о необходимости восстановления закрытого в 1901 г. Союза русских писателей уже на упоминавшихся собраниях в Петрограде (9 марта) и в Москве (12 марта). На собрании московских литераторов даже было создано «рабочее бюро», которому,

¹⁰⁸ Аполлон. 1917. № 6/7. С. 94. — Отметим, что от «молодых» были избраны А. В. Грищенко, К. С. Малевич, В. В. Розанов, В. Е. Татлин, Г. Б. Якулов.

¹⁰⁹ Константин Коровин: Жизнь и творчество. М., 1963. С. 447.

¹¹⁰ Аполлон. 1917. № 6/7. С. 93—94.

¹¹¹ Архитектурно-художественный еженедельник, 1917, № 15/17. С. 93.

¹¹² Аполлон. 1917, № 6/7, С. 77.

помимо прочего, вменялось в обязанность заняться решением вопроса о союзе,¹¹³ однако оно все тормозилось из-за прохладного отношения к этим планам со стороны руководства Всероссийского общества писателей и разногласий в литературской среде.

С трудом искали общий язык журналисты. Выразившееся в их среде намерение подготовить созыв Всероссийского съезда¹¹⁴ так и осталось намерением. Главной причиной этого, несомненно, были политические расхождения, бóльшая, по сравнению с другими отрядами интеллигенции, политизация позиции. Отметим, что среди адвокатов тоже велись разговоры о желательности созыва Всероссийского съезда и тоже возникали и росли сомнения в достижимости корпоративного единения.

В целом интеллигенция, несмотря на такую ее социально-психологическую особенность, как «корпоративный коллективизм», в строительстве новых организаций и союзов отставала от рабочих. Это обуславливалось хорошо известными социальными различиями в положении рабочего класса и интеллигенции. Немалая часть последней в силу характера своего труда не имела и не могла создать «низовые» ячейки, служащие фундаментом широкого организационного строительства. Индивидуализм, социальная неоднородность и другие факторы тормозили, а то и срывали создание всероссийских объединений. И все же было бы неправильно недооценивать итоги весеннего корпоративного «учредительства». В общем оно оказалось успешнее (особенно в учительской среде), чем это можно было бы ожидать.

Новые интеллигентские организации и союзы строились при наличии многочисленных старых, дореволюционных объединений — и небольших кружков, и всероссийских обществ. Эти объединения, созданные и приспособившиеся для легальной деятельности при самодержавном строе, имевшие ограниченные права и задачи, для послефевральского движения интеллигенции стали тесны, недостаточны. Некоторые из них замерли или были оттеснены на обочину, другие же попытались перестроиться, удержаться на магистральном пути и сыграть активную роль. Относительно нового строительства роль этих объединений оказалась двойкой: они либо способ-

¹¹³ Русские ведомости. 1917. 14 марта.

¹¹⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 11 марта.

ствовали «учредительству» (так было чаще), либо, напротив, тормозили его.

Главными пунктами организационного строительства, естественно, стали Петроград и Москва — здесь концентрация интеллигенции была наибольшей, здесь жила и работала значительная часть ее высококвалифицированного слоя. «Двоецентрие» было одной из характерных черт российского интеллигентского движения. Московская интеллигенция, ее верхушка в первую очередь, не признавала за своими петроградскими коллегами по профессии первенствующей роли в корпоративных делах, считала, что петроградцы привносят в эти дела слишком много «политики» и раздоров на политической почве. Стараясь проявлять больше гибкости, осторожности и терпимости, что, правда, удавалось не всегда, московские интеллигенты в ряде случаев перехватывали инициативу или действовали параллельно. Соперничество непролетарской интеллигенции двух столиц создавало дополнительные сложности при строительстве всероссийских объединений.

В Петрограде находились штабы революции и контрреволюции, политическая борьба здесь достигала особой остроты и напряженности, что не могло не оказывать влияния на позицию местной интеллигенции. Споры, в том числе, казалось бы, чисто «корпоративные», в северной столице становились особенно жаркими, в чем мы убедимся, когда пойдет речь о создании Союза деятелей искусства. Но и в Петрограде основная масса буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, строя свои организации и союзы, провозглашала их «беспартийность». На деле же риторика относительно «беспартийности» прикрывала ориентацию на большей частью «усредненные», смешанные в различной пропорции политические установки буржуазных и мелкобуржуазных партий. Это являлось закономерным отражением господствовавших в интеллигентской среде политических взглядов и настроений, о которых говорилось в предыдущем разделе книги.

Здесь возникает вопрос: имело ли профессиональное строительство благоприятные перспективы на ближайшее будущее? В конечном счете все зависело от способности интеллигентской массы обрести четкую классово-партийную политическую ориентировку, от способности сделать в кратчайшие сроки (революция не отво-

дила много времени) вполне определенный выбор, пойти за ведущей классовой силой — пролетариатом и его партией. Пока же корпоративное «учредительство», хотя оно, вопреки публично провозглашенным намерениям многих непосредственных его организаторов, имело политическую основу (стремление организовать ради лучшего решения профессиональных дел и занятия более влиятельного положения в общественной жизни) и хотя оно достигло определенных успехов, в целом не давало основания для надежд на закрепление и умножение их летом — осенью 1917 г. Мы еще вернемся к упомянутым вопросам в последующих главах.

2. Планы работы и полемика. «Революция в художественном мире»

О планах своей работы в новой, освобожденной от самодержавного гнета России интеллигенция, несмотря на испытанные ею потрясения, стала размышлять, едва лишь появились признаки некоторой стабилизации политического положения. Для решения ряда проблем, возникших с победой революции, потребовались профессиональные знания и творческие силы, которыми обладала интеллигенция. При этом в отдельных случаях она увидела необходимость неотложных практических мер раньше, чем о них успели подумать люди, оказавшиеся у кормила государственной власти.

Одной из насущных общенародных задач являлась организация охраны культурных ценностей. В этом деле следовало ожидать инициативы со стороны художественной интеллигенции, и она ее проявила.

Как уже отмечалось, в дни Февральской революции разрушений культурных ценностей оказалось немного. Поэтому в марте опасения за судьбу памятников культуры пробуждались лишь эпизодически. Более того, для части художественной интеллигенции отсутствие актов вандализма стало поводом для ободряющих широких выводов. «С чувством глубокого удовлетворения приходится прежде всего констатировать, — заявляла редколлегия одного из журналов, — что революция не посягнула на памятники искусства, как таковые. Пожар двух-трех имеющих историческое значение зданий не может идти в счет, так как отнюдь не разрушительные тенде-

ции тут преследовались.¹¹⁵ Бережное отношение к произведениям искусств несомненно и главным образом обязано высокому культурному уровню революционного народа, постигшего ту истину, что достояние народное заключается не в одних лишь материальных ценностях». ¹¹⁶

С этой возвышенной оценкой соглашался А. Н. Бенуа.¹¹⁷ Однако он же писал, что слишком много «неврастении и психоза в воздухе», что вокруг людей, которых «легко теперь обманывать», «легко соблазнять», увиваются «Петры Верховенские», интеллигенты-демагоги, желавшие выслужиться перед новой властью.¹¹⁸ А. М. Горький говорил на интеллигентском собрании 12 марта о слухах относительно чьих-то намерений сломать некоторые памятники в Петрограде, нанести повреждения дворцу в Ораниенбауме.¹¹⁹ В конце концов и самые большие оптимисты признавали обоснованность таких предостережений: «Революция, даже самая мирная и единодушная, всегда грозит физической опасностью художественным памятникам страны, в особенности тем, которые обязаны своим бытием низложенному порядку. Не говоря о злом умысле, вероятны всякие увлечения и несчастные случайности, последствия которых могут оказаться роковыми». ¹²⁰

4 марта на квартире Горького состоялось совещание группы деятелей искусства. С докладом выступил Бенуа, который, насколько можно судить по сохранившемуся в архиве черновику, в частности, сказал: «Время не терпит... Это *народное* имущество, это наше добро, и нужно сделать все от нас зависящее, чтоб народ это осознал и чтоб он вошел во владение тем, что ему принадлежит по праву». ¹²¹ Горький, очень взволнованный, по свидетельству одного из участников совещания, «го-

¹¹⁵ Имеются в виду здание Окружного суда и служивший тюрьмой Литовский замок.

¹¹⁶ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 10/14. С. 73.

¹¹⁷ См.: Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 56.

¹¹⁸ Там же. С. 56, 69. — А. Н. Бенуа явно имел в виду А. В. Амфитеатрова, демагогически призывавшего немедленно убирать памятник Николаю I (Русская воля. 1917. 22 марта).

¹¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 794 (Союз деятелей искусства), оп. 1, д. 4, л. 4 с об.

¹²⁰ Аполлон. 1917. № 1. С. III.

¹²¹ Цит. по: Эткинд М. Александр Николаевич Бенуа: 1870—1960. М.; Л., 1965. С. 124.

ворил о памятниках искусства и о возможности их гибели, как можно говорить о самом дорогом, любимом, близком». ¹²² Здесь же по предложению Горького была избрана возглавленная им делегация, в состав которой вошло 7 человек (А. Н. Бенуа, А. М. Горький, М. В. Добужинский, К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, И. А. Фомин, Ф. И. Шаляпин). ¹²³ Совещание поручило ей посетить Временное правительство и Исполком Петроградского Совета и указать на необходимость «принять немедленные меры к охране дворцов и художественных коллекций». ¹²⁴

5 марта эта авторитетная делегация беседовала в Таврическом дворце с некоторыми министрами, а затем и с членами Исполкома Петроградского Совета. Представители новых властей не могли не признать основательности изложенных им доводов. Временное правительство постановило образовать Комиссариат для охраны художественных ценностей в составе члена Государственной думы П. А. Неклюдова и всех членов делегации. ¹²⁵ В обиходе эта коллегия, как и избранная 4 марта делегация, именовалась «комиссией Горького». Исполком Петроградского Совета пополнил ее состав двумя своими представителями ¹²⁶ и осуществил практическую меру: 6 марта он опубликовал в «Известиях Петроградского Совета» и издал прокламацией, расклеенной на стенах домов, воззвание к рабочим и солдатам, ко всему населению. Вот текст этого замечательного документа, написанного делегацией при ведущем участии Горького:

¹²² Цит. по: *Муратова К. Д.* М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.; Л., 1958. С. 23.

¹²³ По некоторым более поздним сообщениям, совещание избрало комиссию в составе 12 или 13 человек. Так, А. А. Ростиславов (А. Р.—в) перечислил, помимо уже известной нам семерки, еще пять лиц — В. Н. Аргутинского-Долгорукова, И. Я. Билибина, В. Г. Каратыгина, Н. Е. Лансере и Г. К. Лукомского (Аполлон. 1917. № 2/3. С. 65). А. М. Горький в выступлении на собрании 12 марта сказал об избрании 12 человек, но перечислил персонально 13. При этом он не назвал себя, В. Г. Каратыгина и Н. Е. Лансере, однако упомянул А. В. Карташева, Г. И. Нарбута, П. А. Неклюдова и В. А. Шуко (ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 4). Все же, по нашему мнению, сначала в «комиссии Горького» было 7 человек, а затем (после 5 марта) состав комиссии постепенно пополнялся.

¹²⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 7 марта.

¹²⁵ Там же; Речь. 1917. 7 марта.

¹²⁶ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 4.

«Граждане, старые хозяева ушли. После них осталось огромное наследство. Теперь оно принадлежит всему народу. Берегите это наследство, берегите дворцы. Они станут дворцами всенародного искусства. Берегите картины, статуи, здания — это воплощение духовной силы вашей и предков ваших. Искусство — это то прекрасное, что талантливые люди умели создать даже под гнетом деспотизма. Не трогайте ни одного камня, охраняйте памятники, здания, старые вещи, документы. Все это — ваша история, ваша гордость».

«Комиссия Горького» действовала очень энергично. Именно благодаря ее настойчивости Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов изменил ранее принятое им решение о захоронении жертв революции на Дворцовой площади. Большую роль в этом сыграли выступления А. М. Горького 7 марта на заседании рабочей секции Петроградского Совета и И. А. Фомина 10 марта на пленарном заседании Совета, призывавших избрать местом захоронения Марсово поле.¹²⁷ Группа архитекторов во главе с И. А. Фоминым и Е. Ф. Шретером спешно разработала проекты расположения братских могил и памятника,¹²⁸ что окончательно убедило Совет в правоте деятелей искусства. Кроме того, «комиссия Горького» предотвратила (правда, лишь до июля) размещение в Зимнем дворце правительственных ведомств, пропагандируя идею превратить дворец в художественно-исторический музей, а также начала хлопоты по обеспечению сохранности Большого Петергофского, Ораниенбаумского (Китайского), Елагина и некоторых других дворцов. Комиссия почти ежедневно собиралась на заседания, предпринимала поездки к дворцам и памятникам, проводила осмотры, составляла воззвания, плакаты и пр.¹²⁹ Как видно из текста заявлений, адресованных Временному правительству и Исполкому Петроградского Совета, «комиссия Горького» считала необходимым проведение широких мер по преобразованию всей художественной жизни.¹³⁰

¹²⁷ Известия Петроградского Совета. 1917. 10, 13 марта.

¹²⁸ В мае 1917 г. по итогам конкурса лучшим был признан проект Л. В. Руднева (см.: *Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 г. М., 1983. С. 118).

¹²⁹ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 64—65.

¹³⁰ *Муратова К. Д.* М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. С. 24.

Художественная интеллигенция стала инициатором попыток решения еще одной, формально «общегосударственной» и актуальной, но в условиях продолжавшей развиваться революции бесперспективной, обреченной на неуспех задачи — создание нового гимна. Идей и полемике, вызывавших широкий резонанс в интеллигентской среде, было предостаточно. История с гимном заслуживает внимания, бросает дополнительный свет на настроения и помыслы интеллигенции.

Известно, что в первых числах марта представители артистов Мариинского театра обратились к А. К. Глазунову с просьбой сочинить «новый народный гимн», который был бы впервые исполнен оперной труппой и хором театра 13 марта. Глазунов, естественно, отказался, сославшись на крайнюю сжатость срока, и предложил объявить конкурс. Вместе с тем композитор посоветовал исполнить 13 марта его обработку народной песни «Эй ухнем», изменив ее текст «соответственно переживаемому моменту». Артисты, признав основательность доводов, надумали уговорить Горького поработать над текстом.¹³¹ Видимо, писатель отклонил эти просьбы, но поставил в известность «комиссию Горького». Посовещавшись, члены ее решили создать специальную секцию, которая занялась бы не только вопросом о гимне, но и подготовкой образцов национального герба и флага.¹³²

А тем временем в редакции газет и особенно музыкальных журналов хлынули пожелания и предложения. Откликаясь на них, «Русская музыкальная газета» опубликовала «Анкету о новом народном гимне». Редакция журнала предлагала создать временный гимн, действительный до установления Учредительным собранием формы государственного управления. Среди предложенных конкурсных условий значилось: «По содержанию слов гимн должен быть патриотичен и внепартиен... Текст гимна должен подходить к какой-либо популярной на Руси мелодии торжественного характера». Редакция полагала, что мелодией могли бы стать «древняя русская „Слава“ и хор „Славься“ Глинки».¹³³ Читатели журнала предлагали другие варианты: гимн бе-

¹³¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 11 марта.

¹³² Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917, № 18, С. 12.

¹³³ Русская музыкальная газета, 1917, № 10, С. 227.

рендеев из оперы Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка», мелодия «Коль славен наш господь в Сионе» Д. С. Бортнянского и др.¹³⁴ Выдвигались аргументы за использование мелодии «Марсельезы» и даже мелодии старого гимна.¹³⁵

Редакция журнала «Музыкальный современник» оценивала идею проведения конкурса как ненужную, неудачную и утверждала, что «для нового гимна должно обратиться к *народному творчеству*. Нужно взять *созданный народом напев*, напев, отражающий исполинский его лик и как бы *признанный* уже всей землей русской. Художникам можно поручить лишь обработку этой темы; текст же песни не в праве играть решающей роли там, где в самой музыке запечатлены черты мощи, размаха, свободы и красоты. На наш взгляд, именно эти черты народного духа с поразительной яркостью вылились в гениальной песне „Эй, ухнем“. Песня эта блестяще обработана Глазуновым для хора и оркестра...».¹³⁶

Тем не менее стали появляться заново созданные гимны. Гимн «Да здравствует Россия — свободная страна!» написали К. Д. Бальмонт и А. Г. Гречанинов. С присущей ему увлеченностью за дело взялся и Ф. И. Шаляпин, сочинивший слова и музыку гимна «Свободный гражданин».¹³⁷ Он исполнил свое сочинение на совещании группы деятелей литературы и искусства, но не произвел особого впечатления. А. К. Глазунов и Н. Н. Черепнин нашли песню дилетантской и неинтересной. А. И. Зилоти и А. К. Коутс были несколько иного мнения, но большинство склонилось к выводу о непригодности песни в качестве нового гимна.¹³⁸ Хор Мариинского театра публично опроверг слухи о своей готовности спеть вместе с Шаляпиным на торжественном спектакле «какую-то песенку».¹³⁹ Певец был очень обижен. Он исполнил-таки свое сочинение на митинге-концерте, организованном комитетом Преображенского полка, причем исполнение вызвало бурю оваций.¹⁴⁰ И все же песня вскоре была прочно забыта.

¹³⁴ Там же. С. 228; № 11/12, С. 261.

¹³⁵ День. 1917. 25 марта.

¹³⁶ Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917. № 18, С. 3.

¹³⁷ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 17 марта.

¹³⁸ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. С. 43.

¹³⁹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 19 марта.

¹⁴⁰ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. С. 44.

Обсуждение и попытки решения таких проблем, как охрана культурных ценностей, сочинение нового гимна и пр. — все это было заботами, вызванными чрезвычайными обстоятельствами, делами, в которых, как полагала интеллигенция, ее приоритет являлся выполнением не только и даже не столько профессионального, сколько гражданского долга. Но одновременно возникали и корпоративные заботы, связанные со стремлением обеспечить лучшие условия для творческого труда, для применения своих знаний и талантов.

Грезы и планы русской интеллигенции о создании благоприятных условий для своего труда, размышления о его назначении и значении субъективно были благородны, возвышенны, но объективно имели большой изъян — они строились (а речь идет об основной массе интеллигенции) не на реалистической оценке социальных факторов, перспектив дальнейшего развития революции. Подавляющее большинство интеллигенции не сознавало, что устранить «зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания»¹⁴¹ было возможно лишь при победе социалистической революции, лишь при переходе государственной власти из рук буржуазии в руки рабочего класса. Но в помыслах интеллигенции наличествовали и требования, в целом соответствовавшие попутным задачам развивавшейся революции: обретение элементарных прав на демократическое самоуправление, ограждение от бюрократической регламентации со стороны государственного аппарата, создание общественных условий для более эффективного служения народу. Некоторые требования демократической интеллигенции нашли отражение в программных документах партии большевиков.

Корпоративные планы различных групп интеллигенции имели, конечно, свои особенности, что обуславливалось различиями в характере и условиях труда, в материальном и общественном положении. Внутри групп тоже возникали разногласия, иногда довольно значительные. Их источником было неодинаковое понимание некоторых целей профессионального движения и методов обеспечения оптимальных условий для своего труда. Здесь, помимо творческих и групповых интересов, во многих случаях существенное значение имели мировоз-

¹⁴¹ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12. С. 104.

зрение и политическая ориентация, т. е. опять-таки факторы, прямо или опосредствованно связанные с социальным положением интеллигенции. Но вместе с тем в ее планах было немало такого, что объединяло различные корпорации.

Много общего имелось в главных устремлениях учителей и врачей, которых сближали гуманистическая работа в гуще народных масс, сходное общественное положение. Эти отряды интеллигенции, пожалуй, более других натерпевшиеся от произвола старой бюрократии, уже давно тяготели к самоуправлению и децентрализации. В низах весной 1917 г., вероятно, лишь немногие отдавали себе ясный отчет относительно характера и масштаба ожидаемых реформ. Многие ограничивались жизненными, немудреными пожеланиями вроде тех, которые, по воспоминаниям Е. Г. Лундберга, высказывал знакомый ему народный учитель: «Нужно бы денег на школу. Построю новый дом, куплю книг, тетрадей, глобус, новую карту. По всей России, говорят, школы строить будут».¹⁴² На уездных и губернских съездах учителей самоуправление и децентрализация толковались по-разному.¹⁴³ Но постепенно руководство учительских организаций «просвещало» низы. Примерно также развивался процесс и среди тех групп врачей, которых называли общественными.

Центральными пунктами программы реорганизации народного образования, программы, в конце концов поддержанной основной массой учительства, стали: передача школ в ведение органов местного самоуправления (городских дум и земств), единство и преемственность школ всех типов, бесплатность обучения во всех школах и обязательность начального обучения, самоопределение и самоуправление школы с широким проведением выборного начала.¹⁴⁴ «Прочь от центра, от бюрократии на простор свободной творческой работы!» — провозглашал ведущий деятель ВУС В. А. Герд.¹⁴⁵ Большинство врачей, объединявшихся вокруг Пироговского общества, поддержало идею передачи всего врачебно-санитарного дела на местах земским и городским самоуправ-

¹⁴² Лундберг Е. Г. Записки писателя: 1917—1920. Л., 1930. С. 67.

¹⁴³ См.: Народный учитель. 1917. № 27/28. С. 12—13.

¹⁴⁴ Вестник воспитания. 1917. № 3. С. 70.

¹⁴⁵ Русская школа. 1917, № 1. С. 45.

лениям, а в центре — Центральному врачебно-санитарному совету, сформированному из представителей ученых-медиков, общественных врачей, земств и городских дум, а также различных ведомств. Его полномочия в основном сводились бы к согласованию деятельности местных советов, создаваемых при управах земств и городских дум. Предусматривалась бесплатность врачебной помощи и санитарных мероприятий «общественного характера». ¹⁴⁶

В литературе обоснованно отмечается ограниченность и непоследовательность программы реформ, предложенной ВУС и Пироговским обществом. ¹⁴⁷ И действительно, даже программа борьбы за первоочередные преобразования, программа-минимум, выдвинутая большевиками, содержала более радикальные требования (отделение школы от церкви и полная светскость школы, бесплатное и обязательное общее и политехническое образование для всех детей до 16 лет, бесплатная медицинская и лекарственная помощь рабочим и др.). ¹⁴⁸

Интеллигентский лозунг «Прочь от центра!» не был основан на понимании классового характера государства, и сохранение этого лозунга после перехода власти в руки Советов, пролетариата явилось бы ошибкой. Совсем иначе стоял вопрос в период перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, когда партия большевиков, разоблачая контрреволюционную политику буржуазного Временного правительства, призывала массы лишать его всякой поддержки: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний...». ¹⁴⁹ Большевики, широко пропагандируя главный лозунг — «Вся власть Советам!», — допускали возможность того, что при соответствующих условиях позитивную роль в решении вопроса о власти сыграют преобразованные органы

¹⁴⁶ *Жбанков Д. Н.* Основания для устройства врачебно-санитарного дела в освобожденной России. М., 1917. С. 2.

¹⁴⁷ См.: *Королев Ф. Ф.* Очерки по истории советской школы... С. 61—64; *Барсуков М. И.* Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения: Октябрь 1917 — июль 1918 г. М., 1951. С. 44—45; *Виноградов Н. А.* Здравоохранение в период подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1954. С. 11.

¹⁴⁸ См.: *Ленин В. И.* Материалы по пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 155, 157.

¹⁴⁹ *Ленин В. И.* О задачах пролетариата в данной революции // Там же, Т. 31, С. 114.

местного самоуправления.¹⁵⁰ Поэтому В. И. Ленин, партия большевиков в тот период поддерживали требования предоставить школе автономию,¹⁵¹ передать дело народного образования демократическим органам местного самоуправления с устранением центральной власти от всякого вмешательства в установление школьных программ и в подбор учительского персонала. Что же касается врачебно-санитарного дела, то большевики, не отрицая некоторую роль органов местного самоуправления, указывали, что медицинское обслуживание рабочих должно перейти в руки самоуправляющихся, избираемых рабочими больничных касс.¹⁵²

Инженеры, основная масса которых работала на крупных предприятиях, естественно, не ставили вопроса о передаче последних в руки органов местного самоуправления. Часть инженеров, судя по воспоминаниям И. П. Бардина, считала необходимой национализацию тяжелой промышленности, что, помимо прочего, должно было ослабить зависимость страны от иностранного капитала. «В своей наивности, — писал Бардин, — мы просто душно полагали, что раз буржуазно-демократическая республика, раз революция, свобода, — значит, долой иностранцев, и да здравствует свой, отечественный капитализм! Промышленность и техника станут развиваться в новых условиях, а мы, русские инженеры, своими знаниями будем помогать государству. Мы даже оформили нашу идею в виде специальной записки, которую подали Временному правительству. Мы вложили в нее много горячности и вдохновения... Наша записка Временному правительству где-то затерялась и мы так и не получили на нее никакого ответа».¹⁵³

Однако большинство инженеров в своих помыслах не шло так далеко, не поддерживало идею национализации, считая достаточным введение «общественно-государственного контроля». Согласно резолюции I делегатского съезда Всероссийского союза инженеров (21—

¹⁵⁰ См.: *Ленин В. И.* 1) Резолюция об отношении к Временному правительству; 2) Резолюция о Советах рабочих и солдатских депутатов // Там же. Т. 31. С. 408, 430.

¹⁵¹ См.: КПСС в борьбе за победу социалистической революции в период двоевластия: 27 февраля — 4 июля 1917 г.: Сб. документов. М., 1957. С. 69.

¹⁵² См.: *Ленин В. И.* Материалы по пересмотру партийной программы // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 155, 157, 158.

¹⁵³ *Бардин И. П.* Жизнь инженера. Новосибирск, 1939. С. 45.

22 мая 1917 г.) контроль осуществляли бы правительственные центральный и местные комитеты, в состав которых вошли бы и представители рабочих, а также «различные демократические и общественные организации». ¹⁵⁴ Основным объектом контроля предлагалось сделать предпринимательскую прибыль и заработную плату. «Прибыли промышленных предприятий, — говорилось в резолюции, — должны быть ограничены в пользу государства по нормам, установленным правительством, одновременно с чем государством должен быть проведен принцип нормировки цен на предметы первой необходимости и нормировки заработной платы, с согласованием ее по районам и отдельным отраслям промышленности и труда». ¹⁵⁵

Неэффективность проектируемых мер обуславливалась их ориентацией на сохранение буржуазного строя. Предотвратить экономическую катастрофу могло установление рабочего контроля, развиваемого в полное регулирование рабочими организациями производства и распределения продуктов. При этом, как указывал В. И. Ленин, планомерное и успешное осуществление контроля и других мер борьбы с разрухой и саботажем капиталистов было возможно лишь при переходе всей государственной власти к Советам, в руки рабочих и беднейших крестьян. ¹⁵⁶ Выдвинутые же инженерами проекты принадлежали к числу тех, которые характеризовались Лениным как попытки подменить действительный контроль фразами о контроле и регулировании.

Профессура, практически передоверившая разработку проекта реформы высшей школы министерской комиссии, не ожидала и не желала коренных преобразований, крутых ломок, что отражало социально-экономические и политические устремления буржуазной интеллигенции. Обретение университетами и институтами автономии, увеличение государственных ассигнований на развитие высшего образования, основание новых учебных заведений, повышение окладов преподавателям — в основном к этому и сводились планы профессуры весной 1917 г. Немалая часть студенчества в своих помыслах шла дальше. Широкую поддержку находили требования

¹⁵⁴ Русские ведомости. 1917. 25 мая.

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ См.: Ленин В. И. Резолюция об экономических мерах борьбы с разрухой // Полн. собр. соч. Т. 32, С. 195—197.

полного самоуправления студенческих коллективов, их полноправного участия в решении вопросов внутренней жизни высшей школы. Самым радикальным требованием было преобразование университетов и институтов в управляемые студенчеством «корпорации». ¹⁵⁷ Впрочем, в марте — апреле всего заинтересованнее обсуждали вопросы о возобновлении занятий, о совмещении их с общественной работой и, наконец, о введении трудовой повинности, поскольку к возмущению политически активных студентов в некоторых институтах нарастало стремление вернуться к «академической жизни». ¹⁵⁸ Научные работники надеялись, что новая власть станет по-новому относиться к их труду. Особенно активны в своих пожеланиях были представители естественных наук. В марте собрание членов ученых обществ Москвы приняло резолюцию, в которой заявило о стремлении «всеми доступными средствами содействовать научному, культурному и экономическому преуспеянию дорогого отечества». ¹⁵⁹

Крупное начинание было связано с именем А. М. Горького, который руководствовался уже известными нам положениями об особо значительной роли интеллигенции и о неотложности решения задачи повысить культуру народа, обеспечить подъем науки и широко распространить естественнонаучные знания. Писатель намеревался воодушевить ученых, связать их планы и деятельность с решением общественных задач. Вкратце история этого начинания такова.

23 марта на квартире Горького состоялось совещание. ¹⁶⁰ Присутствовали 8 или 9 человек, среди которых были несколько крупнейших ученых. ¹⁶¹ На совещании

¹⁵⁷ См.: Вестник студенчества. 1917. № 8/9, С. 8—12.

¹⁵⁸ См. там же, с. 25—27; Известия Петроградского Совета. 1917. 12 марта; Петроградские ведомости. 1917. 19 марта; Русские ведомости. 1917. 13 апр.; Новая жизнь. 1917. 21 апр.; Вестник воспитания. 1917. № 5/6. С. 27—28; и др.

¹⁵⁹ Вестник воспитания. 1917. № 5/6. С. 32.

¹⁶⁰ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 72 (запись в дневнике В. А. Стеклова, сделанная со слов академика А. А. Маркова).

¹⁶¹ В отчете «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук» указывается, что ее первое организационное собрание (28 марта) состоялось по инициативе академиков И. П. Бородин, В. И. Вернадского, А. А. Маркова, И. П. Павлова, профессоров Д. К. Заболотного, Н. М. Книповича, В. Л. Омелянского, а также А. М. Горького, И. И. Манухина и А. С. Фаминцина (Речи и приветствия, произнесенные на трех пуб-

шла речь об основании нового объединения ученых и «свободного института». Замысел показался тем более осуществимым, что Горький, по-видимому, предварительно беседовал с министром торговли и промышленности А. И. Коноваловым, посулившим финансовую поддержку.¹⁶² Участники совещания наивно понадеялись, что недостатка в субсидиях не будет, и не мешкая назначили на 28 марта организационное собрание с предполагаемым участием многих ученых.

Ученые, получившие письменное приглашение на собрание, откликнулись по-разному. Одни после переговоров с инициаторами сразу и полностью одобрили их идею, другие насторожились, опасаясь «подкопа» под Академию наук. Большинство же, видимо, рассудило примерно так, как В. А. Стеклов: «Неясно, в чем дело и что там будут делать математики, но... сходить надо. Посмотрим, может что-то путное выйдет».¹⁶³

Днем 28 марта на собрание в помещении Женского медицинского института, по свидетельству Стеклова, явилось «много народу»,¹⁶⁴ возможно, около двухсот. Собравшиеся избрали почетным председателем академика А. А. Маркова, заслушали речи А. М. Горького и И. П. Павлова,¹⁶⁵ говоривших о значении науки в жизни общества и о необходимости популяризации научных знаний.¹⁶⁶ После обмена мнениями решили учредить «Свободную ассоциацию для развития и распространения положительных наук», а в составе ее основать ряд научно-просветительных учреждений («когда и как не предreshается»),¹⁶⁷ совокупность которых, по предложению Павлова, именовать «Институтом в память 27 февраля 1917 г.».¹⁶⁸ Здесь же избрали организационный комитет в составе 38 человек.¹⁶⁹ Для пропа-

личных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве. Пг., 1917. С. 3). Вероятно, эти лица, за исключением болевшего И. П. Павлова, и участвовали в совещании 23 марта.

¹⁶² ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 72 об.

¹⁶³ Там же, л. 78 об.

¹⁶⁴ Там же, л. 86.

¹⁶⁵ Речи и приветствия... С. 3.

¹⁶⁶ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 86. — Речь И. П. Павлова, отсутствовавшего на собрании, была кем-то зачитана.

¹⁶⁷ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 86.

¹⁶⁸ Речи и приветствия... С. 3.

¹⁶⁹ Состав оргкомитета блистал созвездием имен авторитетнейших деятелей науки и культуры: академики Н. И. Андрусов,

ганды целей Ассоциации и ради сбора денежных средств решили провести публичное платное собрание в помещении Михайловского театра.

1 апреля оргкомитет, заседание которого вел В. А. Стеклов, обсудил меры по подготовке собрания.¹⁷⁰ На этом заседании избрали двух председателей оргкомитета (Д. К. Заболотного и В. А. Стеклова) и секретаря (И. И. Манухина¹⁷¹). С того дня Стеклов очень активно взялся за дела Ассоциации, фактически выполняя все председательские функции. Но наиболее авторитетным действующим лицом и душой всего начинания оставался Горький. Недаром Стеклов, написав по поручению оргкомитета «тезисы», которые определяли задачи Ассоциации, и тексты своих вступительных и заключительных речей на подготавливавшемся публичном собрании, 5 апреля приехал на квартиру Горького и здесь прочитал ему и Манухину все написанное. Выслушав, Горький сделал два замечания, предложив, в частности, не упоминать в речах о писателях.¹⁷²

«Тезисы», отпечатанные в программе публичного собрания, провозглашали, что «счастье и благоденствие народов существенным образом зависят от высоты и развития положительных наук» и что Ассоциация «ставит своим идеалом создать такую свободную и широкую организацию, которая могла бы наиболее полно и ярко проявить творческий гений науки во всех областях точных наук».¹⁷³ В соответствии с объявленным «идеалом»

А. А. Белопольский, И. П. Бородин, В. И. Вернадский, В. В. Заленский, А. Н. Крылов, А. А. Марков, И. П. Павлов, В. И. Палладин, В. А. Стеклов, профессора Н. Е. Введенский, А. С. Догель, Д. К. Заболотный, Н. М. Книпович, С. К. Костинский, Н. П. Кравков, Н. А. Холодковский, Л. А. Чугаев, астрофизик Г. А. Тихов, писатели А. М. Горький, И. А. Бунин, В. Г. Короленко и др. В состав оргкомитета вошли несколько практиков, а также общественных деятелей, в том числе инженер-большевик Л. Б. Красин (Полные списки членов оргкомитета и других выборных органов ассоциации см. в публикации: «Речи и приветствия...». С некоторыми из вошедших в состав оргкомитета, но не присутствовавшими на собрании 28 марта (в частности, с Буниным, Короленко) Горький связался письменно.

¹⁷⁰ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 96.

¹⁷¹ И. И. Манухин — врач, участвовавший в лечении Горького и поддерживавший с ним близкие отношения.

¹⁷² ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 102.

¹⁷³ Текст «тезисов» см. в публикациях: Речи и приветствия... С. 5—6; Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук // Летопись. № 5/6. С. 230—231.

главной задачей Ассоциации считалась научная деятельность, организуемая Институтом положительных наук «с хорошо оборудованными исследовательскими отделениями, лабораториями, кабинетами для ученых изысканий». Специально оговаривалась обязательность широкого привлечения ко всей работе Ассоциации «молодых ученых сил».

Второй задачей Ассоциации провозглашалось «стремление дать или указать практическое применение научных выводов, открытий и изобретений к технике, к промышленности и к нуждам жизни вообще». Третья задача должна была состоять в широком и систематическом распространении научных знаний «в широких народных массах, преимущественно в виде законченных курсов теоретического и практического характера, и прежде всего в рабочих группах, наиболее в этом нуждающихся». Для обеспечения выполнения этой задачи намечалось создание музеев, библиотек, лекционных залов и пр.

«Позвольте мне фантазировать», — скажет Горький на собрании в Михайловском театре, и продолжит: «Мне рисуется учреждение, которое я назвал бы „Городом науки“, — это ряд храмов, где каждый ученый является жрецом, независимо служащим своему богу. Это ряд прекрасно обставленных технических лабораторий, клиник, библиотек и музеев, где изо дня в день зоркие, бесстрашные глаза ученого заглядывают в тьму грозных тайн, окружающих нашу планету... В этом „Городе науки“ ученого окружает атмосфера свободы и независимости, атмосфера, возбуждающая творчество, а работа его создает в стране атмосферу любви к разуму, вызывает в людях гордое любованье его силой, его красотой». ¹⁷⁴ Это была мечта, выношенная «жрецами науки» и опоэтизированная художником слова.

Публичное собрание Ассоциации, состоявшееся 9 апреля, вызвало широкий интерес. Михайловский театр был переполнен, причем среди слушателей находились не только интеллигенты, но и рабочие, солдаты, офицеры. ¹⁷⁵ Последующие два собрания, проведенные 16 апреля в более вместительном помещении Народного дома в Петрограде и 12 мая в зале Большого театра в Москве тоже привлекли много публики. Ассоциацию при-

¹⁷⁴ Летопись. 1917. № 5/6. С. 226.

¹⁷⁵ Речь. 1917. 11 апр.

ветствовали представители Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, московских Совета рабочих депутатов и Совета солдатских депутатов, Временного правительства. Среди появившихся на собраниях и выступавших с краткими приветственными речами были И. Н. Ефремов, А. Ф. Керенский, А. А. Мануилов, П. Н. Милюков, А. И. Шингарев.¹⁷⁶

О мыслях и чаяниях ученых, объединявшихся в Ассоциацию, об их взглядах на роль и положение науки достаточно ясное представление дают, помимо «тезисов», тексты вступительного и заключительного слова В. А. Стеклова, речи А. М. Горького («Наука и демократия»), И. П. Павлова («Научный институт в память 27 февраля 1917 г.»), Л. А. Чугаева («Наука в борьбе за существование»), Д. К. Заболотного («Единство науки и строительство жизни»), Н. А. Морозова («Наука и свобода»), И. И. Манухина («Исследовательские институты и научное творчество»),¹⁷⁷ а также устав Ассоциации и опубликованное ею воззвание. Все эти материалы интересны, они заслуживают специального обстоятельного анализа. Мы же ограничимся здесь лишь самыми общими оценками.

Каждый из выступавших ученых был яркой индивидуальностью, каждый имел собственное суждение по тому или иному конкретному вопросу. Но все выступавшие на собраниях сходились в главном: развитие науки и приобщение масс к научным знаниям являются важнейшими условиями прогресса и благосостояния России. Апофеоз «положительных» наук, придавание исключительного значения естественнонаучным знаниям, при игнорировании социальных условий, стержня общественной жизни — классовой борьбы свидетельствовали о влиянии позитивизма на воззрения многих ученых. Нельзя не отметить, что в отдельных выступлениях прозвучала нотка элитного высокомерия.¹⁷⁸ Но вместе с

¹⁷⁶ Речи и приветствия... С. 4—5.

¹⁷⁷ Эти речи, за исключением речей Д. К. Заболотного и Н. А. Морозова, прозвучали на всех трех собраниях. Последние двое выступали только на собрании в Москве.

¹⁷⁸ Это касается прежде всего речи Н. А. Морозова, бывшего народовольца, отсидевшего более 20 лет в Шлиссельбургской крепости и с 1905 г. целиком посвятившего себя научной работе. Н. А. Морозов, возвеличивая «всемирную интеллигенцию, воплощающую человеческий гений», осуждал «культ простого народа и мозолистых рук» (Речи и приветствия... С. 56, 57).

тем в речах ученых подкупала страстная, бескорыстная увлеченность своим делом, готовность отдать все свои силы и знания на благо родины и народа. В воззвании Ассоциации, составленном по поручению ее оргбюро Горьким, с горечью отмечались тяжкие условия жизни крестьян и рабочих.¹⁷⁹ Все это было залогом преодоления учеными некоторых ошибочных воззрений.

Но как практически можно было выполнить намеченные Ассоциацией цели? Требовались деньги, а «хороший парень» Коновалов (так о нем отзывались со слов Горького в оргкомитете)¹⁸⁰ ничего не делал или не мог сделать для добывания правительственных субсидий. В итоге члены оргкомитета Ассоциации быстро излечились от излишнего оптимизма и стали рассчитывать на сборы среди почитателей наук (собрание 9 апреля дало 2.5 тыс. р. чистого сбора), а главное — на пожертвования «коммерсантов и финансистов». В связи с этим была образована специальная комиссия во главе с Горьким.¹⁸¹

Не могли не размышлять над своими творческими планами те, кто совсем недавно подвергался гнету реакционной цензуры (в первую очередь писатели), кто ожидал, что ликвидация ее уже сама по себе даст очень много. «Отныне писателю, — говорилось в телеграмме Союза драматических и музыкальных писателей Временному правительству, — освобожденному от тяжелых цепей политической цензуры, открыта возможность свободно и искренне излагать свои мысли, создавать образы, отражающие истину, говорить слова, нужные и важные для культурного развития страны».¹⁸²

Но какими должны быть эти слова и образы в новых условиях, к чему обязаны теперь стремиться люди искусства — только ли к «культурному развитию страны»? Лишь очень немногие, такие, как Маяковский, вдохновенно создававший свою «поэтохронику», сразу нашли себя как художники революционного времени. Мало было и таких, которые, не будучи убежденными революционерами, искренне, без затаенной тревоги радовались завоеванной свободе, и не просто радовались,

¹⁷⁹ См.: Горький и наука. Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964. С. 19.

¹⁸⁰ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 168, л. 72 об.

¹⁸¹ Там же, д. 169, л. 3.

¹⁸² Биржевые ведомости (утр. вып.), 1917. 7 марта.

но и испытывали творческий подъем. Большинство деятелей искусства находились в состоянии смятения, лихорадочно искали ответы на трудные вопросы, из всех сил пытались обрести твердую почву под ногами. Даже А. А. Блок в то время еще не мог писать.

В Петрограде десятка три художников, в том числе несколько видных, решились принять участие в двух конкурсах, объявленных Временным правительством и Академией художеств. Один из них (конкурс эскизов плаката «Займ свободы», проводившийся в Петрограде, а затем и в Москве) уже упоминался. Другой конкурс посвящался событиям Февральской революции. «Некоторые художники, — сообщала меньшевистская газета «День» 16 марта, — уже приступили к работам, набрасывая эскизы недавних революционных событий...» В данном случае немаловажным стимулом стала денежная премия — 10 000 рублей. Однако этот конкурс так и не состоялся.

Положительным явлением был, как никогда ранее, широкий выход изобразительного искусства на улицу, к народу. Отдельные живописцы, да и не только живописцы, выполняли заказы рабочих, солдатских и иных организаций на изготовление плакатов и знамен к массовым шествиям и празднествам. В Петрограде над художественным оформлением некоторых площадей к 23 марта (день похорон жертв революции), к 18 апреля (первомайский праздник), а затем к демонстрации 18 июня основательно потрудились Л. В. Руднев, которому помогал П. А. Шиллинговский. Охотно откликались на заказы рабочих организаций некоторые студенты Академии художеств. «К нам в Академию, — вспоминал А. Н. Самохвалов, — являлись рабочие с заводов и фабрик и приносили тексты лозунгов и красную материю. Мы писали эти лозунги, стараясь украсить их эмблемами производства: наковальнями, шестернями, молотами, серпами и так далее». ¹⁸³

Часть всего этого декоративного убранства, созданного профессионалами, служила делу революционной агитации, но другая, еще бо́льшая часть (ведь заказчиками были отнюдь не только революционные рабочие) по содержанию была оборонческой. Распространению оборонческих, а то и прямо милитаристских настроений

¹⁸³ Самохвалов А. Н. Мой творческий путь. Л., 1977. С. 44.

способствовали и многие художественно оформленные почтовые открытки, рисунки в журналах. Большинство карикатуристов постепенно проникались «идеями» борьбы с «анархией» и большевизмом. У дельцов от литературы и искусства уже с весны вошла в моду «распутиниада». Это были поделки, рассчитанные на неразборчивый и нетребовательный обывательский вкус.

У побывавших 13 марта на торжественном возобновлении спектаклей в государственных театрах могло сложиться впечатление, что столичный театр уже нашел свое место в новой действительности, что, по крайней мере, направление творческих поисков для него очевидно. «Уже входя в Мариинский театр, — бодро писал отчет один из репортеров, — замечаешь происшедшие перемены. Старые капельдинеры сняли свои ливреи и стояли у входов в простых пиджаках с белыми повязками на левом рукаве... Занавес, украшенный царским гербом, заменен занавесом из „Орфея“ (красный с золотом), короны на ложах закрыты полотном. В публике, заметно изменившейся в сторону демократичности, оживление: ждут прибытия членов Совета рабочих и солдатских депутатов, говорят об обещанном приезде новых министров».¹⁸⁴

В тот день в театре шла опера Н. А. Римского-Корсакова «Майская ночь». Перед началом спектакля артисты, хор и оркестр под управлением Н. Н. Черепнина исполнили песнь «Не плачьте над трупами павших борцов» (музыка Черепнина), выслушанную публикой стоя и по ее требованию повторенную. Затем И. В. Ершов прочитал стихотворение «Свобода», последние строки которого слились со звуками «Эй, ухнем» в исполнении хора и оркестра под управлением Н. А. Малько. Повторенное дважды «Эй ухнем» сменила «Марсельеза». А в антрактах снова звучали «Не плачьте...», «Эй, ухнем», «Марсельеза» (всего 8 раз), речи представителей Временного правительства и Исполкома Петроградского Совета.¹⁸⁵ Много выдумки вложили в спектакли московские артисты. Так, в Большом театре, кроме соответственно первого и третьего актов опер «Руслан и Людмила» и «Садко», концертной программы «Танцы России», была поставлена К. А. Коровиным «Живая картинка» под названием «Освобожденная Россия и ее

¹⁸⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 14 марта.

¹⁸⁵ Речь. 1917. 14 марта.

герои» (А. Н. Радищев, декабристы, А. С. Пушкин, А. И. Герцен, Ф. М. Достоевский, И. С. Тургенев и др.). С чтением стихотворений выступили М. Н. Ермолова, М. Ф. Ленин, В. В. Максимов. И, конечно, были речи, с которыми выступали Л. В. Собинов, А. И. Южин-Сумбатов, а также комиссар Москвы Н. М. Кишкин и командующий войсками Московского военного округа А. Е. Грузинов.¹⁸⁶

Эти спектакли с участием великолепных актеров возымели немалый пропагандистский эффект. Актеры, независимо от их субъективных побуждений, становились участниками шумной кампании, разворачиваемой министрами и эсеро-меньшевистскими лидерами Советов. Провинциальным театрам действия такого размаха были просто не под силу. Там перед началом очередного спектакля в марте ограничивались вывешиванием лозунгов (например: «Пали оковы — искусство свободно!») или произнесением кратких приветственных речей.

Пропагандистски оформленные спектакли в государственных театрах положили начало длинной полосе так называемых митингов-концертов. Они организовывались политическими партиями и были неравноценны по содержанию. На митингах-концертах речи ораторов перемежались или завершались выступлениями артистов, читавших стихи, исполнявших песни и отрывки из музыкальных произведений. Артист Александринского театра Н. Н. Ходотов, вспоминая о «концертно-митинговом потоке», писал: «Все время я жил лихорадочно, не давая себе отчета, как бы во сне».¹⁸⁷

В этой «лихорадочной» жизни, заполненной спектаклями, митингами-концертами, внутритеатральными собраниями и распрями, творческие планы, вопросы о репертуаре и направлении дальнейшей деятельности театров оставались почти не выясненными. По свидетельству Е. И. Тиме, в Александринском театре «в вопросах выбора репертуара царила растерянность и неуверенность».¹⁸⁸ Так или примерно так было и в других театрах. В итоге государственные и некоторые частные театры стали склоняться к постановке русской классики и «ходовых» переводных пьес, а фарсовые театры начали с вытаскивания на подмостки ранее запрещенных

¹⁸⁶ Театральная газета. 1917. № 12. С. 7.

¹⁸⁷ Ходотов Н. Н. Далекое-близкое. С. 381.

¹⁸⁸ Тиме Е. Дороги искусства. С. 185.

цензурой спектаклей.¹⁸⁹ «Зацвела на этих сценах безудержная порнография, и не было такой гадости, которая не казалась бы привлекательной», — писал критик Н. Е. Эфрос.¹⁹⁰ Кинотеатры зашли в этом направлении так далеко, что министерская комиссия по уголовному уложению предложила восстановить предварительную цензуру кинематографических лент.¹⁹¹ Разухабистые куплетисты, выступавшие в дивертисментах, вслед за буржуазной прессой приняли участие в злобной травле В. И. Ленина.¹⁹²

И все-таки, как отмечал историк театра А. З. Юфит, после победы Февральской революции демократически настроенная часть деятелей театра пыталась вдохнуть иную жизнь в сценическое искусство.¹⁹³ В. Э. Мейерхольд, выступавший 14 апреля в Тенишевском зале с докладом «Революция и театр», звал к освобождению театра от бесстрастной буржуазной «партерной публики», к решительному обновлению репертуара, в частности к постановке пьес А. А. Блока и В. В. Маяковского «для крестьян, солдат, рабочих и той интеллигенции, которая скажет: довольно спать!». ¹⁹⁴ Можно оспаривать мнение Мейерхольда о пригодности для неискушенных зрителей тех или иных пьес, но страстному стремлению его и некоторых других режиссеров обновить театр нельзя не отдать должного. «Народ, — писал А. Я. Таиров, — вот тот мощный рычаг, при помощи которого театр может снова стать самим собой... Народ — вот тот сказочный принц, что может вернуть к жизни уснувшую принцессу, освободив театр от колдовства буржуазии». ¹⁹⁵ Режиссер Художественного театра А. А. Санин подчеркивал обязанность театра «будить, развертывать, воспитывать в человеке чувства свободы». ¹⁹⁶

Призывы покончить с рутинной и эпигонством, приблизить искусство к запросам жизни, сделать его участником борьбы за обновление страны и достойным на-

¹⁸⁹ См.: *Мокульский С. С.* Петроградские театры от Февраля к Октябрю. С. 18, 36.

¹⁹⁰ Русские ведомости. 1917. 20 сент.

¹⁹¹ Право. 1917. № 16. С. 946.

¹⁹² Правда. 1917. 27 апр.

¹⁹³ Юфит А. Революция и театр. С. 20.

¹⁹⁴ Мейерхольд В. Э. Статьи. Письма. Речи. Беседы. Ч. 1: 1891—1917. М., 1968. С. 318.

¹⁹⁵ Театральная газета. 1917. № 13/14. С. 15.

¹⁹⁶ Там же. С. 16.

родных масс находили поддержку, хотя и не очень широкую, среди деятелей различных родов искусства. Упор на борьбу с эпигонством делали представители «левых» направлений («футуристы»). Они же в ходе дискуссий все чаще стали использовать социальную терминологию. Это свидетельствовало об активных поисках, которые в перспективе могли принести положительные результаты. Но в то время многие из рассуждавших об искусстве «демократическом» и «буржуазном» проявляли склонность к упрощениям, а иногда и к демагогии. К «буржуазному» искусству подчас причислялось и классическое наследие. Его приверженцы реагировали болезненно, отвечая резкими нападками на футуристов.¹⁹⁷ Особенно много полемизировали живописцы.¹⁹⁸

При всем этом желание приблизить искусство к жизни, к народу преобладало. По существу спор шел о путях сближения, о выборе «конца», с которого следовало начать. «Левые» придавали решающее значение радикальной творческой перестройке, проведению «революции» в художественном мире, а «классики» переносили центр тяжести на меры по эстетическому воспитанию масс, повышению их культурного уровня. Все это были очень сложные, не имевшие однозначного ответа и не поддававшиеся быстрому решению вопросы. Помочь достижению взаимопонимания в конечном счете могла сама жизнь, развитие революции, переход деятелей искусства на политические позиции рабочего класса, овладение ими марксистско-ленинской идеологией. Преобладавшие устремления художественной интеллигенции различных творческих направлений, обнаружившиеся весной 1917 г., заключали в себе достаточные предпосылки для прогресса.

Но это были предпосылки. А тогда, после победы Февральской революции, дискуссии в рядах деятелей искусства ширились и обострялись. Поводом для самого сильного взрыва страстей стал вопрос о создании министерства изящных искусств. Полемика была яростной, бескомпромиссной. В ходе ее очень наглядно выявились некоторые особенности психологии и образа мышления художественной интеллигенции, и поэтому малоизученная история полемики несомненно заслуживает внимания.

¹⁹⁷ См.: Аполлон. 1917. № 2/3. С. 72.

¹⁹⁸ Там же. С. 28.

Все началось с уже упоминавшегося совещания 4 марта на квартире А. М. Горького. За большим, во всю комнату чайным столом, на котором кипел самовар,¹⁹⁹ собрались 54 хорошо известных в художественных кругах человека — художники, архитекторы, артисты, литераторы, искусствоведы.²⁰⁰ Среди собравшихся было немало примыкавших к группе «Мир искусства». Публичного оповещения о собрании не давалось, все явилось по персональному приглашению. Таким образом, совещание было закрытым. К. А. Сомов, который, получив приглашение, пошел, но дорогой раздумал и повернул обратно, назвал совещание «секретным».²⁰¹

Как мы уже знаем, собравшиеся, обеспокоенные за судьбу культурных ценностей, поручили избранной ими коллегии («комиссии Горького») добиться от властей принятия мер к охране дворцов, памятников, художественных коллекций. Такие намерения могли и не вызывать сочувствия, а тем более поддержки со стороны некоторых «футуристов», пренебрежительно относившихся к «музейному хламу». Приглашать этих людей на совещание было по меньшей мере бесполезно, но и конспирировать, если бы речь шла только об охране музеев, тоже не было достаточных оснований. Следовательно, участникам совещания 4 марта предстояло обсудить еще какой-то вопрос и принять решение, которое могло вызвать активное противодействие со стороны части или даже многих деятелей искусства. Это было решение добиваться от правительства незамедлительного создания министерства изящных искусств.

Запись в дневнике Сомова о том, что, позвонив утром 4 марта Бенуа, он посоветовал «взять сразу власть в руки в области искусства», а Бенуа в ответ сообщил о принятии каких-то мер,²⁰² нет оснований толковать буквально. Бенуа давно был убежден в необходимости всесторонней заботы государства о развитии культуры и искусства. Меры по охране культурных ценностей он

¹⁹⁹ Нерадовский П. И. Из жизни художника. Л., 1965. С. 156.

²⁰⁰ Речь. 1917. 21 апр. — Среди участвовавших в совещании были М. Ф. Андреева, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибин, А. М. Горький, М. В. Добужинский, И. В. Ершов, В. Г. Каратыгин, В. Я. Курбатов, Н. Е. Лансере, С. К. Маковский, Г. И. Нарбут, П. И. Нерадовский, К. С. Петров-Водкин, Н. К. Рерих, А. А. Ростиславов, И. А. Фомин, Ф. И. Шаляпин, В. А. Шуко и др.

²⁰¹ Константин Андреевич Сомов. М., 1979. С. 175.

²⁰² Там же.

не сводил к выставлению у музеев вооруженных караулов и к выпуску властями соответствующих воззваний. «Нужно было, — писал Бенуа в статье «Революция в художественном мире», — во-первых, уберечь от возможной гибели чисто материальную часть того бывшего царского, а теперь ставшего народным имущества... Нужно было одновременно заняться очисткой от всякого мусора другой части этого имущества, в котором первую роль играют не вещи, а люди (театры, Академию художеств и т. д.). Безотлагательно надлежало принять ряд отдельных мер, а затем постепенно выработать проект целой системы дальнейшего заведывания этими делами». ²⁰³

Бенуа, несомненно, был инициатором и вдохновителем усилий добиться создания министерства изящных искусств (идею его Бенуа выдвинул и обосновал еще в 1905 г.), ²⁰⁴ а сторонники его замысла, прежде всего «мирискусстники» явно прочили своего идейного лидера в министры. ²⁰⁵ Имелось в виду, что новое министерство будет действовать с полным и глубоким пониманием нужд и специфики труда людей искусства, а вместе с тем не даст воли «ниспровергателям» и тем, кто нигилистически относился к культурному наследию. Сам Бенуа в статье «Художественный спор» заявлял себя решительным противником «чисто внешней угнетающей опеки», «бюрократической регламентации художественной жизни», «табели рангов искусства», «всей ветоши академизма». ²⁰⁶ Горький при обсуждении вопроса о министерстве держался пассивно.

5 марта идея создания министерства изящных искусств в целом была одобрена министрами, с которыми встречалась «комиссия Горького». Вероятно, не возражали и в Исполкоме Петроградского Совета. Свою солидарность со сторонниками А. Н. Бенуа выразили не-

²⁰³ Александр Бенуа размышляет... С. 141.

²⁰⁴ См.: *Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России начала XX века. М., 1976. С. 90.

²⁰⁵ Со своей стороны А. Н. Бенуа, судя по составленному и сохранившемуся в архиве списку «лиц, желательных в министерстве», отдавал предпочтение тем, которые в то время или прежде были связаны с «Миром искусства». В его списке фигурировали З. И. Гржебин, М. В. Добужинский, С. П. Дягилев, В. Ф. Нувель, Н. К. Рерих, Д. В. Философов и др. (см.: *Эткинд М.* Александр Николаевич Бенуа. С. 125).

²⁰⁶ *Летопись*, 1917. № 2/4. С. 362.

которые академики (С. Ф. Ольденбург, А. Ф. Кони и др.), ряд не присутствовавших на совещании 4 марта деятелей искусства, в том числе И. Е. Репин. Сочувственное отношение и готовность помочь в разработке проекта статута министерства выразили сотрудники Института истории искусства. В его помещении 7 марта и было впервые проведено публичное обсуждение вопроса о министерстве.

На многолюдном собрании, прошедшем под председательством С. Ф. Ольденбурга, с докладом от имени Совета института выступил профессор В. Я. Курбатов. Он так обрисовал основные задачи нового министерства: забота о сохранности произведений искусства; основание новых музеев и упорядочение музейного дела; материальная и иная поддержка творческих работников; заведывание государственными театрами и музыкальными учреждениями (консерваториями и пр.); организация эстетического воспитания народных масс и поощрение народного творчества в области прикладного искусства.²⁰⁷ После обсуждения доклада (выступили академик Н. П. Кондаков, профессора Ф. Ф. Зелинский, М. И. Ростовцев, актер и драматург Г. Г. Ге, музыковед А. Е. Чехихин и др.) большинство собравшихся проголосовало за резолюцию: «В видах создания, поддержания и развития художественной культуры страны и художественного просвещения народа является настоятельно необходимым учреждение самостоятельного ведомства искусств».²⁰⁸ Тут же была сформирована комиссия по разработке проекта статута этого ведомства (имелось в виду министерство изящных искусств), в состав которой вошли 20 человек, в том числе А. Н. Бенуа, граф В. П. Зубов (основатель Института истории искусства), Н. П. Кондаков, В. Я. Курбатов, К. М. Миклашевский, П. И. Нерадовский, А. Н. Римский-Корсаков, М. И. Ростовцев, Ю. М. Юрьев, М. М. Фокин, И. А. Фомин.²⁰⁹ 10 марта комиссия избрала своим председателем А. Н. Бенуа, товарищами председателя — В. П. Зубова и М. И. Ростовцева, а секретарями — В. Я. Курбатова и В. Н. Ракинта.²¹⁰

Между тем слухи и сведения о совещании 4 марта

²⁰⁷ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 9 марта; Речь. 1917. 9 марта.

²⁰⁸ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 9 марта.

²⁰⁹ Речь. 1917. 9 марта.

²¹⁰ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 67.

уже на следующий день всколыхнули весь художественный мир Петрограда. И. М. Зданевич, В. Э. Мейерхольд и Н. Н. Пунин несколько позднее отмечали в открытом письме, что «левые» испугались «захвата власти» представителями «некоторых художественных групп» и вероятной «художественной централизации страны». ²¹¹ Имя писателя-реалиста А. М. Горького было сильнейшим раздражителем для «левых». Кроме того, резкое выдвижение «мирискусстников» смутило немало представителей и других творческих направлений, в первую очередь среди живописцев и архитекторов. 5 марта экстренное собрание членов Общества архитекторов-художников заявило о полной поддержке Временного правительства и вместе с тем призвало всех деятелей искусства объединить усилия «для создания единого, всеобщего и полномочного Союза деятелей искусств на основах полного представительства всех определившихся течений искусства и на началах широкой общественности». ²¹² 7 марта заседание правления и «ядра» Общества решило создать 12 марта общее собрание деятелей искусства, проведя предварительно, 9 марта, организационное заседание представителей «всех отраслей искусств». ²¹³

Лозунг учреждения Союза деятелей искусства, выдвинутый в противовес проектируемому министерству изящных искусств, многим показался демократичным, отвечающим духу времени. Поэтому на заседание 9 марта в зал Совета Академии художеств явились представители 45 художественных обществ и учреждений. ²¹⁴ На заседании, которое вел председатель Общества архитекторов-художников граф П. Ю. Сюзор, с докладом о подготовке общего собрания выступил архитектор А. И. Таманов. ²¹⁵ Прения были бурными, многие выступавшие резко осуждали сторонников организации министерства изящных искусств за некие «приемы отжившего режима». ²¹⁶ Собравшиеся избрали оргбюро во главе со скульптором М. С. Лялевиным, которое выработало проект резолюции: «В исторический момент в жизни нашей

²¹¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 19 марта.

²¹² ЦГИА СССР, ф. 79, оп. 1, д. 13, л. 11.

²¹³ Там же, д. 1, л. 5.

²¹⁴ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 68.

²¹⁵ День. 1917. 12 марта.

²¹⁶ Архитектурно-художественный еженедельник, 1917. № 10/14. С. 79.

родины, когда основой ее строительства явились народные и общественные силы, своевременным и необходимым является учреждение Союза деятелей всех отраслей искусства, цель которого — давать ответы на все запросы искусства, выдвигаемые жизнью, являющиеся обязательным основанием для решения всех мероприятий правительства в области искусства». ²¹⁷

В последующие дни оргбюро занялось оповещением о назначенном на 12 марта собрании. Рассылались письменные приглашения, отправлялись срочные телеграммы в Москву, велась агитация на небольших совещаниях и путем телефонных переговоров. 10 марта оргбюро (в заседаниях его участвовало до 50 человек) тайным голосованием определило «рабочее ядро» Временного комитета еще не созданного Союза. Большинство голосов привлекли 12 кандидатур: А. И. Зилоти и Н. Н. Черепнин (от музыкантов), В. В. Маяковский и Н. Н. Пунин (от литераторов), В. Э. Мейерхольд и М. М. Фокин (от театра), В. И. Дубенецкий и А. И. Таманов (от архитекторов), Н. И. Альтман и К. А. Сомов (от живописцев), А. Т. Матвеев и С. К. Исаков (от скульпторов). ²¹⁸ Наметили и состав президиума собрания. Любопытно, что председателями решили пригласить, демонстрируя лояльность Временному правительству, комиссара учреждений бывшего Министерства императорского двора Ф. А. Головина и управляющего делами Временного правительства В. Д. Набокова, а членами президиума, демонстрируя объективное отношение к собратьям по искусству, — Л. Н. Андреева, В. А. Беклемишева, А. Н. Бонуа, А. К. Глазунова, А. М. Горького, М. С. Лялевича, И. Е. Репина, М. М. Фокина, Н. Н. Черепнина, Ф. И. Шаляпина, Л. В. Шервуда, А. В. Щусева. ²¹⁹

«Левые» (они же «футуристы»), участвовавшие в этих приготовлениях, решили, однако, действовать и самостоятельно. 8—10 марта они провели организационные собрания, провозгласившие основание союза «Свобода искусству». На этих собраниях присутствовали представители нескольких десятков небольших художе-

²¹⁷ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 1, л. 2.

²¹⁸ Там же, л. 9 с об. — Некоторые из намеченных во Временный комитет ничего не знали об их избрании. Например, «мирискусник» К. А. Сомов был удивлен и несколько шокирован, услышав 13 марта о выдвижении его кандидатуры «модернистами» (см.: Константин Андреевич Сомов. С. 176).

²¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 1, л. 10 об.

ственных групп («Союз молодежи», «Бубновый валет», «Магазин», «Мастерская трех искусств», «Медный всадник» и др.), а также ряда издательств, журналов и газет. Объединяли этих людей не столько идейно-политические убеждения и творческие установки, сколько сиюминутные эмоции, протест против планов создания министерства изящных искусств. А часть присутствовавших на собраниях 8—10 марта были просто любопытствующими. Главными инициаторами провозглашения эфемерного союза (некоторые называли его «левым блоком») стали Н. И. Альтман, К. И. Арабажин, В. А. Денисов, И. М. Зданевич, Н. Н. Пунин.

Кредо «левого блока» сводилось к провозглашению «полной свободы и самоопределения искусства». Это, как полагали ведущие деятели блока, достигалось бы обретением «независимости» от государства и «партийных лозунгов», ликвидацией «всяких академий» с их дипломами, наградами, премиями, передачей обязанности по материальной поддержке художественных учреждений (музеев, театров, капелл) и художественно-учебных заведений органам местного самоуправления (городским думам и земствам).²²⁰ Самым боевым лозунгом «левого блока» стал созыв Всероссийского учредительного собрания (собора) деятелей искусства «на основе всеобщего, равного, прямого, тайного и пропорционального голосования без различия пола». Собору и полагалось окончательно решить вопрос «об устройении художественной жизни России».²²¹ Соответственно было составлено и опубликовано воззвание к «товарищам-гражданам» деятелям искусства.²²²

Лозунг «полной свободы и самоопределения искусства» был не нов. Организаторы «левого блока» лишь повторяли то, что В. И. Ленин в 1905 г. назвал буржуазной и анархической фразой. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя. Свобода буржуазного писателя, художника, актрисы есть лишь замаскированная (или лицемерно маскируемая) зависимость от денежного мешка, от подкупа, от содержания».²²³ К тому же весной 1917 г. многие ведущие деятели «левого бло-

²²⁰ Там же, д. 45, л. 6—9; День. 1917. 10 и 15 марта («тезисы» в статье В. А. Денисова).

²²¹ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 1, л. 24.

²²² Русская воля. 1917. 11 марта.

²²³ Ленин В. И. Партийная организация и партийная литература // Полн. собр. соч. Т. 12, С. 104.

ка» использовали лозунг «полной свободы и самоопределения искусства» главным образом как орудие борьбы с представителями «отживших» творческих направлений.

В воскресенье 12 марта зал Михайловского театра, как и тремя днями раньше, когда здесь проводилось публичное собрание «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук», был наполнен до отказа. При входе зарегистрировались 1403 человека²²⁴ — деятелей искусства, писателей, ученых, журналистов и других представителей интеллигенции. Повидимому, приехали и десятка два москвичей. Часть намеченных в президиум, в том числе Ф. А. Головин, не явилась, и за столом на сцене заняли места В. А. Беклемишев, А. Н. Бенуа, А. К. Глазунов, А. М. Горький, М. С. Лялевич и В. Д. Набоков.²²⁵ Последний и вел собрание, признавшись на другой день в испытанных им «нравственных муках».²²⁶ Публика вела себя очень экспансивно, шумно, попытки председателя навести порядок кончались неудачей.

Собрание начало работу с одобрения текста приветствия Временному правительству. В тексте, помимо прочего, говорилось о вере в «высокое положение русского искусства», о готовности деятелей его отдать «все свои способности и силы возвеличению России, победе над темными силами и доведению войны до победного конца».²²⁷ Не все присутствовавшие были согласны с такими заверениями, но для большинства, настроенного оборончески, текст приветствия оказался приемлемым. Имел значение и придуманный организаторами собрания хитрый, но беспринципный тактический ход: подслать приготовленную для Временного правительства пилюлю.²²⁸ Напомним, что и председатели собрания намечались с особым умыслом.

С докладом на собрании выступил Таманов, обосновавший идею учреждения Союза деятелей искусства, и с коротким сообщением — Горький (он вскоре покинул

²²⁴ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 1, л. 13 об.

²²⁵ Там же, л. 12.

²²⁶ Речь. 1917. 15 марта.

²²⁷ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 20.

²²⁸ Ф. А. Головин в своем письменном приветствии собранию просил «представить материалы» по выдвигаемому им «в первую очередь вопросу о создании министерства изящных искусств» (ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 4).

собрание), рассказавший о принятых мерах по охране ценностей культуры. Затем начались прения, в ходе которых выступили 33 оратора. Большинство их резко осудили замысел создания министерства изящных искусств, обрушились с нападками, в том числе нападками личного характера, на «комиссию Горького», на «мирискусников», обвиняя их в «покушении на свободу искусства», в намерении «узурпировать власть» и т. п.²²⁹ Особенно резки были выступления И. М. Зданевича, Н. Н. Пунина и В. Э. Мейерхольда, хотя следует отметить, что Мейерхольд, в отличие от «футуристов», не прокламировал программу «левого блока», ограничившись осуждением «захвата власти кучкой лиц».²³⁰

Маяковский в своей речи был значительно корректнее, подчеркивал уважительное отношение к Горькому, говорил об обязанности художника быть гражданином и в качестве гражданина участвовать в политической борьбе за победу революции. Однако поэт, насколько можно судить по стенограмме, проявил непоследовательность, провозглашая лозунг: «Да здравствует политическая жизнь России и да здравствует свободное от политики искусство».²³¹ Он объявил себя противником создания министерства изящных искусств, полагая, что оно будет представлять интересы лишь группы «Мир искусства», и высказался за созыв Учредительного собрания.²³²

Многие из выступавших на собрании были малоавторитетными в искусстве людьми, и их речи содержали трафаретные рассуждения о «свободе искусства». Вы-

²²⁹ Сохранилась неуправленная, требующая осторожного, критического отношения стенограмма собрания (ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4). Однако в целом стенограмма, а также газетно-журнальные отчеты дают достаточно полное и верное представление о ходе дебатов.

²³⁰ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 7, 8. — Отметим, что позднее, в конце 1917 — начале 1918 г., именно «левые», заняв руководящие посты в отделе изобразительных искусств Наркомпроса и созданной при нем Коллегии по делам искусств и художественной промышленности, постарались «узурпировать власть» (см.: *Ильина Г. И.* Культурное строительство в Петрограде. Октябрь 1917—1920 гг. Л., 1982. С. 189—196).

²³¹ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 7.

²³² Там же, л. 6 об., 7. К анализу текста выступления В. В. Маяковского обращались исследователи его творчества: *Эвентов И.* Маяковский в Петрограде—Ленинграде. Л., 1963. С. 121—122; *Перцов В. О.* Маяковский: Жизнь и творчество: (1893—1917). М., 1969. С. 324—325; и др.

ступления двух анархистски настроенных ораторов вызвали общее возмущение. Поднимались на сцену и те, кто хотел примирить, кто придерживался «нейтралитета». Среди них, очевидно, была М. И. Цветаева, которая начала говорить о «синтетическом искусстве», но, разволновавшись перед лицом шумной аудитории, не закончила свое выступление.²³³ А. Н. Бенуа и его ближайшие сторонники, обиженные резкими нападками на них и почувствовавшие настрой большинства участников собрания, спасовали и отказались от участия в полемике. Несколько ораторов (Г. Г. Ге, М. А. Керзин, А. Е. Чешихин и др.) все же пытались урезонить «футуристов», но мало чего добились. Поражение авторов идеи министерства изящных искусств было очевидным.

Впрочем, собрание снисходительно согласилось выразить признательность «комиссии Горького» за ее усилия по охране культурных ценностей.²³⁴ Но главное значение имели принятые резолюции об основании Союза деятелей искусства, о подготовке созыва Учредительного собора и об организациях деятелей искусства, созданных «революционным путем». Текст первой резолюции, выработанной оргбюро по созыву собрания, приведен выше. Вторая резолюция, проект которой внес от имени «левого блока» И. М. Зданевич, по содержанию почти не отличалась от текста упоминавшегося воззвания к «товарищам-гражданам». Отметим, что эта резолюция осуждала идею министерства изящных искусств и «захват власти отдельными группами». Собор предполагалось созвать после окончания войны («большинство товарищей в окопах»)²³⁵ И наконец третья резолюция, обращенная против «комиссии Горького», гласила: «С момента учреждения Союза деятелей искусства на началах общественных всякие организации, возникшие революционным путем для деятельности по искусству, считаются не имеющими полномочий представительных учреждений».²³⁶

Собрание завершилось попытками избрать состав «рабочего ядра» Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусства. Фигурировали списки, под-

²³³ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 15 об.

²³⁴ Там же, л. 19 об.

²³⁵ Там же, л. 22.

²³⁶ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917, № 10/14, С. 81.

готовленные оргбюро и «левым блоком». Они не прошли, так же как и компромиссный список, составленный уже в ходе собрания (в нем значились кандидатуры А. Н. Бенуа, А. К. Глазунова, А. М. Горького, С. П. Дягилева, В. В. Маяковского, В. Э. Мейерхольда, И. Е. Репина, М. М. Фокина и др.). Собрание стало совершенно неуправляемым, в зале стоял неимоверный шум. В этой обстановке — то ли голосованием, то ли без него — и было проведено решение о продлении полномочий оргбюро до избрания Временного комитета уполномоченных.²³⁷

Между тем приверженцы создания министерства изящных искусств («государственники»), пользуясь поддержкой Временного правительства и сочувственным отношением Исполкома Петроградского Совета, не торопились сдаваться. На другой же день после собрания в Михайловском театре, 13 марта, Ф. А. Головин сообщил об учреждении Особого совещания по делам искусства, в состав которого помимо «комиссии Горького» вошло еще несколько общественных деятелей, в том числе 3 представителя Исполкома Петроградского Совета. Последний признал Особое совещание «состоящей при Совете комиссией».²³⁸ Вскоре при этой коллегии было образовано 8 комиссий (музейная и охранения памятников, народных празднеств и распространения искусства в народе, музыкальная, театральная, художественного образования, государственных заводов и издательств, строительная, законодательная), членами которых стали 85 деятелей искусства и науки.²³⁹ Видимо, эта коллегия мыслилась как прообраз особого министерства. Практически действия Особого совещания ограничились принятием дополнительных мер по охране дворцов и памятников.

Против организовывавшегося Союза деятелей искусства было предпринято контрнаступление. В некоторых газетах и журналах появились статьи с язвительными оценками хода и исхода собрания 12 марта. Авторы статей (в большинстве искусствоведы) доказывали необходимость государственной заботы о нуждах людей искусства, о сохранности ценностей культуры, об организации эстетического воспитания масс, о поощрении на-

²³⁷ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 4, л. 20 об.

²³⁸ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 65.

²³⁹ Биржевые ведомости (утр. вып.), 1917, 30 марта.

родного творчества. Писали и о том, что члены «комиссии Горького» — именно те люди, которым следует доверить определение государственной политики в отношении искусства.²⁴⁰ Претензии деятелей «левого блока» на представительство ими «передового, демократического и свободного искусства» отвергались.

Обиженный и раздосадованный Бенуа изо всех сил старался, хотя и не очень успешно, проявить сдержанность. В статье «Художественный спор» он заявил, что считает своих «оппонентов слева» искренними. «Привкус демагогизма, — говорилось далее в статье, — несомненно присущий их речам и приемам их проповеди, я охотно ставлю на счет момента. Думаю, что каждый из них под несурзной, а иногда не очень достойной оболочкой ярмарочного зазывалы хранит в себе подлинные убеждения...». Отвергая обвинения в намерениях «захватить власть», «покуситься» на свободу творчества, Бенуа объявлял себя сторонником свободы, но противником «изуверского» извращения понятия «свобода», ибо «свобода до конца предполагает и свободу самодисциплины». ²⁴¹ Гонений на «левых», продолжал Бенуа, я никогда не устраивал, но «недоумевал, а то и радовался. Вот когда один из их крыла вставил в рамку черный квадрат, ²⁴² — тогда я запротестовал решительно во имя жизни, побуждаемый моим внутренним хотением жизни. Не могу я принять черную пустоту. Однако нынешние мои противники как раз до черного квадрата не доходили, напротив, они — люди, очень любящие жизнь». ²⁴³

Однако «государственники» не намного преуспели в укреплении своих позиций. Тем более нетерпеливо ожидалось известия из Москвы и с периферии. Кое-какие надежды оправдались. Прислали телеграммы с выражением поддержки В. И. Немирович-Данченко (от Художественного театра), М. Н. Ермолова, О. О. Садовская, А. И. Южин-Сумбатов (от Малого театра), И. Э. Грабарь (от Третьяковской галереи). ²⁴⁴ Но большинство московских организаций художественной интеллигенции

²⁴⁰ См.: День. 1917. 17 марта; Речь. 1917. 18 марта; Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 6 и 16 апр.; Искусство. 1917. № 5/6, С. 11; и др.

²⁴¹ Летопись. 1917. № 2/4. С. 360—361.

²⁴² Речь шла о супрематистском опусе К. С. Малевича «Черный квадрат на белом фоне» (1915 г.).

²⁴³ Летопись. 1917. № 2/4. С. 361.

²⁴⁴ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 19 марта.

отнеслось к замыслам относительно министерства изящных искусств сдержанно или даже прохладно. Упомянувшееся собрание 18 марта в цирке Саламонского как будто в целом одобрило идею создания «особого ведомства», но вместе с тем «затруднилось примирить идеал „свободы искусства“ с обычным понятием о бюрократическом министерстве». ²⁴⁵ Вскоре одно из организационных собраний Союза союзов нерешительно высказалось за желательность создания «Временного министерства искусств», ²⁴⁶ но уже 29 марта Совет художественных организаций, заслушав сообщение А. И. Таманова, заявил, что «рад войти в тесное сношение с петроградским Союзом при посредстве своих делегатов К. А. Коровина и В. В. Маяковского». ²⁴⁷ С периферии же никаких определенных известий не поступало.

Тем временем организаторы Союза деятелей искусства наращивали давление, главным образом устное. В редакциях газет и журналов их мало жаловали. Поэтому особенно ценной поддержкой оказалось выступление авторитетного в художественном мире журнала «Аполлон» (его редактором был С. К. Маковский). «Подчинение всего искусства страны особому ведомству, — говорилось в редакционной статье, — всегда будет либо внешней, формальной опекой, либо опаснейшей из диктатур. Удивительно, как могли в такие исторические дни додуматься до этой неверной, притом чисто бюрократической идеи наши передовые художники, — нельзя же заподозрить их в личных соображениях?». ²⁴⁸ Двойственную позицию занял «Музыкальный современник», с достаточным основанием осудивший обе полемизировавшие группы за «дележ власти». ²⁴⁹

24 марта состоялось первое заседание Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусства. Присутствовало 89 делегатов, избранных в 48 художественных обществах и учреждениях. ²⁵⁰ Это заседание и положило начало созданию Союза деятелей искусства. К 3 апреля в составе Временного комитета имели

²⁴⁵ Аполлон. 1917. № 2/3. С. 82.

²⁴⁶ Там же. С. 83.

²⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 14, л. 10.

²⁴⁸ Аполлон. 1917. № 1. С. III.

²⁴⁹ См.: Хроника журнала «Музыкальный современник». 1917, № 18. С. 3—4.

²⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 13, л. 2.

своих представителей 63 общества и учреждения,²⁵¹ а 16 апреля — около 90.²⁵² Уполномоченные образовали 8 курий (архитектура, скульптура и живопись, музыка, литература, театр, история и теория искусства, археология и музеи, художественная промышленность).²⁵³ Избранные в куриях представители (по одному от курии) составили президиум Союза, председателем которого 6 апреля избрали А. И. Таманова.²⁵⁴ В начале апреля была выделена комиссия по выработке проекта устава.²⁵⁵

На заседаниях Временного комитета уполномоченных, собиравшихся раз, а то и два раза в неделю, царила разногласица и неразбериха. Сразу обозначилось деление уполномоченных на конфликтующие блоки и группы. Ясного представления о конкретных задачах и ближайших целях Союза никто не имел. Любой вынесенный на обсуждение вопрос вызывал нескончаемые словопрения. В основном ради составления конкуренции Особому совещанию вознамерились заняться охраной памятников и даже создали специальную комиссию во главе с К. К. Романовым.²⁵⁶ Однако ряд членов Временного комитета заявил о своем сомнении и несогласии. Ф. К. Сологуб принципиально отрицал надобность какой-либо охраны, ибо «предметы искусства делаются для удовольствия самого художника», а «все остальное тленно, и о нем не стоит заботиться».²⁵⁷ К. Л. Богуславская и Л. А. Бруни (от «левого блока») даже предложили создать комиссию «для уничтожения рухляди».²⁵⁸

Был, однако, один вопрос, решения которого руководство Союза деятелей искусства добивалось очень упорно и последовательно — вопрос о ликвидации Особого совещания.²⁵⁹ 31 марта Временный комитет уполномоченных принял предложенную Ф. К. Сологубом резолюцию о контроле за деятельностью Особого сове-

²⁵¹ Там же, д. 15, л. 2.

²⁵² Там же, д. 3, л. 129.

²⁵³ Там же, д. 14, л. 24.

²⁵⁴ Там же, д. 4, л. 101.

²⁵⁵ Там же, д. 15, л. 8.

²⁵⁶ Там же, д. 4, л. 205.

²⁵⁷ Там же, л. 68.

²⁵⁸ Там же, л. 208, 209.

²⁵⁹ Об этом см. также: *Муратова К. Д.* М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. С. 34—40. — По мнению Муратовой, Союз стремился прежде всего подорвать личное влияние А. М. Горького.

щения и о праве Союза давать «указания означенному совещанию». ²⁶⁰ 8 апреля Ф. К. Сологуб, Д. В. Айналов и Н. Н. Дубовский представили Временному комитету проект «наказа» Временному правительству и Исполкому Петроградского Совета. В «наказе» выражалась готовность Союза деятелей искусства участвовать в «начинаниях» обеих властей «по устройению народной жизни на демократических началах» и вместе с тем выдвигалось требование к властям отстраниться от участия в решении вопросов «устройства художественной жизни России» и предоставить деятелям искусства «полную автономию». ²⁶¹ Временный комитет уполномоченных избрал депутацию в составе 10 человек (К. И. Арабажин, П. П. Гайдебуров, В. И. Дубенецкий, В. Э. Мейерхольд, С. С. Прокофьев, М. А. Сонгайло, В. Б. Шкловский, П. Е. Щеголев, Ю. М. Юрьев). ²⁶² 10 апреля депутация посетила Ф. А. Головина и предъявила ему требования, сформулированные в духе «наказа». Головин пытался успокоить депутацию, уверяя, что Особое совещание имеет «только консультативные задачи». ²⁶³ Но Временный комитет уполномоченных продолжал свой напор, выпустив обращения к деятелям искусства. В обращениях были новые нападки на «комиссию Горького» и на Особое совещание, выпренные заявления о «воле художественного народа». Союз деятелей искусства провозглашался «единственно компетентным органом» в решении вопросов, имеющих отношение к искусству. ²⁶⁴ Дело кончилось тем, что к 20 апреля Особое совещание, как заявил М. В. Добужинский на собрании Общества архитекторов-художников, «огорченное недоверием, незаслуженно ему высказанным рядом организаций, сочло долгом прекратить свое существование». ²⁶⁵ В мае А. М. Горький опубликовал заявление об отказе от обязанностей председателя Особого совещания. ²⁶⁶

Однозначная оценка действий противостоявших сторон вряд ли была бы правильной. Каждая из группировок («Мир искусства», «центр» и «Свобода искус-

²⁶⁰ Там же, д. 14, л. 5.

²⁶¹ Там же, д. 16, л. 8.

²⁶² Там же, д. 4, л. 137.

²⁶³ Там же, л. 140.

²⁶⁴ Там же, д. 3, л. 119, 129.

²⁶⁵ Архитектурно-художественный еженедельник. 1917. № 15/17.

С. 95.

²⁶⁶ Новая жизнь. 1917. 18 мая

ству») стремилась занять доминирующие позиции в художественном мире. Если не иметь в виду отдельных лиц, ни одна из группировок не могла подняться до классовых оценок положения и роли искусства в обществе. Этим предопределялись общая слабость, корень ошибочных установок. В то же время искреннее стремление добиваться расцвета искусства и сближения с народными массами было залогом преодоления заблуждений в будущем.

«Мирискусстники», имевшие в своих рядах много маститых художников, весной 1917 г. пытались добиться групповых целей и решения общих для искусства задач при помощи государственного аппарата. Это была ошибка, так как Временное правительство не обладало способностью ни распутывать, ни разрубать гордиевы узлы насущных проблем, в том числе проблем, имевших непосредственное отношение к искусству. Образование министерства изящных искусств, независимо от субъективных намерений А. Н. Бенуа и его сторонников, означало бы реальную поддержку буржуазного Временного правительства, помогло бы упрочению его влияния. Непонимая в правительстве сразу ухватились за идею министерства. Однако здесь необходимо учитывать два существенных обстоятельства. Во-первых, «мирискусстники», и прежде всего лично А. Н. Бенуа, после роспуска Особого совещания и создания в конце апреля при комиссаре над бывшим Министерством императорского двора консультативного Совета по делам искусств во главе с С. И. Шидловским,²⁶⁷ явно разочаровались в намерениях и возможностях Временного правительства. В нашумевшей статье «Революция в художественном мире» А. Н. Бенуа писал, что «официальные люди» проявляют «равнодушие и дилетантизм», что в их политике сочетаются «почти бюрократическая вялость» и «конвульсивные поступки „административного энтузиазма“», причем сочетаются «точь-в-точь как при старом режиме».²⁶⁸ А, во-вторых, что еще более важно, убежденность в необходимости государственной заботы об искусстве предвещала готовность многих в недалеком бу-

²⁶⁷ В составе Совета, по сравнению с составом Особого совещания, увеличилось представительство назначенных правительством должностных лиц (Аполлон. 1917. № 4/5. С. 73).

²⁶⁸ Александр Бенуа размышляет., с. 144.

душем к практическому сотрудничеству с Советской властью.

В составе других художественных группировок было больше лиц, способных относительно быстро перейти на классовые позиции при оценке роли и задач искусства. Провалив замысел создания министерства изящных искусств, представители «центра» и «левых», тоже независимо от субъективных намерений, отняли у Временного правительства одно из пропагандистских орудий упрочения его авторитета. Но в то же время большинство членов Временного комитета уполномоченных Союза деятелей искусства проявляло беспринципность, готовность «компенсировать» свою оппозицию в вопросе о «свободе и самоопределении искусства» выражением активной поддержки других аспектов политики Временного правительства, в первую очередь его политики в вопросе о войне. Анархическое толкование лозунга «свобода искусству» в перспективе было чревато конфликтами Временного комитета уполномоченных с правительством государства диктатуры пролетариата, с Советской властью.

Однако в целом, учитывая главные устремления и коренные интересы российской интеллигенции, в том числе художественной, имелись надежные предпосылки для постепенного перехода ее основной массы в ряды строителей нового общества, освобожденного от своекорыстного господства буржуазии.

Глава IV

В ОБСТАНОВКЕ ОБОСТРЕНИЯ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ (КОНЕЦ АПРЕЛЯ — АВГУСТ)

1. Апрельский рубеж.

Оформление интеллигентских политических организаций

Резкая вспышка классовой борьбы в апреле назревала подспудно. Накапливавшееся недовольство рабочих и солдатских масс политикой буржуазного Временного правительства прорвалось наружу 20 апреля. В тот день около 25 тыс. вооруженных солдат петроградского гарнизона стихийно выступили с требованием удаления из состава Временного правительства наиболее упорных сторонников продолжения участия России в мировой империалистической войне — П. Н. Милюкова и А. И. Гучкова. Вслед за тем на улицы вышли рабочие многих заводов, добивавшиеся перехода всей власти к Советам. Среди наиболее нетерпеливых и невыдержанных демонстрантов находили поддержку призывы левацких элементов к насильственному свержению Временного правительства. Обстановка еще более накалилась после того, как на улицах появились колонны его сторонников. В Центральных районах города произошли стычки, прозвучали единичные выстрелы. Произошел, как отмечал В. И. Ленин, «взрыв революции и контрреволюции *вместе*», ¹ «страна была на волосок от гражданской войны». ² 21 апреля демонстрации и контрдемонстрации возобновились, но без участия солдатских масс, оставшихся в казармах по призыву Исполкома Петроградского Совета. Произошли волнения в ряде других городов страны.

¹ Ленин В. И. Три кризиса // Полн. собр. соч. Т. 32. С. 430.

² Ленин В. И. Начало бонапартизма // Там же. Т. 34. С. 49.

Образование 5 мая коалиционного правительства с участием представителей мелкобуржуазных партий положило конец первому после свержения царизма политическому кризису (апрельскому), но не устранило его коренных причин. В. И. Ленин уверенно предсказывал неизбежность нового взрыва возмущения масс, новых, еще более глубоких политических кризисов.³ Нараставшая хозяйственная дезорганизация, дальнейшее ухудшение экономического положения масс, попытки фабрикантов и заводчиков перейти в контрнаступление и ликвидировать весенние завоевания рабочего класса, активизация всех сил буржуазной контрреволюции — и кадетской и крайне правой, соглашательство эсеров-меньшевистских деятелей, признаки подготовки Временным правительством наступления на фронте — все это усиливало острое недовольство народа. Революционная борьба рабочих, солдат, крестьян ширилась с недели на неделю. От настроений «революционного оборончества» мало что оставалось. Лозунги партии большевиков, особенно лозунг «Вся власть Советам!», становились все привлекательнее.

В связи с созывом в Петрограде I Всероссийского съезда Советов (он состоялся 3—24 июня) разразился второй политический кризис, в ходе которого рабочие и солдаты стремились путем демонстрации побудить съезд передать власть Советам. А в начале июля, после провала наступления русских войск на фронте произошел третий политический кризис. В ходе событий 3—4 июля большевики самоотверженными усилиями ввели выступление петроградских рабочих и солдат в русло демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!». Контрреволюционеры организовали провокационные обстрелы рабоче-солдатских колонн, на улицах города обильно пролилась кровь. Эсеров-меньшевистский ЦИК Советов и Временное правительство вызвали с фронта карательные войска. Так состоялся открытый переход эсеров-меньшевистских деятелей на сторону контрреволюции. Период двоевластия и мирного развития революции завершился.

VI съезд РСДРП(б) принял ленинский курс на вооруженное восстание. Между тем силы буржуазной контрреволюции готовили заговор с целью установления ре-

³ См.: Ленин В. И. Добросовестное оборончество показывает себя // Там же. Т. 31, С. 316.

жима военной диктатуры. Главой заговора стал генерал Л. Г. Корнилов, действовавший в контакте с министром-председателем А. Ф. Керенским. Однако ввиду соперничества и нарушения согласия между ними заговор превратился не только в выступление сил контрреволюции, но и в антиправительственный мятеж, начатый 26 августа. На стороне корниловцев практически выступила партия кадетов. В момент этой смертельной опасности, большевики стали главными организаторами ликвидации корниловской авантюры. Они мобилизовали революционные массы рабочих и солдат не только в Петрограде, но и во всей стране. Меньшевики и эсеры, временно подавшись влево, не оказывали решающего влияния на ход событий. В обстановке нового революционного подъема, охватившего широкие народные массы, активизировались и стали стремительно большевизироваться Советы, в первую очередь столичные. III конный корпус, двинутый заговорщиками на Петроград, под влиянием революционных агитаторов отказался подчиняться корниловцам. Перевес сил революции над силами контрреволюции был настолько значителен, что мятеж был подавлен без боев, без пролития крови.

Как мы уже знаем, политические настроения различных слоев интеллигенции в первые недели после победы Февральской революции были далеко не однозначны. Апрельский и другие последовавшие за ним кризисы вновь всколыхнули широкую массу, положили начало новым процессам. Мало кто из буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов давал себе сколько-нибудь ясный отчет в классовой сути разворачивавшихся событий. Но почти все уже в конце апреля ощутили и поняли, что произошел чреватый далеко идущими последствиями поворот. Те, что и ранее испытывали смятение и тревогу, с мрачным удовлетворением считали себя «провидцами». Те, что ранее в какой-либо степени поддались «мартовским настроениям», падали духом или ожесточались. В конечном же счете все вовлекались в широкий, сложный и закономерный для периода перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую процесс поляризации классовых сил.

Вернемся к кризисным дням 20—21 апреля. Тогда часть петроградской и московской интеллигенции (прежде всего группы студентов и курсисток, а также некоторые инженеры, учителя, врачи, представители других

интеллигентских профессий) оказалась вовлеченной в бурные уличные события (в Москве они разыгрались 21 апреля). Одни сочувствовали революционным рабочим и солдатам, другие стихийно или по призыву кадетов становились в колонны буржуазных по классовой позиции манифестантов, сторонников Временного правительства. «Манифестируют, — отмечал В. И. Ленин, — офицеры, студенты, „средние классы“ за Временное правительство, из лозунгов часто попадаетесь надпись на знаменах „долой Ленина“». ⁴

Вероятно, далеко не все интеллигенты, оказавшиеся в колоннах контрреволюционных манифестантов, были убежденными защитниками буржуазного строя. Субъективно в те дни многие из них поддерживали Временное правительство не потому, что оно было буржуазным, а потому, что оно было *правительством*, причем таким правительством, которое обещало укрепить «молодую свободу» и обороноспособность страны. Но, как полагали эти интеллигенты, не понимавшие закономерностей классовой борьбы и развития революции, все могло быть достигнуто лишь при «единении» общества. А это химеричное в условиях буржуазного строя «единение», к вящему негодованию его глашатаев, разрушали большевики, ленинцы и их сторонники. Здесь, несомненно, давали о себе знать и плоды пропагандистской кампании буржуазной прессы, в частности злобной клеветнической кампании, развернутой в апреле в связи с возвращением на родину из Швейцарии через территорию Германии (это был единственно возможный путь) группы эмигрантов-интернационалистов во главе с В. И. Лениным. Еще больше шума вызвало обнародование исторических Апрельских тезисов.

И вот, рассуждали контрреволюционеры-манифестанты, мы имеем дело с «пагубными» последствиями. «Лица у всех возбужденные, воспаленные, — излагал свои впечатления репортер, потолкавшийся на улицах в основном среди интеллигентской публики. — Там и тут слышны негодующие восклицания по адресу тех, кто вносит смуту, кто сеет рознь, кто хочет расколоть народ надвое». ⁵ И еще из «восклицаний» на центральных улицах: «Не для того мы избавились от режима Николая II

⁴ Ленин В. И. Уроки кризиса // Полн. собр. соч. Т. 31, С. 325.

⁵ Речь. 1917. 22 апр.

и Распутина, чтобы устраивать гражданскую войну». ⁶ А ведь именно нападения контрдемонстрантов на колонны рабочих способствовали возникновению опасности начала гражданской войны.

Тотчас активизировались «веховцы». Переосмысление политической действительности и переоценка ближайших перспектив у них произошли очень быстро. Судя по датам, проставленным под статьями для журнала «Русская свобода», П. Б. Струве и его соратники взялись за перо сразу после событий 20—21 апреля. Они излагали, конечно, собственные суждения, но в этих суждениях отражались не только идеология и политические позиции группы «веховцев», но в известной мере и помыслы той части интеллигентских верхов, которые с конца апреля резко подались вправо. П. С. Струве, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк нередко высказывали то, что и хотели бы, да по разным причинам не осмеливались публично высказать некоторые другие, например правоверные кадеты. И. М. Гревс, упрекая прессу за «недостаточное» внимание к «идейной проповеди» Струве, в целом справедливо внушал редакторам кадетской «Речи»: идеи Струве «составляют и ее дело». ⁷

В первом же отклике на апрельские события (статья «Лига русской культуры») Струве призвал отрешиться от «оптимизма» и признать, что «настоящее до последней степени печально: ближайшее будущее — темно». ⁸ В отличие от манифестантов, выражавших поддержку Временному правительству, Струве даже не упомянул о последнем, ибо способности министров оценивал невысоко. Но он был столь же сильно напуган, потрясен вспышкой классовой борьбы, удручен тем, что «единство общества» оказалось миражом. Бывший «легальный марксист» и не вспомнил о классовых критериях. Корень «печального» положения он усматривал в утрате массами «здорового патриотического инстинкта», без которого «невозможно ни нормальное международное бытие народа, ни здоровая внутренняя жизнь государства». ⁹ Следовательно, Струве удручала не столько противопра-

⁶ Там же. 21 апр.

⁷ Там же. 20 авг.

⁸ Русская свобода, 1917. № 3. С. 3.

⁹ Там же.

вительственная, сколько антивоенная направленность выступления рабочих и солдат.

Мы еще вернемся к «проповеди» Струве, а сейчас познакомимся с тем, что писали члены его группы. В их статьях, выдержанных, как правило, в агрессивном тоне, безудержно поносилось учение о классовой борьбе и пролетарском интернационализме. При этом статьи «веховцев» показывали не только ясное понимание ими органичной связи положений о классовой борьбе и интернациональной солидарности рабочих, но и готовность скрепя сердце признать, что марксистско-ленинские идеи и лозунги оказывали все более широкое влияние на сознание и действия народных масс. Однако признание некоторых социально-политических реалий не сопровождалось стремлением основываться на них в поисках истины. Будучи идеалистами, «веховцы» противопоставляли научным положениям о классовой природе буржуазного общества спекулятивные идеи о внеклассовом «единстве человечества» и «братстве национальных индивидуальностей» (Бердяев).¹⁰

Другим усиленно развиваемым постулатом было превосходство «духовного» над «материальным». Осуждался и философский материализм, и стихийный материализм народных масс. Слагаемыми последнего считались «упадок религиозного чувства», тяготение к «материальному благу» при «забвении духовных ценностей», готовность руководствоваться «грубыми и злобными инстинктами» (Франк).¹¹ Это могло бы выглядеть как благочестивое морализирование людей «не от мира сего», если бы «проповедники» не целили в революцию, не изображали в искаженном виде стремление народных масс освободиться от капиталистической эксплуатации, отстаивать свои коренные жизненные интересы. Средство борьбы с «духовным упадком» и «животностью» многие «веховцы» усматривали в «воскресении» церкви и поднятии «религиозного чувства» (Д. В. Болдырев).¹²

В конце апреля Струве предложил создать «могущественную лигу русской культуры», которая представляла бы собой «внепартийное объединение, преследующее национально-культурные цели». ¹³ 29 мая в Петрограде,

¹⁰ Там же. С. 11.

¹¹ Там же. С. 29.

¹² Там же. № 4. С. 11, 18.

¹³ Там же. № 3. С. 4.

в помещении редакций «Русской мысли» и «Русской свободы» состоялось «подготовительное собрание», которое вел М. В. Родзянко. Струве произнес тщательно продуманную программную речь. Он говорил о том, что считал наиболее воздействующим на умы и чувства людей — о патриотизме, о роли русской культуры. Поскольку «патриотизм — одно из наиболее глубоких чувств, закреплённых веками и тысячелетиями обособлённых отечеств»,¹⁴ Струве, казалось бы, и не мог найти другое, столь же эффективное идеологическое оружие. Однако все зависело от содержания, которое вкладывалось в определения «патриотизм», «культура».

Как указывал В. И. Ленин, «отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата...».¹⁵ Поэтому пролетариат, не принимая буржуазного национализма и руководствуясь собственными классовыми интересами, не может быть безразличен к судьбе отечества. Об этом Ленин писал в 1908 г., в статье «Воинствующий милитаризм и антимилитаристская тактика социал-демократии».¹⁶ Вернувшись к вопросу о патриотизме в 1914 г. (статья «О национальной гордости великороссов»), Ленин подчеркнул, что сознательным рабочим отнюдь не чуждо чувство национальной гордости, любви к родине и что патриотизм рабочих проявляется в их революционной борьбе за свержение власти помещиков и капиталистов в своем отечестве.¹⁷ Следовательно, классовая борьба пролетариата за победу социалистической революции являлась высшим проявлением патриотизма, самым действенным средством обеспечения блага своему народу и своей родине. «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов, — писал В. И. Ленин, — совпадает с социалистическим интересом великорусских (и всех иных) пролетариев».¹⁸

В вопросе же о культуре основополагающее значение имели ленинские положения о двух культурах в каждой национальной культуре антагонистического об-

¹⁴ Ленин В. И. Ценные признания Питирима Сорокина // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 190.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 190.

¹⁶ Там же. С. 186—196.

¹⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 26. С. 106—110.

¹⁸ Там же. С. 110.

щества, о существовании при капиталистическом строе наряду с господствующей буржуазной культурой элементов демократической и социалистической культуры.¹⁹ Поэтому в соответствии с учением В. И. Ленина, тот, кто ратовал за внеклассовую национальную культуру, фактически апологетизировал культуру эксплуататорских классов. Пролетарские интернационалисты берут из каждой национальной культуры только ее демократические и социалистические элементы, причем берут их *«только и безусловно в противовес буржуазной культуре, буржуазному национализму каждой нации»*.²⁰

Струве как будто не отрицал связь патриотизма и культуры с политическим строем общества. В статье «Лига русской культуры» он писал о «беде и проклятии» русских, которые на территории российского государства были «владыками вовне» и «рабами внутри». После же крушения самодержавного строя, продолжал Струве, «русское национальное сознание» может «свободно строить культуру и притом культуру национально-русскую в полном сознании ее исторического своеобразия». ²¹ Таким образом, по Струве, патриотизм и культура русского народа наконец-то обрели адекватные общеполитические условия для своего развития. Но бывший «легальный марксист», умалчивая о буржуазном характере нового строя, писал о *внеклассовом патриотизме и внеклассовой культуре* и тем самым выдвигал лишь усложненную формулу призыва к сохранению буржуазного строя посредством широкого распространения буржуазного национализма.

Как мы помним, Струве печалился об утрате народными массами «здорового патриотического инстинкта». В речи на упомянутом собрании 29 мая печаль сменилась проповеднической озлобленностью. Оратор говорил о «бесовской трагедии национально-государственного отступничества», которая разыгрывается-де в «душе русского народа», о смешении политических преобразований с «поруганием прошлого, хамским непочтением к предкам». ²² Заявив, что одной из причин зла стали «некоторые политические идеи и действия настоящего», он

¹⁹ См.: Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу // Полн. собр. соч. Т. 24. С. 120—121.

²⁰ Там же. С. 121.

²¹ Русская свобода. 1917. № 3. С. 4.

²² Там же. № 9. С. 24—25.

возложил главную вину на «политические условия прошлого». В написанной в конце мая 1917 г. статье «России нужно организованное патриотическое движение» он пояснял, что «старый порядок» порождал «бесовскую трагедию» систематической борьбы против «образованных элементов нации» и своим «официальным национализмом», который (здесь Струве ссылался на сказанное им в 1910 г.) «усыпляет и разлагает национализм народный». ²³

Итак, насколько можно было понять Струве, зло коренилось не только в области политики, но и, оказывается, гораздо глубже — в «чрезвычайной слабости национального сознания в самом ядре Российского государства». Струве утверждал, будто «никакая национальная культура не может быть связана с какими-либо определенными политическими формами и течениями. Она стоит над ними и должна в известном смысле их всех подчинить себе». Как связать это с lamentациями относительно «беды и проклятия» русских, «политических условий прошлого» и «некоторых политических идей и действий настоящего»? Представляя читателям и слушателям самим искать логические увязки, Струве укрывался за такие многозначительные, но неясные в его употреблении понятия, как «душа русского народа» и «ядро Российского государства».

При всем этом здесь, конечно, не было логической оплошности. Струве знал, что говорил, он вел не научный диспут, а политическую борьбу. Тезис о независимости культуры и патриотизма как части ее от политики требовался для обоснования якобы культурно-просветительного характера задуманной организации. «Лига русской культуры, — гласил § 1 ее устава, — ставит своей задачей объединение усилий, направленных на развитие и укрепление национальной русской культуры как на всем пространстве Российской державы, так и за ее пределами, а также духовную и материальную поддержку очагов русской культуры на чужбине». ²⁴ Такие задачи могли, как надеялись Струве и его соратники, стать приманкой для интеллигентов, мнивших себя стоящими вне политики и над партиями.

7 июня прошло учредительное собрание Лиги русской культуры, избравшее Временный совет (комитет),

²³ Там же. С. 26—27.

²⁴ Там же. С. 21.

принявшее устав и обращения «К русским гражданам» и «К русской молодежи». Программным документом считалась и упоминавшаяся нами статья Струве «России нужно организованное патриотическое движение». Все эти документы завершили обрисовку облика Лиги — организации контрреволюционно настроенной буржуазной интеллигенции. О классовой политической позиции Лиги красноречиво свидетельствовал состав ее Временного совета: П. Б. Струве, октябристы М. В. Родзянко и Н. В. Савич, националист В. В. Шульгин, кадет А. В. Карташев.²⁵ А среди ее учредителей помимо активных «веховцев» (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, С. Л. Франк и др.) значились епископ Уфимский Андрей и графиня В. Н. Бобринская, Е. П. Ковалевский и В. А. Маклаков, С. А. Котляревский и Н. Н. Львов.²⁶ Это означает, что в составе ядра Лиги русской культуры политически довели деятели буржуазных партий, преимущественно октябристско-правокадетского толка.

Конечной целью организации было «перевоспитание» народа, в том числе интеллигенции, в духе «патриотизма», глубокая перестройка психологии и сознания масс, форм общественной жизни и государственного строя, с тем чтобы они пришли в соответствие с «неподдельным национальным ликом родной культуры». Речь шла о «национальной культуре», которую «своим духовным подвигом творили и древние подвижники веры, и великие писатели земли русской, и самоотверженные борцы за свободу», культуре, которую «в смирении и упорстве создавали бесчисленные ряды поколений русских людей, строивших Российское государство».²⁷ Это было попыткой опереться на идеи раннего славянофильства,²⁸ одоблив их идеями буржуазного национализма и конъюнктурной, рассчитанной на буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию политической демагогией. И хотя по форме намеченной деятельности (создание «просвети-

²⁵ Там же. С. 23.

²⁶ Там же. № 10/11. С. 30.

²⁷ Там же. С. 21 (обращение «К русской молодежи»).

²⁸ И. М. Гревс в статье «Лига русской культуры» писал, что члены Лиги приемлют «заветы лучших отцов» славянофильства (видимо, И. С. и К. С. Аксаковых, И. В. и П. В. Киреевских, А. С. Хомякова и др.) и отвергают идеи «многих новых adeptов» славянофильства (видимо, Н. Я. Данилевского, К. Н. Леонтьева и др.), которые «перемешали свои воззрения с официальным национализмом, заразившись соседством с ним» (Речь, 1917. 20 авг.).

тельных учреждений разных типов», выпуск книг и брошюр, организация лекций, экскурсий и пр.)²⁹ Лига, казалось бы, являлась культурно-просветительной организацией, фактически она задумывалась и создавалась как организация политическая, занимавшая крайне правые позиции.

Струве в статье «России нужно организованное патриотическое движение» называл русскую революцию «классовой и изменнической», бранил не только большевиков, но и Временное правительство, обличая его в «духовном бессилии», в невольном «совершении национального предательства», призывал «патриотов» вступить «в смертный бой» с «антипатриотической стихией» и «национально-государственным отступничеством».³⁰ Недаром журнал «Русская свобода», ставший, как и «Русская мысль», рупором Лиги русской культуры, опубликовал откровенно контрреволюционную речь генерала А. И. Деникина, произнесенную 22 мая на заключительном заседании офицерского съезда в Могилеве. Эту речь редакция журнала назвала «замечательной».³¹

Лига объявляла себя организацией непартийной и приглашала в свои ряды всех «патриотов» в возрасте 18 лет и старше. И не просто приглашала, а многих видных представителей интеллигенции навязчиво заманивала, используя и лесть, и обман, и «патриотическую» демагогию. Кое-каких успехов Лига добилась. Среди ее учредителей или «сотрудников-издателей» журнала «Русская свобода» оказались некоторые видные ученые (академик С. Ф. Ольденбург, профессора И. М. Гревс, С. Ф. Платонов, М. И. Ростовцев). Журнал «Русская свобода» приобрел читателей среди части верхнего и среднего слоя интеллигенции, вероятно чаще всего не разделявших полностью его линию. В некоторых городах возникли местные отделы Лиги. Но в целом ее приобретения были невелики и непрочны. Ищущих интеллигентов, соблазненных идеей защиты русской культуры, возвеличением патриотизма, в конце концов отталкивала агрессивность ее национализма, ретроградское тяготение к славянофильству. Все-таки большинство буржуазных интеллигентов придерживалось неозападнической ориентации. На умонастроения же рабочих, солдат и

²⁹ Русская свобода. 1917. № 9. С. 22 (устав Лиги).

³⁰ Там же. С. 27.

³¹ Там же С. 29.

крестьян контрреволюционная Лига русской культуры практически никакого влияния не оказала.

Создание Лиги русской культуры и занятая ею позиция стали одним из признаков активизации ряда групп буржуазных интеллигентов, их стремления вмешаться, причем вмешаться организованно и агрессивно, в обострившуюся классово-политическую борьбу. После апрельского кризиса вопрос о создании самостоятельных интеллигентских политических объединений дебатировался широко, чего не наблюдалось в марте—первой половине апреля. По мнению части буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, не следовало ограничиваться учреждением только «корпоративных» союзов. Известную роль в постановке этих вопросов на обсуждение сыграли «веховцы», но не только они. Инициативу брали на себя некоторые деятели из состава руководства профессиональных объединений и созданных после свержения царизма комитетов общественных организаций.³² Наибольшую активность в этом направлении проявляли представители московской непролетарской интеллигенции.

14 мая на собрании Союза деятелей высшей школы Москвы ряд ораторов призвал основать политический союз интеллигенции, который стал бы «хранителем вечных начал», противопоставленным Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов с их стремлением к «узурпации» власти. Однако большинство участников собрания не решилось поддержать этот призыв.³³ В тот же день в Москве намечалось проведение собрания группы буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов для учреждения Лиги интеллигентного труда.³⁴ Лига была создана, сразу войдя в состав Совета депутатов трудовой интеллигенции, который и стал наиболее крупной интеллигентской организацией.³⁵

Московский Совет депутатов трудовой интеллигенции оформился после ряда подготовительных собраний

³² Комитеты создавались во многих городах как выборные местные органы буржуазной власти.

³³ Новая жизнь. 1917. 17 мая.

³⁴ Русские ведомости. 1917. 14 мая.

³⁵ Подробнее об этой организации см.: *Смирнова Л. И.* О Советах депутатов трудовой интеллигенции // Из истории советской интеллигенции. М., 1966. С. 192—209. — История интеллигентских Советов нуждается в дальнейшем обстоятельном специальном исследовании.

к концу мая. Инициатором создания его явилась так называемая демократическая группа московского Комитета общественных организаций, в которой преобладали представители служащих и интеллигентских обществ. Соответственным был и состав Совета, объединившего к концу мая около 50 организаций служащих и интеллигенции.³⁶ Через месяц в Совет входило уже 90 организаций, насчитывавших не менее 70 тыс. членов,³⁷ а к середине июля — 100 организаций, имевших свыше 100 тыс. членов.³⁸ Видимо, в московский Совет депутатов трудовой интеллигенции входили и представители организаций из окрестных городов. Членство в Совете было коллективным.

Московский Совет депутатов призывал интеллигенцию других городов страны устанавливать с ним связь и объединяться в местные или региональные Советы. К августу по крайней мере в 16 городах (Орел, Елец, Острогожск, Киев, Калуга, Полтава, Казань, Кисловодск и др.) возникли по примеру московского местные Советы, намечалось создание их еще в 24 городах (Липецк, Воронеж, Кронштадт, Самара, Симбирск и др.).³⁹ К концу августа оформился и петроградский Совет депутатов трудовой интеллигенции. Однако ведущая роль осталась за московским Советом депутатов.

Руководство деятельностью московского Совета депутатов трудовой интеллигенции осуществлял Совет делегатов организаций, избиравший Исполнительный комитет. Состав последнего частично обновлялся, изменялась и численность членов ИК. Например, в составе ИК, избранного 15 июня, было 15 человек,⁴⁰ а позднее — 18 человек.⁴¹ Своей активностью выделялись член ЦК партии энесов С. П. Мельгунов, глава Лиги интеллигентского труда И. С. Туркельбаум, представитель московского Комитета военно-технической помощи С. Д. Кирпичников.

Условием членства в Совете депутатов считалось занятие умственным трудом, «служение демократии и об-

³⁶ Утро России. 1917. 1 июня.

³⁷ Речь. 1917. 11 июля.

³⁸ Смирнова Л. И. О Советах депутатов трудовой интеллигенции. С. 199, 203.

³⁹ Там же. С. 203.

⁴⁰ Русские ведомости. 1917. 16 июня.

⁴¹ Смирнова Л. И. О Советах депутатов трудовой интеллигенции. С. 205.

ственности». В эту категорию зачисляли приказчиков и архитекторов, телеграфистов и учителей, бухгалтеров и врачей, железнодорожных служащих и преподавателей высших учебных заведений. Чрезвычайная пестрота состава лишала Совет депутатов внутреннего единства, приводила к острой борьбе мнений на заседаниях. Впрочем, в ИК Совета довели представители верхнего, буржуазного и среднего, мелкобуржуазного слоев интеллигенции. Объединение, разумеется, провозглашалось не партийным, но для обеспечения связи с партиями в Совет делегаций были введены по 4 представителя от эсеров, социал-демократов, энесов, сионистов и кадетов.⁴² Поддерживались кое-какие контакты и с московскими Советом рабочих депутатов и Советом солдатских депутатов. В целом же по своей политической ориентации ИК Совета депутатов всего теснее примыкал к энесам.

Совет депутатов намеревался защищать профессиональные интересы своих членов, вести культурно-просветительскую работу, бороться с хозяйственной разрухой и пр. Но все-таки московский Совет депутатов трудовой интеллигенции да и другие Советы депутатов проявляли себя преимущественно как политические организации. Уже в мае в воззвании временного бюро Совета говорилось, что цель новой организации заключается в «сплочении сил трудовой интеллигенции» и в привлечении ее к «общественно-политической работе».⁴³ Посмотрим, что представляли собой политические заявления Совета депутатов трудовой интеллигенции, а точнее — заявления его руководящих органов.

В первых же резолюциях и воззваниях руководство Совета депутатов показало свое резко отрицательное отношение к революционному движению рабочих, солдат и крестьян. «В настоящий политический момент, — гласило воззвание, опубликованное 14 мая, — когда страна в опасности, когда страна на краю гибели, каждый должен исполнить долг гражданина и принять участие в спасении родины. Революция застала нас врасплох, распыленными, со слабым гражданским самосознанием; между тем, только объединившись, трудовая интеллигенция может представить силу, которая в со-

⁴² Там же. С. 203.

⁴³ Там же. С. 202.

стоянии принести существенную помощь в борьбе с анархией и разрухой». ⁴⁴ 30 мая Совет делегатов организаций призвал интеллигенцию страны «сплотиться для защиты государства и завоеваний свободы», «бороться против анархических течений, угрожающих гибелью всем завоеваниям революции и подготавливающих почву для контрреволюционных попыток». ⁴⁵ А 15 июня Совет делегатов решил вмешаться в борьбу контрреволюционного офицерства с неподчинявшимися ему солдатами и, заслушав заявление группы офицеров, выразил протест «против чинимых в отношении офицерства насилий», потребовал от Временного правительства, чтобы оно «в кратчайший срок» создало такой порядок, «при котором всякое насилие должно неизбежно влечь за собой ответственность по суду». ⁴⁶

Отметим, однако, что Советы депутатов трудовой интеллигенции не обрели сколько-нибудь широкой поддержки со стороны интеллигентской массы. Она мало что знала об этой организации, практически представлявшей собой периодически созываемые совещания ведущих деятелей некоторых союзов интеллигенции и служащих, союзов, сохранявших свою самостоятельность. Те же, что знали о Советах депутатов интеллигенции, не верили в их прочность и дееспособность, скептически оценивали возможность единых политических выступлений низших служащих и творческой интеллигенции. Поэтому нельзя не признать справедливости оценок одного из политических обозревателей, писавшего, что московский Совет депутатов трудовой интеллигенции «не проявляет себя деятельно и не пользуется признанием широких слоев демократии». ⁴⁷

Представители Советов депутатов трудовой интеллигенции, как и представители ряда других организаций, участвовали в созванном Временным правительством Государственным совещании в Москве 12—15 августа 1917 г. На совещании, призванном создать правительству «общественную опору» и ставшем важным этапом мобилизации сил буржуазной контрреволюции, представители интеллигентских объединений выступили с реча-

⁴⁴ Цит. по: *Смирнова Л. И.* О Советах депутатов трудовой интеллигенции. С. 201.

⁴⁵ Утро России. 1917. 1 июня.

⁴⁶ Русские ведомости. 1917. 16 июня.

⁴⁷ Вестник Европы. 1917. № 7/8, С. 386.

ми и заявлениями (резолуциями).⁴⁸ Эти официальные, одновременные, имевшие один и тот же повод декларации дают неплохую возможность ознакомиться с политической позицией верхушки ряда организаций интеллигенции.

Все представители интеллигентских организаций, выступавшие с трибуны Государственного совещания, требовали установления «твердой» и компетентной государственной власти, обеспечивающей в стране «порядок и дисциплину», борьбу с «анархией» и попытками реставрации старого строя. Все в той или иной форме выражали поддержку Временному правительству, высказывались за продолжение «оборонительной» войны и за «единение сил». Все отмечали необходимость действенных мер, вплоть до введения трудовой повинности, по борьбе с экономической разрухой и надвигающимся голодом. Все подчеркивали важную общественную роль интеллигенции, требовали внимательнее прислушиваться к ее голосу, полнее и толковее использовать ее знания. Это была позиция представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, программой-максимум которой являлось «упорядоченное» осуществление буржуазно-демократических преобразований, а наиболее жгучим желанием — скорейшая ликвидация внутренних «неустройств».

Однако уже заявления, прозвучавшие в зале Большого театра 12—15 августа, заявления, не отразившие всего спектра умонастроений непролетарской интеллигенции, обнаружили и различия во мнениях. На левом

⁴⁸ С речами и заявлениями выступили: Д. Д. Гримм (от Академического союза), С. А. Золотарев (от Всероссийского учительского союза), Д. Н. Жбанков (от Советов депутатов трудовой интеллигенции и присоединившихся к их заявлению Пироговского общества, Общества петроградских врачей, Всероссийского союза военных врачей, Комитета военно-технической помощи и др.), А. Н. Долгов (от Всероссийского союза инженеров и ряда других организаций инженеров и техников), А. Н. Фролов (от Всероссийского союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения, Союза инженеров путей сообщения и секции по путям сообщения Всероссийского союза инженеров), Д. Н. Доброхотов (от советов присяжных поверенных). К сожалению, о позиции Всероссийского учительского съезда и советов присяжных поверенных приходится судить в основном по речам их представителей, так как тексты зачитанных ими заявлений (резолуций) в стенограмме отсутствуют. Тексты всех упомянутых выше речей и заявлений см.: Государственное совещание. 12—15 августа 1917 г.: Стеногр. отчет. М.; Л., 1930. С. 96—98, 147—149, 156—159, 173—177.

фланге оказался представитель Всероссийского учительского союза, проявивший свою «левизну» поддержкой декларации эсеро-меньшевистского ЦИК Советов, а на крайне правом фланге — представитель Всероссийского союза инженеров и техников, работающих по путям сообщения. Некоторые положения речи последнего и сам дух ее явственно показывали солидарность с позицией Лиги русской культуры. Наиболее же характерным отражением позиции центра было заявление представителя Советов депутатов трудовой интеллигенции и поддержавших это заявление других организаций. Осевой пункт документа, зачитанного Д. Н. Жбанковым, гласил: «В глубоком убеждении необходимости отложить до Учредительного собрания осуществление коренных реформ, могущих разрушить единство нации и целостность государства, трудовая интеллигенция обращается ко всем классам, партиям и народностям, населяющим Россию, с горячим призывом к единению и соглашению, самоотречению и самопожертвованию, которые настоятельно требуются переживаемым грозным моментом». ⁴⁹

Возвращаясь к оценке положения и роли интеллигентских политических организаций и вообще роли политических выступлений непролетарской интеллигенции, декларировавшей свою «надклассовость» и «беспартийность», отметим неуспех всех упомянутых здесь действий, их малое влияние на общественные процессы, на ход неумолимо обострявшейся классовой борьбы.

2. Эволюция политических умонастроений и социально-психологического состояния

Переломным пунктом развития революции стали июльские события, хотя они не оказались неожиданностью, воспринимались как продолжение того, что произошло в апреле. В этом была своя логика, ибо, отмечал В. И. Ленин, политические кризисы 1917 г. вытекали один из другого и «движение 3—4 июля с такой же неизбежностью выросло из движения 20—21 апреля и после него, с какой лето следует за весной». ⁵⁰ Но несомненно, что летние взрывы классово-политической борьбы все более нагнетали напряженность, усиливали, иногда зна-

⁴⁹ Там же. С. 148.

⁵⁰ Ленин В. И. О конституционных иллюзиях // Полн. собр. соч., Т. 34, С. 44.

чительно, тенденции, отправным рубежом которых стал апрельский политический кризис.

Категория «воодушевленных и ликующих» таяла, как остатки снега под лучами апрельского солнца, и к началу лета исчезла совсем или почти совсем. Стан же откровенных и ярых контрреволюционеров пополнялся за счет ряда представителей либерально-буржуазной и в меньшей степени мелкобуржуазной интеллигенции. Все более ожесточались не только такие люди, как З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский. Даже К. Д. Бальмонт, в марте сочинивший в честь победы революции гимн, в мае заявил об отказе от «мыслей и мстительных призывов» некоторых своих стихотворений 1905—1907 гг.,⁵¹ а к августу уже зло бранил революционные массы.⁵² Знакомый нам С. П. Каблуков с мая все чаще отдается религиозно-мистическим переживаниям, а позднее клянет себя за то, что в прошлом проявлял некую склонность к «революционной романтике» и «радикализму».⁵³

Некоторые ученые, сместившие свою политическую позицию вправо, даже в газете «Новая жизнь» стали усматривать «разрушительницу государственности и сеятельницу анархии». В связи с этим в конце апреля едва не развалилась только что созданная Свободная ассоциация по развитию и распространению положительных наук. Ряд членов оргкомитета (А. А. Марков, К. А. Поссе, В. И. Палладин, Н. Е. Введенский и др.) заявили о намерении выйти из его состава, о нежелании сотрудничать с А. М. Горьким, причастным к изданию «Новой жизни». Серьезные колебания пережил председатель оргкомитета В. А. Стеклов. Лишь выдержка и такт, проявленные Горьким, его авторитет, поддержка его другими членами оргкомитета (Д. К. Заболотный, А. А. Иванов, Н. М. Книпович и др.) предотвратили развал Ассоциации.⁵⁴

Исправление сначала всего отчетливее проявлялось в среде петроградской буржуазной интеллигенции и здесь

⁵¹ Русские ведомости. 1917. 27 мая.

⁵² См.: Бальмонт К. Д. Революционер я или нет. М., 1918. С. 33—34.

⁵³ Каблуков С. П. Дневник 1917 года // ОР ГПБ, ф. 322, д. 56, л. 425, 436.

⁵⁴ ААН, ф. 162 (В. А. Стеклов), оп. 3, д. 169, л. 9, 9 об., 13, 14 об., 17.

же множились признаки безверия, упадка духа. «Ни в Москве, ни тем паче в провинции, — с оттенком злорадства писал в мае московский публицист, — нет такого повального уныния, как в Петрограде». ⁵⁵ Недаром Петроград, политический и революционный центр страны, становился для некоторых интеллигентов олицетворением зла. Читатели из этого круга лиц с одобрением воспринимали рассуждения о «роковой» роли Петербурга — Петрограда в истории России. ⁵⁶ Но вскоре и в московской интеллигентской среде стали отмечать широкое распространение «грустных» переживаний и предсказаний, основанных на «логических» доводах, «точных, как астрономия». ⁵⁷

Знакомясь с дневниками и перепиской, с речами и воспоминаниями лиц интеллигентских профессий, с материалами периодики 1917 г., нельзя не заключить, что смятение немалой части интеллигенции вызывалось главным образом неприятием «разрушительной» силы революции, неспособностью (она имела социальные истоки) разглядеть или предвидеть созидание ею того нового, что в конечном счете отвечало и коренным интересам трудящейся интеллигенции. Эти умонастроения обязательно вели к принципиальному осуждению всякой революции. Бальмонт летом 1917 г. размышлял так: «Революция хороша, когда она сбрасывает гнет. Но не революциями, а эволюцией жив человек. Стройность порядка — вот что нужно нам, как дыхание, как пища... Революция есть гроза. Гроза кончается быстро и освежает воздух, и ярче тогда жизнь, красивее цветут цветы. Но жизни нет там, где грозы происходят непрерывно». ⁵⁸ Некоторые, не теоретизируя, просто не хотели «хождения по мукам», устали от затягивавшегося нервного напряжения, с трудом дышали в накаленной атмосфере классовой ненависти, все более страшились перспектив крушения «обычных» норм правопорядка, начала гражданской войны, хозяйственного развала.

В. И. Ленин подчеркивал, что большевики предпочли бы наиболее мирное и безболезненное развитие революции. ⁵⁹ Период мирного развития ее закончился не по

⁵⁵ Русские ведомости. 1917. 23 мая.

⁵⁶ Русская свобода. 1917. № 22/23. С. 10.

⁵⁷ Русские ведомости. 1917. 10 авг.

⁵⁸ Бальмонт К. Д. Революционер я или нет. С. 34.

⁵⁹ См.: Ленин В. И. К лозунгам // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 11.

вине большевиков. В июльские дни вооруженное насилие применили буржуазное правительство, силы контрреволюции. Но и мирное развитие революции могло быть только весьма относительно мирным, «ибо революция, настоящая, глубокая, „народная“, по выражению Маркса, революция есть невероятно сложный и мучительный процесс умирания старого и рождение нового общественного строя, уклада жизни десятков миллионов людей». ⁶⁰

В работе «Удержат ли большевики государственную власть?» В. И. Ленин дал превосходный анализ мыслей и психологического состояния типичного представителя верхнего, буржуазного слоя интеллигенции:

«Разговор с богатым инженером незадолго до июльских дней. Инженер был некогда революционером, состоял членом социал-демократической и даже большевистской партии. Теперь весь он — один испуг, одна злоба на бушующих и неукротимых рабочих. Если бы еще это были такие рабочие, как немецкие, — говорит он (человек образованный, бывавший за границей), — я, конечно, понимаю вообще неизбежность социальной революции, но у нас, при том понижении уровня рабочих, которое принесла война... это не революция, это — пропасть.

Он готов бы признать социальную революцию, если бы история подвела к ней так же мирно, спокойно, гладко и аккуратно, как подходит к станции немецкий курьерский поезд. Чинный кондуктор открывает дверцы вагона и провозглашает: „станция социальная революция. Alle aussteigen (всем выходить)!“. Тогда почему бы не перейти с положения инженера при Тит Титычах на положение инженера при рабочих организациях.

Этот человек видал стачки. Он знает, какую бурю страстей вызывает всегда, даже в самое мирное время, самая обыкновенная стачка. Он понимает, конечно, во сколько миллионов раз должна быть сильнее эта буря, когда классовая борьба поднимала *весь* трудящийся люд огромной страны, когда война и эксплуатация довели почти до отчаяния миллионы людей, которых веками мучили помещики, десятилетиями грабили и забивали капиталисты и царские чиновники. Он понимает все это

⁶⁰ Ленин В. И. Удержат ли большевики государственную власть? // Там же, С. 321.

„теоретически“, он признает все это только *губами*, он просто запуган „исключительно сложной обстановкой“». ⁶¹

Тогда же В. И. Ленин вспомнил о своей беседе с одним из рабочих. В беседе, состоявшейся вскоре после июльских событий 1917 г., рабочий (вероятно, это был Н. А. Емельянов) судил о действительности «с той удивительной простотой и прямотой, с той твердой решительностью, с той поразительной ясностью взгляда, до которой нашему брату интеллигенту, как до звезды небесной, далеко. Весь мир делится на два лагеря: „мы“, трудящиеся, и „они“, эксплуататоры. Ни тени смущения по поводу происшедшего: одно из сражений в долгой борьбе труда с капиталом. Лес рубят — щепки летят. „Какая мучительная вещь, эта «исключительно сложная обстановка» революции» — так думает и чувствует буржуазный интеллигент. „Мы «их» нажали, «они» не смеют охальничать, как прежде. Нажмем еще — сбросим совсем“ — так думает и чувствует рабочий». ⁶²

В исключительно сложной обстановке многие интеллигенты и сознательно и инстинктивно жались к «надклассовой» правительственной власти. В укреплении ее по-прежнему виделось важнейшее средство укрепления «порядка и спокойствия», за функционирующую власть ухватывались как за якорь спасения. Поэтому-то в дни политических кризисов, когда казалось, что «неразумные и непросвещенные», не сознающие-де цену порядка рабочие и солдаты вот-вот оборвут якорь, рождались взрывы негодования. В июльские дни, так же как и в апрельские, какая-то часть буржуазных и мелкобуржуазных интеллигентов в Петрограде и Москве примкнула к проправительственным манифестантам, вступавшим в стычки с колоннами революционных рабочих. Таким образом, политические умонастроения толкали ревнителей конституционного порядка на отнюдь не конституционные действия, обострявшие обстановку и сдвигавшие страну на грань гражданской войны. Это были не случайные срывы. Социальная принадлежность, законы классовой борьбы в конечном счете управляли и политическим поведением интеллигенции.

Нельзя, однако, не отметить постепенных и на поверхности не очень заметных изменений отношения к

⁶¹ Там же. С. 321—322.

⁶² Там же. С. 322—323.

Временному правительству и министрам. При всех выражениях поддержки правительству, в том числе активной поддержки, росло сомнение в его способности овладеть положением, эффективно осуществлять власть, обеспечивать успешное ведение войны и, наконец, проводить ожидаемые реформы в области народного образования, здравоохранения и пр. Авторитет Временного правительства падал и вследствие провала наступления русских войск на фронте, прорывавшихся партийных раздоров между министрами, их вынужденных и демонстративных отставок, натужного формирования нового кабинета в июле. Любопытно, что вхождение в состав правительства представителей интеллигенции, среди которых были и академики,⁶³ многих не радовало. Поговаривали о политическом дилетантизме, «мягкотелости» и пассивности министров, об отсутствии у правительства «единства воли и ясно намеченного пути».⁶⁴ «О, паршивый адвокатишка, такая сопля во главе государства — он же загубит все!», — так, по воспоминаниям Л. А. Орбели, не раз отзывался И. П. Павлов о А. Ф. Керенском.⁶⁵

Ослабление доверия к Временному правительству и отдельным министрам сопровождалось растущим желанием увидеть «сильную личность», обрести общепризнанного, авторитетного лидера. Это опасное политическое настроение, от которого было рукой подать до хотя бы и пассивного согласия на диктатора, распространялось прежде всего среди обывательских элементов мелкобуржуазной интеллигенции. Поэтому когда в мае — июне центральная и местная эсеро-меньшевистская и даже буржуазная пресса принялась поднимать Керенского на щит, когда сам Керенский все более входил в роль «вождя», немало мелкобуржуазных интеллигентов, особенно из провинции, обратили взоры к нему. «Смотрю портрет его, — вдохновлялась некая обитательница Моршанска. — Какое славное лицо, как много твердости, ума и воли! И стало на душе легко: анархии не станет боле!».⁶⁶ Но вскоре после июльских событий внимание

⁶³ В июле министром народного просвещения стал С. Ф. Ольденбург, товарищем министра — В. И. Вернадский.

⁶⁴ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, л. 37 об.; Вестник Европы. 1917. № 4/6. С. 709; Городское вече. 1917. № 17/18. С. 1; и др.

⁶⁵ Орбели Л. А. Воспоминания. М.; Л., 1966. С. 83.

⁶⁶ Цит. по: Летопись. 1917. № 5/6, С. 271. — Стих был опубликован в «Моршанском телеграфе».

некоторых интеллигентов под влиянием буржуазной прессы стало переключаться на Л. Г. Корнилова. С. П. Каблуков в конце июля с удовлетворением отмечал в дневнике генеральскую «энергию и решимость». ⁶⁷ З. Н. Гиппиус, мечтавшая о «сильной власти», укрепила политическую связь с одним из деятельных контрреволюционеров, а в скором будущем прокорниловским заговорщиком — Б. В. Савинковым.

Отношение к Временному правительству было взаимосвязано с отношением к войне, ибо поддержка правительства не могла не означать и поддержку его политики в вопросе о войне и, наоборот, те, кто был за продолжение участия в войне, не могли не поддерживать правительство, обязывавшееся обеспечивать успешное ведение войны. Были ли какие-нибудь видимые изменения в отношении к войне со стороны основной массы буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции? Были. И они заключались главным образом в тенденции расширить использование фразеологии «патриотической» за счет фразеологии «революционно-оборонческой». Объяснение, вероятно, следует искать в отмеченном сдвиге политической позиции вправо, в переоценке некоторых ценностей. Если же говорить о позиции отдельных групп и лиц, то она была подвержена колебаниям. Одни пополняли ряды бескомпромиссных сторонников продолжения войны, а другие покидали эти ряды. Например, некоторые видные представители интеллигенции (В. И. Немирович-Данченко, А. Н. Толстой) перестали активно пропагандировать оборончество или, по крайней мере, снизили свою активность (В. Г. Короленко). Некоторые же, напротив, стали более воинственны (Л. Н. Андреев, К. Д. Бальмонт). А в целом активное или пассивное «патриотическое» или «революционное» оборончество за редкими исключениями (напомним позицию А. М. Горького, В. В. Маяковского, А. А. Блока, К. А. Тимирязева, А. Н. Бенуа) оставалось одним из символов веры.

Часть буржуазной интеллигенции, связавшая себя с интересами капитала, была сознательной сторонницей захватнической империалистической войны. Это были те уже упоминавшиеся «гг. „интеллигенты“», которых В. И. Ленин обличал за участие в бессовестном обмане

⁶⁷ Каблуков С. П. Дневник 1917 г., л. 436.

масс.⁶⁸ Напомним и об имевших хождение циничных расчетах на то, что миллионы, занятые «резней внешней», отвлекаются тем самым от «резни внутренней». Но большинство интеллигенции субъективно руководствовалось бескорыстными соображениями и побуждениями. Вот как объяснял свою позицию активный оборонец актер А. А. Мгебров: «Война всегда казалась мне великой бессмысленностью, нелепостью и ужасом человеческого бытия. Но я говорил: я должен быть в ней потому, что миллионы — на войне...». ⁶⁹ Некоторые видные ученые (В. А. Стеклов, Л. А. Чугаев и др.) оценивали действительность «реалистически»: участие России в войне — жестокая необходимость, осуществление мечты о мире во всем мире — дело далекого будущего. ⁷⁰ А многие попросту продолжали жить глубоко укоренившимися представлениями о чести и достоинстве гражданина и патриота. Для них защита отечества была священным «надклассовым» долгом, они с детства привыкли радоваться успехам русского оружия и огорчаться его неудачами. «Наше наступление на Галич и т. д. совершенно переделывает настроение. А как завертелись германцы?» — эти строки, дышащие неподдельным и наивным торжеством, И. П. Павлов написал 27 июня, ⁷¹ когда с фронта еще поступали известия о временном успехе наступления русских войск на Юго-Западном фронте.

Настроения так называемого «надклассового» патриотизма, похоже, были распространены среди деятелей науки шире, чем в каком-либо другом слое интеллигенции. Молодой литературовед И. В. Егоров, настроенный с конца июня антимилитаристски, решил повести в ученых кругах агитацию за немедленное заключение мира. Пылкий агитатор беседовал со многими научными сотрудниками Книжной палаты, с учеными из других учреждений (С. А. Венгеровым, А. Л. Бемом, В. В. Бушем, В. В. Сиповским, А. А. Ивановым и др.), но, по его при-

⁶⁸ См.: Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции // Полн. собр. соч. Т. 31. С. 160.

⁶⁹ Мгебров А. А. Жизнь в театре. Т. 2. М.; Л., 1932. С. 284—285.

⁷⁰ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, л. 36—37; Речи и приветствия, произнесенные на трех публичных собраниях, состоявшихся в 1917 г. 9 и 16 апреля в Петрограде и 11 мая в Москве. Пг., 1917. С. 45.

⁷¹ Переписка И. П. Павлова. Л., 1940. С. 23.

знанию, «все было напрасно». ⁷² Немалая часть ученых-естественников, не ограничиваясь словесной поддержкой политики продолжения войны, активно сотрудничала в комитетах военно-технической помощи, работала на оборону в своих институтах и лабораториях. Впрочем, некоторые не связывали работу на оборону с политикой. Готовя съезд Объединения русских естествоиспытателей и врачей (он состоялся в Москве 20—24 августа), оргкомитет деловито отмечал успешное использование учеными, инженерами и врачами «некоторых явлений современной войны в интересах естествознания и медицины», а именно: изучение влияния газов на растения, животных и человека; исследование метеорологических и акустических явлений, расширяющих сведения о верхних слоях атмосферы; дальнейшая разработка радиотелеграфического дела в условиях военных действий, и др. ⁷³

Стоит отметить, что оборонческие настроения основной массы интеллигенции не превращались в шовинистические. Одним из доказательств этого было возобновившееся в конце мая исполнение симфоническим оркестром Музыкальной драмы немецкой классической музыки, исполнение которой было запрещено царским правительством после начала империалистической войны. Эти концерты дали хороший сбор. Особым успехом пользовалось исполнение произведений Р. Вагнера, «по вдохновенному искусству которого, — писал музыкальный критик, — мы порядком изголодались». ⁷⁴ Но в середине июля, после военной катастрофы на Юго-Западном фронте концерты немецкой музыки под давлением властей снова прекратились.

Вернемся, однако, к рассмотрению реакции на обострявшуюся борьбу сил революции и контрреволюции. Выше мы отмечали такие явления, как упадок духа, нервную усталость. Это влекло за собой, хотя и не всегда, политическую апатию, стремление уйти в личную жизнь или целиком отдаться своим профессиональным делам. Все это — сложные явления, имевшие индивидуальный характер, с трудом поддающиеся типизации. Вместе с тем подчеркнем, что возмраставшая аполитичность части ин-

⁷² Егоров И. В. От монархии к Октябрю: Воспоминания. Л., 1980. С. 216, 223.

⁷³ Русские ведомости. 1917. 27 июля.

⁷⁴ Хроника журнала «Музыкальный современник», 1917. № 20/21, С. 12—13.

теллигентской массы имела социальную, классовую основу. Напомним ленинское положение о том, что интеллигенция «не есть *самостоятельный* экономический класс». ⁷⁵ Следовательно, интеллигенция при всей ее социальной неоднородности принадлежит к промежуточным — средним — слоям населения. Так ее и рассматривают в современной исторической литературе. ⁷⁶ Некоторые особенности политического поведения представителей средних слоев глубоко и точно определены В. И. Лениным в работе «Три кризиса». Ленин указал, что во время резкого обострения борьбы сил революции и контрреволюции наблюдается «резкое, иногда почти внезапное „вымывание“ средних элементов», ⁷⁷ обвиняющих за «крайности» противостоящие классы — пролетариат и буржуазию. «Неужели трудно догадаться, — писал Ленин, — что вместо политических наименований надо подставить классовые и что мы получаем тогда мечты мелкой буржуазии об исчезновении классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией?» ⁷⁸ Это «вымывание», бегство от политической борьбы части интеллигентской массы (в отличие от «актива» мелкобуржуазных партий) являлось своеобразным переходом на позиции выжидательного нейтралитета, что, помимо прочего, свидетельствовало об очень важном обстоятельстве (особенно при учете будущих задач борьбы за вовлечение интеллигенции в социалистическое строительство) — аполитичная интеллигенция не была активным, организованным противником революции, позиция нейтралитета, рассматриваемая ретроспективно, стала ступенью к сотрудничеству с Советской властью.

Однако не утрачивали значения и некоторые приходящие факторы. Например, обнаружившиеся признаки уменьшения политической активности основной непролетарской интеллигентской массы отчасти могут быть объяснены и таким простым, но, как правило, забываемым при изучении событий революционного времени обстоятельством, как наступление поры отпусков. А такая пора наступила и в 1917 г. У некоторых же от-

⁷⁵ Ленин В. И. По поводу одной статьи в органе Бунда // Полн. собр. соч. Т. 14. С. 191.

⁷⁶ См., напр.: Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 6—7.

⁷⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 430.

⁷⁸ Там же, С. 431.

страненность от активной политической жизни не вызывалась ни личными обстоятельствами, ни текущими политическими событиями. И. В. Мичурин не покидал свой питомник в 1917 г. и в автобиографии так ответил на вопрос о деятельности после свержения царизма: «Научная разработка дела гибридизации плодовых растений». ⁷⁹ Наконец, были и очень равнодушные, узкие по жизненным интересам люди.

И все же ослабление политической активности во многих случаях имело непосредственную связь с общественными потрясениями. Некоторые представители интеллигенции испытали временный спад, предшествующий новому приливу энергии. В. Э. Мейерхольд сообщал в одном из писем, что, будучи крайне утомленным и «почти больным», он (видимо, это было в конце апреля—начале мая) «бежал» из Петрограда. ⁸⁰ А. Е. Ферсман, отдохавший после болезни, писал В. И. Вернадскому, 28 мая из Симферополя: «Собираюсь на Карадаг, вообще хочется опять природы, но не политики. У меня такое чувство, что сейчас ничего нельзя сделать, но что настанет время, когда придется вновь собирать Россию и вновь пытаться поднять ее из нищеты и разорения». ⁸¹ Даже А. Н. Бенуа, еще недавно весьма активный, в письме А. М. Горькому сообщал, что «с середины лета» он решил «отойти в сторону», дабы не вносить «диссонанс своего абсолютного миролюбия в хор воинствующих за своих богов людей». ⁸² В данном случае речь шла, конечно, прежде всего о «воинствующих» в художественном мире, но это было решением «отойти в сторону» и от активной политической жизни.

Другие интеллигенты попадали в полосу длительной и глубокой депрессии. Они хотели не то что бы отойти в сторону, а бежать как можно дальше от удручающей и раздражавшей их политической действительности. С. В. Рахманинов в июне признавался, что «все окружающее» лишает его способности работать. Захват же крестьянами небольшого имения, в которое Сергей Васильевич вложил все свое состояние, породил опасения лишиться средств к жизни. В итоге окончательно пав-

⁷⁹ Мичурин И. В. Сочинения. Т. 1. М.; Л., 1939. С. 95.

⁸⁰ Мейерхольд В. Э. Переписка. 1896—1939. М., 1976. С. 188.

⁸¹ Александр Евгеньевич Ферсман: Жизнь и деятельность, М., 1965. С. 148.

⁸² Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 528.

ший духом Рахманинов начал хлопотать о разрешении выехать за границу — «хотя бы в Норвегию, Данию, Швецию... Все равно куда! Куда-нибудь!». ⁸³ И. А. Бунин, судя по его тетради с записями событий, очень старательно отгораживался от бушевавших вокруг него политических страстей, в газеты почти не заглядывал, любовался природой, читал книги. ⁸⁴ А вот что писал о своей жизни А. А. Рылов: «Во время всех тревог и волнений войны и революции, во время сумятицы, бестолковщины и разрухи при Временном правительстве я уходил в Эрмитаж, как на прощание с ним. В благоговейной тишине стоял перед святынями искусства, величаво смотревшими на меня через четыре—пять столетий... По вечерам я посещал концерты в Зимнем дворце, квартеты в зале капеллы и симфонические в консерватории. Прослушал цикл симфоний Бетховена и цикл Чайковского. Днем — живопись, вечером — музыка. Я жил тогда среди творений великих мастеров». ⁸⁵

Бегство от политической действительности, пусть даже в прекрасные миры природы или искусства, естественно, еще более затрудняло ее уяснение. А ведь именно непонимание или неверное понимание сути происходящего порождало смятение чувств и умов. Образовывался заколдованный круг, вырваться из которого многим удалось нескоро. Впрочем, и некоторым интеллигентам, не стремившимся отгородиться от действительности, но не обладавшим политическим опытом, лишенным прочной связи с революционными массами, с ленинской партией, общественный процесс казался беспорядочным, лишенным объединяющего смысла нагромождением событий. К. А. Коровин в своих воспоминаниях, видимо, достаточно точно передает умонастроение Ф. И. Шаляпина, к маю основательно сникшего:

«Шаляпин пришел ко мне взволнованный.

— Ерунда какая-то тут. Никто же ничего не делает. Теляковского уже нет. Почему, в сущности, он уволен? Управляющий — Собинов! ⁸⁶ Меня удивляет, зачем он пошел? Он артист. Управление театрами! Это не наше

⁸³ Рахманинов С. В. Письма. М., 1955. С. 482.

⁸⁴ См.: Смирнов-Сокольский Н. П. Последняя находка // Новый мир. 1965. № 10. С. 213—219.

⁸⁵ Рылов А. А. Воспоминания. Л., 1960. С. 170—171.

⁸⁶ В. А. Теляковский официально ушел с поста директора бывших императорских театров в начале мая, а Л. В. Собинов стал управляющим Большого театра в апреле.

дело. Хора поет половина. В чем дело, вообще? Я не понимаю. Революция. Это улучшение, а выходит ухудшение. Молока нельзя достать. Почему я должен петь матросам, конным матросам? Разве где-нибудь есть конные матросы? Вообще, знаешь ли, обалдение.

— Ты же раньше жаловался, Федя, что в этой стране жить нельзя, а теперь недоволен.

— То есть, позволь, но ведь это не то, что нужно...

— Вот-вот, каждый теперь говорит, что все не так, как он хотел. Как же всех удовлетворить?». ⁸⁷

В непонимании сложной картины политической жизни, связи между наблюдаемыми явлениями признавались многие, в том числе деятели науки. По воспоминаниям Н. С. Державина, «события, пронесившиеся над нами с головокружительной быстротой и стремительностью, застали нас, рядовых научных работников, к стыду нашему — надо признаться, совершенно неподготовленными. Мы просто напросто или совсем не разбирались в том, что происходило вокруг нас в глубинах рабочей жизни, или разбирались весьма поверхностно». ⁸⁸

Робость перед непонятным и неизвестным, перед бешено завертевшимся колесом истории порождала желание посторониться и у части мелкобуржуазной интеллигенции. Корреспонденты с некоторым раздражением сообщали из «глубинки» как о росте аполитичности, так и о множившихся проявлениях «безволия и душевной дряблости». ⁸⁹ Практически это выражалось в значительном абсентеизме на выборах в органы местного самоуправления, в падении интереса к идее Учредительного собрания, в нередких случаях игнорирования призывов политических партий к участию в общественной работе. Провинциальная пресса жаловалась, что «всю организационную и просветительную работу выносят на своих плечах лишь одиночные представители местной интеллигенции». ⁹⁰ Изменилась атмосфера на съездах интеллигентских организаций. Вот что сообщалось, например, о работе съезда учителей Чердынского уезда Пермской губернии: «Организаторы съезда имели в виду разрешение вопросов, вызываемых текущим поли-

⁸⁷ Константин Коровин вспоминает... М., 1971. С. 363—364.

⁸⁸ Державин Н. С. На заре Октября // Вестник знания, 1927. № 20. С. 1220.

⁸⁹ Летопись. 1917. № 7/8. С. 248; Речь. 1917, 24 мая.

⁹⁰ Летопись. 1917. № 7/8. С. 247.

тическим моментом, особенно вопроса об участии учителей и учащихся в деле политического просвещения народа. К сожалению, эти вопросы затронуты были в весьма слабой степени. Учительство, как это ни грустно, к общеполитическим вопросам проявило весьма слабый интерес. Получилось такое впечатление, что учителя собрались вместе со всех концов обширного уезда как будто только для избрания себе руководителей и разрешения вопроса о материальном положении». ⁹¹

Заслуживают внимания итоги изучения читательского спроса в книжных магазинах. Если в первые недели после свержения царизма возник невиданный спрос на литературу о социализме, а затем на литературу по истории революций в Западной Европе, главным образом по истории Великой французской революции, то к лету в книжных магазинах искали почти исключительно труды на естественнонаучные темы, по истории искусства, в меньшей степени художественную литературу, причем скупали, как это было и накануне революции, и самые дорогие издания. ⁹² Кроме того, очень быстро расходилась литература, посвященная Распутину и жизни царского двора. Большой ажиотаж вызвал, в частности, трехтомный сборник материалов «Некоронованный император», выдержавший в мае—августе 1917 г. два издания. По-видимому, это было проявлением не только заурядного обывательского интереса, но и желания мысленно вернуться в недалекое прошлое, еще раз попытаться уяснить причину стремительного падения царской власти.

Отчасти иной была конъюнктура «тротуарной» торговли. В лотках продавались дешевые, плохо изданные брошюры, и покупателем их был преимущественно «простолудин». Однако и интеллигенты, особенно представители их низшего слоя, не всегда проходили мимо. А на импровизированных прилавках преобладали два типа брошюр — общественно-политические, посвященные «текущему моменту», и типично бульварное чтиво, в котором смаковались истории (как правило, выдуманные) из жизни Распутина, «Николашки» и «Сашки». В Петрограде на Невском проспекте большим спросом пользовалась бульварная литература. ⁹³ К июлю—августу

⁹¹ Народный учитель. 1917. № 15/20. С. 19.

⁹² Биржевые ведомости (утр. вып.). 1917. 21 июля.

⁹³ Огонек, 1917. № 21, С. 331.

поток брошюр стал уменьшаться отчасти из-за бумажного кризиса, а отчасти из-за сокращения читательского спроса.⁹⁴

Театры и кинематографы в столицах и на периферии были переполнены. «Никогда еще театры не пользовались таким успехом, никогда еще публика не наполняла в таком количестве всех без исключения зал, от самых серьезных до непристойных фарсов», — утверждал театральный обозреватель.⁹⁵ «Бешено работают кинематографы. Злободневные картины проходят при битковых сборах. Треплют по всем экранам Гришку Распутина», — сообщали из Томска.⁹⁶ В Томске же гастроли популярного в то время киноактера И. И. Мозжухина произвели фурор: «Билеты по весьма повышенным ценам расхвачены с бою. Психопатки наделали много хлопот кассе, которая буквально осаждалась ими... Приходилось даже видеть плачущих, ссорящихся и рыдающих особ, не сумевших заручиться во время билетами».⁹⁷ Кстати, и художественные выставки всюду посещались весьма охотно.⁹⁸

Ликвидация абонементной системы, существовавшей в столичных театрах, упразднение предварительных записей и свободная продажа билетов только в порядке очереди временно способствовали некоторой демократизации зрительных залов. Впрочем, городская беднота по-прежнему посещала главным образом дешевые, грязные и душные кинематографы, где помимо короткометражного фильма обязательно ставили низкопробный «дивертисмент» с участием куплетистов, танцоров, жонглеров и пр.⁹⁹ Но представления, будто театральные залы были переполнены нуворишами,¹⁰⁰ основательно преувеличено. Более точным следует считать свидетельство Я. О. Малютина, писавшего, что нувориши занимали, «как правило, первые ряды партера»,¹⁰¹ вытеснив привилегированных театралов дореволюционного времени. Большинство же посетителей театров составляли

⁹⁴ Русские ведомости. 1917. 20 сент.

⁹⁵ Искусство. 1917. № 5/6. С. 21.

⁹⁶ Театр и искусство. 1917. № 19. С. 320.

⁹⁷ Там же. С. 320—321.

⁹⁸ Искусство. 1917. № 5/6. С. 12.

⁹⁹ Театр и искусство. 1917. № 26. С. 454; № 27. С. 475.

¹⁰⁰ Искусство. 1917. № 5/6. С. 21.

¹⁰¹ Малютин Я. О. Актеры моего поколения. М.; Л., 1959. С. 330.

«натуральные» интеллигенты, в том числе представители их среднего слоя. Они-то и были теми «контрамарочниками», численность которых с весны резко возросла и «несметные полчища» которых так досаждали администрации театров.¹⁰² Все эти театралы являлись либо истинными любителями искусства, либо (таких было больше) искателями развлечений. Для желающих «разведать» общественно-политические настроения театр переставал быть местом встреч, ибо свободная от предварительной цензуры пресса, митинги и собрания с лихвой удовлетворяли соответствующий интерес. И все же следует отметить, что театральная публика не могла отрешиться от «проклятых вопросов», она искала и находила в спектаклях хотя бы отдаленные политические ассоциации с современными событиями.¹⁰³

В летние месяцы 1917 г. умножились ряды «и. и.» («испуганных интеллигентов»). Эта аморфная масса давала о себе знать все чаще и по самым различным поводам. Вводится в Москве режим экономии электроэнергии и в связи с этим контроль за расходом ее в «гектоуаттах» — среди «и. и.» воцаряется переполох. «О незнакомце («гектоуатте». — О. З.) все толкуют и пробуют перевести его таинственное имя, вдруг зазвучавшее угрозой, на язык понятной обыденности... Москвич продельывает все четыре арифметических действия над цифрами в старых электрических квитанциях, бежит за помощью к знакомому инженеру, встревоженно телефонит на станцию на Раушской набережной. И лицо у него кисло вытягивается».¹⁰⁴ Сдана германским войскам Рига (21 августа) и среди петроградских «и. и.» растет паника, ползут слухи о предстоящей «резне», кем-то подготавливаемой, железнодорожные кассы штурмуются страждущими срочно купить билеты.¹⁰⁵

Тем не менее рассмотренные политические настроения, хотя и преобладали среди буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, но не господствовали безраздельно. Часть интеллигенции, не говоря уже о ее наиболее демократично настроенном слое, не утрачивала ве-

¹⁰² См.: Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. Л., 1927. С. 40.

¹⁰³ См.: Тиме Е. И. Дороги искусства. М., 1967. С. 185.

¹⁰⁴ Русские ведомости. 1917. 5 авг.

¹⁰⁵ См.: Каблуков С. П. Дневник 1917 года // ОР ГПБ, ф. 322, д. 56, л. 69, 70.

ры в благополучный исход, готовности действовать на благо революционной России. Непосредственные причины для сохранения оптимизма были различны, ясное понимание классового содержания общественных процессов, как правило, отсутствовало, но важно, что упомянутые настроения имели место, и притом не только в нижнем и среднем, но и в верхнем слое интеллигенции.

Главным, что поддерживало душевные силы, укрепляло веру в благополучное завершение переживаемых потрясений, была любовь к родине, к своему народу. «Нет, не осуждена на бесславное разрушение страна, которая вынесла на своих плечах более того, что отмерено судьбою всем другим народам... вынесла это непосильное бремя и все-таки под налетом рабства сохранила живучесть, упорство и доброту души. Угнетаемый народ никогда не уставал протестовать». ¹⁰⁶ Эти проникновенные слова принадлежат А. И. Куприну, и написаны они в мае 1917 г., когда, как мы знаем, многие пали духом.

А. И. Куприн воздал должное и русской интеллигенции, которая вместе с народом участвовала в освободительной борьбе: «Вспомните декабристов, петрашевцев, народовольцев, переберите в уме весь кровавый синодик наших современников, борцов, сознательно погибших почти на наших глазах за святое и сладкое слово — свобода. Посмотрите: весь цвет и свет России, целые ряды ее молодых поколений, ее лучшие умы и чистейшие души прошли сквозь тяжкое горнило каторги, ссылки, жандармских застенков, одиночек — прошли и вышли оттуда, сохраняя твердую веру в человечество и горячую любовь к человеку...». ¹⁰⁷

Куприн, который с середины мая 1917 г. стал редактором «непартийной», «новонароднической» газеты «Свободная Россия», ¹⁰⁸ пропагандировал свое, несколько наивное, объяснение истоков переживавшихся странной «неустройств» и свою оценку сложившегося положения. По мнению писателя, причиной причин была «вечная наша неразбериха», которая в обычное время проявляется в «галдеже» на сельских сходах, в «нескончае-

¹⁰⁶ Свободная Россия (веч. вып.). 1917. 16 мая.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Вместе с А. И. Куприным газету редактировал П. И. Пильский, к активному сотрудничеству был привлечен А. С. Грин. Газета выходила в Петрограде до конца июня 1917 г.

мости, нелепости и грубости русских споров», в «остроте и жестокости семейных ссор», в «общем разгильдяйстве и распушенности» и пр. и которая в «дни великой революции» приняла особенно большие размеры.¹⁰⁹ Все это высказывалось с горечью и вместе с тем с затаенной любовью к «нашей», родной «неразберихе», с верой в то, что пока нет оснований употреблять «навязчивое словцо», на которое «теперь натыкаешься всюду» — «разруха». Куприн предлагал другое определение обстановки: «пожара нет, но пахнет гарью», причем «гарью пахнет из армии. Вот где самая главная, может быть даже единственная опасность».¹¹⁰ Автор «Поединка», на себе испытавший тяготы офицерской службы, безоговорочно осуждал «упадок дисциплины» и выражал сочувствие офицерам действующей армии, поставленным, по его словам, в «унизительное положение».¹¹¹

Залогом того, что все обойдется «запахом гари», писатель считал «живучесть, упорство и доброту души» русского народа, наличие в стране «людей воли, энергии и пламенной любви к родине», проявленные народными массами в дни Февральской революции и в день похорон ее жертв (23 марта) «единодушие и самообладание». Не бойтесь, убеждал своих читателей Александр Иванович, «возврата к прошлому» и «призрака диктатора на белом коне». «Нет, это праздные страхи. Дело в том, что нам тысячу лет подряд снился тяжелый, кошмарный сон, от которого мы, наконец, проснулись, с тревожным биением сердца, еще не веря, что проснулись, не веря тому, что светлый день за окнами».¹¹² Не перекликалось ли это с тем, что говорил А. М. Горький на публичных собраниях «Свободной ассоциации»: «светает на Руси...»?¹¹³

Мотив «рассвета» находил отклик не только в писательской среде. Мрачно настроенного, озлобленного, похоже, подумывавшего о бегстве за границу С. П. Каблукова старая знакомая увещевала (письмо от 24 июня): «Жизнь тяжела, скорбна, а в эпохи, подобные нашей, выходят наружу все ее ужасы. Не надо, однако, за ними не видеть нарастающего дня. Ведь то, что у нас сверша-

¹⁰⁹ Свободная Россия. 1917. 16 мая.

¹¹⁰ Там же.

¹¹¹ Там же.

¹¹² Там же.

¹¹³ Летопись, 1917. № 5/6. С. 226.

ется — наследие прошлого, им возвращенное и взлелеянное. Что уж тогда жалеть о нем... Пусть сейчас плохо, но ведь были дни необыкновенные, события, граничившие с чудом. И сейчас тоже еще происходят и такие дни, и такие события... То, что было во Франции во время революции, еще ужасней. В сравнении с этим Россия переживает современную эпоху почти чудесным образом». ¹¹⁴ А вот строки из письма (от 23 мая) К. С. Станиславского В. В. Котляревской: «Не желая умалять важности и грозности времени, не желая утешать Вас, скажу, что я таю в себе хорошие надежды. Перерождение народов не может совершиться без потрясений». ¹¹⁵

Видимо, суждение о неизбежности и закономерности революций («потрясений») серьезно влияло на умонастроения. Напомним, что и Бальмонт признал революцию «грозой», которая «освежает воздух». Однако он был за скорейшее прекращение «грозы», русскую «грозу» через пару месяцев счел затянувшейся и поэтому враждебной «благой жизни». А. Белый, упавший духом в начале марта, к лету приободрился. В отличие от Бальмонта он верил в животворность продолжавшейся революции и передавая свои впечатления, использовал иные метафоры: «Революционные силы суть струи артезианских источников; сначала источник бьет грязью и — косность земная взлетает сначала в струе; но струя очищается; революционное очищение — организация хаоса в гибкость движения новорождаемых форм». ¹¹⁶

Оптимистически настроенному меньшинству было нелегко отстаивать свои позиции, им приходилось выдерживать яростный напор пессимистов. На работе и дома вспыхивали споры и ссоры с товарищами и друзьями, с членами семьи, споры, в ходе которых беспорядочно переходили от вопросов «высокой» политики к обыденным явлениям — «хвостам» у магазинов, шелухе от семечек на тротуарах Невского проспекта, немыслимым ранее сценкам в столичных садах и скверах. О непрекращающихся домашних ссорах писал в своем дневнике К. А. Сомов, огорчавшийся, тревожившийся, но упорно не желавший чернить новую действительность. Так, после одной из ссор за обедом, обвиненный в «ленинстве»

¹¹⁴ *Каблуков С. П.* Дневник 1917 г., л. 283 об. — 284.

¹¹⁵ *Станиславский К. С.* Собр. соч. Т. 7. М., 1960. С. 642.

¹¹⁶ *Белый Андрей.* Революция и культура. М., 1917. С. 13—14.

и в двойной жизни («я-де думаю одно, а живу иначе»), Константин Андреевич вышел прогуляться, а вернувшись записал в дневнике: «В Летнем саду полчаса сидел на скамье, где пожилой полуинтеллигент рассуждал с тремя солдатами. Сад демократизировался, везде на траве пары, митинги, солдаты. Мне это нравится...». ¹¹⁷

Существенные особенности имела позиция наиболее выдающихся представителей художественной интеллигенции — А. М. Горького, В. В. Маяковского, А. А. Блока. В их размышлениях и переживаниях, хотя у каждого по-своему, еще отчетливее, чем весной, проявлялись готовность принять и поддержать развивающуюся революцию, глубокая отчужденность от враждебных ей социальных сил. Вместе с тем каждому предстояло еще многое продумать и уяснить.

По-прежнему очень сложны, индивидуальные были искания А. А. Блока. В начале мая он стал работать в Чрезвычайной следственной комиссии в качестве одного из редакторов. Работа, особенно сначала, его заинтересовала, потребовала много времени и сил. ¹¹⁸ Присутствуя на допросах бывших царских министров и полицейских чинов, Блок стал яснее понимать причины крушения самодержавной власти, полнее ценить завоевания революции. Вероятно, имея это в виду, поэт отвечал жене (Л. Д. Блок), напуганной размахом революции, агитацией большевиков: «Если бы ты видела и знала то, что я знаю, ты бы отнеслась все-таки иначе; твоя точка зрения — несколько обывательская, надо подняться выше». ¹¹⁹

Не поддаваясь обывательским страхам перед угрозой «анархии», А. А. Блок на другой день после событий 20—21 апреля, событий, которые так сильно повлияли на настроение многих интеллигентов, сделал запись: «Все будет хорошо, Россия будет великой». ¹²⁰ В июне он с еще большей, чем в марте—апреле, убежденностью повторял, что в Петрограде «никогда не было такого образцового порядка и что этот порядок величаво и спокойно *оберегается всем* революционным наро-

¹¹⁷ Константин Андреевич Сомов. М., 1979. С. 177.

¹¹⁸ См.: Блок Александр. Литературное наследство. Т. 89. М., 1978. С. 372.

¹¹⁹ Там же. С. 376.

¹²⁰ Блок Александр. Записные книжки: 1901—1920. М., 1965. С. 318.

дом»; ¹²¹ он славил «умный, спокойный и многознающий революционный народ» и сердито обличал буржуазную интеллигенцию: «Если „мозг страны“ будет продолжать питаться все теми же ирониями, рабскими страхами, рабским опытом усталых наций, то он и перестанет быть мозгом, и его вышвырнут — скоро, жестоко и величаво, как делается все, что действительно делается теперь. Какое мы имеем право бояться своего великого, умного и доброго народа?». ¹²²

16 июня Блок побывал по корреспондентскому билету на одном из заседаний I Всероссийского съезда рабочих и солдатских депутатов. Вся обстановка на заседании, участие в нем представителей народа произвели на поэта большое впечатление. Он не придавал значения разделению делегатов съезда на партийные фракции, для него все делегаты были представителями новой революционной России, молодой и полной сил демократии, в сравнении с которой американская демократия выглядела неживой, самодовольной. Блок судил об этом, в частности, по речи представителя Американской федерации труда, которая «была полна общих мест, обещаний „помочь“, некоторого высокомерия и полезных советов, преподаваемых с высоты *успокоенной*». ¹²³ Через несколько дней (21 июня) Александр Александрович напишет жене о своей вере в то, что Россия, ее «опоясанная бурей» демократия станет во главе всемирной революции.

При всем этом ясного понимания происходящего у поэта не было, сомнения и колебания его не оставляли. Да он, этот мятущийся человек, и не хотел «успокоенности». Революция для него была сама жизнь с ее противоречиями и постоянным поиском, жизнь, которая «не хороша и не плоха» — Блоку нравилась эта «древняя мысль». ¹²⁴ Истинной задачей революции он считал не достижение всеобщего благоденствия, а очищение людских душ и умов от лжи, фальши, раболепия, самодовольства, обывательщины и прочего «мусора». Отсюда и задача русской интеллигенции, русской культуры: направить «огонь на то, что нужно сжечь; буйство

¹²¹ Блок Александр. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 465.

¹²² Там же. Т. 8. С. 504.

¹²³ Там же. Т. 7. С. 263.

¹²⁴ Там же. Т. 8. С. 492, 504.

Стеньки и Емельки превратить в волевую музыкальную волну...». ¹²⁵

Буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция боялась «буйства», была неспособна слиться с народом, не желала «радикально перестроить строй души и головы» ¹²⁶ и поэтому вызывала у поэта разочарование и даже, как он утверждал, «ненависть». Однако и народ, этот «умный, спокойный и многознающий» народ, Блок не хотел бы идеализировать. «Чего вы от жизни ждете? Того, что разрушив обветшалое, люди примутся планомерно за постройку нового? Так бывает только в газете или у Кареева в истории, а люди — создания живые и чудесные прежде всего», — записывал в дневнике, словно полемизируя с кем-то, Александр Александрович. А что если «революционный народ действительно только расселся у того пирога, у которого сидела бюрократия»? Если дело обстоит так, то «это только углубляет русскую трагедию». ¹²⁷

Блок не щадил и себя. Он ощущал себя в родстве «по крови» с буржуазной, кадетской интеллигенцией, которую в то же время и ненавидел и с которой ему «стыдно было бы быть». Он говорил себе в минуты упадка духа: «Я, как всякий, тоже игрушка истории, обыватель»; ¹²⁸ его иногда смущала неопределенность собственной политической позиции: «Я никогда не возьму в руки власть, я никогда не пойду в партию, никогда не сделаю выбора, мне нечем гордиться, я ничего не понимаю». ¹²⁹ Но поэт, вероятно, более всего терзался мыслью: «Неужели долго или никогда уже не вернуться к искусству». ¹³⁰ Отметим, что самые для него тягостные переживания наступили после июльских событий. «Происходит, — отмечал Блок, — ужасное: смертная казнь на фронте, организация боеспособности, казаки, цензура, запрещение собраний. Это — общие слова, которые тысячью drobных фактов во всем населении и в каждой душе пылят». Эта «пыль» ассоциировалась с досаждав-

¹²⁵ Там же. Т. 7. С. 497.

¹²⁶ Там же. Т. 8. С. 502.

¹²⁷ Блок Александр. Записные книжки. С. 347.

¹²⁸ Блок Александр. Собр. соч. Т. 7. С. 284, 294.

¹²⁹ В июне 1917 г. Блок писал, что «склоняется» к партии эсеров, «а втайне и к большевизму» (Блок Александр. Собр. соч. Т. 8. С. 499).

¹³⁰ Там же. Т. 7. С. 483.

шим всем дымом от горевшего в августе у Парголово и Шувалово торфа.¹³¹

Политическая позиция А. М. Горького оставалась непоследовательной. Он радовался революционным завоеваниям, он стал несколько оптимистичнее оценивать положение страны. В речах на публичных собраниях «Свободной ассоциации», опубликованных затем в журнале «Летопись», Горький говорил, что над Россией «пламенно вспыхнула заря новой жизни» и что «русский народ почувствовал радость свободы».¹³² Писатель откликнулся на апрельские события гневным протестом против войны и милитаризма,¹³³ против действий тех, кто провоцировал вооруженные столкновения на улицах Петрограда.¹³⁴ Фактически это было выражением солидарности с массами, возмущенными политикой продолжения империалистической войны. Гуманистическая, антимилитаристская позиция Горького, его активность вызвали раздражение у контрреволюционеров, которые в июле—августе обрушились на писателя с грубыми нападками и угрозами, причем не только в прессе, но и в письмах.¹³⁵ «Крысы шовинизма, — жаловался он К. А. Тимирязеву, — грызут нас неутоимо и, порою, бывает трудненько отбиваться от них».¹³⁶

Горький, обращаясь к интеллигенции, призывал ее побеждать «свой собственный страх перед народом». Он, осуждая «анархию», эксцессы, возникавшие во время некоторых солдатских выступлений, высказывал убеждение, что «анархия» порождается не революцией, не политической свободой, а наследием монархического строя. Писатель продолжал развивать идею о катастрофических последствиях длительного господства самодержавия и «тлетворном влиянии восточной мысли», о пагубности многовековой привычки жить «со связанными руками, с закрытым ртом» и неразвитости у населения страны «чувства личной ответственности за безобразия и позор нашей жизни».¹³⁷ Много резких и нередко несправедливых суждений высказал в то время Горький,

¹³¹ Там же. С. 294. 296.

¹³² Летопись. 1917. № 5/6. С. 226.

¹³³ Новая жизнь. 1917. 22 апр.

¹³⁴ Там же. 23 апр.

¹³⁵ Архив А. М. Горького. Т. 9. М., 1966. С. 199—200.

¹³⁶ Горький М. Собр. соч. Т. 29. М., 1954. С. 451.

¹³⁷ Летопись, 1917. № 5/6. С. 224, 227.

но кто бы осмелился обвинить его в нелюбви к своему народу?

Горький по-прежнему полагал, что наиболее эффективным средством лечения, воспитания в человеке «социальных инстинктов» будет распространение естественных знаний, ибо «опытные науки», развиваясь на «благодатной почве точного наблюдения, руководствуясь железной логикой математики», лишены субъективизма.¹³⁸ Положительную роль искусства он, конечно же, не отрицал: «Наши художники должны бы немедленно вторгнуться всею силой своих талантов в хаос настроений улицы, и я уверен, что победоносное вторжение красоты в душу несколько ошалевшего россиянина умиротворило бы его тревоги, усмирило бы буйство некоторых не очень похвальных чувств, — вроде, например, жадности, — и вообще помогло бы ему сделаться человечнее».¹³⁹

Однако писатель в то время придерживался мнения, что возможности искусства ограничены, ибо оно «эмоционально, оно слишком легко поддается субъективным особенностям психики творца, слишком зависимо от того, что принято именовать „настроением“, и, по силе этих причин, редко бывает истинно свободным, редко возвышается над преградами, которые ставят ему мощные влияния индивидуализма, классовых, национальных и расовых предубеждений».¹⁴⁰ Аналогичная оценка давалась и общественным наукам, поскольку они, в отличие от «положительных» наук, не служат «неподкупно и нераздельно» интересам «всего человечества», «не свободны от влияния времени, страны, класса и легко подчиняются тем или иным внушениям политической жизни...».¹⁴¹

Как мыслитель Горький преувеличивал роль природоведения в ущерб обществоведению, в некоторых статьях и речах преуменьшал значение искусства как одной из форм отражения общественного бытия. Как писатель Горький своим творчеством, силой воздействия своих художественных произведений — «истинно свободных», правдивых, помогавших людям познавать себя,

¹³⁸ Там же. С. 223.

¹³⁹ Новая жизнь. 1917. 9 мая.

¹⁴⁰ Летопись. 1917. № 5/6. С. 223.

¹⁴¹ Горький и наука: Статьи, речи, письма, воспоминания. М., 1964. С. 22.

общество, жизнь — утверждал иное, опровергал позитивистские воззрения. Это — парадокс, так как характер труда Горького не мог подводить его к упомянутым суждениям. Но сиюминутные личные воззрения формируются под воздействием многих факторов. В данном случае большое значение имело ставшее регулярным и тесным общение с учеными-естественниками, членами «Свободной ассоциации для развития и распространения положительных наук».

Нетрудно понять, почему, например, И. П. Павлов так подчеркивал значение естественных наук. Он — один из крупнейших естествоиспытателей, замечательный экспериментатор — был убежден, что «наблюдение и опыт вернее ведут к открытию правды, чем обращение к авторитетам или к мнению толпы». ¹⁴² Павлов был сторонник гармоничного развития личности и признавал, в частности, воспитательную роль искусства, но утверждал: «Среди сложных культурных условий нашего времени только наука может дать прочные основы национального прогресса, и вопрос о народном образовании и о распространении научных знаний в широких слоях населения — это вопрос о народном существовании». ¹⁴³ На Горького такая мысль производила большое впечатление.

Однако постулат о первенствующей роли естественных наук многие представители интеллигенции, особенно художественной, не признавали, причем в их суждениях намечался крен в другую сторону. К. С. Станиславский, похоже, полемизируя с представителями «Свободной ассоциации», писал: «Пусть без конца открываются школы, народные университеты, пусть устраиваются общеобразовательные классы и лекции, беседы и проч. для поднятия умственного развития масс. Но одних знаний мало. Необходимо воспитывать самые чувства людей, их души. Одно из главных человеческих чувств, отличающих его от зверя и приближающее его к небу, — эстетическое чувство... Эстетика облагораживает и оживляет все, к чему она прикасается». ¹⁴⁴ Не-

¹⁴² Вестник воспитания. 1917. № 6/7. С. 25—26 (Речь И. П. Павлова «О значении естествознания в системе народного образования» на съезде Ассоциации русских естествоиспытателей и врачей 20 августа 1917 г.).

¹⁴³ Там же. С. 29.

¹⁴⁴ Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 6, М., 1959. С. 23.

легко давалось интеллигенции уяснение общественной роли ее труда!

Теперь о политической позиции В. В. Маяковского. Сведений о ней немного, и поэтому об отношении поэта к событиям лета 1917 г. необходимо судить с большой осторожностью. О влиянии на умонастроение Маяковского апрельских событий ничего не известно, но есть основание предполагать, что июньское наступление на фронте и его провал, июльские события и установление бонапартистского режима Керенского вызвали у Владимира Владимировича тяжкие переживания. Об этом свидетельствует пессимистическое звучание поэмы «Человек», к работе над которой Маяковский приступил летом.¹⁴⁵ Активизация боевых действий на фронте и июльское торжество сил контрреволюции, несомненно, удручали более всего. Но обратим внимание и на следующие строки из записной книжки: «То слева вдарят, то справа, то сразу с обеих сторон, и только по лености, право, Романов не лезет на трон».¹⁴⁶ Эти слова можно истолковать как осуждение «крайностей», как распространенное среди интеллигенции беспокойство: не воспользовались бы монархисты резкими вспышками борьбы.

Однако если Маяковский и испытывал некоторые колебания, то они быстро преодолевались. Поэт не отходил в сторону, а все определеннее выражал поддержку силам революции. Он иронизировал по поводу созыва Государственного совещания и наполеоновских замашек Керенского: «В Москве собрались. Льются речи, все совещание гудит, и встал он в цвета хаки френче, скрестивши руки на груди».¹⁴⁷ Он написал сатирическое стихотворение «Сказка о красной шапочке», в котором обличал контрреволюционность и лицемерие ведущей буржуазной партии кадетов. «Сказка о красной шапочке» была опубликована 30 июля в «Новой жизни», а через 10 дней в стихотворении «К ответу!» Маяковский, гневно протестуя против продолжавшейся империалистической войны, призывал «рабов» всего мира к борьбе: «Когда же встанешь во весь свой рост ты, отдающий жизнь

¹⁴⁵ См.: Динерштейн Е. А. Маяковский в феврале—октябре 1917 г.: Литературное наследство. Т. 65: Новое о Маяковском. М., 1958. С. 555—556.

¹⁴⁶ Цит. по: Динерштейн Е. А. Маяковский в феврале—октябре 1917 г. С. 557.

¹⁴⁷ Там же.

свою им? Когда же в лицо им бросишь вопрос: за что воюем?». ¹⁴⁸ На одном из собраний московских художников Маяковский своей речью провалил проект резолюции о поддержке Временного правительства. ¹⁴⁹

Настроения видных представителей русской интеллигенции — а каждый из них был яркой индивидуальностью — находились в сложном взаимовлиянии с настроениями не только близкого им круга людей, но и рядовой интеллигентской массы. Последняя воспринимала то, что писали и говорили авторитеты, но воспринимала не механически, ибо подвергалась еще большему и притом повседневному воздействию всей окружающей обстановки. Многие видные деятели науки и искусства в свою очередь внимательно присматривались и прислушивались к исходящему от массы, прямо или опосредствованно испытывали ее влияние, но стремились делать собственные выводы. Некоторые ученые и художники, как мы могли убедиться, свои взгляды активно пропагандировали.

Изменилась ли оценка буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенцией роли политических партий? С полной уверенностью можно утверждать, что эта интеллигенция к лету 1917 г. знала о партиях значительно больше, чем в марте, и убедилась, что партии способны достаточно полно выразить идейно-политические устремления различных слоев населения страны. Академик А. С. Лаппо-Данилевский в речи в Особом совещании для изготовления проекта положения о выборах в Учредительное собрание даже ставил знак равенства между политическими силами страны и политическими партиями. ¹⁵⁰ О возросшем авторитете партий свидетельствовали, в частности, состоявшиеся во многих городах выборы в местные самоуправления. На выборах в губернских городах львиная доля голосов отдавалась партийным спискам кандидатур. Списки же беспартийных кандидатур здесь (в отличие от уездных городов) привлекали незначительное внимание. ¹⁵¹

¹⁴⁸ *Маяковский Владимир*. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1955. С. 144.

¹⁴⁹ *Катанян В. А.* Маяковский: Литературная хроника. М., 1956. С. 93.

¹⁵⁰ ААН СССР, ф. 113 (А. С. Лаппо-Данилевский), оп. 1, д. 227, л. 1—4.

¹⁵¹ *Миц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. М., 1978. С. 562—563.

В связи с этим же при избрании делегатов на съезды интеллигентских союзов явно отдавалось предпочтение членам политических партий. Например, на Всероссийском студенческом съезде (16—24 мая) из 272 делегатов 189, т. е. около 70%, были членами партий (150 — социалистических и 39 — кадетской).¹⁵² Интересны данные о составе Всероссийского съезда представителей союзов земских служащих, работавшего в конце июня. Из 250 делегатов заполнили анкеты 190, среди которых было 57 «специалистов» — врачей, учителей, агрономов и техников¹⁵³ и только 13 (7%) из этих были беспартийными, а 177 (93%) входили в состав политических партий.¹⁵⁴

Влияние партий (кадетов, эсеров, меньшевиков, энесов) усилилось прежде всего на ту часть непролетарской интеллигенции, которая оставалась или становилась политически активной. Это обстоятельство само по себе создавало предпосылки для широкого притока интеллигенции в ряды партий. Но ведь одновременно было много признаков возросшей пассивности, а следовательно, и наличия противоположной тенденции. Все усложнялось интеллигентским индивидуализмом. Повторявшиеся на собраниях и в печати призывы не «втискиваться» в «прокрустово ложе партийной идеологии», «отбрасывать партийный догматизм»¹⁵⁵ воздействовали даже на политически активных. Поэтому мировоззрение типичных представителей буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции оставалось эклектичным, чаще всего кадетско-неонародническим.

После свержения царизма численность основных политических партий существенно возросла. В пролетарской партии большевиков к концу июля насчитывалось около 240 тыс. членов (в канун Октября — около 350 тыс., причем примерно 60% составляли передовые рабочие).¹⁵⁶ Численность мелкобуржуазных и буржуазных партий определяется историками предположительно и разноречиво. Одни полагают, что в составе партии эсеров к лету—осени 1917 г. насчитывалось до

¹⁵² Утро России. 1917. 17 мая.

¹⁵³ Врачебная жизнь. 1917. № 1. С. 5.

¹⁵⁴ Там же. С. 7.

¹⁵⁵ Русские ведомости. 1917. 14 июня.

¹⁵⁶ История КПСС. Т. 3, кн. 1. М., 1967. С. 244.

400 тыс.,¹⁵⁷ другие — до 700 тыс. человек.¹⁵⁸ Численность партии меньшевиков к августу 1917 г. определяется приблизительно в 190 тыс. человек,¹⁵⁹ а партии кадетов — в 60—70 тыс.¹⁶⁰ или в 70—80 тыс. человек.¹⁶¹

В источниках нет соответствующих данных, и никто из историков не пытается даже приблизительно определить (в абсолютных цифрах или в процентах) представительство в мелкобуржуазных и буржуазных партиях различных социальных слоев, а тем более представительство интеллигенции. Основываясь на анализе умонастроений и психологического состояния профессиональной интеллигенции, мы полагаем, что за счет ее и летом 1917 г. ни одна из партий не пополнила сколько-нибудь значительно свои ряды. В процентном определении доля профессиональной интеллигенции в составе партий в 1917 г. (по сравнению с дофевральским периодом) намного уменьшилась. В меньшей степени это относится только к кадетам и энесам. Некоторое количество новых членов партии из интеллигенции летом 1917 г. кадеты обрели, по-видимому, главным образом в крупных городах, но примечательно, что эта партия в 1917 г. имела в своем составе меньше членов, чем в 1905—1907 гг.¹⁶² Летом 1917 г. вряд ли возросло число интеллигентов в партиях меньшевиков и эсеров, в рядах которых, особенно с июля, усилилась дезорганизация. Из мелкобуржуазных партий только энесы несколько пополнили свои ряды за счет провинциальной интеллигенции. Одним из косвенных подтверждений тому может служить состав Всероссийского съезда земских служащих, на котором энесы были второй по численности

¹⁵⁷ *Спирин Л. М.* Классы и партии в гражданской войне в России. М., 1968. С. 49.

¹⁵⁸ *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917 г. Л., 1973. С. 233. — *К. В. Гусев* ограничивается констатацией этих расхождений (*Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционаризма к контрреволюции. М., 1975. С. 99).

¹⁵⁹ *Рубан Н. В.* Октябрьская революция и крах меньшевизма. М., 1968. С. 252.

¹⁶⁰ *Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. М., 1977. С. 323.

¹⁶¹ *Астрахан Х. М.* Большевики и их политические противники в 1917. С. 187.

¹⁶² По подсчетам *Л. М. Спирина*, в 1905—1907 гг. численность партии кадетов достигала 70—100 тыс. (*Спирин Л. М.* Крушение помещичьих и буржуазных партий в России. С. 323).

партийной фракцией.¹⁶³ Во всех непролетарских партиях, особенно в мелкобуржуазных, большинство интеллигентов держалось пассивно.

В этот период развития революции лишь немногие, наиболее передовые представители интеллигенции вступали в партию большевиков. Среди вступивших были учителя А. Г. Черняков, И. И. Далматов, медицинский работник М. В. Фофанова, журналистка Р. М. Азарх, инженеры Н. С. Абельман, Н. П. Горбунов.¹⁶⁴ Интеллигенты-большевики сочетали профессиональную деятельность с партийной работой, активно боролись за дело революции, выделяли из своей среды видных пропагандистов и организаторов масс. Такими были ученые П. К. Штернберг, Н. М. Лукин, Д. П. Боголюбов, врачи Н. А. Семашко, И. В. Русаков, М. И. Барсуков, инженеры П. В. Точисский, Л. Я. Карпов, Г. М. Кржижановский и др.¹⁶⁵ Однако в целом после событий июльского кризиса численность интеллигентов в партии пролетариата уменьшилась. Об оттоке ее, о недостатке в партийных организациях интеллигентских сил говорили делегаты VI съезда РСДРП(б).¹⁶⁶

И все же, если иметь в виду влияние политических партий на различные слои профессиональной интеллигенции летом 1917 г., то оно возросло, но возросло не столько за счет оформленного членства, сколько за счет увеличения количества сочувствующих, главным образом, в крупных городах. Это относится и к влиянию большевистских организаций, действовавших в пролетарских центрах.

3. Интеллигентское движение: подъем или спад?

Как бы ни развивались политические события, как бы болезненно они ни воспринимались, а будничная трудовая жизнь не могла прекратиться. Не прекращались и попытки решить «корпоративные» задачи. На-

¹⁶³ По анкетным данным, на съезде присутствовали 77 эсеров, 46 энесов, 38 социал-демократов, 13 кадетов, 3 анархиста (Врачебная жизнь. 1917. № 1. С. 7).

¹⁶⁴ Федюкин С. А. Партии и интеллигенция. М., 1983. С. 46.

¹⁶⁵ Там же. С. 39.

¹⁶⁶ Шестой съезд РСДРП(б) : Протоколы. М., 1958. С. 45, 55, 89, 93, 191.

метились ли здесь какие-либо изменения? Как работало интеллигенту? Продвинулись ли профессиональные группы к намеченным целям — организовать, повысить свою роль в общественной жизни, покончить с тем тяжким наследием, которое оставил царизм в области народного образования, здравоохранения и пр.? Без ответа на эти вопросы невозможно уяснить облик интеллигенции, в том числе ее общественно-политическую позицию, те ближайшие, глубоко ее затрагивавшие задачи, к разрешению которых она стремилась, внося вместе с тем свой вклад в осуществление давно назревших социально-культурных преобразований. Ведь и позицию пролетариата невозможно уяснить без показа его профессионального движения, его борьбы за решение непосредственно рабочего вопроса. Однако тогда в противоположность рабочему движению интеллигентское движение (не забудем, что речь идет о буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции) практически не имело шансов на успех. Без преодоления состояния смятения и занятия четкой и активной политической позиции, без решительного поворота к сплочению с рабочим классом — гегемоном революции и «корпоративные» интеллигентские задачи было невозможно решить радикально. Однако повторяем, что попытки решения этих задач («корпоративный коллективизм») есть неотъемлемая и существенная часть истории интеллигенции.

Учительство, проявившее большую энергию в марте—апреле, в последующие месяцы продолжало организационное строительство. На первый взгляд все шло неплохо. Множились местные объединения — волостные, уездные, районные, городские, губернские, областные. К августу в составе Всероссийского учительского союза (ВУС) было 916 организаций.¹⁶⁷ На местах созывались очередные съезды, в том числе, между прочим, съезды учителей, мобилизованных в армию. Например, 5—7 июня состоялся съезд учителей V армии, на котором присутствовало 155 делегатов.¹⁶⁸ Были созваны всероссийские съезды учителей различных типов школ (высших начальных училищ, средней школы и др.).¹⁶⁹ Наконец,

¹⁶⁷ Речь. 1917. 11 авг.

¹⁶⁸ Рабочая газета. 1917. 17 июня.

¹⁶⁹ См.: Королев Ф. Ф. Очерки по истории советской школы и педагогики : 1917—1920. М., 1958. С. 69—72.

8—13 августа в Петрограде 530 делегатов участвовали в работе II делегатского съезда ВУС.¹⁷⁰

Главной темой обсуждения оставалась ожидавшаяся реформа всего дела народного образования. А тем временем к разработке проекта реформы приступил Государственный комитет по народному образованию, созданный под давлением ВУС Министерством народного просвещения в конце мая.¹⁷¹ В состав этого совещательного органа вошло 75 человек, в том числе представители ВУС (15), ЦИК Советов (8), ИК Всероссийского Совета крестьянских депутатов (15), кооперативов (8), Всероссийского земского союза (4), Всероссийского союза городов (4), профсоюзов (4), Академического союза (4), национальных организаций (10).¹⁷² Практически всю работу вел президиум комитета, возглавленный В. И. Чарнолуским (председатель), В. А. Гердом, Я. Я. Гуревичем (товарищи председателя) и В. А. Зеленко (секретарь). Для обсуждения проектов, подготовленных президиумом, несколько раз созывались пленарные заседания.¹⁷³ В состав комитета вошли два большевика (А. В. Луначарский и З. Г. Гринберг),¹⁷⁴ однако в комитете, особенно в его президиуме, задавали тон беспартийные деятели, близкие к энесам и кадетам.

В то время, когда могло показаться, что учительство, или по крайней мере его абсолютное большинство, достигло согласия по центральным пунктам программы реорганизации народного образования, вдруг вновь вспыхнула яростная полемика. Это произошло накануне начала работы Государственного комитета по народному образованию, 12—16 мая, в Москве, где собирались 2000 делегатов I Всероссийского съезда деятелей средней школы. Незначительным большинством съезд принял резолюцию, содержание которой шло вразрез с ранее громогласно провозглашенным лозунгом: «Прочь от центра, от бюрократии!». В резолюции указывалось, что «только центральная государственная власть» может создать действительно единую школу, обеспечить ее материально и осуществить всеобщее обязательное и

¹⁷⁰ Народный учитель. 1917. № 23/24. С. 14.

¹⁷¹ Вестник воспитания. 1917. № 6/7. С. 26.

¹⁷² Учитель. 1917. № 1. С. 5.

¹⁷³ ААН СССР, ф. 880 (С. В. Герд), оп. 5, д. 9, л. 23 об.

¹⁷⁴ Там же.

бесплатное обучение.¹⁷⁵ Объявив отделение школы от государства «в настоящее время совершенно недопустимым», съезд дал свое толкование школьной автономии — «свободное и независимое руководство всей жизнью школы, осуществляемое педагогическим персоналом, представителями местного общественного самоуправления и родителей учащихся на основе общегосударственных норм, установленных законодательными учреждениями».¹⁷⁶

Однако в учительской среде явно не было желания развивать и драматизировать конфликт. В конце концов и сами «государственники», являвшиеся сторонниками более активной поддержки Временного правительства, принципиально признавали школьную автономию. На том же съезде «деятелей средней школы» они проголосовали за решение войти в состав ВУС¹⁷⁷ и тем самым достигнуть соглашения по вопросу об автономии. На местах, очевидно, преобладали сторонники «отделения» от государства. Типичной была позиция Томского учительского союза, требовавшего последовательного проведения в жизнь «принципов демократизации и децентрализации», полного самоуправления школьных коллективов, сотрудничающих с органами местного самоуправления, родительскими организациями и «согласовывающих» свою деятельность с коллективами «однородных школ данного района» при помощи создания волостных и уездных школьных комитетов.¹⁷⁸

Представители ВУС в Государственном комитете в целом поддерживали лозунг широкой школьной автономии, хотя и не требовали немедленной ликвидации Министерства народного просвещения. Последнее, как говорилось в докладной записке В. А. Герда, временно обеспечивая «единство управления» и вместе с тем отказываясь от «системы мертвящей опеки», должно «начертать себе план постепенного ликвидации самого себя» и постепенной же передачи всего дела народного образования в руки органов местного самоуправления.¹⁷⁹ Так полагал Герд, а большинство членов президиума и всего состава Государственного комитета под-

¹⁷⁵ Вестник воспитания. 1917. № 5/6. С. 56.

¹⁷⁶ Там же. С. 57.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Школа и жизнь Сибири. 1917. № 11. С. 61—62.

¹⁷⁹ ААН СССР, ф. 880, оп. 5, д. 9, л. 24.

держивало принцип автономии «в пределах, установленных законом». ¹⁸⁰ Иными словами, Государственный комитет, ухватившись за резолюцию Всероссийского съезда деятелей средней школы, намеревался вести дело к сохранению законодательных функций Временного правительства, буржуазного государства. Но Государственный комитет, разрабатывавший свои законопроекты, по ироническому определению одного журнала, «в тиши департаментских покоев», ¹⁸¹ весьма мало влиял и на позицию министерства и на позицию учительства. Отметим при этом, что в ходе периодически разгоравшихся споров о пределах школьной автономии никто не осмеливался посягать на положения о всеобщности и бесплатности обучения.

В обращении Совета ВУС, разосланном учительским организациям 8 июля, говорилось о необходимости провести школьную реформу и «смести всякие следы бюрократической опеки» над делом народного образования «еще до начала учебного года», т. е. до сентября 1917 г. ¹⁸² Однако время шло, а министерство ограничивалось решением частных вопросов, откладывая радикальные преобразования до созыва Учредительного собрания. Тон резолюции II делегатского съезда ВУС уже был более сдержан, чем тон июльского обращения Совета ВУС. В резолюции съезда учительские организации призывались содействовать «всеми находящимися в их распоряжении средствами» тому, чтобы местное самоуправление «как можно скорее» приступило к формированию органов, которые взяли бы на себя заведование делами народного образования «в соответствии с вновь издаваемыми постановлениями Временного правительства и Министерства народного просвещения». ¹⁸³ Но многие из обещанных постановлений так и не последовали, и к новому учебному году школы, как отмечал учительский журнал, подходили «среди полной разрухи всего дела народного образования». ¹⁸⁴

Все это способствовало росту упадочнических настроений, ослаблению сплоченности и организованности.

¹⁸⁰ Учитель. 1917. № 1. С. 7.

¹⁸¹ Вестник воспитания. 1917. № 6/7. С. 35.

¹⁸² Обращения учительских союзов к учителям // ОР ГПБ, ф. 322, д. 89, л. 27.

¹⁸³ Учитель. 1917. № 1. С. 46.

¹⁸⁴ Там же. С. 9.

Учительские союзы хотя возникли и повсеместно, но хаотично и в большинстве случаев мало проявляли себя. Связь с Советом ВУС была слаба, что наглядно обнаружилось при созыве II делегатского съезда. Последний должен был начать свою работу 1 августа, но плохая осведомленность Совета о положении на местах, недостаточность мер по оповещению, вялые отклики местных организаций, а также нараставшая разруха на железнодорожном транспорте едва не сорвали весь план. Малое количество приехавших делегатов вынудило в течение недели ограничиваться проведением бесплодных частных совещаний. К 8 августа, напомним, прибыли 530 делегатов. Они представляли 339 организаций, и, поскольку Совет ВУС полагал, что это число составляет более половины всех учительских организаций,¹⁸⁵ кворум для конституирования съезда признали достаточным. Но, как вскоре выяснилось, Совет ВУС недоучел более 200 местных союзов.

Уже к концу весны в учительских коллективах участились раздоры, в том числе личные. По воспоминаниям современника, «публика была нервной, не склонной к уступкам»,¹⁸⁶ что полностью относилось и к «публике» учительской. Участвовавшие конфликты вынудили Западно-Сибирский учительский союз приступить к разработке положения о «судах чести».¹⁸⁷ Попечителю Киевского учебного округа профессору Н. Василенко настолько опротивели «шептуны» и письменные анонимные доносы, что он опубликовал исполненное негодования письмо.¹⁸⁸ Положение в других учебных округах страны вряд ли было существенно лучше, хотя их попечители, кажется, не следовали примеру киевского профессора.

Качество учебного процесса почти повсеместно, особенно в старших классах средних школ, заметно ухудшилось. В первую очередь это было следствием неизбежного отвлечения от школьных будней не только учителей, но и старшекласников. Последние, приобщаясь к политической жизни, по-своему стали трактовать и ученические права. Поступали сведения, что «были со

¹⁸⁵ Народный учитель. 1917. № 23/24. С. 14.

¹⁸⁶ Пешехонова А. Ф. Воспоминания 1905—1919 гг. // ОР ГПБ, ф. 581, д. 70, л. 103.

¹⁸⁷ Школа и жизнь Сибири. 1917. № 1. С. 64.

¹⁸⁸ Вестник воспитания, 1917, № 5/6, С. 52.

стороны учащихся требования об удалении тех или иных учителей, подкрепленные коллективными отказами заниматься с этими учителями; были заявления об исключении из курса школы отдельных учебных предметов и явочные отказы обучаться; были со стороны учащихся попытки, иногда весьма активные, вмешиваться в руководство учебно-воспитательным делом, устанавливать форму урочных занятий, письменных работ, задавания домашних уроков и пр.». ¹⁸⁹ Правда, подобные факты получили не столь уж широкое распространение, а конфликты между учителями и учениками были в целом менее острыми, чем осенью 1905 г., когда дело доходило до «забастовок» и «беспорядков». ¹⁹⁰ Но то, что осторожно именовалось «упадком деловой работы» в старших классах, действительно имело место. Еще одной важной причиной этого называлось общее ослабление «принудительного начала» в учебном процессе и полное прекращение контроля «сверху» за работой учителей. ¹⁹¹

Положение в среде учителей, которые представляли самую многочисленную группу интеллигенции, было весьма характерно. Нет, не наблюдалось дальнейшего подъема профессионального движения интеллигенции в мас—августе 1917 г., не повышала она уровня своей организованности и мало чего добивалась в этот период. В некоторых профессиональных группах положение было еще хуже, чем в учительской среде, в других группах имитировалась некоторая активность, но в целом картина была безотрадной.

Врачи, и весной-то не выделявшиеся организованностью и сплоченностью, летом практически не продвинулись ни на шаг. Пироговское общество и другие объединения были инертны, причем снизу доверху. Когда в сентябре подводились итоги деятельности Союза врачей Москвы и Московской губернии, то пришлось признать их «более чем скромными». ¹⁹² Выработка устава «суда чести», создание посреднического бюро, выпуск одного номера «Бюллетеня», командирование представителей союза в кое-какие комиссии — это все, что смог записать в свой актив Совет Союза. Показательны и такие данные: из 25 членов Совета Союза только 6 присут-

¹⁸⁹ Там же. С. 42.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же. С. 43.

¹⁹² Врачебная жизнь, 1917, № 6/7, С. 11.

створвало на 6 и более заседаниях, которых всего было 12. 6 членов Совета не явились ни на одно из заседаний, 4 были на одном заседании, 6 — на двух и т. д.¹⁹³

Профессиональное движение тормозилось отсутствием солидарности между различными группами медиков. Врачи, мобилизованные в армию, завидовали черной завистью коллегам, остававшимся в тылу, требовали замены. Не было согласия между «общественными» врачами и врачами, работавшими в частных лечебницах или целиком занятыми частной практикой. Но особенно болезненными оказались противоречия между врачами и другими категориями медицинских работников (фельдшеры, сестры милосердия, санитары и пр.). С ними у врачей с лета начали возникать острые конфликты, имевшие социальную подкладку. Наибольшую огласку получил конфликт в Голицынской больнице (Москва), конфликт настолько резкий, что потребовалось вмешательство Исполкома Московского Совета рабочих депутатов. Представитель Исполкома, ознакомившись с положением, сообщил, что в больнице «во многом сохранились старые дореволюционные порядки».¹⁹⁴ Выяснилось, в частности, что в больнице и через 5 месяцев после победы Февральской революции не создали какого-либо коллегиального органа, контролирующего деятельность администрации, что последняя — если не при поддержке, то при попустительстве врачей — использовала «старые приемы управления и обращения» со средним и младшим медицинским персоналом («служащими»). Отнюдь не во всем были правы и «служащие». Неверно истолковывая понятия «свобода» и «демократия», многие из них попросту стали плохо работать, а на требования и указания врачей реагировали как на «насилие начальства».¹⁹⁵

Основанный в июне Союз врачей и зубных врачей частных лечебниц Москвы, решил добиваться улучшения положения своих членов: повышения заработной платы, согласия хозяев на избрание в лечебницах коллегиального представительства врачей, которое получило бы право голоса при решении вопросов приема и увольнения, установления внутреннего распорядка и пр.

¹⁹³ Там же.

¹⁹⁴ Врачебная жизнь. 1917, № 4. С. 9.

¹⁹⁵ Там же.

В поддержку требований была объявлена забастовка.¹⁹⁶ Союз врачей Москвы и Московской губернии не оказал «частникам» никакой поддержки, а Союз зубных врачей—служащих (зубных техников) прямо осудил забастовку, усмотрев в ней «явное стремление одной категории служащих занять более привилегированное положение и в сотрудничестве с владельцами лечебниц взять на себя административные функции по отношению к другим служащим».¹⁹⁷

Вопрос о праве медиков на забастовки был далеко не бесспорен, и большинство врачей решало этот вопрос отрицательно. Когда в Москве забастовали врачи двух амбулаторий, находившихся в ведении Городской думы, эта акция вызвала резкое осуждение коллег по профессии.¹⁹⁸ Бюро Общества врачей Владикавказской железной дороги явно отразило господствующее мнение, когда указало, что всякая забастовка медицинского персонала, «отражаясь непосредственно на больных, является преступной и поэтому недопустимой».¹⁹⁹

Положительное значение имело основание официального органа Пироговского общества — «Врачебной жизни». Редактором этого печатного органа, начавшего выходить в августе в Москве, стал врач-большевик З. П. Соловьев.²⁰⁰ В редакционной статье «Врачебной жизни» с полным на то основанием говорилось о профессиональном объединении врачей как о задаче, еще подлежащей решению: «Реальная, с большим трудом и инерцией поддававшаяся до сих пор объединению врачебная масса должна пережить фазу напряженной внутренней критики, отбора и соединения в тесно сплоченные союзы. Брошенный в жизнь лозунг профессионального объединения врачей должен вылиться в реальные формы, облечься в плоть и кровь».²⁰¹

Успешнее добивались объединения и организации своих сил инженеры. Временный центральный Совет союзов инженеров созвал I делегатский съезд Всероссийского союза инженеров. На съезде, состоявшемся

¹⁹⁶ Там же.

¹⁹⁷ Там же. № 5. С. 12.

¹⁹⁸ Речь. 1917. 25 мая.

¹⁹⁹ Врачебная жизнь. 1917. № 8/9. С. 13.

²⁰⁰ Барсуков М. И. Великая Октябрьская социалистическая революция и организация советского здравоохранения: Октябрь 1917—июль 1918 гг. М., 1951. С. 48.

²⁰¹ Врачебная жизнь, 1917, № 1. С. 3—4.

21—22 мая в Москве, присутствовало 200 делегатов от 50 местных союзов, в большинстве настроенных прокадетски. Делегаты утвердили устав союза и избрали ЦК в составе 11 человек во главе с профессором Д. С. Зерновым.²⁰² Союз, судя по резолюции съезда, всего более был озабочен тем, чтобы трудовые конфликты на предприятиях решались «организованно», через «надлежащие камеры или суды» и чтобы велась «упорная борьба» против неких «насилий и самосуда» над членами Союза со стороны рабочих.²⁰³

Провозглашено было, правда в значительной мере формально, воссоздание Всероссийского союза юристов, руководство которого было настроено прокадетски. Председателем правления избрали В. Н. Челищева, а товарищами — Л. С. Таля и Н. В. Тесленко.²⁰⁴ Попытка же созвать Всероссийский юридический съезд не удалась. В Москву к намеченному сроку (20 августа) прибыло всего 100 делегатов — в десять раз меньше, чем ожидал оргкомитет.²⁰⁵ Поэтому вместо съезда провели бесполезное, мало кого заинтересовавшее совещание, на котором время ораторов (красноречивый признак!) ограничивалось пятью минутами.²⁰⁶ Среди юристов выделились своей сравнительной организованностью лишь нотариусы, проводившие свой I Всероссийский съезд в июле в Нижнем Новгороде. «Съезд, — сообщалось в корреспонденции, — пересмотрел главнейшие пункты Положения о нотариальной части, наметил принципы желательного устройства нотариата и принял временный проект устава Всероссийского союза нотариусов, правление которого будет временно помещаться в Нижнем Новгороде».²⁰⁷

Натужно, усилиями главным образом Союза деятелей высшей школы Москвы созывался всероссийский академический съезд. Он состоялся 7—10 июня в Москве как IV Делегатский съезд Всероссийского академического союза.²⁰⁸ В работе съезда участвовало лишь

²⁰² Утро России. 1917. 25 мая.

²⁰³ ЛГИА, ф. 1357 (Петроградский металлический завод), оп. 3, д. 38, л. 400.

²⁰⁴ Русские ведомости. 1917, 9 мая.

²⁰⁵ Там же. 22 авг.

²⁰⁶ Там же. 23 авг.

²⁰⁷ Право. 1917. № 33/34. С. 1259.

²⁰⁸ Русские ведомости. 1917. 8 и 11 июня.

около 70 делегатов ²⁰⁹ из 8 городов (Москва, Петроград, Киев, Харьков, Одесса, Пермь, Ростов н/Д, Юрьев), ²¹⁰ причем впервые в истории Академического союза старшие и младшие преподаватели наделялись одинаковыми делегатскими правами. ²¹¹ Видимо, среди делегатов численно преобладали москвичи, ибо, по сообщению Н. И. Кареева, избранного делегатом съезда, с периферии прибыло менее половины ожидавшихся делегатов, а из Петрограда — всего-навсего двое. Ввиду малочисленности состава решили не принимать постановлений по «особенно острым и спорным вопросам», наметив созыв нового съезда на срок не ранее декабря 1917 г.

Съезд принял резолюцию — «Задачи высшей школы», в которой торжественно провозглашалось: «Русская высшая школа — автономное учено-учебное учреждение». ²¹² От начертания границ автономии воздержались, передоверяя тем самым решение назначенному на 12 июня совещанию по реформе высшей школы при Министерстве народного просвещения. Судя по второму пункту резолюции, в приведенном выше определении положения и задач высшей школы акцент делался на слова «учено-учебное». «Задачи научного исследования и преподавания науки должны стоять на первом месте и не могут быть принесены в жертву никаким иным целям», ²¹³ — строго указывалось во втором пункте. Под «иными целями», как публично разъяснил И. М. Гревс, имелись в виду попытки «крайних групп» студенчества использовать высшую школу «в виде арены политической борьбы». ²¹⁴

На съезде под влиянием кадетов выявилось стремление отгородить высшую школу не только от политики. Часть делегатов ратовала за отстранение от участия в подготовке специалистов-практиков (врачей, инженеров и др.), сосредоточив внимание на научной работе. ²¹⁵ Видимо, однако, высокомерный академизм не находил сколько-нибудь широкой поддержки среди ученых и преподавателей. Напротив, преобладало убеждение в необходимости более широкой и интенсивной подготовки мо-

²⁰⁹ Речь. 1917. 17 июня.

²¹⁰ Русские ведомости. 1917. 8 июня.

²¹¹ Речь. 1917. 17 июня.

²¹² Русские ведомости. 1917. 13 июня.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Речь. 1917. 25 июня.

²¹⁵ Там же. 17 июня.

лодежи к практической («профессиональной») деятельности. В печати обсуждалось, в частности, предложение резко увеличить выпуск инженеров путем введения для большинства студентов высших технических школ узкой специализации, овладеть которой можно было бы за 6—7 семестров.²¹⁶ Делегаты же съезда, старавшиеся, по замечанию Н. И. Кареева, найти «соглашательные формулировки»,²¹⁷ в конце концов ограничились указанием на «безусловную необходимость» разделения «испытаний ученых и профессиональных».²¹⁸

В резолюции «Задачи высшей школы» предлагалось, кроме того, устранить перегрузку учебных программ и многопредметность, пересмотреть порядок присвоения ученых степеней «в смысле отказа от всех формальных сторон, затемняющих и затрудняющих специальную научную подготовку». «Решающее значение,— указывалось в резолюции,— должны иметь ученые работы и общий ученый вес диссертанта».²¹⁹ Съезд вполне определенно высказался за «уничтожение» магистерских и докторских экзаменов.²²⁰

Этим и исчерпывалось содержание резолюции «Задачи высшей школы». Стремление продемонстрировать свою лояльность, уступчивость, готовность к самоограничению (соответствующие призывы содержала резолюция по текущему моменту) было так велико, что в резолюциях съезда не было ни слова о материальных нуждах научных и учебных заведений, ученых и преподавателей. Между тем, писал И. М. Гревс, «специальные средства высших школ превратились в жалкие крохи; они не могут закрыть даже на время разверзающиеся отовсюду дыры. Старые сметные ассигнования покрывают лишь часть бюджетных нужд, колоссально возросших от повышения цен на продукты и на оплату физического труда. Люди умственного труда несут здесь свой ответственный долг, живя в серьезных материальных затруднениях при нормах содержания, не соответствующих создавшимся условиям существования».²²¹ Оклады преподавателей высшей школы так и остались без изменений.

²¹⁶ Русские ведомости. 1917. 9 мая.

²¹⁷ Речь. 1917. 17 июня.

²¹⁸ Русские ведомости. 1917. 13 июня.

²¹⁹ Там же.

²²⁰ Там же.

²²¹ Речь. 1917. 25 июня.

Была продемонстрирована осторожность и при решении вопроса о положении младших преподавателей. В соответствующей резолюции съезда провозглашалось, что все преподаватели «составляют единую академическую коллегия», единую, но все же не обладающую одинаковыми правами.

Обласкав младших коллег, предоставив им право голоса на съезде, профессура постаралась как можно дипломатичнее обойти требование младших об их членстве в факультетских и институтских советах. В резолюции съезда содержалась рекомендация приглашать младших преподавателей в состав специализированных «академических единиц» — предметных комиссий, кафедральных советов и пр. Призывая к повсеместному созданию и активизации таких «единиц», съезд выражал уверенность, что их активное функционирование разгрузит факультетские и институтские советы, увеличит «интенсивность научно-педагогической работы» и усилит «специальную осведомленность факультетов и советов». ²²² Против таких конструктивных доводов было трудно возражать. Для того же, чтобы младшие члены «единой академической коллегии» не теряли надежды на большее, съезд высказался за временное решение вопроса о правах младших преподавателей самими институтами и университетами. Однако авторы одобренного съездом текста резолюции не забыли упомянуть в нем и об определяющей роли правительственных постановлений, и о выработке в будущем постоянных уставов. ²²³ На осень 1917 г. намечался созыв съезда по реформе высшей школы. ²²⁴

Что же касается куда более острого вопроса о роли и правах студентов, то академический съезд в общей форме признал «необходимым участие организованного студенчества в строительстве новой школы», уклончиво отметив, однако, что форма этого участия «не представляется определившейся». Все же съезд одобрил создание временных комитетов, в состав которых на равных правах входили бы представители преподавателей и студенчества «для обсуждения основных принципов устройства высшей школы и вопросов текущей жизни дан-

²²² Русские ведомости. 1917. 13 июня.

²²³ Там же.

²²⁴ *Купайгородская А. П.* Высшая школа Ленинграда в первые годы Советской власти (1917—1925). Л., 1984. С. 26.

ной школы». ²²⁵ И. М. Гревс, отражая мнение подавляющего большинства делегатов академического съезда, писал, что представители организованного студенчества могут участвовать в обсуждении задач высшей школы, но претензия управлять ею — «печальное недоразумение», ибо состав студентов быстро меняется, и поступают они в высшую школу лишь для учебы. ²²⁶

Между тем студенчество, которое на уровне институтов и отдельных городов в целом было организовано значительно лучше, чем преподаватели, потерпело полную неудачу в попытке объединиться во всероссийском масштабе. Как уже отмечалось выше, 272 делегата, прибывшие 15 мая на Всероссийский съезд студенчества в Москву, ни о чем не смогли столковаться из-за неизбежных и непримиримых межпартийных разногласий. Съезд, сначала объявивший себя совещанием, затем пришел к выводу о том, что он «никому не нужен, и его решения ни для кого не обязательны». ²²⁷

После начала каникул затихла и деятельность внизу, в университетах и институтах. Однако уже в августе, после того как Временное правительство постановило в связи с дальнейшим ухудшением положения с продовольствием и топливом в Петрограде перенести начало занятий в столичных высших учебных заведениях на 2 октября, ²²⁸ студенчество снова дало о себе знать. Студенты — члены ЦИК Советов назначили на 4 августа собрание живущих в Петрограде студентов. ²²⁹ Сведений об этом собрании (если оно состоялось) в нашем распоряжении нет, но большинство петроградских студентов, вероятно, было очень недовольно решением об отсрочке начала занятий. А вот в Москве, где управа Городской думы решила перенести начало занятий в высших и средних учебных заведениях на 18 сентября, ²³⁰ первоначальная реакция студенчества оказалась неожиданной: собрание 1500 студентов, состоявшееся 24 августа, большинством голосов высказалось за прекращение занятий на неопределенное время. ²³¹

²²⁵ Русские ведомости. 1917. 13 июня.

²²⁶ Речь. 1917. 25 июня.

²²⁷ Утро России. 1917. 26 мая.

²²⁸ Вестник Временного правительства, 1917. 12 авг.

²²⁹ Речь. 1917. 3 авг.

²³⁰ Утро России. 1917, 22 авг.

²³¹ Там же, 25 авг.

Ученые, по тем или иным причинам не уехавшие летом в отпуск, продолжали трудиться в своих кабинетах и исследовательских учреждениях. Некоторые из них, даже пребывая в отпуске, находили себе дело. Например, отдохавшие в Крыму (Н. М. Крылов, А. Ф. Иоффе, С. И. Метальников и др.) увлеклись идеей организации Ливадийского университета-здравницы, идеей, очевидно, выдвинутой директором Никитского ботанического сада Н. И. Кузнецовым и активно поддержанной писателем К. А. Треневым. Ученые заседали в комитетах и комиссиях, разрабатывали проекты этого совершенно необычного университета.²³²

Различные комитеты и комиссии продолжали заседать и в столицах. Именно к лету завершилась работа представителей Московского педагогического общества и орфографической подкомиссии при АН по подготовке реформы правописания, одобренной затем Министерством народного просвещения и намеченной к проведению с начала нового учебного года.²³³ Члены Русского исторического общества как ни в чем ни бывало провели под председательством великого князя Николая Михайловича в его дворце годовое общее собрание и, по определению своего председателя, «с прежним рвением» углубились в подготовку очередных томов сборников документов о событиях минувших веков.²³⁴ Некоторые, видимо, были шокированы всем этим и подали заявление о выходе из состава общества.²³⁵ Впрочем, не все его члены упорно и в какой-то мере демонстративно поворачивались спиной к современности, делали вид, что все происходящее в стране их не касается. А. С. Лаппо-Данилевский, принятый в общество в мае 1917 г., в июне добросовестно трудился в Особом совещании по изготовлению проекта положения о выборах в Учредительное собрание, писал «теоретические соображения» в пользу введения пропорциональной системы выборов.²³⁶

Специальный комитет готовил созыв учредительного съезда Объединения (ассоциации) русских естествоис-

²³² См.: Френкель В. Я. Яков Ильич Френкель. М.; Л., 1966. С. 43—44.

²³³ «И» вместо «і», исключение «ъ» в конце слов и другие изменения — всего 11 (Народный учитель, 1917, № 15/20. С. 18).

²³⁴ ЦГИА СССР, ф. 746 (Русское историческое общество), оп. 1, д. 231, л. 130.

²³⁵ Там же, л. 134, 138.

²³⁶ ААН СССР, ф. 113, оп. 1, д. 227, л. 1—6.

пытателей и врачей. Съезд состоялся 20—24 августа в Москве, в нем участвовали более 350 членов Объединения (из 750).²³⁷ На съезде, почетным представителем которого был академик П. И. Вальден, с научными докладами выступили крупные ученые — Д. Н. Анучин, Н. К. Кольцов, А. В. Леонтович, А. Н. Северцов и др. Съезд, помимо прочего, поставил вопрос о необходимости государственной охраны природы, указал на недопустимость уничтожения характерных участков растительности и истребления редких видов животных, принял специальную резолюцию о проведении через Учредительное собрание закона об охране природы.²³⁸

Немногого добилась «Свободная ассоциация» для развития и распространения положительных наук. К своей главной цели — основанию Института положительных наук — она не приблизилась ни на шаг. Совет Ассоциации, возглавлявшийся В. А. Стекловым, и правление, председателем которого избрали профессора А. А. Иванова, тратили время на поиски денежных средств и общественной поддержки. Массу энергии продолжал затрачивать А. М. Горький, но тоже практически безуспешно. «Финансисты и коммерсанты» раскошеливаться не желали. Даже, казалось бы, не столь уж сложный вопрос о помещении для «Свободной ассоциации» и нескольких задуманных к созданию лабораторий не находил разрешения. А. М. Горький и В. А. Стеклов обивали пороги канцелярий с просьбой передать Ассоциации пустовавшую дачу «Александрия» в Новом Петергофе, дважды наведывались к Ф. А. Головину, но кроме неопределенных обещаний ничего не добились.²³⁹

Между прочим, у «Свободной ассоциации» появились «конкуренты», тоже намеревавшиеся развернуть широкую пропаганду научных знаний, но — сразу отметим — тоже мало в чем преуспевшие. Например, 13 мая в Петрограде по инициативе Русского общества любителей мироведения состоялось собрание представителей 20 обществ с целью учредить Союз научных обществ. Собрание, которое вел Н. И. Кареев, целью учреждаемого Союза провозгласило популяризацию научных зна-

²³⁷ Русские ведомости. 1917. 25 авг.

²³⁸ Там же. 24 авг.

²³⁹ ААН СССР, ф. 162, оп. 3, д. 164, л. 32, 33 об.

ний, причем не только «положительных». ²⁴⁰ Но — увы! — след не успевшего окончательно оформиться Союза научных обществ тут же и затерялся.

Грандиозные замыслы рождались в головах ведущих деятелей Университета имени А. Л. Шанявского. Провозгласив своей задачей борьбу «за живую душу трудящихся», за извлечение их из «тины будничной жизни наших больших городов», за то, чтобы «наша демократия стала культурной демократией», чтобы «всякий трудящийся, не отрываясь от своей повседневной работы, мог воспитывать в себе гражданина и человека», университетские деятели возмечтали о создании в «каждом значительном городе», и прежде всего в Москве, Дворца народного образования. Дворец, воздвигаемый «в память прошедшего переворота», должен стать «достаточно вместительным и оборудованным так, чтобы занятия в нем велись в реальной, *демонстративной* обстановке». ²⁴¹

Эти красивые мечты о дворцах народного образования, о приобщении трудящихся масс к культуре никак не связывались с перспективой революционного движения, с борьбой за социалистическое общество. Более того, уж не надеялись ли авторы проектов на отвлечение масс от участия в революционной борьбе, т. е. именно от того, что создавало реальные предпосылки для претворения мечты о дворцах в жизнь? В связи с этим напомним о распространенных среди непролетарской интеллигенции политических умонастроениях не в пользу развития революции. Но, может быть, в данном случае и не было особой, осознанной политической подоплеки, может быть, здесь имело место некое «чистое» культурничество. Но так или иначе, а летом 1917 г. попытки (немногочисленные и, как правило, бесплодные) создать народные университеты и новые народные дома предпринимались не только в Москве. Кое-где к культурническим замыслам приобщались Советы рабочих и солдатских депутатов. Например, в Рыбинске местный Совет явно по инициативе представителей интеллигенции решил создать Народный университет первоначально с одним факультетом — общественно-юридическим, лекторами которого стали бы преподаватели Демидовского юридического лицея, Московского университета и мест-

²⁴⁰ Речь 1917. 16 мая.

²⁴¹ Русские ведомости, 1917. 14 июня.

ных, рыбинских учебных заведений.²⁴² В Вологде собрание уполномоченных Союза северных кооперативов «с редким единодушием» решило вопрос о создании в стране «высшей крестьянской школы по типу датских» и ассигновало на это 150 тыс. рублей. За счет пожертвований создали при запроектированной школе библиотеку с 12 тыс. книг.²⁴³ В Сибири подумывали о создании многих народных домов, имея в виду, что когда страна «покроется густой сетью культурных оазисов, тогда культура и просвещение волеются во все уголки Российского государства, и Россия займет одно из первых мест среди культурных стран Европы».²⁴⁴

В крайне затруднительном положении оказывались деятели искусства. Для них важнее всего было ответить на вопросы: должны ли измениться в новой действительности роль и назначение искусства, требуется ли пересматривать традиционные представления о его содержании и форме, о положении художника? Как уже отмечалось, лишь очень немногие (В. В. Маяковский в первую очередь) вступали на верный путь.

В мае большевики активизировали свою борьбу за художественную интеллигенцию. «Правда» опубликовала обращение «К поэтам, беллетристам и художникам», призывая их создавать новое, пролетарское искусство. «Полного расцвета пролетарское искусство,—говорилось в обращении,—достигнет, конечно, только в социалистическом строе. Но уже теперь, когда сброшена часть оков, лежащих на пролетариате, искры свободного искусства должны разгореться в яркое пламя».²⁴⁵ Через неделю состоялось собрание художников-интернационалистов, выдвинувших задачу объединить пролетарские силы в искусстве, затем по инициативе «Правды» было создано «Общество пролетарских искусств».²⁴⁶ 26 мая состоялось заседание организационного бюро Общества, а на 28 мая назначалось собрание литературной секции.²⁴⁷ Определенную работу среди

²⁴² Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 авг.

²⁴³ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 26 июля.

²⁴⁴ Школа и жизнь Сибири. 1917. № 1. С. 38.

²⁴⁵ Правда. 1917. 7 мая.

²⁴⁶ Горбунов В. В. В. И. Ленин и Пролеткульт, М., 1974. С. 45—46.

²⁴⁷ Правда. 1917. 27 мая.

художественной интеллигенции вело созданное еще в 1914 г. и возглавлявшееся большевиком Н. Е. Бурениным «Общество изящных искусств». ²⁴⁸ Пока, однако, все это были лишь первые шаги, еще не оказывавшие влияния на основную массу деятелей искусства.

В мае же писатели основали-таки, не созывая съезда, Союз деятелей художественной литературы, членами Временного Совета которого стали Л. Н. Андреев, А. М. Горький, Н. С. Гумилев, В. И. Немирович-Данченко, Ф. К. Сологуб, Н. А. Тэффи и др. ²⁴⁹ Союз провозгласил своей целью «защиту общих интересов литературы, защиту духовных и правовых интересов деятелей художественной литературы и непосредственную охрану их материальных нужд», входя ради достижения этой цели «в сношения с правительственными и общественными учреждениями, с другими союзами и организациями». ²⁵⁰ Здесь же и отметим, что Союз деятелей художественной литературы оказался нежизнеспособной организацией, просуществовав, и притом почти бездейственно, менее года.

Преобладавшие политические умонастроения, утрата исторической перспективы, психологическая подавленность, растерянность не способствовали и не могли способствовать творческому подъему. «Искусство или немотствует или уныло бродит около политики, как дитя на пожаре», — отмечал А. М. Горький. ²⁵¹ Наиболее заметен был творческий спад среди писателей, поэтов, композиторов. ²⁵² В частности, поглощенный публицистической деятельностью, продолжал «бродить около политики» А. И. Куприн. ²⁵³ Немалая же часть деятелей искусства просто «немотствовала».

И все же однозначная оценка была бы неправильна. Сказанное имеет отношение не к каждому деятелю искусства и не в одинаковой мере ко всем отрядам ху-

²⁴⁸ Ярошецкая В. П. Борьба партии большевиков за художественную интеллигенцию в период подготовки социалистической революции и в первые годы Советской власти: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1973. С. 12—13.

²⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 749, оп. 1, д. 3, л. 136 об.

²⁵⁰ Там же, л. 136.

²⁵¹ Горький М. Собр. соч. Т. 24. М., 1953. С. 185.

²⁵² См. обзорные статьи В. П. Полонского и Ар. Лурье (Новая жизнь. 1917. 31 дек.).

²⁵³ Фонакова Н. Н. Куприн в Петербурге — Ленинграде. Л., 1986. С. 191—192.

дожественной интеллигенции. Отметим прежде всего, что, несмотря на крайнюю загруженность публицистической и организаторской деятельностью, продолжал работать как писатель А. М. Горький. Находясь с середины августа в Коктебеле, он много трудился над пьесой «Яков Богомоллов». ²⁵⁴

Сохранили творческую активность многие художники. Несмотря на плохое состояние здоровья, болезнью прикованный к креслу, работал Б. М. Кустодиев. «Он подкатывал к своим полотнам и отъезжал от них, точно вызывая на поединок ту грядущую смерть, которую так несправедливо наслал на него тяжелый недуг», — вспоминал И. Я. Билибин. ²⁵⁵ И. Э. Грабарь, вынужденный, к своей крайней досаде, отдавать много времени заседаниям в различных комиссиях, успел все же написать две картины («Балка в клевере» и «Утренний чай в аллее»). ²⁵⁶ А вот отрывок из воспоминаний А. А. Рылова: «Все картины тогда покупались „на корню“ вновь появившимися коллекционерами. Кроме денег, эти меценаты приносили мне ценные художественные изделия и кое-какие продукты. Часто они заказывали темы настолько широкие, что нисколько не стесняли моей свободы творчества. Один просил написать ему серую воду с рябью, другой — берёзы в ветер или бурный день и чаек. Любили также заказывать снежные пейзажи. Я охотно писал свои любимые сюжеты и также охотно принимал плату, а в особенности дары». ²⁵⁷

Однако, вопреки утверждению А. А. Рылова, далеко не все скупалось коллекционерами «на корню». На рождественских вернисажах в Москве были широко представлены новые полотна К. А. Коровина (17 картин), Н. П. Крымова (14 картин), К. Ф. Юона, А. М. Васнецова, П. П. Кончаловского, А. В. Лентулова, Р. Р. Фалька, М. В. Добужинского, С. А. Виноградова, И. И. Машкова и многих других. Как отмечалось в прессе, некоторые из живописцев были «представлены на открывшихся теперь выставках даже большим количеством произведений, чем в предшествующие годы». ²⁵⁸

²⁵⁴ Купченко В. П. Остров Коктебель. М., 1981. С. 25, 26.

²⁵⁵ Борис Михайлович Кустодиев. Л., 1967. С. 350.

²⁵⁶ Грабарь Игорь. Письма. 1891—1917. М., 1974. С. 320, 450.

²⁵⁷ Рылов А. Воспоминания. С. 171.

²⁵⁸ Русские ведомости. 1917. 28 дек.

С. Т. Коненков открыл скульптурную выставку в своей студии на Пресне.²⁵⁹

Появились признаки более углубленного и широкого, чем весной, осмысления проблем «искусство и жизнь», «искусство и народ», «искусство и демократия», «искусство и революция». Часть деятелей искусства (не все, но почти все они были «левыми», «футуристами» или тяготевшими к ним) провозглашали обязательность вторжения искусства в революционную действительность, участия художника в борьбе за полную победу революции или, как предпочитали определять некоторые, демократии. О. М. Брик в статье «Демократизация искусства» писал, что поскольку русская революция не ограничится изменениями государственного строя, поскольку «ее призвание — по-новому поставить и разрешить основные проблемы социальной и культурной жизни», то деятели искусства «не могут оставаться равнодушными зрителями всего происходящего», они обязаны участвовать «в совершающемся переустройстве жизни». Рассуждающие иначе, продолжал Брик, либо «безнадежные индивидуалисты», либо «люди, попросту не понимающие грандиозности событий».²⁶⁰ «Искусство, чистое искусство остается в стороне, а жизнь, события идут крещендо!!», — возмущался позицией этих художников И. Д. Шадр.²⁶¹

А. Я. Таиров прямо говорил о долге художника «в союзе с трудовым народом» «сбросить ярмо капитализма» и завоевать социализм.²⁶² Утверждая, что «каждый художник, сознательно или потенциально, непременно социалист», Таиров приводил в пользу этого своеобразный довод: художник потому социалист, что он «индивидуалист по рождению», а индивидуализм «с полной свободой и силой сможет раскрыться только при социализме».²⁶³ И еще: только социалистический строй обеспечит художника материально, а будучи обеспечен материально, он перестанет «угождать вкусам большинства» и будет утверждать «в своем творчестве свою индивидуальную волю».²⁶⁴ Как видим, Александр Яков-

²⁵⁹ Там же.

²⁶⁰ Летопись. 1917. № 7/8. С. 298.

²⁶¹ Шадр И. Д. Литературное наследие: Переписка. Воспоминания о скульпторе. М., 1978. С. 72.

²⁶² Таиров А. Я. Прокламации художника. М., 1917. С. 15.

²⁶³ Там же. С. 12.

²⁶⁴ Там же. С. 13.

левич в то время, используя его собственные определения, был социалистом не столько сознательно, сколько «потенциально». В его взглядах было немало противоречий. Например, Таиров тогда категорически отвергал принцип партийности искусства, хотя тут же провозглашал «национализацию искусства» и превращение деятелей искусства, «подобно ученым и священнослужителям», в служителей нового государства.²⁶⁵ А с другой стороны, какой же получился бы «служитель» из «индивидуалиста по рождению»?

Некоторые художники, соглашаясь, что русская революция в конце концов породит и переворот в мире искусства, вместе с тем полагали: революции совершаются стремительно, а искусство развивается сравнительно медленно, и поэтому оно не может, если речь идет об истинном художественном творчестве, отражать сам ход революционного процесса. А. Белый порицал как «многообразие бледнейших рассказов о бомбах, расстрелах, жандармах», рассказов, написанных в 1905—1907 гг., так и «вялые славословья поэтов в рифмованных строчках „свобода“, „народа“, уже написанных в 1917 г. «Но знаю наверное я: в колоссальнейших образах отобразится великая русская революция в ближайшей эпохе с тем большей силой, чем меньше художники слова будут ее профанировать в наши грозные дни».²⁶⁶ О. Э. Мандельштам, художественное кредо которого было иным, тем не менее в данном случае проводил сходную мысль. По его мнению, художник в пору революции должен выполнять свои прямые обязанности гражданина, не удаляясь в мир искусства. Мандельштам резко осуждал декадентов, модернистов и всех «левых», доказывая, что, поскольку развитие искусства отстает от развития революции, новомодные течения отражают не современность, не период революции, а период реакции, да к тому же они, эти течения, не оригинальны, они есть подражание буржуазному искусству Западной Европы. «Те художественные деятели, которые в эти дни выступают особенно крикливо и бестактно,— писал Мандельштам,— почти сплошь являются служителями как раз этого, мещанство ублажающего искусства».²⁶⁷

²⁶⁵ Там же. С. 18.

²⁶⁶ Белый А. Революция и культура. С. 9.

²⁶⁷ День. 1917. 17 апр.

Не все критики «левых» поддерживали эти полемически заостренные и отнюдь не бесспорные суждения о связи искусства «левых» не с революцией, а с политической реакцией. Горький, являвшийся более последовательным противником «левых», чем акмеист Мандельштам, видимо, полагал, что «левые» не то чтобы отражали своим творчеством политическую реакцию и были с ней органично связаны, а, сознательно тяготея к абстракциям, легче ускользали из-под старорежимного цензурного пресса. В итоге «искусство, ограниченное, искаженное цензурой, оторвалось от общественности, погружено в поиски новых форм, утратив жизненное, волнующее и облагораживающее содержание». ²⁶⁸ Впрочем, и в суждении Горького не заключалась вся истина, ибо закономерности развития искусства чрезвычайно сложны.

А тем временем тезис об отставании развития искусства от развития революции для некоторых художников становился благовидным объяснением или оправданием творческой пассивности. Вероятно, однако, большинство, подобно Блоку, мучилось утратой вдохновения, и, возможно, эти художники отдавали себе более или менее ясный отчет в истинных причинах переживаемой драмы. Их трудно осуждать — слишком уж сильны и болезненны были испытанные потрясения, слишком уж сложна и изменчива была сама действительность. К тому же, многие из этих людей не были идейными противниками революционного обновления страны, они надеялись по крайней мере в будущем отобразить революцию в «колоссальнейших образах».

Но ведь, как мы отметили, некоторые представители художественной интеллигенции сохранили, а то и повысили творческую активность. Единой, общей для всех причины этого не существовало. Однако ясно, что некоторые просто-напросто внутренне отгородились от непонятных им и грозных общественных процессов. Вспомним, что писал о своей жизни и работе Рылов. Немало было и таких художников, которые, не замыкаясь внутренне, своим творчеством внешне никак не откликнулись на окружающую их новую действительность. Уж насколько общественно активен был Грабарь, а и он, как и Рылов, продолжал писать свои «любимые сюжеты».

²⁶⁸ Новая жизнь. 1917. 18 апр.

Полотна, представленные на упомянутых рождественских вернисажах, показывали, что «художественная работа шла по тем же, прежним линиям, ни в чем — ни в темах, ни в приемах созидания — не отразив происшедших вокруг них перемен. Не будь на полотнах даты, их можно бы смело принять за художественную продукцию любого из предшествующих дореволюционных годов».²⁶⁹

Историк искусства В. П. Лапшин в своей очень интересной работе о развитии художественных традиций русской живописи XIX в. отмечает, что, например, члены Союза русских художников в период величайших социальных и политических потрясений не сумели откликнуться на переживания современников, что живопись «союзников» по-прежнему прославляла «гармонию и красоту мира».²⁷⁰ Но, во-первых, прославление их в 1917 г., возможно, и не было лишено определенных политических мотивов (мы вернемся к этому вопросу ниже), а во-вторых, прославление «гармонии и красоты мира» во всякое время предпочтительнее угождению обывательским вкусам. Очень жаль, что Коровин не создал в 1917 г. новые образы и не выработал новые живописные средства. И все-таки хорошо, что он, хотя и по-старому, но трудился. «Наше спасение — в труде, да найдем мы и наслаждение в труде», — писал Горький.²⁷¹

Однако в любом смысле было плохо, что резко увеличили свою активность беспринципные и бездарные приспособленцы. «Художники, — сообщал журнал «Аполлон», — которым нечего терять и находить в искусстве, боятся сейчас только одного — потерять время и поэтому спешно налаживаются на революционный лад. Так, например, Э. Лисснер пытается, вместо обычно дурно написанных голых женщин, изобразить самосуд над помещиком («1905 год») или „Стеньку Разина“ в арабском костюме с выпученными глазами. Публика сейчас охотно тратит легкие деньги на произведения искусства, но зато требует и соответствующих сюжетов».²⁷² Затем следовал разгром XXV выставки Петро-

²⁶⁹ Русские ведомости. 1917. 28 дек.

²⁷⁰ Лапшин В. П. Развитие традиций русской живописи XIX века // Русская художественная культура конца XIX — начала XX века: (1908—1917). Кн. 4. М., 1980. С. 77.

²⁷¹ Новая жизнь. 1917. 18 апр.

²⁷² Аполлон. 1917. № 2/3. С. 85.

градского общества художников: «Какое шамкающее повторение розовых бонбоньерок старого времени! Какая безнадежность и вместе с тем какое самодовольство! Все картинки можно разделить на сорта по названию: 1) головки, 2) голые девицы, 3) любимые уголки, 4) военные сцены с осквернением женщин. Кажется, все очень невинно, но ведь ничто не внушит большего отвращения, чем эти мелко и похотливо выписанные „вещицы“». ²⁷³

Итак, бездарные приспособленцы очень оперативно учитывали запросы и вкусы некоторых современников. А вот на творчество истинных художников «дух времени», политические умонастроения вроде бы не оказали воздействия. Пожалуй, все же это было не так или, точнее, не совсем так. В то время, когда создавались упомянутые художественные произведения, немало говорили и писали не только о политике в самом непосредственном смысле, но и о демократизации искусства, о приближении его к народу и пр. Следовательно, игнорировались и эти призывы? Нет, ибо определения «демократизация», «доступность» и пр. истолковывались различно. Значительная часть художественной интеллигенции явно была если не полностью, то в основном согласна с тем, что написал в связи с обсуждением этих вопросов А. Н. Бенуа. А он еще весной 1917 г. в статье «Художественный спор» отметил, что всякое истинное произведение искусства демократично и народно, всякое, ибо «оно есть рожденное от народа, есть живая исповедь человеческой души», и, напротив, произведение, «фальсифицированное под народное понимание», подлаженное «под народ», ни в коей мере не может считаться демократичным и народным. ²⁷⁴

А. Н. Бенуа писал о своем понимании природы и назначения искусства, не касаясь политических проблем, хотя, напомним, некоторые возможные последствия крайне обостренной борьбы (например, эксцессы, ведущие к гибели культурных ценностей) его, как и других деятелей искусства, глубоко волновали. Поэтому мы вряд ли ошибемся, если предположим, что, оставаясь в собственных публичных высказываниях строго в рамках «художественного спора», но будучи по социальной принадлежности буржуазными интеллигентами, многие

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ См.: *Летопись*. 1917. № 2/4. С. 363, 364.

деятели искусства не протестовали против, например, такой «политизации» их позиции кадетствующими искусствоведами и публицистами: искусство, будучи творческой силой, противопоставлено-де «элементам разрушительным»,²⁷⁵ искусство якобы «совсем не революционно в политическом смысле, а напротив тому — охранительно». ²⁷⁶ Следовательно, в условиях ожесточенной борьбы сил революции и контрреволюции и для кадетов тезис об аполитичности искусства был неприемлем.

Проку от всех этих споров, от рассуждений об охранительной или революционизирующей роли искусства было немного, ибо в целом творческая активность художественной интеллигенции тогда действительно угасала. Следовательно, дискутировавшая интеллигенция, какую бы роль она ни отводила искусству, в каком бы направлении ни намеревалась воздействовать на общественные процессы, практически свои возможности сама же и ограничивала. К тому же некоторые вслед за Горьким, не будучи сторонниками принципа «чистого искусства», в ту пору невысоко оценивали способность произведений искусства целенаправленно воздействовать на людей, вручая пальму первенства «положительным» наукам. Это уже имело прямое отношение к вопросу о требуемых усилиях по эстетическому воспитанию народа, к вопросу о пропаганде искусства. Находились и принципиальные противники эстетического воспитания масс. Например, Брик утверждал, что народ будет идти «собственной творческой дорогой», что «всякое культурное народничество» есть «просто барские затеи» и что поэтому следует настаивать «на отмене всяких охранительных и воспитательных мер в области искусства». ²⁷⁷

Все же сторонники «воспитательных мер» преобладали. Острый недостаток в произведениях искусства, созданных в революционное время, они, имея в виду эстетическое воспитание масс и иные цели («охранительная» роль искусства и пр.), были бы готовы восполнить путем соответствующего использования ранее созданных художественных ценностей. Но вот беда — и

²⁷⁵ Коковцев Д. Поэты и революция // Речь. 1917. 10 июня.

²⁷⁶ Ярцев П. Театральные очерки: Искушение хлебом и царством // Там же. 10 сент.

²⁷⁷ Летопись. 1917. № 7/8. С. 301.

здесь возможности сокращались. В конце апреля—начале мая начался «театральный разъезд», сцены государственных театров пустели, а вскоре поползли слухи о закрытии с осени всех театров ввиду недостатка электроэнергии.²⁷⁸ К июлю большинство музеев или закрылось или ограничило число дней и часов для осмотра.²⁷⁹ Летом ввиду близости фронта велась подготовка к эвакуации из Петрограда художественных сокровищ Эрмитажа, Русского музея, Академии художеств.²⁸⁰ Огромные трудности — художественные и материальные — испытывал Государственный оркестр.²⁸¹ Почти прекратилось издание художественной литературы, толстые литературно-художественные журналы «худели», выпускались сдвоенными и строенными номерами. Скучные запасы бумаги расходились на издание газет, листовок, политических брошюр, отдавались в распоряжение комиссий по подготовке выборов в местные самоуправления и в Учредительное собрание. Опасные масштабы приняло расхищение художественных ценностей, утечка их за границу. По этому поводу бил тревогу Горький.²⁸² Деятели искусства жаловались на невнимание Временного правительства к охране сокровищ культуры.²⁸³

Теперь об обыденном, но очень важном обстоятельстве, а именно: деятели искусства нуждались в заработке, причем некоторые из них и месяца не прожили бы без него. Кто-то мог «теоретизировать», наметать пути и цели воздействия на общественные процессы, а кому-то (прежде всего рядовым служителям искусства) приходилось думать прежде всего о хлебе насущном. В этом они могли и найти поддержку, ибо нужда в изыскании средств была широкой. Вот что сообщалось в одной корреспонденции: «В дни великой русской революции у нас, в Смоленске, как, впрочем, и везде, народилось немало разных обществ и организаций, которые, не имея возможности существовать на одних лишь

²⁷⁸ Театр и искусство. 1917. № 36. С. 614—615.

²⁷⁹ Аполлон. 1917. № 6/7. С. 88.

²⁸⁰ Там же. С. 80—81.

²⁸¹ Фокин В. Старейший русский симфонический оркестр. Л., 1982. С. 6.

²⁸² Муратова К. Д. М. Горький в борьбе за развитие советской литературы. М.: Л., 1958. С. 45.

²⁸³ Речь. 1917. 10 мая.

членские взносы, естественно, изыскивают другие способы получения средств. Как к одному из источников дохода, некоторые из обществ и организаций обращаются к устройству концертов...»²⁸⁴ Небывало насыщенным был сезон в Петрограде. Здесь выделялся Государственный оркестр (бывший придворный), искавший и заработков и своего места в новых условиях. Оркестранты организовали в помещении Певческой капеллы и в саду Аничкова дворца серию так называемых «народных концертов», исполняя главным образом произведения выдающихся русских композиторов.²⁸⁵ Насколько сильно и в каком направлении все это влияло на общественные уמוнастроения? Если кто и задавался таким вопросом, то сколько-нибудь ясный ответ вряд ли находился.

В Петрограде сохранялся и такой новый, зародившийся весной вид участия в концертах, который, по крайней мере внешне, был прямо связан с политической борьбой. Речь идет об уже известных нам митингах-концертах. Видимо, однако, артисты и музыканты, соглашаясь на предложение, отнюдь не всегда особо интересовались политической направленностью митинга и исполняли свою обычную концертную программу. С лета устроители стали в своих заявках строже. Большевики руководствовались принципом, подтвержденным июльским постановлением собрания представителей 120 фабзавкомов, принципом, согласно которому культурно-просветительная деятельность должна иметь революционно-социалистическое содержание и направляться на развитие классового сознания пролетариата.²⁸⁶ Этим определялось предпочтение самодеятельным хорам рабочих и солдатским оркестрам. Мелкобуржуазные партии, удрученные провалами соглашательской политики, стремились, хотя и с малым успехом, заполучить известных актеров и с их помощью пропагандировать свои лозунги. Так, в частности, на 30 июля в цирке Чинизелли готовился митинг-концерт «Революционная Россия и оборона страны».²⁸⁷ Буржуазные пар-

²⁸⁴ Русская музыкальная газета. 1917. № 27/28. С. 455.

²⁸⁵ Там же.

²⁸⁶ См.: Революционное движение в России в июле 1917 г.: Июльский кризис: Документы и материалы. М., 1959. С. 359.

²⁸⁷ Этот митинг-концерт завершился на скандальных нотах ввиду неявки главных приглашенных лиц и изъятия неизвестным

тии этой формой пропаганды летом вовсе перестали пользоваться. Общая тенденция была такова, что участие профессиональных артистов в митингах-концертах сокращалось.

Средний художественный уровень всех концертов, организуемых в городах, был явно невысок. На это с тревогой указывал К. С. Станиславский. Он призывал актерские организации «разработать программы концертных выступлений» и «оградить их от антихудожественной смеси кабаре с серьезным искусством, митинга — с художественным отделением, Пушкина и Моцарта — с еврейским анекдотом».²⁸⁸ Все это находилось в контексте суждений Константина Сергеевича об особом значении воспитания в людях, в народных массах эстетического чувства. Тем самым давалась и специально интересующая нас оценка общественно-воспитательного воздействия концертных выступлений — оценка, как видим, низкая.

А что в этом отношении давал театр? Государственные театры, получившие в мае официально признанную Временным правительством широкую автономию, завершали сезон 1916—1917 гг. без сколько-нибудь значительных творческих достижений. В основе их репертуара осталась классика, причем, с точки зрения постановщиков, наиболее «ходовая» и «нейтральная».²⁸⁹ И государственные, и частные театры ни одной новой выдающейся постановки не осуществили. «Где же вы, страдавшие от стеснения? Покажите, как на вас отразилась свобода, взмахните освобожденными крыльями!» — с долей злорадства восклицал театральный обозреватель.²⁹⁰

Но «взмахи крыльями» пока не предвиделись, ибо даже в кругу серьезных деятелей театра поговаривали, что, мол, «для новых задач в искусстве» у современного общества «нет и не может быть достаточно внимания», и театр «даже не в праве рассчитывать на сильную сосредоточенность публики».²⁹¹

мошенником всей выручки у кассирши (Русская музыкальная газета, 1917. № 29/30. С. 491).

²⁸⁸ Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 6. С. 20.

²⁸⁹ Мокульский С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра. Т. I. Л., 1933. С. 36.

²⁹⁰ Театр и искусство. 1917. № 25. С. 436.

²⁹¹ Искусство. 1917. № 5/6. С. 21.

При таком положении и ведущие театральные коллективы не могли оказать глубокого влияния на умы и чувства публики. Небывалый наплыв в театральные залы снимал заботы о кассовых сборах и, вероятно, дезориентировал. Зрители, способные и готовые на «сильную сосредоточенность», численно уступали жаждущим «развлекаться», но они, эти способные «сосредоточиться», были, и их число в театральных залах, весьма возможно, могло бы увеличиться. Существует же взаимозависимость между идейно-художественным уровнем спектаклей и составом зрителей. Но, разумеется, требовалось, чтобы сначала сами актеры покончили с внутри-театральными неурядицами и избавились (равно как и драматурги) от умонастроений, которые мешали активно и творчески трудиться столь многим интеллигентам. А пока преимущество получили склонные идти по пути наименьшего сопротивления и, как часто бывает, те, кто паразитировал на искусстве.

Их, изготовителей такой фарсовой пошлятины, как «Гришкин гарем», ничто не лишало работоспособности, они всегда хорошо знали, чего хотели, — денег. Они подчинялись тем же законам, что и некоторые живописцы, делали свое дело быстро, сноровисто. Текст «пьесы» изготавливался за пару недель, спектакль ставился с одной репетиции. Как блины пеклись «скетчи», «шаржи», «гротески». Одна за другой сочинялись и ставились пьески, подделанные под «народность» («Как Гришку с Николой мир рассудил»), претендовавшие на отражение «злобы дня» («Большевик и буржуй») и, наконец, просто обещавшие зрелище «парижского жанра» («Борьба за женщину»). Немало кинодеятелей, несмотря на предостережения о намерении властей восстановить предварительную цензуру лент, продолжали выпускать продукцию, о которой с рекламной целью уведомляли: «Только для взрослых», «Женщины могут быть при желании». Здесь решительно преобладала все та же «распутиниада», а кроме нее, дешевая мистика и так называемый «сатанизм» — фильмы, в которых действительность изображалась как результат вмешательства дьявола.²⁹²

²⁹² См.: Гинзбург С. С. Дореволюционный кинематограф как вид массовой художественной продукции // Русская художественная культура конца XIX—начала XX века: (1908—1917). Кн. 3 М., 1977. С. 249, 262.

«Солидные» буржуазные газеты, порицавшие фарсовую пошлятину в публикуемых рецензиях и обзорах, в то же время помещали на своих страницах извещения (разумеется, платные) о спектаклях. Большая часть театрального мира, не имевшего отношения к фарсовым постановкам, сначала воздерживалась от публичных выражений отношения к нему. В связи с этим автор одной из статей («Свобода театра») писал: «Если не ответственность, то стыд за такое использование свободы несет весь освобожденный русский театр. Что-то не слышно, чтобы он выступил с протестом, чтобы он произнес решительное и гневное слово осуждения».²⁹³ Видимо, упоение лозунгом «свобода творчества» мешало разобратся во всех связанных с ним непростых проблемах.

Однако летом 1917 г. все же прозвучало «гневное слово осуждения». 20—22 августа в Петрограде в помещении Музыкальной драмы состоялась «конференция сценических деятелей».²⁹⁴ Ее председатель А. Я. Таиров призвал бороться с антихудожественными постановками, ибо «сплошь и рядом ставятся пьесы порнографические».²⁹⁵ В. Э. Мейерхольд в своей речи заявил, что народ должен видеть на сцене «бодрое, отважное» искусство.²⁹⁶ Отметим попутно, что «конференция» призвала актеров отстаивать свои интересы способами, принятыми «международным организованным пролетариатом» (забастовки, бойкот, примирительные камеры и пр.), приняла резолюцию о передаче театров сначала в ведение государства, а затем профсоюзов «сценических деятелей». Таиров, говоря о необходимости создания «социалистического театра», вместе с тем настаивал на обязательном сохранении его полной независимости, очень темпераментно предостерегал все государственные учреждения и общественные организации: «Руки прочь! Не касайтесь театра, это не ваше дело! Ваше дело —

²⁹³ Русские ведомости. 1917. 26 мая (статья за подписью «Эн»).

²⁹⁴ Намеченный ранее учредительный съезд Всероссийского союза сценических деятелей не состоялся ввиду малочисленности (всего около 30 человек) приехавших делегатов. Поэтому и было решено провести «конференцию», на заседания которой являлось по 11—13 человек (Театр и искусство. 1917. № 35. С. 600). Активными участниками «конференции» были И. М. Лапицкий, М. Ф. Ленин, В. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров и др.

²⁹⁵ Речь. 1917. 25 авг.

²⁹⁶ Театр и искусство. 1917. № 35. С. 602.

прочь! А творить искусство будем мы, актеры!». ²⁹⁷ Это уже было в духе лозунгов Союза деятелей искусства.

Впрочем, Союз деятелей искусства практически оказывал крайне слабое влияние на упомянутые выше дискуссии и процессы, хотя к лету в состав Союза формально вошли представители более 200 обществ и учреждений. ²⁹⁸ Однако подавляющее большинство этих коллективных членов являлись мелкими, нередко конфликтовавшими между собой обществами. Все они были петроградскими, поскольку с художественными организациями и группами из других городов удавалось устанавливать лишь эпизодические контакты. Не клеились отношения с московскими деятелями искусства, несмотря на их заверения о готовности к «тесным связям» через делегатов (К. А. Коровина и В. В. Маяковского). ²⁹⁹ Впрочем, Союзу деятелей искусства не удалось вовлечь в свой состав и ряд петроградских обществ и групп. Продолжал отсутствовать «Мир искусства», что все более беспокоило руководство Союза. 17 мая президиум Временного комитета уполномоченных поручил А. И. Таманову провести переговоры с А. Н. Бенуа. ³⁰⁰

Сохранилась несовершенная протокольная запись «собеседования», состоявшегося в помещении Союза деятелей искусства 19 мая. ³⁰¹ В «собеседовании» со стороны Союза вместе с А. И. Тамановым участвовали В. И. Дубенецкий и Ю. А. Малышев, а со стороны «Мира искусства» — А. Н. Бенуа и М. В. Добужинский. И. Я. Билибин прислал в Союз письмо, оглашенное в ходе переговоров. В них участвовали также К. С. Петров-Водкин и представитель московских художественных организаций Н. Б. Бакланов. Таманов и его коллеги давали заверения, что Союз не покушается на «захват власти» и на независимое положение художников, отстаивали принцип коллективного разрешения вопросов «художественной жизни». Между тем Бенуа, насколько можно судить по протокольной записи, именно против этого принципа и возражал, указывая, что решение во-

²⁹⁷ Там же.

²⁹⁸ ЦГИА СССР, ф. 791 (Союз деятелей искусства), оп. 1, д. 4, л. 802 об.

²⁹⁹ Там же, д. 2, л. 124.

³⁰⁰ Там же, д. 52, л. 69.

³⁰¹ См. там же, л. 66 об. — 68 об.

просов «художественной жизни» большинством голосов неприемлемо, ибо «может стеснить отдельного художника-творца»,³⁰² и что направление художественного творчества определяют «гении, единицы».³⁰³ Переговоры, видимо, привели лишь к некоторому смягчению взаимоотношений, чему способствовала примирительность позиции Таманова и Петрова-Водкина.

Временное правительство и Исполком Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов предпринимали попытки наладить связь с Союзом деятелей искусства. Некоторые руководители его, и прежде всего Таманов, явно были готовы идти навстречу. В результате Таманов, хотя и не в качестве официального представителя Союза, стал членом Совета по делам искусств при комиссаре над бывшим Министерством императорского двора, а затем по назначению того же комиссара — вице-президентом Академии художеств. На одном из заседаний Временного комитета уполномоченных представитель наиболее непримиримых членов «левого блока» Л. Р. Сологуб поднял по этому поводу скандал, указывая на «антиреволюционность, антихудожественность, даже преступность» вступления в контакт с правительством.³⁰⁴ Дело дошло до обвинения Таманова «в чиновничьих происках и соображениях». Большинство же уполномоченных, не разделяя такую непримиримость, на том же заседании объявило Л. Р. Сологубу порицание.³⁰⁵ В июне—июле президиум Временного комитета уполномоченных принял приглашение Временного правительства направить делегатов в комиссии по внешкольному образованию, по реформе училища Штиглица, по устройству Государственного музыкального музея.³⁰⁶

12 мая на заседании Временного комитета уполномоченных выступил представитель Исполкома Петроградского Совета, который заявил о признании «автономии художественной организации» и обещал, что Совет «в решениях своих, касающихся упорядочения и освобождения народного творчества, будет считаться с голосом самих художников, без посредства каких бы

³⁰² Там же, л. 66 об.

³⁰³ Там же, л. 67 об.

³⁰⁴ Аполлон. 1917. № 6/7. С. 76.

³⁰⁵ Новая жизнь. 1917. 13 мая.

³⁰⁶ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 23, л. 3, 5, 8 об.

то ни было канцелярий и парламентов казенного образца». ³⁰⁷ Представитель Исполкома внес два конкретных предложения по сотрудничеству: о передаче разработки проекта памятника жертвам Февральской революции Союзу деятелей искусства и о привлечении Союза к делу собирания и хранения революционных знамен, изготовленных в февральско-мартовские дни и в «настоящее время находящихся в самом плачевном состоянии». ³⁰⁸ Однако контакты с Исполкомом, похоже, не получили дальнейшего развития.

Между тем, в Союзе деятелей искусства все резче обозначался и углублялся раскол. Помимо «левого блока» в конце мая во Временном комитете уполномоченных образовался «деловой внепартийный блок», столь же пестрый по составу и столь же слабо оформленный. Организационное собрание, состоявшееся 27 мая, провозгласило задачей нового блока «объединение возможно большего числа отдельных деятелей искусства и целых организаций на программе Союза с целью создания единой авторитетной для всей России организации, которая могла бы взять в свои руки все художественное устройство страны». ³⁰⁹ Подчеркивалось, что «деловой блок» отвергает «всякую партийность в делах искусства, тем более искусственно-упрощенное подведение всего разнообразия художественных и художественно-научных направлений, течений и взглядов под заимствованные из политической жизни рубрики: левых, правых и центра» и что он, этот блок «не направлен против какой-либо другой организации или группы в пределах Союза». ³¹⁰ На ведущую роль в «деловом блоке» претендовали вчерашний «левый» К. И. Арабажин (его и избрали председателем президиума блока ³¹¹), В. П. Зубов, Ф. К. Сологуб, М. А. Сонгайло, М. Г. Манизер, А. А. Мгебров, Л. Б. Яворская.

Инициаторы создания «делового блока», неустанно говоря о своем намерении обеспечить работоспособность и единение Союза, явно стремились подорвать преобладавшее влияние «левого блока», что им удалось лишь отчасти. «Левые», среди которых летом наиболее ак-

³⁰⁷ Новая жизнь. 1917. 13 мая.

³⁰⁸ Там же.

³⁰⁹ ЦГИА СССР, ф. 794, оп. 1, д. 32, л. 3 об.

³¹⁰ Там же.

³¹¹ Там же, л. 28.

тивными были В. А. Денисов, О. М. Брик, Н. Н. Пунин, Н. И. Альтман, сумели провести через общее собрание Временного комитета уполномоченных резолюцию о создании 5 совещаний (секций) «для выработки общих вопросов устройства художественной жизни». ³¹² «Деловой блок» безуспешно противился этому решению, усматривая в нем попытку «разрушить курьяльную систему». ³¹³

Впрочем, на становившихся все малолюднее заседаниях Временного комитета уполномоченных продолжала царить неразбериха. Бесконечные словопрения глушили всякую деловую инициативу, противоречия обострялись и между блоками, и внутри них. Устав Союза, к разработке которого приступили весной, так и не был принят. О созыве пресловутого Учредительного собора деятелей искусства перестали упоминать. Л. М. Рейснер ³¹⁴ с возмущением говорила на заседании Временного комитета уполномоченных 4 июня: «Мы потеряли три месяца, переливая из пустого в порожнее. Пора, наконец, добиться признания, чтобы стать Союзом, пора дать хоть азбуку того языка, на котором мы будем говорить. Пора взяться за дело, иначе придется через неделю признаться в нашем полном банкротстве и разойтись по домам». ³¹⁵ А банкротство Союза деятелей искусства действительно становилось фактом.

В. В. Андреев (представитель Великорусского оркестра), выступая на том же заседании 4 июня, высказал мнение, что у рабочих профсоюзов «есть реальная почва жизни», а у союза художественной интеллигенции этой почвы не имеется и потому-то ее союз организован хуже. ³¹⁶ Что именно имел в виду В. В. Андреев — из контекста стенограммы не очень ясно, но сделанное им сопоставление напрашивалось. Растущая сплоченность и активность рабочих в борьбе за свои насущные интересы, дальнейшее повышение их революционной сознательности, само положение пролетариата в обществе,

³¹² Там же, д. 22, л. 37.

³¹³ Там же, л. 35.

³¹⁴ Л. М. Рейснер была делегирована (вместе с А. П. Чапыгиным) в состав Временного комитета уполномоченных от журнала «Летопись». В комитете она примкнула к «деловому блоку» (там же, д. 32, л. 2).

³¹⁵ Там же, д. 4, л. 832.

³¹⁶ Там же.

его историческая миссия гегемона революции и составляли «реальную почву», на которой росли и крепились классовые организации рабочих. А социально неоднородная и политически несамостоятельная интеллигенция, испытавшая после апрельского кризиса новые потрясения, рассерженная и растерянная, не готовая поддержать самый передовой класс общества, все еще не имела «реальной почвы» для сильных, дееспособных организаций.

Глава V

В ПРЕДДВЕРИИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Общеполитическая обстановка после подавления корниловского мятежа вновь существенно изменилась. Широко, приобретало все более наступательный характер рабочее движение, в деревне разгорался пожар крестьянских восстаний, все более активной революционной силой становились солдатские массы. Значительно возрос авторитет и влияние партии большевиков. Она сплачивалась вокруг боевой программы действий, выдвинутой В. И. Лениным в письмах «Большевики должны взять власть», «Марксизм и восстание» и развитой в последующих работах. Лозунг «Вся власть Советам!» становился лозунгом вооруженного восстания с целью завоевания диктатуры пролетариата.

Крутой подъем массового движения порождал дезорганизацию в стане контрреволюции и ее вольных и невольных пособников. Меньшевики и эсеры переживали период разброда. Ускоренный процесс поляризации классовых сил размывал опоры мелкобуржуазных партий, вел к отливу части их низов на сторону большевиков, а части их верхов — на сторону кадетов. Падала реальная власть возглавлявшегося бонапартистом А. Ф. Керенским Временного правительства. Керенщина терпела крах, наиболее активные силы буржуазной контрреволюции готовили «вторую корниловщину». Созрел общенациональный кризис, исходом из которого могли быть либо полновластие большевизированных Советов, либо торжество крайне правых — корниловцев. «Середины нет, — настоятельно подчеркивал В. И. Ленин. — Опыт показал, что середины нет».¹

¹ Ленин В. И. Один из коренных вопросов революции // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 205.

В этой обстановке основная масса буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции, не перешедшая на сторону рабочего класса, неготовая и неспособная на решительное изменение своей позиции, еще болезненнее ощущала свою отъединенность от революционного народа, все тяжелее расплачивалась за последствия ее. Политико-психологический барьер между интеллигенцией и революционными народными массами осенью 1917 г. повысился.² Не говоря уже об интеллигентских верхах, которые в представлении рабочих и крестьян являлись «буржуями» и «господами», столь же чуждыми и враждебными, как фабриканты и помещики, «средний» интеллигент нередко тоже оказывался в весьма неприятном положении. Главными виновниками этого были сами интеллигенты, так или иначе обнаружившие неприятие революционных требований масс. Если инженеры жаловались на неприязненное отношение к ним рабочих,³ а сельские учителя — на «подозрительность» и «недоверие» крестьян,⁴ то можно было не сомневаться, что эти инженеры и учителя не поддерживали борьбу рабочих и крестьян. В классовой борьбе «середины нет».

Отъединенность от революционного народа в обстановке дальнейшего обострения и ужесточения классового противоборства закономерно усиливала состояние душевного смятения, страха, апатии. Такого рода переживания, широко распространенные в интеллигентской среде уже летом 1917 г., осенью достигли апогея, причем не только в столицах, но и в провинции. Один из инструкторов ЦИК Советов, командированный на периферию, удрученно сообщал о многочисленных признаках «апатии и равнодушия» и при этом особо указывал: «Совсем печальное представление производит провинциальная интеллигенция».⁵ Об апатии, упадке духа много сообщала буржуазная и мелкобуржуазная пресса.⁶ Она, эта пресса, и сама способствовала распространению

² Этот факт с тревогой отмечал В. П. Полонский, в то время — критик и публицист, позднее — редактор журнала «Новый мир» (см.: Новая жизнь. 1917. 31 дек.).

³ Русские ведомости. 1917. 3 окт.

⁴ Школа и жизнь Сибири. 1917. № 1. С. 33.

⁵ ЦГАОР СССР, ф. 6978, оп. 1, л. 1018, л. 31.

⁶ См.: Пролетарий Поволжья. 1917. 8 окт.; «Вперед!». 1917. 10 окт.; Воля народа. 1917. 17 окт.; Труд. 1917. 19 окт.; Новое время. 1917. 25 окт.; Народное слово. 1917. 26 окт., и др.

упаднических настроений, стремительному росту численности «и. и.» («испуганных интеллигентов»), разрывая различные проявления «анархии». Упадку духа способствовал и нараставший экономический развал.

Знакомясь с дневниками, перепиской, мемуарами, публицистическими статьями и другими письменными источниками, рождавшимися под пером представителей интеллигенции, легко убедиться, что подавляющее большинство ее не сделало ни шага вперед в уяснении классовой сути охвативших страну процессов. Сказанное относится и ко многим демократически настроенным лицам. Например, ошибочную позицию продолжал занимать А. М. Горький. Исследователь его публицистики так характеризует содержание статьи писателя «Нельзя молчать!», опубликованной газетой «Новая жизнь» в середине октября: «Армия социалистической революции именуется „неорганизованной толпой, плохо понимающей, чего она хочет“. Горький пугает пролетариат всевозможными страхами и ужасами, предсказывает „обильное кровопускание“, разгул „всех темных инстинктов“ толпы и требует от Центрального Комитета большевиков публичного заявления о том, что партия не имеет отношения к готовящемуся восстанию».⁷

Отметим здесь же, что публицистические выступления А. М. Горького по разным причинам встречали все меньшую поддержку даже в кругу тех людей, которые еще совсем недавно во многом были с писателем согласны. Одни из них, будучи оборонцами, осуждали интернационализм Алексея Максимовича и именно в связи с этим Свободная ассоциация для развития и распространения положительных наук вновь оказалась на грани раскола и самоликвидации. На этот раз о нежелании «работать с Горьким» заявил И. П. Павлов, заявление которого нашло сочувственное понимание у В. А. Стеклова.⁸ А. Н. Бенуа уже к началу сентября прекратил сотрудничество в «Новой жизни» и в письме А. М. Горькому от 16 сентября осудил «партийную тактику», призвав его отделиться «от всякой суеты», от всей «общественной военщины», сказать «подлинные абсолютные слова любви», стать «истинным учителем погибающего,

⁷ Овчаренко А. Публицистика М. Горького. М., 1965. С. 368.

⁸ ААН, ф. 162 (В. А. Стеклов), оп. 3, д. 169, л. 46 об.

одичавшего в ненависти человечества», которое не любят «расходившиеся болтуны». ⁹

Однако представители творческой интеллигенции, не соглашаясь с позицией А. М. Горького (к оценке его позиции мы еще вернемся) в тех или иных вопросах, как правило, терзались теми же сомнениями, проявляли то же неведение относительно характера и перспектив революции. Накануне Октября, признавал В. И. Немирович-Данченко, «мы были в состоянии сильнейшей растерянности». ¹⁰ Терял остатки оптимизма К. А. Сомов, сообщавший знакомому, что страдает «от постоянного нервного состояния за ближайшее будущее, которое рисуется воображению очень мрачным». ¹¹ По воспоминаниям И. Г. Эренбурга, А. Н. Толстой «был растерян, огорчен, иногда подавлен: не мог понять, что происходит; сидел в писательском кафе „Бом“, ходил на дежурства домового комитета; всех ругал и всех жалел, а главное — недоумевал». ¹² «Все рушится, — записывал в начале октября 1917 г. в дневник В. А. Стеклов, — всякий хочет в последний момент сорвать с Государства, которое рассматривается как „паршивая овца“, последний клок... Поразительное время, пир во время чумы, даже хуже». ¹³

Подобные записи делались в минуты и дни наибольшего упадка духа, когда довели эмоции. В дневниках и письмах тех же лиц можно найти и выражения надежды, особенно в тех случаях, когда возникала необходимость поддержать и приободрить друзей. Некоторые, подобно К. И. Скрябину, крепились изо всех сил, на людях держались спокойно, говорили, что «порядок установится». ¹⁴ Однако немногочисленные примеры стойкости и кратковременные «просветления» не изменяли общей картины. В Петрограде период самого изнурительного нервного напряжения наступил со второй половины октября, когда близость решающего столкновения противостоящих сил ни у кого не вызывала сомнения. В эпицентре политических бурь отчетливее, чем где бы то ни было, замечалось такое крайнее проявление

⁹ Цит. по: Александр Бенуа размышляет... М., 1968. С. 528.

¹⁰ Цит. по: Соловьева И. Немирович-Данченко. М., 1979. С. 334.

¹¹ Константин Андреевич Сомов. М., 1979. С. 181.

¹² Эренбург Илья. Люди, годы, жизнь. М., 1961. С. 204.

¹³ ААН, ф. 162, оп. 3, л. 169, л. 35.

¹⁴ См.: Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. М., 1969, С. 108—109.

упадка духа, как фатализм, «предчувствия» и «предвидения» общегосударственного краха, мистицизма. «Обратите внимание на афиши, пестреющие по Невскому, — писал публицист. — Вы не увидите там кадетских афиш о лекциях, предвыборных собраниях. Там бьют в глаза афиши „Ордена звезды на Востоке“, афиши богоискателей, сатанистов, футуристов: „Эволюция духа и пришествие учителей“, „Духовные искания“, „Бессмертие и страшный суд“, „Сатана и сатанизм“...»¹⁵

В. И. Ленин, имея в виду умонастроения буржуазной интеллигенции в революционном 1917 г., отмечал: «Не умеют понять исторической перспективы те, кто придавлен рутинной капитализма, оглушен могучим крахом старого, треском, шумом, „хаосом“ (кажущимся хаосом) разваливающихся и проваливающихся вековых построек царизма и буржуазии, запуган доведением классовой борьбы до крайнего обострения, ее превращением в гражданскую войну, единственно законную, единственно справедливую, единственно священную, — не в поповском, а в человеческом смысле слова священную войну угнетенных против угнетателей за их свержение, за освобождение трудящихся от всякого гнета». ¹⁶

Распространенность рассмотренных умонастроений буржуазной интеллигенции как будто создавала предпосылки для усиления влияния «веховцев», «Лиги русской культуры». Надежных данных в нашем распоряжении нет, но, учитывая рост апатии и аполитичности в буржуазно-интеллигентских кругах, похоже, что «веховцы» в лучшем для себя случае сколько приобретали, столько и теряли. Казалось бы, «Лига русской культуры» могла записать в свой актив создание отдела в Москве. Обратим, однако, внимание: на учредительном собрании, состоявшемся 17 сентября, присутствовало всего 20 человек, среди которых преобладали лица, уже знакомые нам по петроградским делам Лиги (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, В. Н. Бобринская, А. В. Карташев, П. Б. Струве, Н. С. Трубецкой и др.). Во времен-

¹⁵ Дело народа. 1917. 19 окт. — В приведенной цитате под «футуристами», очевидно, имелись в виду мистики-эсхатологи, но не представители художественного течения. В прессе определение «футуризм» в то время нередко получало произвольное толкование.

¹⁶ Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 191—192.

ный комитет отдела вошли Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, А. А. Евдокимов, В. И. Иванов и П. Н. Новгородцев.¹⁷ Судя по составу участников собрания 17 сентября, Лига заручилась более активной, чем раньше, поддержкой со стороны московских кадетов, но костяк ее по-прежнему составляли давно известные «веховцы».

Осенью 1917 г. «веховцы», религиозные философы, продолжали претендовать на положение лидирующих антиреволюционных идеологов, более того — выразителей самосознания и духовного состояния общества. Такими они воспринимали и подавали себя и весной 1917 г., и много ранее — в начале XX века.¹⁸ В сентябре — октябре 1917 г. внутри «веховцев» на роль ведущего мыслителя, несколько оттеснив П. Б. Струве, выдвинулся Н. А. Бердяев, опубликовавший в 1917—1918 гг. две книги («Интернационализм, национализм и империализм», «Судьба России») и написавший много статей.

Осенью Бердяев уже не писал о необходимости «смелых опытов социализации», пафос его выступлений теперь сводился к предреканию полного крушения русской революции. Не отказавшись от исповедывавшейся многими «веховцами» идеи «мировой миссии русского народа», он в своей книге «Интернационализм, национализм и империализм» связывал мессианство с извращенно истолкованным понятием «империализм», с неким особым характером и предназначением российского «народного», «дворянско-земледельческого» империализма.¹⁹ Апология империализма, хотя бы и произвольно переосмысленного, сопровождалась всяческим поношением русской революции: в глазах Бердяева она была «нравственно и эстетически безобразна»,²⁰ она повергла-де страну в «хаос», в «позор и унижение». ²¹ Все это было вообще-то не ново, являясь логичным развитием контрреволюционного богоискательства и либерального ренегатства времени подготовки сборника «Вехи» (1909 г.). Недаром Бердяев в статье «Кто виноват?» сослался на этот сборник, заявив едва ли не первым из

¹⁷ Русские ведомости. 1917. 19 сент.

¹⁸ См.: Кувакин В. А. Религиозная философия в России: Начало XX века. М., 1980. С. 17, 21.

¹⁹ Там же. С. 150—151.

²⁰ Русская свобода. 1917. № 24—24, С. 5.

²¹ Там же. № 18—19. С. 3.

«веховцев» в 1917 г. (хвалить «Вехи» весной 1917 г. воздерживались), что «правда» сборника «теперь» якобы «проверена жизненным опытом и подтверждена». ²²

В очередной раз рассуждая о «благородном иерархическом соподчинении», Бердяев не утверждал прямо, как он это сделал несколько месяцев назад, что «истинная аристократия» есть интеллигенция. Причина данного умолчания, видимо, заключалась в том, что он в истинно «веховских» традициях обрушился на большую часть русской интеллигенции с обвинениями «в нигилизме, атеизме и материализме». Корень «всех наших несчастий», вещал Бердяев, — «в ложном направлении духа, в ложных идеях, которыми в течение многих десятилетий жила русская революционная интеллигенция и которыми она отравила народные массы», в «соединении нигилистических идей интеллигенции с народной тьмой». ²³ Здесь еще не было мистико-эсхатологической идеи о «неудаче» русской истории, о ввержении России в какую-то апокалиптическую катастрофу (к ней, к этой идее, Бердяев пришел позднее), ²⁴ но шаг к итоговой безответственной нигилистической оценке русской истории был сделан.

Важно отметить, что осенью 1917 г. некоторые «веховцы» начали пересмотр тех оценок царизма и Февральской революции, которые высказывались в предшествовавшие месяцы. Первое (пересмотр оценок царизма) делалось с большой осторожностью, главным образом путем сравнения прошлого и настоящего. Пожалуй, наиболее ходовой была формула, выдвинутая Бердяевым: «Мы получили Россию от старой власти в ужасном виде, больную и истерзанную, и привели ее в еще худшее состояние». ²⁵ «Хуже» — это означало, что, помимо прочего, «насилия и произвола» стало больше. А если как следует разобраться, уверял Д. В. Болдырев, то «бюрократическая и теократическая империя» вовсе не была «татарщиной, полонившей страну». Россия, оказывается, управлялась не «грубым и внешним» насилием, а «в сущности системой усыпительных пассов, доведенной до совершенства». ²⁶ Итак, реакционная, деспотиче-

²² Там же. С. 4.

²³ Там же.

²⁴ См.: *Кувакин В. А. Религиозная философия в России*. С. 172—184.

²⁵ Русская свобода. 1917. № 18—19. С. 3.

²⁶ Там же. № 24—25. С. 11.

ская система самодержавия в ретроспективном изображении «веховца», озлобленного против революции, превращалась в нечто патриархально-благодушное, не оцененное по достоинству теми, «для кого эта система предназначалась» (для интеллигенции не в последнюю очередь). Беда и вина этой системы, управлявшей при помощи «усыпительных пассов», заключалась прежде всего в том, что она не сумела удержать власть, позволила интеллигенции «нашуметь» и «разбудить» народные массы. Это был лишь один из примеров проявления в «веховской» и «околовеховской» среде ретроградности и ренегатства.

Когда «веховцы» очерняли революционный процесс, развернувшийся после свержения царизма, то они, как правило, не затрагивали Февральской революции. Но так было в первые недели и месяцы после ее победы. С осени 1917 г. эта разграничительная черта мало-помалу стиралась, и если не прямо, то обиняками стало осуждаться и то действие, которое Струве в марте назвал «историческим чудом». Трактовки приходилось изменять, ибо революционные события конца февраля — начала марта было невозможно отделить от последующего.

И все же до Октябрьского вооруженного восстания слова прямого осуждения Февральской революции лишь как бы свисали с кончика пера «веховских» философов и публицистов, не переходя пока на бумагу. Но вот свершился Великий Октябрь, и некоторые деятели «Лиги русской культуры», возможно по инициативе того же Струве, поспешили отделаться от томившего их чувства недосказанности. Мы имеем в виду прежде всего статью И. О. Левина «Некоторые итоги», написанную, по словам автора, «на второй день переворота» и вместе со статьей П. Б. Струве «В чем революция и контрреволюция» спешно втиснутую в уже набиравшуюся книжку «Русской мысли».

Левин в своем публицистическом опусе весьма категорично заявил, что Февральская революция («события 27 февраля — 2 марта») вовсе революцией не была, что «в конце февраля произошло нечто совсем другое» — стихийное выступление рабочих и солдат, «уставших от войны и желавших с ней покончить».²⁷ Это выступление,

²⁷ Русская мысль. 1917. № 11—12. С. 51, 53.

продолжал Левин, не имело ничего «творчески-революционного», оно лишь создало «безвластие», и все следовавшее «не есть революция, а есть результат отсутствия полиции».²⁸ Струве, в основном согласный с Лениным, назвал все революционные события 1917 г. «все-российским погромом».²⁹

Напомним слова В. И. Ленина об оглушенных крахом «вековых построек царизма и буржуазии».³⁰ Оглушенные и ослепленные, жаждавшие сохранения хотя бы части «вековых построек», ненавидевшие революцию, усматривавшие в революционном творчестве масс «хаос» и «погром», согласные лишь на преобразования, проводимые в «присутствии» полиции, «веховцы» полностью обнажили свои классовые позиции защитников буржуазно-помещичьего строя, врагов рабочего класса и крестьянства. Главной партией буржуазной контрреволюции были кадеты. Однако именно «веховцы», эта буржуазно-интеллигентская группа, тесно связанная с кадетами, вобравшая ведущих философов-идеалистов, была способна на полное, относительно свободное от конъюнктурно-тактических партийных установок идеологическое выражение того консервативного, что заключалось в двойственной социальной природе буржуазной интеллигенции.

Возвращаясь к рассмотрению умонастроений интеллигентской публики, напомним о несомненном росте апатии.³¹ Но в данной оценке следует дополнительно разобраться. Ведь признаки некоторой апатии наблюдались и в широкой народной массе. «Есть признаки роста апатии и равнодушия, — отмечал В. И. Ленин. — Это понятно. Это означает не упадок революции, как кричат кадеты и их подголоски, а упадок веры в революции и в выборы. Массы в революции требуют от руководящих партий дела, а не слов, победы в борьбе,

²⁸ Там же. С. 54.

²⁹ Там же. С. 60.

³⁰ См.: Ленин В. И. Запуганные крахом старого и борющиеся за новое // Полн. собр. соч. Т. 35. С. 191—192.

³¹ К выводу о росте осенью 1917 г. подобных умонастроений среди интеллигенции приходит и С. А. Красильников (см.: Интеллигенция Западной Сибири в период борьбы за установление и упрочение Советской власти: (1917 — июнь 1918 г.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1980. С. 12—13; См. также: Лапшин В. П. Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983. С. 185).

а не разговоров». ³² Следовательно, революционные массы апатично воспринимали словопрения, ничего не решавшие резолюции и голосования — все то, что подменяло решительную практическую борьбу. Непролетарская интеллигенция в целом тоже потеряла веру в резолюции и голосования, но она была неспособна и к участию в решительной борьбе, она, павшая духом, деморализованная и дезорганизованная, не видела вокруг себя надежной опоры. Эта позиция временной отстраненности непролетарской интеллигенции от политической деятельности, выжидательного нейтралитета, как справедливо отмечают исследователи, объективно ослабляла лагерь контрреволюции. ³³

По сравнению с летними месяцами еще ниже упал авторитет Временного правительства и А. Ф. Керенского. Это не означало, разумеется, что буржуазная и мелкобуржуазная интеллигенция была готова приветствовать свержение правительства. Просто она уже не верила в способность последнего осуществлять государственную власть. Видимо, многие интеллигенты, в первую очередь буржуазные, придерживались примерно такого мнения: «Налицо лишь номинальные органы власти, лишенные значения, бессильные что-либо сделать, во всем зависимые. Средства их воздействия — уговоры и увещания». ³⁴ В личных беседах и наедине с дневником некоторые были куда более резкими. Например, В. А. Стеклов назвал Временное правительство «слюнявым». ³⁵

Как отмечалось в предыдущей главе, отношение к Временному правительству и отношение к войне были взаимосвязаны. Поэтому неудивительно, что отмечались признаки спада «патриотических чувств». Одним из объективных показателей этого явилось резкое уменьшение подписки на «Заем свободы»: если летом подписка составляла в среднем 50—60 млн. рублей в день, то уже в сентябре, по сведениям Общественного комитета

³² Ленин В. И. Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области // Полн. собр. соч. Т. 34. С. 387.

³³ Красильников С. А., Соскин В. Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти: (1917—лето 1918). Новосибирск, 1985. С. 219.

³⁴ Русские ведомости. 1917. 11 окт.

³⁵ ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, л. 43 об.

содействия государственным займам, она снизилась до 5—6 млн., т. е. упала в 10 раз.³⁶ А. Н. Бенуа в письме к А. М. Горькому отмечал, что в «обществе» поговаривают: «мы-де немцев не боимся, а боимся своих».³⁷

Созыв Демократического совещания (14 сентября), а затем Предпарламента (7 октября), казалось бы, мог породить в интеллигентской среде прилив иллюзорных надежд. Амбициозное старание руководства ряда союзов (Совета депутатов трудовой интеллигенции, Всероссийского учительского союза (ВУС), Союза деятелей искусства, Пироговского общества, Всероссийского союза инженеров, Академического союза и др.) получить доступ в эти суррогаты парламентских учреждений и последующее участие в заседаниях Демократического совещания свидетельствовали как будто именно об этом. Правления некоторых союзов (например Пироговского общества) в своих наказах выражали пожелание придать Демократическому совещанию «роль постоянного руководящего или правящего органа».³⁸ Делегации всех союзов, выступавших на совещании, призывали к созданию властного коалиционного правительства, причем некоторые делегации, в том числе делегации Совета депутатов трудовой интеллигенции и ВУС, ратовали за проведение в жизнь «платформы 14 августа» — декларации представительства ЦИК Советов на Государственном совещании.³⁹

Однако все это отражало главным образом позицию верхушки интеллигентских союзов. Масса же мало интересовалась работой и судьбой совещаний, с трибун которых низвергались потоки надоевших и бесполезных слов, она сторонилась «всех этих споров, еле пробегая газетные известия о „новых“ министерских комбинациях».⁴⁰ Следует отметить, что на настроение части буржуазной интеллигенции влияло неучастие в Демократическом совещании кадетов и пренебрежительное отношение их к Предпарламенту.

³⁶ Речь. 1917. 1 окт.

³⁷ Александр Бенуа размышляет... С. 526.

³⁸ Общественный врач. 1917. № 8—10. С. 74.

³⁹ См.: Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (в дальнейшем: Известия ЦИК). 1917. 18 (веч. вып.). 19 сент.

⁴⁰ Русские ведомости. 1917, 21 сент.

А отношение к Учредительному собранию? «Вот-вот выборы в Учредительное собрание. У нас ни единая душа не интересуется этим», — записывал 13 октября в свою тетрадку И. А. Бунин.⁴¹ И в самом деле, осенью 1917 г. в обстановке общенационального кризиса и дальнейшей поляризации классовых сил идея Учредительного собрания встречала в народных массах весьма незначительную поддержку.⁴² В данном случае политические настроения большинства интеллигенции мало отличались от настроений народных масс.

А вот отношение к Советам со стороны народных масс (рабочих, солдат, крестьян) и интеллигенции отличалось весьма существенно. Если революционные массы как никогда активно поддерживали лозунг «Вся власть Советам!», то у значительной части буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции этот лозунг вызывал опаску, а то и страх. А. В. Луначарский, имевший в виду «интеллигентного обывателя», вспоминал, что «к грядущей диктатуре Советов отношение было злобно-трусливое».⁴³ Однако эти оценки относятся главным образом к представителям верхнего и среднего слоя интеллигенции. В нижнем слое мелкобуржуазной интеллигенции Советы воспринимались не столь отчужденно. Впрочем, бывали и различные исключения. Как правильно отмечает исследователь проблемы «Великий Октябрь и интеллигенция» С. А. Федюкин, безоговорочное соотнесение иерархического положения отдельных групп интеллигенции с их политической позицией не отражает всей сложности и противоречивости действительного положения.⁴⁴ Например, часть художественной интеллигенции, откликаясь на приглашения Советов участвовать в организуемой ими культурно-просветительной работе (к этому мы вернемся ниже), «привыкала» к сотрудничеству с массовыми организациями рабочих, солдат, крестьян и в результате постепенно изменяла отношение «к грядущей диктатуре Советов».

⁴¹ См.: *Смирнов-Сокольский Н. П.* Последняя находка // *Новый мир*. 1965. № 10. С. 220.

⁴² *Знаменский О. Н.* Всероссийское Учредительное собрание: История созыва и политического крушения. Л., 1976. С. 226—229, 348.

⁴³ *Луначарский А. В.* Воспоминания и впечатления. М., 1968. С. 161.

⁴⁴ См.: *Федюкин С. А.* Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972. С. 33—34.

Отношение к политическим партиям претерпевало сложную эволюцию. С одной стороны, в процессе поляризации классовых сил некоторые активные, но ранее беспартийные представители интеллигенции делали выбор в пользу той или иной партии, хотя и отнюдь не во всех случаях связывали себя формальным членством. Не видно никаких признаков усиления поддержки интеллигенцией мелкобуржуазных партий, переживавших глубокий кризис. Скорее напротив, мелкобуржуазные партии осенью теряли значительно больше, чем приобретали. А вот кадеты в Петрограде, Москве, в других крупных городах получали пополнение — в основном из рядов буржуазной и материально сравнительно обеспеченной мелкобуржуазной интеллигенции. Косвенным подтверждением этого можно считать итоги выборов в конце августа—сентябре в столичные муниципалитеты.⁴⁵ С другой стороны, приходится учитывать возмраставшую поддержку на выборах в органы местного самоуправления беспартийных списков кандидатур, что характерно, правда, для провинциальной глубинки.⁴⁶ А в этом нашли отражение и апатия, и упадок веры мелкобуржуазных масс, в том числе некоторых интеллигентов, в программно-тактические установки буржуазных и мелкобуржуазных партий, и уход в узкогрупповые интересы.

Авторы исследования, посвященного городским средним слоям, не без основания полагают, что все это могло свидетельствовать о тяготении, как они выразились, «мелких очагов» мелкобуржуазной городской стихии к выжидательному нейтралитету и что их конечная позиция зависела от хода противоборства основных классовых сил, которая складывалась в пользу пролетариата.⁴⁷ Действительно, конечная позиция была предопределена решительными действиями авангарда рабочего класса, победой Октября. В противном случае «выжидющие» могли сползти вправо, тем более, что кое-какие опасные признаки были налицо.

⁴⁵ См.: *Грунт А. Я.* Москва: 1917-й: Революция и контрреволюция. М., 1976. С. 232—233; *Кручковская В. М.* Центральная городская дума Петрограда в 1917 г. Л., 1986. С. 48.

⁴⁶ В 418 уездных городах беспартийные списки получили 50.7% всех голосов (*Минц И. И.* История Великого Октября. Т. 2. М., 1978. С. 562).

⁴⁷ Бсрьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 218.

Речь идет о некоторой гальванизации монархических настроений в обывательской среде. Обратим внимание, в частности, на свидетельство такого зоркого наблюдателя, как Д. Рид: «В полдень дамы из второразрядного чиновничьего круга ездили друг к другу на чашку чая, привозя с собой в муфте маленькую серебряную или золотую сахарницу ювелирной работы, полбулки, и при этом они вслух мечтали о том, как было бы хорошо, если бы вернулся царь или если бы пришли немцы...». ⁴⁸ А ведь такие сцены могли быть не только в чиновничьих, но и в близких к ним «домашних кругах» некоторых профессиональных интеллигентов. Более того, 8 октября в Александринском театре произошел наделавший много шума весьма характерный инцидент.

...В театре готовилась к постановке пьеса А. К. Толстого «Смерть Иоанна Грозного». Вряд ли постановщики планировали превращение спектакля в пропагандистское промонархическое действо, но безответственность имела место, ибо в пьесе были сцены и реплики, способные натолкнуть зрителей на политические ассоциации. А зрителям того времени для возбуждения ассоциаций много не требовалось. Когда в одной из пьес по ходу действия на сцене появлялись «для наведения порядка» пристав и городской — в зале аплодировали. ⁴⁹ Поэтому некоторые актеры предупреждали, что пьеса Толстого может «разжечь страсти», а часть занятых в постановке отказалась от дальнейшего участия в репетициях. ⁵⁰ Однако 24 сентября главноуполномоченный государственных театров Ф. Д. Батюшков на собрании труппы настаивал на продолжении репетиций, говорил о недопустимости такой оценки пьесы в «культурной среде». Собрание с его доводами в конце концов согласилось. ⁵¹ 8 октября состоялась премьера и в первом же акте, когда Борис Годунов (актер Г. Г. Ге) произнес фразу, и ранее вызывавшую у актеров опасение («Еди-

⁴⁸ Рид Джон. 10 дней, которые потрясли мир. М., 1956. С. 35.

⁴⁹ Сто лет : Александринский театр — театр госдрамы. Л., 1932. С. 400.

⁵⁰ Театр и искусство. 1917. № 40. С. 692; № 41. С. 706. — В Мариинском и в Большом театрах вместо оперы Глинки «Жизнь за царя», которой по традиции открывался сезон, поставили соответственно оперы «Князь Игорь» и «Золотой петушок» (Русская музыкальная газета. 1917. № 31—32. С. 505; Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. Л., 1927. С. 76).

⁵¹ Речь, 1917. 27 сент.

ное спасение нам, бояре, идти к царю всей Думой и вновь молить его, да не оставит престол он и да поддержит Русь»), из партера раздались аплодисменты, заглушаемые шиканьем и свистом с верхних ярусов. «Во время антракта, — сообщал репортер, — возбужденная инцидентом публика собиралась в отдельные группы, местами довольно грозно настроенные. В одном фойе дело чуть было не дошло до драки». ⁵² Так что страсти, отразившие различные умонастроения публики, действительно разгорались.

Театры и кинематографы по-прежнему были переполнены. Посещались даже платные генеральные репетиции некоторых спектаклей. ⁵³ Эмоциональное восприятие отдельных сцен и фраз обнаруживало, что слой апатии во многих случаях был поверхностным, что политические страсти в любой момент могли внезапно прорваться наружу. И все-таки на зрелища шли не ради устройства политических демонстраций, нередко совершенно неожиданных и нелепых, а с прямо противоположной непосредственной целью — отвлечься и развлечься. В первую очередь к этому стремились образованные и необразованные обыватели. «Поглядите кругом, — восклицал публицист. — Сколько безделья и праздности. Кинематографы набиты. На Невском — толпы народа. Театры переполнены... Самая презренная обывательщина царствует вовсю». ⁵⁴ Актер Л. М. Леонидов сокрушенно указывал, что «наблюдается переполнение главным образом театров веселого жанра, концертов с примитивной и несложной программой». ⁵⁵ В Петрограде театральные сборы начали понижаться лишь с 23 октября, а с 25 октября они упали «катастрофически». ⁵⁶

Апатия, бездействие многих буржуазных интеллигентов, занятых лишь мушкетированием политических слухов, способных разве что на импульсивные демонстрации в театрах, — все это вызывало раздражение у некоторых политических деятелей, в том числе у кадетских. Возмущались и такие люди, как З. Н. Гиппиус. Она

⁵² День. 1917. 11 окт.

⁵³ См.: *Немирович-Данченко В. И. Избранные письма. Т. 2. М., 1979. С. 210, 211.*

⁵⁴ Речь. 1917. 1 окт.

⁵⁵ Театральная газета. 1917. № 34—35. С. 8.

⁵⁶ Театр и искусство. 1917. № 44—46. С. 763.

рассказала об одном совещании пестрой по составу группы интеллигентов в октябре, о совещании, на котором говорили «вообще, но со слезой». Особое негодование у нее вызвали рассуждения Е. Д. Кусковой о том, что интеллигенции следует делать свое дело: говорить на митингах, читать лекции, писать брошюры. «Главное впечатление — точно собираются на кипящем вулкане строить дачу», — излагала свои впечатления Гиппиус.⁵⁷ Конечно, лекционная работа кадетских и прокадетских интеллигентов, по свидетельству Н. И. Кареева, «заглохла», ибо их не хотели слушать рабочие и солдаты.⁵⁸ Но Гиппиус и сама не могла предложить чего-нибудь «дельного».

А все же, была ли какая-то «последняя» надежда у этих апатичных, дезорганизованных, уstraшенных? По-видимому, надежду на спасение искали в примерно таких мыслях: «Может быть, однажды народ остановится и скажет: „Будет, довольно!“». Может быть, остановит его и направит какая-то последняя его глубина, которая уже вне мыслей и чувств и настроений, коренная основа его — само сердце народное... Только исключительным катастрофам, потрясениям, трагедиям дано вызывать такие силы, и, в сущности, все происходящее сейчас, вокруг нас, уже не есть борьба платформ и мнений, или даже классовых интересов, но столкновение именно этих последних глубинных сил человека, предопределяющих его к добру или злу».⁵⁹ Автор статьи то ли с иронией, то ли всерьез назвал эти мысли «бодрящими». Но прежде всего они были затемняющими классовую суть общественных процессов кануна победоносной социалистической революции.

Однако в подобном умонастроении находились не все представители интеллигенции. А. В. Луначарский, регулярно выступавший на массовых митингах в помещении цирка «Модерн» перед жадно внимавшей аудиторией, видел в ее составе помимо рабочих и солдат также и интеллигенцию, которая вместе с «неопределенной городской беднотой» занимала около $\frac{1}{3}$ всех мест.⁶⁰ «Несмотря на всю свою смешанность, эта аудитория

⁵⁷ Гиппиус З. Синяя книга : Петербургский дневник. Белград, 1929. С. 204.

⁵⁸ Русские ведомости. 1917. 31 дек.

⁵⁹ Бюллетени литературы и жизни. 1917. Кн. 5. С. 36.

⁶⁰ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. С. 154.

была безусловно большевистской. Такие вопросы, которые заставляли иногда колебаться даже некоторых большевиков, например бойкот Предпарламента или разгон Учредительного собрания, разрешались этой аудиторией в самом радикальном и, я бы сказал, в самом ортодоксальном политическом духе». ⁶¹

В революционной деятельности продолжали участвовать представители интеллигенции, вступившие в партию в предшествовавшие месяцы и осенью. С. А. Федюкин, основываясь на анализе перерегистрации членов партии весной 1920 г., полагает, что «к октябрю 1917 г. в большевистской партии состояло приблизительно 30—35 тыс. интеллигентов, или 10% ее численности». ⁶² Исследователь включает в это число служащих, а также офицеров. Возможно, эти ориентировочные данные дают преувеличенное представление о численности большевиков-интеллигентов. По нашему мнению, подсчеты Л. В. Ивановой (соответственно 10—15 тыс., или 5—6%) ближе к действительности. ⁶³ Тем не менее есть основания предположить, что в сентябре—октябре в результате процесса поляризации классовых сил приток в партию представителей интеллигенции, в том числе профессиональной, в какой-то мере увеличился.

С надеждой обращались к революции некоторые видные представители творческой интеллигенции. Постепенно преодолевал колебания и сомнения А. А. Блок. Уже в дни подавления корниловского мятежа поэт, ощутивший подъем духа, записал в дневнике: «Свежая, ветренная, то с ярким солнцем, то с грозой и ливнем, погода обличает новый взмах крыльев революции». ⁶⁴ А за несколько дней до Октябрьского вооруженного восстания он с явным уважением к вождю партии большевиков и с укором в адрес охваченных смятением буржуазных интеллигентов отметил: «Один только Ленин верит, что захват власти демократией действительно ликвидирует войну и наладит все в стране». ⁶⁵ Еще последовательнее отбрасывал колебания В. В. Маяковский. Отказавшись от сотрудничества в левоменьшеви-

⁶¹ Там же. С. 165.

⁶² Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М., 1983. С. 48.

⁶³ Иванова Л. В. Большевистская партийная интеллигенция и Великий Октябрь // Интеллигенция и революция: XX век. М., 1985. С. 139.

⁶⁴ Блок Александр. Собр. соч. Т. 7. М.; Л., 1963. С. 306.

⁶⁵ Там же. С. 312.

стской «Новой жизни», Владимир Владимирович все свои политические надежды связал с большевиками. В сентябре он читает лекцию в Москве, тему которой он горделиво назвал так: «Большевики искусства». ⁶⁶ В отличие от большинства интеллигентов поэт сознавал, что русская революция не есть разгул анархической стихии, что революция имеет антибуржуазную направленность: «Ешь ананасы, рябчиков жуй, день твой последний приходит буржуй». ⁶⁷

Возвращаясь к оценке позиции А. М. Горького осенью 1917 г., примем во внимание его собственный анализ своих взглядов того времени, анализ, в котором с мужественной прямоотой указано на ошибки (неверие в революционный потенциал «безграмотной деревни», недооценка возможностей пролетариата как гегемона революции, пиетет к научной и технической интеллигенции). ⁶⁸ Но ошибаясь идейно, протестуя, как отмечалось выше, против подготовки вооруженного восстания, Горький признавал наличие противоборствовавших классов, считал свержение власти буржуазии в перспективе неизбежной: «Диктатура политически грамотных рабочих, в тесном союзе с научной и технической интеллигенцией, была, на мой взгляд, единственно возможным выходом из трудного положения, особенно осложненного войной, еще более анархизировавшей деревню». ⁶⁹ Такие взгляды и духовная близость великого пролетарского писателя с народом служили надежным залогом преодоления идейного кризиса.

Напомним, однако, что преобладающая часть буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции переживала куда более всеобъемлющий кризис. Он выявлялся и в бесплодности всех попыток организовать и сплотить ее массы. Пожалуй, характернейшим примером являлось положение в Советах депутатов трудовой интеллигенции. Создание в Петрограде Совета депутатов, в котором преобладали служащие и офицеры, не дало никакого импульса всему движению. Руководство его старательно готовило Всероссийский съезд представителей Советов депутатов трудовой интеллигенции, который и

⁶⁶ См.: *Маяковский Владимир*. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1955, С. 24.

⁶⁷ Там же. С. 147.

⁶⁸ См.: *Горький М.* Собр. соч. Т. 17. М., 1952, С. 26.

⁶⁹ Там же.

состоялся 16—18 сентября. Но съезд лишь наглядно продемонстрировал прогрессирующий развал организаций. «Малоллюдно, серо, тускло, — делился впечатлениями один из делегатов. — Как этот съезд символизирует положение русской интеллигенции! Печать прибитости, пришибленности лежит почти на всех делегатах. Их так мало, всего около 40, и оттого так жутко. Первый съезд, в первый раз за все время собрались для провозглашения своих прав на участие в строительстве страны, а никакого подъема...». ⁷⁰ В состоянии, близком к параличу, находились и профессиональные союзы интеллигенции.

«Самодеятельность, самодеятельность и самодеятельность! — это слово должно стать лозунгом учительства, и самодеятельность учительская должна загореться ярким, призывным, все вперед зовущим пламенем для самодеятельности всех родителей и всего населения», — так напутствовал учительство перед началом нового учебного года один из журналов. ⁷¹ В этом призыве был особый смысл, ибо деятельность Государственного комитета по народному образованию, разработавшего около 40 законопроектов, ⁷² принесла мизерные практические достижения. Министерство народного просвещения блокировало школьную реформу, согласившись лишь на изменения правил правописания, на упразднение инспекции и дирекции народных училищ и на передачу церковноприходских школ в ведение органов местного самоуправления. ⁷³ Налицо были не только консерватизм и неповоротливость министерства. Учительская общественность, буржуазная и мелкобуржуазная пресса тоже не проявили инициативы и энергии. «Попробуйте проследить по газетам, — подводил плачевные итоги журнал «Вестник воспитания», — что делалось за это время центральными и местными учреждениями в области народного образования, и вы поразитесь скудостью сведений, статей и заметок по народному образованию. А ведь газеты направляют и отражают общественное внимание. Специальная педагогическая и просветительная пресса за минувшее полуго-

⁷⁰ Цит. по: *Смирнова Л. И.* О Советах депутатов трудовой интеллигенции // Из истории советской интеллигенции. М., 1966. С. 217.

⁷¹ Свободное воспитание. 1916—1917. № 11—12. С. 3.

⁷² Русская школа. 1917. № 11—12. С. 72.

⁷³ Учитель. 1917. № 1. С. 9.

дие хранила почти полное молчание. Никаких новых специальных трудов, отчетов и исследований не вышло». ⁷⁴

Но и с началом нового учебного года «самодеятельность» учительства, подверженного тем же настроениям, что и подавляющее большинство интеллигентов, не «загорелась ярким пламенем». Учителя, освободившись от мертвящей бюрократической опеки самодержавно-монархического государственного аппарата, обманутые обещаниями провести коренные реформы через Учредительное собрание, зорко следившие лишь за тем, чтобы опека «сверху» не восстанавливалась, вынужденные в обстановке экономической разрухи отдавать много времени решению бытовых проблем, снизили внимание к педагогическим обязанностям. У многих учителей, особенно в старших классах, ослабел контакт с учащимися. В значительной мере в связи с этим активизировались родительские комитеты, некоторые из которых фактически «взяли в свои руки заведывание школой». ⁷⁵ А учащиеся с юношеской непосредственностью и увлеченностью занялись (нередко в противоположность своим школьным наставникам) «политикой», ⁷⁶ что, конечно же, сказывалось на ходе учебного процесса.

Углублялась дезорганизация и среди медицинских работников. Общаясь с коллегами по профессии, врач-большевик С. И. Мицкевич ощущал на себе царившую среди многих «растерянность и страх перед надвигающейся грозой». ⁷⁷ Как мы отмечали, некоторые врачи шли в революцию за большевиками. Но большинство врачей, являясь по социальной принадлежности буржуазными интеллигентами, были настроены антиреволюционно, причем эта настроенность в ряде случаев усилилась из-за конфликтов с младшим медицинским и техническим персоналом. Острейший, привлечший общее внимание конфликт возник в начале октября в больничных и иных учреждениях Московского университета.

...Как и во время летнего конфликта в Голицынской больнице, «служащие», являвшиеся частью мелкобур-

⁷⁴ Вестник воспитания. 1917. № 6—7. С. 20.

⁷⁵ Там же. № 8—9. С. 34.

⁷⁶ Там же. С. 33.

⁷⁷ Мицкевич С. И. Записки врача-общественника : (1888—1918). М., 1969. С. 199.

жуазной стихии, не были во всем и безусловно правы. Сама по себе забастовка в больницах, прекращение ухода за больными не могут быть оправданы. В связи с этим студентов, взявших на себя уход за больными, вряд ли можно осуждать как штрейкбрехеров. Меры физического воздействия, примененные к врачебно-административному персоналу, тоже не могли получить одобрения со стороны сознательных рабочих. Вместе с тем весьма тяжелое экономическое положение обслуживающего персонала, грубое обращение с ним со стороны некоторых врачей и особенно администраторов дают достаточное объяснение причин резких действий санитаров и иных «служащих».

В ответ на требования, выдвинутые 2 октября общим собранием профсоюза больниц, лечебниц, учебных и иных учреждений Университета (требования затем дополнялись и уточнялись стачечным комитетом и новым общим собранием), врачи признали справедливость экономических притязаний, но отказались поддержать требования об увольнении ряда своих коллег, а также ректора Университета М. А. Мензбира. Врачи Екатерининской больницы, раздраженные конфликтом, угрожающе заявили, что при сложившемся положении «никакая работа медицинской корпорации с настоящим составом низших служащих невозможна», а врачи Голлицынской больницы претворили недостойную угрозу в действие — прекратили работу. Все это вызвало поток коллективных заявлений врачей Москвы и Московской губернии с выражением поддержки «обиженным» коллегам, но и с призывом не прекращать работу. К этим заявлениям обычно присоединялся средний медицинский персонал (фельдшеры, сестры милосердия). Совет Московского университета со своей стороны отверг почти все требования младшего медицинского персонала и рабочих, в том числе требование о создании согласительной комиссии. Конфликт, то затихая, то разгораясь, тянулся до второй половины октября.⁷⁸

Таким образом, профессура непосредственно втягивалась в социальные конфликты, и это во время, когда перспективы работы высших учебных заведений, в первую очередь столичных, в складывающихся обстоятельствах были мрачными. 2 сентября на совещании руководите-

⁷⁸ Русские ведомости, 1917. 10, 12, 14 окт.

лей вузов, уполномоченных комиссий по распределению топлива и по так называемой разгрузке Петрограда, а также представителей Временного правительства обсуждался вопрос о начале занятий, причем руководители комиссий и представители правительства высказывались за «приостановку» занятий до конца учебного года.⁷⁹ Правительство склонилось-таки к этому и приняло соответствующее постановление, сделав исключение лишь для медиков и не распространив действие постановления на Москву и некоторые другие города.⁸⁰ Однако руководители вузов продолжали настаивать на возобновлении занятий в Петрограде с IV курса и на разрешении сдать выпускные экзамены проживавшим в провинции.⁸¹ Министерство народного просвещения постепенно сдавало позиции. 24 сентября оно, подтвердив решение о приостановке занятий до конца учебного года, согласилось сделать исключение для всех студентов-медиков и восточников Петроградского университета, а также для всех выпускников.⁸² Затем, в начале октября, министерство разрешило начать занятия с теми студентами, которые постоянно проживали в столице, рекомендовав всем остальным продолжить учебу по месту жительства.⁸³ В Москве по постановлению городской управы занятия возобновлялись с 18 сентября.⁸⁴

В итоге, дезорганизующие перипетии начала учебного года в столичных университетах и институтах в немалой степени отвлекли внимание преподавателей и студентов от других проблем. Но и на периферии в этом отношении не везде было гладко. Например, в Пермском университете по распоряжению губернского комиссара занятия не начались.⁸⁵ Приостановка работы вузов создавала серьезную угрозу материальному благополучию преподавателей, ставило высшую школу на грань полного развала. Ведь плата за обучение была

⁷⁹ Вестник Временного правительства. 1916. 5 сент.

⁸⁰ Там же. 8 сент.

⁸¹ Речь. 1917. 17 сент.

⁸² ЛГИА, ф. 14 (Петроградский университет), оп. 27, д. 60, л. 22 с об.

⁸³ *Купайгородская А. П.* Петроградское студенчество и Октябрь // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С. 245.

⁸⁴ Утро России. 22 авг.; Русские ведомости. 1917, 1 окт.

⁸⁵ Речь. 1917. 16 сент.

важнейшей доходной статьей. Во многих же вузах количество обучающихся и без того уменьшилось на $\frac{1}{3}$,⁸⁶ а в Московском университете даже на $\frac{1}{2}$, что сулило увеличение дефицита до 1.2 млн. рублей к концу года.⁸⁷ Об отчаянности положения свидетельствовало предложение, сделанное совету Университета профессором финансового права П. П. Гензелем: резко повысить плату за обучение и «заложить» Университет в банк.⁸⁸ Не могло не тревожить уменьшение выпуска необходимых стране специалистов. Потому-то преподаватели столь единодушно протестовали против отсрочек начала учебного года, а Академический союз даже оценил «приостановку и расстройство учебных занятий» как «национальное бедствие».⁸⁹

Отношение студенчества к вопросу о возобновлении занятий оказалось различным. В Петрограде подавляющее большинство высказывалось против каких бы то ни было отсрочек. Во всяком случае общегородское собрание студентов и курсисток, состоявшееся в начале сентября, указало в своей резолюции, что прекращение занятий «нанесет огромный вред петроградскому студенчеству» и, в частности, «умножит ряды безработной интеллигенции».⁹⁰ В Москве же, как отмечала комиссия совета Университета, «само студенчество в отношении ведения занятий разделилось на две части. Одни хотят заниматься, о чем поступило даже специальное заявление медиков, другие находят необходимым, чтобы студенты отдали свои силы культурно-просветительной работе. Эти группы никак не могут столкнуться».⁹¹ Это расхождение выявилось еще в конце августа, причем наиболее принципиальными сторонниками прекращения занятий были студенты, группировавшиеся вокруг Студенческого дома. В резолюции, принятой в начале октября объединенным собранием этих студентов и «представителей правлений студенческих демократических организаций», приводились такие доводы, как «крайне тяжелое общее состояние страны, критическое положение Москвы в области обеспечения продовольствием, жилищем и топливом», необходимость активного уча-

⁸⁶ Новая жизнь. 1917. 29 окт.

⁸⁷ Русские ведомости. 1917. 1 окт.

⁸⁸ История Московского университета. М., 1955. С. 557.

⁸⁹ Вестник воспитания. 1917. № 6—7. С. 91.

⁹⁰ Вестник Временного правительства. 1917. 13 сент.

⁹¹ Русские ведомости. 1917. 6 сент.

ствия в общественно-политической работе.⁹² Однако большинство студентов, в том числе студентов Университета, в конце концов высказалось за возобновление занятий.⁹³

Министерство и советы вузов пытались наладить взаимоотношения профессуры с младшими преподавателями и студентами. Была определена роль доцентов как «связующего звена» между профессорами и младшими преподавателями. Доценты и ассистенты, «удовлетворяющие известным требованиям», получали право решающего голоса в университетских и институтских советах,⁹⁴ что было шагом вперед по сравнению с решениями июньского академического съезда. Права же студентов не расширялись. Министерство в соответствии с рекомендациями съезда лишь предлагало вузам учреждать постоянные комиссии из преподавателей и студентов, окончательно рассматривая и утверждая решения комиссий на заседаниях факультетов и советов. Институтские советы, шедшие на большие уступки, осуждались.⁹⁵ Между тем в ряде вузов, особенно в Московском университете, студенты настаивали на предоставлении их представителям совещательного голоса в советах.⁹⁶ Распространенным требованием была также отмена сдачи экзаменов к определенному сроку.⁹⁷ В Петрограде сходки студентов, на которых обсуждались различные вопросы, в октябре проходили во всех вузах.⁹⁸

Очень мало преуспели в осуществлении своих планов ученые. В сентябре Временное правительство утвердило проект и смету Института по изучению платины (инициатор — профессор Л. А. Чугаев), а также проект Института физико-химического анализа (инициатор — академик Н. С. Курнаков), но из-за отсутствия средств оба они в 1917 г. так и не начали работу.⁹⁹ Многие проекты, например проект создания Центрального инсти-

⁹² Социал-демократ. 1917. 5 окт.

⁹³ Русские ведомости. 1917. 10, 16 окт.

⁹⁴ Там же. 16 сент.

⁹⁵ Речь. 1917. 13 окт.

⁹⁶ Русские ведомости. 1917. 16 сент.

⁹⁷ Русское слово. 1917. 2 сент.

⁹⁸ *Купайгородская А. П.* Петроградское студенчество и Октябрь. С. 246.

⁹⁹ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. М., 1981. С. 311.

тута практической метеорологии,¹⁰⁰ ходатайство о субсидировании Комиссии по учебным пособиям по физике,¹⁰¹ не получили правительственной поддержки. Прозябала Свободная ассоциация для развития положительных наук, которая к осени даже не добилась выделения ей помещения. «И так и этак ни черта не выйдет!», — сокрушался В. А. Стеклов, размышляя о перспективах работы Ассоциации.¹⁰² Едва ли не единственным практическим достижением Академии наук было создание в ее системе первого института, состоявшего из 4 сотрудников, — Кавказского историко-археологического, руководимого Н. Я. Марром.¹⁰³ Пожалуй, относительно продуктивной деятельностью в то время отличались разве что Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), возглавлявшаяся В. И. Вернадским, Русское физико-химическое общество и некоторые отделы Комитета военно-технической помощи (КВТП).

Немало ученых пыталось (не всегда успешно!) обрести убежище от политических бурь в углубленной исследовательской работе. Историк И. М. Гревс, который летом начал втягиваться в деятельность Лиги русской культуры, осенью постепенно отходит от нее. В письме к В. П. Бузескулу от 16 октября Гревс сообщает о попытках «найти нужные силы и бодрость» в «усиленной работе в близкой области», выражает надежду, что «ученый труд даст лучшее средство жить в настоящем трагическом кризисе родины».¹⁰⁴ Вернадский еще до осенних событий, будучи увлечен размышлениями «о живом веществе с геохимической точки зрения», уверял себя и близких, что в ходе научной работы он «как-то спокойнее» воспринимает общественные бури, ибо в своих исследованиях имеет дело «с такой стороной жизни, которая сводит на нет волнения окружающего, даже в такой трагический момент, который мы переживаем».¹⁰⁵ Однако общественные бури все чаще настигали и его. 19 октября он отмечает в дневнике: «...атмосфера

¹⁰⁰ Очерки истории организации науки в Ленинграде: 1703—1977. Л., 1980. С. 105.

¹⁰¹ Хвольсон О. Д. Что дал Октябрь русской физике // Научный работник. 1927. № 12. С. 21.

¹⁰² ААН, ф. 162, оп. 3, д. 169, д. 45 об., 46 об.

¹⁰³ Очерки истории организации науки в Ленинграде. С. 104.

¹⁰⁴ ААН, ф. 726 (И. М. Гревс), оп. 1, д. 4, л. 79 об.

¹⁰⁵ Страницы автобиографии В. И. Вернадского. С. 286.

тревожная как будто накануне гражданской войны». ¹⁰⁶ В интенсивную работу уходил К. И. Скрябин, хотя, как он пишет, «обстановка заставляла нервничать». 24 октября (первый день Октябрьского восстания) ученый хотя и «пытался работать, но ничего не получилось. Это впервые в жизни». ¹⁰⁷

Общественные потрясения и стремительность развития событий заставляли сомневаться в скором налаживании планомерного и координированного ведения исследований. А. Е. Ферсман, которого очень заботило развитие химической промышленности, старался найти пути для ведения работы и в таких условиях. «Я не принадлежу,— писал ученый,— к тем оптимистам, которые думают, что вопрос перемобилизации русской промышленности можно будет достаточно властной рукой сверху направить в правильное русло заранее подготовленного плана». ¹⁰⁸ Александр Евгеньевич вскоре изменит свое мнение, начнет сотрудничать с Советской властью, обладавшей «достаточно властной рукой». А пока, в середине октября 1917 г. он как осторожный прагматик убеждает всех сохранять то, «что нам действительно необходимо будет в будущем и что заслуживает общегосударственного внимания». ¹⁰⁹

Но относительный оптимизм сохраняли далеко не все. М. И. Ростовцев, указывая в статьях «Наука и революция» и «Немедленный мир», что при царизме наука была только «терпима» государством, а материальное и моральное положение ученого было трудным, ¹¹⁰ не видел просвета и в будущем. «Работать научно,— писал он,— становится все труднее и труднее. Не хватает материала, а главное, нельзя поделиться с другими результатами своей научной работы... Публикация научных книг уже невозможна — мы прибегаем к суррогату, литографии... На очереди закрытие и большинства научных журналов, а следом за ними и общественных». ¹¹¹ Ростовцев, попавший под влияние «веховцев», жаловался на отсутствие интереса к науке в народных массах и даже в интеллигентской среде, на «распаде-

¹⁰⁶ Там же. С. 288.

¹⁰⁷ Скрябин К. И. Моя жизнь в науке. С. 109.

¹⁰⁸ Петроградский КВТП. Бюллетень Осведомительно-статистического бюро при Химическом отделе. 1917. № 13. С. 486.

¹⁰⁹ Там же. С. 491.

¹¹⁰ Русская мысль. 1917. № 9—10. С. 4, 5.

¹¹¹ Русская свобода. 1917. № 24—25, С. 3.

ние» государства. Усиленное развитие науки, настаивал он, возможно только при самом активном организаторском и материальном содействии государства.¹¹²

Актеров столичных театров к началу нового сезона ожидали большие тревожения по поводу намерений Временного правительства приостановить спектакли. Поводы были те же, по которым ставился вопрос о приостановке занятий в высших школах: нехватка топлива, электроэнергии, планы «разгрузки» Петрограда и др.¹¹³ Вопрос не снимался с повестки дня даже в начале октября. Встревоженные и возмущенные актеры протестовали и лихорадочно изыскивали веские контрдоводы. Например, чрезвычайное собрание Российского театрального общества, состоявшееся 26—27 августа в Москве, указало в своей резолюции, что театры «несут важную общественную службу не только в качестве так называемого полезного развлечения, но и в качестве фактора, умеряющего и предотвращающего угнетенное состояние и панику в стране» (!) и что поэтому закрытие театров водворит в обществе (!) «состояние угнетения и скорби».¹¹⁴ Авторы резолюции не забыли упомянуть и о праве актеров на труд «наравне с трудящимися прочих профессий».¹¹⁵ 9 октября другое собрание московских актеров избрало делегацию (С. А. Кусевский, М. Ф. Ленин, М. С. Нароков, А. П. Петровский, К. С. Станиславский, А. И. Южин-Сумбатов), поручив ей обратиться «в надлежащие сферы» и напомнить там, что московские театры потребляют всего 2% общегородского расхода электроэнергии.¹¹⁶ В итоге угроза от театров была отведена.

Однако прокламации о «важной общественной службе» театра следовало подкрепить делами. А театры оказывались неспособными совершить художественную перестройку соответственно духу времени. На сценических подмостках больших театров по-прежнему господствовали, по словам обозревателя, «давно налаженные» постановки,¹¹⁷ по-прежнему процветали фарсовые театры и театрики. И все же поиски велись, кое-какие

¹¹² Русская мысль. 1917. № 9—10. С. 9.

¹¹³ Речь. 1917. 2 авг.

¹¹⁴ Театр и искусство. 1917. № 36. С. 614.

¹¹⁵ Там же. С. 615.

¹¹⁶ Театральная газета. 1917. № 42, С. 3.

¹¹⁷ Речь. 1917, 17 сент.

сдвиги намечались. Обновление репертуара крупных театров проще всего достигалось постановкой некоторых пьес, ранее почему-либо запрещенных царской цензурой, что и делалось шире, чем в первые месяцы после Февраля.¹¹⁸ Предпринимались попытки порвать с натурализмом, осуществить начатый В. Э. Мейерхольдом, А. Я. Таировым и другими режиссерами еще в прошлые годы поворот к «романтизму», условности. Но ранее, по словам театрального критика С. С. Игнатова, «был хаос в реформаторских стремлениях небольшой группы или небольших групп, не находивших отзвука в желаниях и требованиях массы зрителей». А теперь, не очень доказательно полагал тот же критик, возмущение фарсовой пошлятиной создавало почву для «увлечения романтизмом».¹¹⁹

Но самым непосредственным откликом на социально-политические запросы времени стала дискуссия о народном театре, о его радикальной перестройке, о демократизации театрального искусства в целом. Заметим сразу же, что проблема развития любительских народных театров затрагивалась куда меньше, чем вопрос о том, как сделать профессиональный театр действительно общедоступным. Единственной точкой соприкосновения всех вовлеченных в спор было признание необходимости удешевления цен на билеты. А дальше начинались разногласия, иногда непримиримые. Находились сторонники всемерного упрощения репертуара, создания «доходчивых», предназначенных только для народа пьес. К. С. Станиславский был против подобной подделки под «народность», так как для него самым важным было сохранение высокого художественного уровня спектаклей. Но и он одно время считал целесообразным определенный отбор пьес из действующего репертуара, пьес, признанных «подходящими для народа» и пригодных для постановки в сравнительно большом помещении. Такие пьесы, как предлагал Станиславский, должны ставить раз или два в неделю артисты каждого театра.¹²⁰ Если Станиславский был за строгий профессионализм, то А. Я. Таиров выступал за органичное слияние актерских сил с теми, кого народ выдвинет «из своих творческих недр», т. е. фактически с артистами-

¹¹⁸ Русские ведомости. 1917. 20 сент.

¹¹⁹ Там же. 10 авг.

¹²⁰ Станиславский К. С. Собр. соч. Т. 6. М., 1956, С. 28.

любителями. Однако для осуществления этого профессиональный театр был обязан передать народу все свои «достижения и искания», не создавая никакого особого искусства для него, не подбирая особого репертуара.¹²¹ Другие вслед за известным московским журналистом В. М. Фриче полагали, что народный театр должен, во-первых, ориентироваться на насколько возможно многочисленную аудиторию, так как именно в такой обстановке якобы достигается эмоциональный подъем и объединение зрителей с артистами. Во-вторых, по мнению Фриче, действующим лицом на сцене должны быть не личность и семья, а сама народная масса, столкновения классов, «группы и человечество».¹²²

Однако все это были взгляды отдельных лиц или сравнительно небольших групп. Основная же масса театральных деятелей твердо придерживалась преобладавшей среди художественной интеллигенции трактовки проблемы народности и демократичности искусства. Приведем наиболее характерное мнение по этому вопросу: «Народу нужен просто хороший театр. Театр с хорошей труппой и хорошим репертуаром. Конечно, театры неврастенических исканий и эстетического художества не для народа».¹²³

А практически дискуссии не привели и не могли привести к немедленным и большим последствиям. Почти все эксперименты с созданием народного театра (точнее, театра для народа) удалось провести лишь при содействии столичных Советов рабочих и солдатских депутатов, а также Петроградской городской думы, культурно-просветительным отделом которой с сентября заведовал А. В. Луначарский. Он энергично взялся за реформирование принадлежавших Думе театров, за оздоровление их репертуара, привлекая к работе в комиссиях М. Ф. Андрееву, А. Н. Бенуа, П. П. Гайдебурова, А. М. Горького, Е. П. Карпова, С. А. Кусевицкого.¹²⁴ Хорошо известно о поездке на Северный фронт Передвижного театра П. П. Гайдебурова, показавшего солдатам «Телля» Р. Моракса (этот спектакль пользовался наибольшим успехом), «Женитьбу» Н. В. Гоголя и «Не

¹²¹ Таиров А. Прокламация художника. М., 1917. С. 21—23.

¹²² Театральная газета. 1917. № 24. С. 9.

¹²³ Там же. С. 2.

¹²⁴ Мокульский С. Петроградские театры от Февраля к Октябрю // История советского театра. Т. 1, Л., 1933, С. 70.

все коту масленица» А. Н. Островского.¹²⁵ В Москве 3 сентября торжественно открылся оперный театр Совета рабочих депутатов (б. театр С. И. Зимина). В день открытия состоялась лекция В. М. Фриче «Театр и рабочий класс». С приветствиями выступили представители общественных организаций, а также В. И. Немирович-Данченко и А. И. Южин-Сумбатов, затем был дан концерт с участием М. Н. Германова, В. И. Качалова и др. К постановке в театре силами профессиональных артистов готовились «Золотой петушок» (опера была поставлена 6 сентября), «Богема», «Садко», «Руслан и Людмила», «Фауст», некоторые пьесы, в частности чеховский «Вишневый сад».¹²⁶

Между тем внутри профессиональных театральных коллективов обстановка была запутанной, наполненной смутной тревогой, неуверенностью (угрозы закрытия театров и пр.), раздорами. «Мы начинали терять веру в самих себя и в свое искусство», — признавал В. И. Немирович-Данченко.¹²⁷ Среди ведущих театров самые трудные времена переживал Александринский театр. По свидетельству Н. Н. Ходотова, он «чуть ли не каждый день бывал на собраниях и митингах труппы, вместе с другими товарищами изнемогал в спорах, как спасти театр от краха. Мы выбирали десятки комитетов, комиссий, сочиняли сотни резолюций и совершенно запутались...».¹²⁸ Аналогичную оценку положения в труппе дает Е. И. Тиме.¹²⁹ Видимо, театральный обозреватель В. Н. Соловьев справедливо полагал, что александринцы не сумели извлечь пользу из автономии, поскольку одним из последствий ее стало «сведение счетов», усиление дезорганизации, резкое умаление роли автора пьес, режиссера и художника.¹³⁰ В. Ф. Беспалов, говоря, что в Марининском театре положение было получше, все же рисовал общую безрадостную картину бытия актеров столичных государственных театров. Отмечая, что «пресловутая автономия» порождала «безответственность», вносила «еще больший элемент

¹²⁵ Подробно см.: Бардовский А. А. Театральный зритель на фронте в канун Октября. Л., 1928. 116 с.

¹²⁶ Русские ведомости. 1917. 5 сент.; Речь. 1917. 13 сент.; Театральная газета. № 36—37. С. 9; № 43. С. 7.

¹²⁷ Цит. по: Соловьева И. Немирович-Данченко. С. 334.

¹²⁸ Ходотов Н. Н. Далекое—близкое. М.; Л., 1932. С. 384.

¹²⁹ См.: Тиме Е. И. Дороги искусства. М., 1967. С. 187.

¹³⁰ См.: Аполлон. 1917. № 6—7. С. 89—90.

кружковщины и интриганства», он обратил внимание и на воздействие некоторых внешних факторов: «Жить становилось все труднее, и артисты стали выступать на стороне, в разных театриках-миниатюр, в кинематографах, в клубах, и именно с этого времени в обиходную речь крепко вошло слова „халтура“... На Морской как-то незаметно открылся и быстро окреп артистический клуб. Главными руководителями этого заведения были Юрий Морфесси, известный исполнитель цыганских романсов и „интимных песенок любви и печали“, и А. А. Орлов, артист нашего балета. При клубе был вкусный буфет, а в клубе довольно крупная игра в карты». ¹³¹

Тем не менее поиски выхода из тупика все же велись, и «пресловутая» автономия давала хотя бы возможность коллективного и гласного обсуждения больших вопросов. В Москве В. И. Немирович-Данченко еще весной высказался за радикальную реформу государственных театров, а А. И. Южин-Сумбатов позднее даже разработал соответствующий проект. ¹³² В Александринском театре под председательством Е. П. Студенцова три дня подряд (11—13 сентября) шло общее собрание труппы, обсуждавшее доклад Г. Г. Ге «О дальнейшей судьбе театров». ¹³³ На последнем заседании актеры, так и не нашедшие общего языка, создали комиссию для разработки проекта реорганизации государственных театров. В состав комиссии вошли 12 человек — Л. С. Вивьен, Г. Г. Ге, Б. А. Горин-Горайнов, В. Н. Давыдов, А. И. Долинов, Е. П. Карпов, П. И. Лешков, В. А. Мичурина, М. А. Потоцкая, Е. П. Студенцов, Е. И. Тиме, Ю. М. Юрьев. ¹³⁴ Комиссия решила привлечь для участия в своих работах Ф. Д. Батюшкова и «сведущих лиц» — А. Н. Бенуа, А. А. Блока, П. П. Гнедича, А. Г. Генфельда, А. Я. Головина, М. В. Добужинского, В. П. Зубова, А. В. Луначарского, К. М. Миклашевского, П. О. Морозова, В. Д. Набокова, Э. А. Старка и еще несколько человек. ¹³⁵

Интересно, что выступить с докладами на расширенном заседании комиссии (оно состоялось 19 сентября

¹³¹ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. С. 78, 79.

¹³² Речь. 1917. 14 сент.

¹³³ Там же. 13, 14, 15 сент.

¹³⁴ Театр и искусство. 1917. № 39. С. 671.

¹³⁵ Речь. 1917. 20 сент.

под председательством Г. Г. Ге) предложили не кому-нибудь из актеров, художников, драматургов, критиков, а товарищу городского головы, заведующему культурно-просветительным отделом Петроградской городской думы большевику А. В. Луначарскому и бывшему управляющему делами Временного правительства, члену ЦК партии кадетов В. Д. Набокову. Почему? Видимо, дело было не только и даже не столько в том, что оба были хорошо известны в художественно-артистическом мире. По воспоминаниям А. В. Луначарского, Ю. М. Юрьев, весьма активно участвовавший в деятельности комиссии, объяснил ее выбор так: «Вы, — сказал с картинным поклоном артист, — являетесь ближайшими кандидатами в руководители нашего просвещения и нашей культуры. Мы, актеры, не политики, и мы еще не знаем, в какие формы выльется в ближайшем будущем правительство нашей страны, но я убежден, — подчеркнул Юрьев, — что имеются большие шансы для нас, театральных работников, оказаться в близком будущем под руководством одного из вас». ¹³⁶

По сообщению журнала «Театр и искусство», основная мысль обоих докладчиков сводилась к тому, что государственный театр должен стать театром национальным. Нам неизвестно содержание доклада В. Д. Набокова (он выступал вторым), но несомненно, что его трактовка функций, назначения и роли национального театра была во многом иной, чем трактовка, которую дал А. В. Луначарский. Судя по протокольным записям Е. П. Студенцова, Анатолий Васильевич указывал на необходимость ведения текущих дел театральным советом, в состав которого вошли бы «лица от всех корпораций театра и лица заинтересованные». Но сохраняя известную автономию, государственный театр подчинялся бы центральной государственной власти или муниципалитету. Кроме того, докладчик подчеркивал обязательность тесной связи государственного театра со школой и народным театром. ¹³⁷ Сам Анатолий Васильевич в воспоминаниях, написанных через несколько лет, сообщал, что он говорил, в частности, о представитель-

¹³⁶ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. С. 277.

¹³⁷ См.: Альтшуллер А. Я. Александринский театр // Русская художественная культура конца XIX — начала XX в. Кн. 3. М., 1977. С. 105—106.

стве в театральном совете «рабочих в первую голову», а также учащейся молодежи, ученых, художников и пр. «Руководство через лиц, назначенных Советской властью, я рисовал как достаточно гибкую политику по внедрению в театр новых идей и нового репертуара». ¹³⁸ В последующие месяцы эта программа была развита и уточнена. Но и в сентябре, на расширенном заседании театральной комиссии она вызвала большой интерес. Комиссия решила продолжить свою работу, пригласив новых «сведущих лиц», главным образом из числа искусствоведов. ¹³⁹

В Мариинском театре обсуждением проектов реорганизации занимались так называемый «фонд артистов» и, по определению В. Ф. Беспалова, «полуофициальный-полусемейный» союз артистов государственной оперы. Последний собирался по персональным приглашениям на «чашку чая» в квартире артистки П. А. Валицкой. На этих собраниях доминировал муж артистки М. В. Коваленко И. В. Эскузович — инженер, знаток театра, хороший оратор. ¹⁴⁰ Видимо, однако, все эти обсуждения не привели к выработке сколько-нибудь законченных проектов реорганизации.

Театр и актеры пользовались, по сравнению с другими профессиональными группами художественной интеллигенции, наибольшим вниманием прессы и всей общественности, и, пожалуй, именно эта группа наиболее очевидно для всех обнаруживала внутренний разброд и дезорганизацию.

Мы определили сравнительную степень дезорганизованности актерских коллективов предположительно, ибо обстановка, например в такой претенциозной организации, как Союз деятелей искусства, вряд ли была сколько-нибудь существенно лучше. При этом, однако, положение в Союзе не предавалось широкой гласности, газеты и журналы мало о нем писали.

Как мы помним, уже летом Союз деятелей искусства оказался на грани развала. Осенью во Временном комитете уполномоченных Союза фактически существовало уже не две, а три фракции: «левый блок», «деловой блок» и центристы. 5 секций комитета в общем-то без-

¹³⁸ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. С. 277.

¹³⁹ Речь. 1917. 21 сент.

¹⁴⁰ Беспалов В. Ф. Театры в дни революции 1917 г. С. 80—81.

действовали, а президиум и секретариат занимались преимущественно доработкой законопроектов, которые подготовила бывшая VII курия Союза. Это были предложения по охране культурных ценностей (о борьбе с иностранными скупщиками, об объявлении дворцов национальными музеями и о передаче их и уже существовавших музеев в ведение городских самоуправлений и пр.). Эти проекты правительственные канцелярии клали под сукно.¹⁴¹ В составе Союза формально числилось уже свыше 200 организаций и групп,¹⁴² а на заседания Временного комитета уполномоченных являлось лишь по 15—40 человек, что иногда вынуждало проводить вместо официальных заседаний частные совещания.¹⁴³

В поисках способа вдохнуть жизнь в Союз некоторые его активисты вспомнили о главном, объявленном еще в марте долге Временного комитета уполномоченных — созвать Учредительный собор деятелей искусства. Кое-какие идеи на этот счет появились у О. М. Брика и В. Э. Мейерхольда, и, видимо, после беседы с ними А. А. Андреев 21 сентября на заседании президиума предложил заслушать доклады этих двух лиц и создать специальный комитет по созыву собора. На заседании президиума возникла дискуссия, поскольку А. И. Тамапов напомнил, что созыв Учредительного собора предполагался после окончания войны.¹⁴⁴ Все же 24 сентября Временный комитет уполномоченных заслушал доклад О. М. Брика о созыве собора, принял постановление о создании оргкомитета и, по предложению В. Э. Мейерхольда, избрал в его состав 24 человека — по 8 от каждой фракции.¹⁴⁵ Оргкомитет разослал во все художественные организации извещение о предполагаемом созыве Учредительного собора (в извещении он впервые именовался Всероссийским делегатским съездом деятелей искусства) «в один из ближайших осенних месяцев».¹⁴⁶ Инициатором и главным проводником этих мер была группа лиц из членов «левого блока»

¹⁴¹ Аполлон. 1917. № 6—7. С. 83—84.

¹⁴² ЦГИА СССР, ф. 794 (Союз деятелей искусства), оп. 1, д. 3, л. 76.

¹⁴³ Там же, д. 24, л. 3.

¹⁴⁴ Там же, д. 52, л. 32.

¹⁴⁵ Там же, д. 23, л. 15 об.; д. 32, л. 4.

¹⁴⁶ Там же, д. 55, л. 137.

(А. А. Андреев, О. М. Брик, В. А. Денисов, А. С. Лурье, В. Э. Мейерхольд). Почти все остальные члены Временного комитета уполномоченных, да и члены оргкомитета проявляли равнодушие и пессимизм. Никаких практических шансов на созыв съезда, а тем более на успех его работы в тех условиях не было.

Обратим внимание, что среди немногих вопросов, которыми занималось руководство Союза, были меры по охране ценностей культуры, хотя в «левом блоке» Союза находились люди, вовсе не расположенные беречь «старую рухлядь». Вероятно, президиум Временного комитета уполномоченных в данном случае уступил нажиму «делового блока» и центристов, а главное, стремился наладить контакт с широкими кругами творческой интеллигенции, поддерживавшими традиционные направления в искусстве. Ведь расхищения и порча художественных сокровищ не могли не вызвать большую тревогу. Собрания картин, поспешно продаваемые некоторыми коллекционерами, попадали, как правило, в руки спекулянтов, а затем богатых иностранцев, державших в России своих агентов-перекупщиков.¹⁴⁷ Широкий размах приняли хищения из дворцов и музеев, причем грабителей явно направляли сведущие антиквары. Власти иногда организовывали небезуспешные обыски на квартирах антикваров и спекулянтов, пресекали отдельные акты вандализма в загородных дворцах и парках.¹⁴⁸ Однако правители сами отнюдь не показывали примера бережного отношения к художественным ценностям. «...Зимний дворец, — отмечал журнал «Аполлон» в ноябре 1917 г. — еще задолго до восстания был превращен в жилое помещение для главы правительства, занят канцеляриями и различными учреждениями при Временном правительстве. Комиссия по эвакуации дворца настойчиво, но тщетно протестовала. Среди ряда покоев министр-председатель А. Ф. Керенский занимал историческую комнату Александра III, пользуясь сам, так же, как и его адъютанты, историческими предметами, а караул перед восстанием доходил до 1000 солдат, помещавшихся в ...знаменитых парадных залах».¹⁴⁹

¹⁴⁷ Аполлон. 1917. № 4—5. С. 74.

¹⁴⁸ Там же. № 6—7. С. 70, 71, 83.

¹⁴⁹ Там же. С. 80—81.

Забота о сохранении культурного наследия была, конечно, одной из прямых обязанностей интеллигенции, в первую очередь художественной. Но произведения искусства требовалось не только сохранять, но и создавать. Между тем творческая активность художественной интеллигенции осенью 1917 г. вряд ли возросла. Большинство примыкавших к Союзу русских художников и «Миру искусства», передвижники и академики, многие музыканты и писатели-реалисты примолкли, замкнулись и редко давали о себе знать. Поэтому голоса «футуристов», сторонников «революции в искусстве» стали еще слышнее, что создавало впечатление их многократного численного превосходства. Это еще не означало, что «футуристы» были творчески активнее и что им удалось заменить руководство старых творческих союзов. Просто они усилили напор «снизу». В частности, представители молодых музыкантов с возмущением писали, что в музыкальном мире все руководство поручено «старым развалинам», которым «чужды вопросы и пути современного искусства», которые «не могут ничего сделать». ¹⁵⁰ Представители же «старых» иногда с меньшими полемическими преувеличениями утверждали, что «гибель искусству» несут «футуристы», а себя изображали обиженными и оттесненными. Местом устной полемики представителей различных направлений в искусстве, по воспоминаниям Ю. М. Юрьева, в то время обычно были помещения Академии художеств. ¹⁵¹

В словах сторонников традиционных направлений в искусстве было немало и справедливых упреков «футуристам» и справедливых доводов в защиту классики. Неприемлющие новую образность, новые слова обращались за поддержкой к творениям мастеров искусства прошлого. Так, когда «Нива» всю свою сентябрьскую книжку (не приложение!) демонстративно заполнила первой публикацией лесковского «Заячьего ремиза», а также ранее не публиковавшимися произведениями Я. П. Полонского (5 стихотворений), Н. А. Некрасова (повесть «Каменное сердце» с предисловием и послесловием К. И. Чуковского), новым очерком Н. И. Костомарова «Скотский бунт», буржуазная пресса поме-

¹⁵⁰ Театральная газета. 1917. № 39—40. С. 13. 14.

¹⁵¹ Юрьев Ю. М. Записки. Т. 2, С. 240—242.

стила восторженные отклики. Д. В. Филосовов, выразив радость по поводу того, что читатель получил «белоснежный пшеничный хлеб» русского языка, продолжал: «Наслушавшись речей с лозунгами, „контактами“, походишь из „подрайона“ в „район“, изломав себе язык об „румчерод“ и „верхком“ — прямо лечишься на здоровом, сочном языке Лескова».¹⁵² Но отгораживаясь от того нового, что несла жизнь, «традиционалисты» тем самым ослабляли свою связь с ней и уменьшали свои возможности воздействовать на умы и чувства современников.

¹⁵² Нива, 1917. № 41—43. С. 621.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели политическую позицию, умонастроения, социальную психологию, организационное строительство и профессиональные заботы основной массы русской интеллигенции от Февраля до Октября 1917 г., т. е. в очень ответственный исторический период победы буржуазно-демократической революции и перерастания ее в революцию социалистическую. Остается кратко обобщить изложенное и попытаться сделать некоторые итоговые выводы.

В исследуемый исторический период непролетарская интеллигенция проявляла себя неоднозначно, ее отношение к революционному процессу на различных этапах было неодинаковым. Причем эта неодинаковость предопределялась рядом факторов — расстановкой и соотношением классовых сил, характером и направлением развития событий, наличием или отсутствием достаточной связи с народными массами, степенью накала классовой борьбы, возможностью творческого труда и исполнения профессионального долга, общим экономическим положением и личной материальной обеспеченностью, индивидуальными особенностями мировоззрения, местом жительства и непосредственно окружавшей средой. Перечисленные факторы, сами по себе почти все очень изменчивые, с неодинаковой силой воздействовали на различные социальные слои и профессиональные группы интеллигенции, а также, ввиду индивидуализма интеллигенции, на отдельные личности. Отсюда сложность изучения проблемы, необходимость осторожности в оценках и воздержания от категоричности в суждениях, обязательность синтезированного

рассмотрения социально-экономических и общественно-психологических явлений.

В. И. Ленин, оценивая положение мелкобуржуазной демократии, средних слоев населения, их отношение к революции, указывал: «Революции, которая бы сразу могла победить и убедить, сразу заставить поверить в себя, такой революции нет».¹ Каждая революция — исключительно сложный процесс, что в полной мере и даже особенно относится к российским революциям 1917 г. Поэтому и Февральская буржуазно-демократическая революция, имевшая непосредственной задачей свержение царского самодержавия, не могла «убедить» всю буржуазную и мелкобуржуазную интеллигенцию, главным образом столичную. Дело в том, что, хотя непосредственная задача революции соответствовала чаяниям подавляющего большинства интеллигенции, последняя, в силу своей классовой несамостоятельности, недостаточной или даже слабой связи с народными массами, эклектичности политических взглядов, была встревожена размахом борьбы, выходом революции — благодаря гегемонии рабочего класса — за пределы «обычного» буржуазно-демократического переворота. В умонастроениях и психологическом состоянии непролетарской интеллигенции наблюдались значительные и резкие перепады. А в дальнейшем, по мере перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую неуверенность, дезориентированность и смятение в рядах интеллигенции, в первую очередь интеллигенции буржуазной, почти непрерывно возрастали, достигнув наивысшей для рассматриваемого периода точки в сентябре—октябре.

Неуверенность, смятение, утрата перспективы, а затем и апатия, такие характерные для интеллигенции буржуазного общества качества, как индивидуализм и недисциплинированность, помешали достигнуть высокой организованности, создать крепкие и сплоченные профессиональные организации. В этом отношении интеллигенция далеко уступала рабочему классу, хотя в какой-то мере и заимствовала его опыт. Полоса интенсивного «учредительства» закончилась уже к концу апреля, когда в состав профессиональных объединений

¹ Ленин В. И. Собрание партийных работников Москвы 27 ноября 1918 г. // Полн. собр. соч. Т. 37. С. 228.

вошло около 200 тыс. интеллигентов.² В последующие месяцы организационное строительство, т. е. объединение по профессиям, замедлилось, а в некоторых случаях даже пошло вспять. В результате, по нашему мнению, в профессиональные объединения входило вряд ли более половины всей интеллигенции. Проведение некоторых намеченных съездов не удалось из-за отсутствия кворума, нередко были случаи неявок даже членов правлений на их заседания. Связь центра с местными организациями была слабой, многие принятые постановления не проводились в жизнь. Сплоченности интеллигенции по профессиям препятствовали противоречия между партийными фракциями и отдельными кружками и группами. Особенно острыми были разногласия между группами художественной интеллигенции.

В таких условиях не приходилось ожидать ни осуществления всех тех преобразований, которых давно добивалась интеллигенция, ни прилива творческих сил. Конечно, собственных сил интеллигенции и при ином положении оказалось бы недостаточно, так как достижение радикальных преобразований зависело от успеха общего натиска революции, от общеполитических и социально-экономических завоеваний народных масс во главе с пролетариатом. В конечном счете все решало достижение главной цели, намеченной партией большевиков, — свержение власти буржуазии и переход всей власти в руки рабочего класса и его союзников. Но и после свержения царизма силы революции, отвоевав буржуазно-демократические свободы, тем самым создали для интеллигенции возможность для проведения в жизнь ряда ее требований. И если такими возможностями интеллигенция воспользовалась не полностью, то вина за это падает в немалой степени на нее же. Ведь интеллигенция, будучи социально неоднородна, занимая обрисованные выше политические позиции и испытывая сложные, противоречивые, порой парализующие ее переживания, не только не могла, но и в лице некоторой части своих представителей (речь идет прежде всего о контрреволюционной буржуазной интеллигенции) не хотела добиваться необходимых преобразований.

Перечень достигнутого в основном был таков: свобода выражения своих взглядов и выдвижения своих

² Русские ведомости, 1917. 6 мая.

требований, создание массовых организаций и комитетов, демократизация внутренней жизни в учреждениях и обретение большей или меньшей автономии. Однако и список недостигнутого и даже утраченного был внушительным: реформы школьного и вузовского образования, функциональная перестройка учреждений науки и культуры либо вовсе не начинались, либо ограничивались второстепенными вопросами; государственное содействие научному и техническому прогрессу, развитию культуры и образования практически не увеличивалось; условия для эффективного применения профессиональных знаний кое-где ухудшились, элементарно необходимый порядок для нормальной работы снизился; попытки добиться увеличения заработной платы окончились, за немногими исключениями, неудачей, и материальные условия жизни в целом еще более ухудшились. Напомним также о резком увеличении стрессовых нагрузок. Словом, у многих непролетарских интеллигентов имелось больше субъективных и объективных оснований для разочарований, чем для довольства. Недаром же — а это было следствием утраты перспективы — осенью в среде буржуазной интеллигенции появились признаки некоторого оживления монархических настроений.

Обращает на себя внимание, что художественная интеллигенция, громогласно заявив о праве на полную независимость и абсолютную свободу творчества, не внесла в сокровищницу искусства ничего или почти ничего нового. И «левые», и «традиционалисты» продолжали использовать свои излюбленные художественные средства и создавать привычные образы. Первые ссылались на соответствие их выработанного ранее художественного кредо революционной действительности, а вторые по большей части использовали свою систему как ограждение от этой действительности. Некоторые исповедовали тезис о закономерности отставания развития искусства от развития революции. Немало представителей художественного мира переживали творческий спад и вообще не создавали новых произведений. Отдельные примеры активности лишь оттеняли общую безрадостную картину. Испытывались большие затруднения с решением вопроса о приближении искусства к народу.

Нельзя сказать, что в ходе первой российской революции 1905—1907 гг. искусство пережило крутой подъ-

ем и что оно очень широко и непосредственно отразило революционные события. Но все же и литература, и изобразительное искусство тогда достигли значительно большего, чем в 1917 г. И это понятно, закономерно. Первая российская революция, будучи революцией народной, в которой ведущую роль играл рабочий класс, тем не менее ввиду недостаточной зрелости объективных и субъективных факторов не перерастала в революцию социалистическую. Она, по определению В. И. Ленина, стала «генеральной репетицией» революций 1917 г.,³ но она имела задачей смести царский деспотизм, освободить страну от феодально-крепостнических пережитков. Революция началась в 1905 г. с потрясших и глубоко возмутивших народ и интеллигенцию кровавых событий 9 января, она развивалась в обстановке ожесточенного сопротивления царизма, перешедшего позднее к массовым зверским репрессиям. В феврале — октябре 1917 г. был совсем иной политико-психологический фон: удивительно быстрое свержение монархии, властный выход на авансцену революционных масс, политическое сознание и практические действия которых значительно опередили политическое сознание буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции. Это отставание, связанные с ним социально-психологические явления обуславливали и творческий спад и неспособность художественной интеллигенции к адекватному отражению революционных событий 1917 г.

Все рассмотренное не давало оснований рассчитывать на поддержку Октябрьской революции интеллигентской массой, но вместе с тем ряд факторов и обстоятельств предопределяли, что неприятие не будет продолжительным и особенно активным. Профессиональная интеллигенция являлась частью массы трудящихся, жила собственным трудом, ее отношение к рабочим и крестьянам было не отношением эксплуататоров к эксплуатируемым, а отношением людей, не понимавших объективных законов общественного развития, находившихся в плену традиционных, уже устаревших понятий и представлений. Следовательно, сближение с народом — а отрыв от него всегда воспринимался очень болезненно — могло достигаться не ценой невосполнимых утрат, а путем перестройки мировоззрения, пере-

³ См.: Ленин В. И. Третий Интернационал и его место в истории // Полн. собр. соч. Т. 38. С. 306.

стройки далеко не легкой, но посильной уже, в частности, потому, что хотя бы и искаженные социалистические идеи не были чужды многим интеллигентам. Их положение было совсем иным, чем положение представителей эксплуататорских классов. Аполитичность многих интеллигентов в марте — октябре 1917 г. практически означала прежде всего самоустранение от участия в контрреволюционной борьбе, занятие позиции выжидательного нейтралитета, что на деле было этапом перехода в будущем к сотрудничеству с Советской властью. Впрочем, наиболее передовые представители интеллигенции уже накануне Октября переходили на сторону рабочего класса. Здесь же отметим, что интеллигентская масса жаждала власти демократической и вместе с тем твердой, устойчивой, обеспечивающей общественный порядок, заботящейся о развитии производительных сил и культуры, проводящей патриотическую политику. А такую власть могла обеспечить только Советская республика.

Трудности самоперестройки и перевоспитания не пролетарской интеллигенции, конечно, стали бы еще большими, если бы она, эта интеллигенция, оценивала предоктябрьские порядки как нечто вполне ее устраивающее, если бы она обрела при буржуазной власти ясные ориентиры и перспективы. Но дело в том, что положение страны после победы Февральской революции предстало перед интеллигенцией отнюдь не в одних радужных красках, а непосредственно перед Октябрем положение многим виделось крайне тяжелым или даже безнадежным. Недаром В. И. Ленин отмечал, что в наследство от прошлого мы получили «отчаявшуюся интеллигенцию».⁴ Большевицкая тактика нейтрализации ее диктовалась реальной действительностью, логикой классовой борьбы.⁵ В последующем закоренелые враги

⁴ Ленин В. И. Речь на торжественном заседании пленума Московского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, МК РКП(б) и МГСПС, посвященном 3-ей годовщине Октябрьской революции, 6 ноября 1920 г. // Полн. собр. соч. Т. 42. С. 5.

⁵ Тактика большевиков в отношении основной массы непролетарской интеллигенции накануне Октября, по нашему мнению, в целом правильно охарактеризована в книгах: Борьба за массы в трех революциях в России: Пролетариат и средние городские слои. М., 1981. С. 270; Красильников С. А., Соскин В. Л. Интеллигенция Сибири в период борьбы за победу и утверждение Советской власти, 1917 — лето 1918. Новосибирск, 1985, С. 26—29, 96.

Советской власти, в том числе из рядов буржуазных интеллигентов, старались в пропагандистских целях превозносить Февральскую революцию и очернять Октябрьскую. А на самом деле у большинства интеллигентов свержение Временного правительства не вызвало ностальгии по России предоктябрьского времени. Первоначальное отрицательное отношение к новой власти и некоторым ее мерам основывалось, главным образом, на непонимании природы Советов, целей возглавлявшегося большевиками исторического творчества народных масс, особенностей и коренных преимуществ пролетарской демократии, боязнью полного крушения всякой «государственности», погружения страны в пучину гражданской войны и безудержной анархии. Но на затяжное противостояние у «отчаявшейся» интеллигентской массы не было ни долговременных стимулов, ни душевных сил, ни достаточной организованности.

Исследователи справедливо отмечают, что небольшая часть интеллигенции сразу и искренне перешла на сторону социалистической революции, другие (как и накануне Октября, их было большинство) заняли нейтральную, выжидательную позицию, заявляя о своем «невмешательстве» в политику.⁶ Часть же попыталась оказать сопротивление, вступив на путь саботажа мероприятий Советской власти, гальванизовав в своем сознании идею Учредительного собрания. Но надежды на Учредительное собрание вскоре рухнули, а саботаж, масштабы которого не следует преувеличивать, был сломлен к весне 1918 г.

Начался длительный, сложный и трудный процесс перевоспитания старой интеллигенции, которую Коммунистическая партия, руководствуясь учением В. И. Ленина, вовлекала в невиданную ранее созидательную работу. По мере формирования новых общественных отношений разрушались социально-экономические, культурно-образовательные, психологические барьеры. Одновременно создавалась новая, социалистическая интеллигенция, и постепенно представители умственного труда превращались в сознательных строителей социализма, в активных защитников его завоеваний.

Социалистический строй устраняет вековые барьеры, разделявшие труд и культуру, создает прочный и неру-

⁶ См., напр.: *Федюкин С. А. Партия и интеллигенция*. М., 1983. С. 52—53, 55.

шимый союз работников физического и умственного труда, приобщает трудящиеся массы к достижениям науки и техники, литературы и искусства, обеспечивает небывалое общественное признание творческой интеллигенции. Особенно благоприятные условия для исполнения интеллигенцией своих функций, для мобилизации интеллектуального потенциала создали апрельский (1985 г.) Пленум ЦК КПСС, XXVII съезд партии, последующие Пленумы Центрального Комитета КПСС. «Нужно всюду поставить дело так, — говорил М. С. Горбачев на Всесоюзном совещании заведующих кафедрами общественных наук, — чтобы людям ищущим, творческим, идущим в авангарде перестройки, легче дышалось, плодотворнее работалось и лучше жилось. Это относится и к производству, и к науке, и к искусству, ко всем сферам общественной деятельности».⁷

⁷ XXVII съезд КПСС и задачи кафедр общественных наук. М., 1987. С. 11—12.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН *

- Абельман Н. С. 262
 Авилов Б. А. 126
 Аврех А. Я. 18
 Азарх Р. М. 262
 Айналов Д. В. 214
 Акимова М. Ф. 86
 Аксаков И. С. 226
 Аксаков К. С. 226
 Александр III 332
 Альтман Н. И. 205, 206, 296
 Альтшуллер А. Я. 329
 Амелин П. П. 4, 5, 9, 26
 Амфитеатров А. В. 114, 142, 180
 Андреев А. А. 331, 332
 Андреев А. М. 132
 Андреев В. В. 296
 Андреев Л. Н. 205, 239, 280
 Андреев Н. В. 166
 Андреев Я. Д. 173
 Андреева М. Ф. 201, 326
 Андрей Уфимский, епископ 226
 Андрусов Н. И. 191
 Анучин Д. Н. 277
 Аполлонский Р. Б. 75
 Арабажин К. И. 206, 214, 295
 Аргутинский-Долгоруков В. Н. 181
 Арский Р. 76
 Астрахан Х. М. 261

 Базаров (Руднев) В. А. 119, 126
 Бакланов Н. Б. 293

 Бальмонт К. Д. 114, 184, 234, 235, 239, 251
 Бардин И. П. 103, 146, 147, 188
 Бардовский А. А. 327
 Барсуков М. И. 5, 187, 262, 270
 Батюшков Ф. Д. 311, 328
 Бахметьев Б. А. 163
 Бебель А. 148
 Беклемишев В. А. 173, 205, 207
 Белопольский А. А. 192
 Белошапкин С. С. 6, 163
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) 139, 251, 283
 Бем А. Л. 240
 Бему А. Н. 24, 40, 61, 74, 75, 84, 104, 105, 115, 131, 138, 141, 180, 181, 201—203, 205, 207, 209—211, 215, 239, 243, 286, 293, 300, 301, 308, 326, 328
 Бему Л. Н. 173
 Бердяев Н. А. 101, 102, 142, 221, 222, 226, 302—304
 Березовая Л. Г. 4
 Бернштейн Э. 11, 12
 Беспалов В. Ф. 75, 165, 167, 170, 184, 248, 311, 327, 328, 330
 Бетховен Л. 244
 Бехтерев В. М. 114
 Билибин И. Я. 181, 201, 281, 293
 Бланк Р. 49
 Блок А. А. 35—37, 71, 106, 107, 109, 115, 125, 126, 138,

* Составитель Р. В. Знаменская

196, 199, 239, 252—254, 284,
314, 328
Блок Л. Д. 252
Бобринская В. Н. 226, 302
Боголюбов Д. П. 262
Богуславская К. Л. 213
Болдырев Д. В. 222, 304
Бонч-Бруевич В. Д. 76
Бонч-Томашевский М. М. 135
Боричевский И. А. 55, 73
Боровой Г. 153
Бородин И. П. 161, 190, 192
Бородин М. М. 162
Бортнянский Д. С. 184
Брик О. М. 282, 287, 296, 331,
332
Бруни Л. А. 213
Брюсов В. Я. 52, 113, 139
Бузескул В. П. 322
Булгаков С. Н. 221, 226, 302,
303
Бунин И. А. 192, 244, 309
Бурджалов Э. Н. 67, 81, 87,
88
Буренин Н. Е. 280
Буш В. В. 240
Быков В. Ф. 6, 9
Бялик Б. А. 110

Вагнер Р. 241
Валицкая П. А. 330
Вальден П. И. 277
Вальтер В. Г. 31
Василенко Н. 267
Васнецов А. М. 175, 176, 281
Васнецов В. М. 176
Введенский Н. Е. 192, 234
Вейсберг Ю. Л. 172
Венгеров С. А. 114, 115, 240
Вересаев В. В. 135, 139
Вернадский В. И. 24, 25, 190,
192, 238, 243, 321, 322
Вивьен Л. С. 165, 328
Виноградов Н. А. 5, 187
Виноградов С. А. 281
Волков В. С. 14
Волков Н. Д. 31
Волконский С. М. 167
Волошин М. А. 139
Воровский В. В. 47
Востриков Н. И. 7
Вреден Р. Р. 164
Высоцкая Н. Г. 61
Вьюшков Б. П. 163

Гайдебуров П. П. 214, 326
Галкин Е. В. 163
Ган Б. 88
Гапсев А. А. 163
Гарин С. А. 135
Ге Г. Г. 165, 203, 209, 311, 328,
329
Гейден П. А. 12, 41
Гензель П. П. 320
Генфельд А. Г. 328
Герд В. А. 133, 156, 186, 264,
265
Герд С. В. 264
Германов М. Н. 327
Герцен А. И. 76, 198
Гессен И. В. 42, 99, 100
Гинзбург С. С. 291
Гиппиус З. Н. 57, 60, 74, 97,
132, 234, 239, 312, 313
Глазунов А. К. 171, 183, 184,
205, 207, 210
Глинка М. И. 183, 311
Гнедич П. П. 328
Гнесин М. Ф. 173
Гоголь Н. В. 35, 115, 326
Голицын Н. В. 162
Головин А. Я. 62, 328
Головин Ф. А. 167, 205, 207,
210, 214, 277
Горбачев М. С. 342
Горбунов В. В. 279
Горбунов Н. П. 262
Горин-Горяинов Б. А. 62, 63,
168, 328
Горький А. М. 6, 25, 33, 39—
41, 52, 58, 64, 65, 73, 108—
113, 115, 126, 129, 161, 167,
180—183, 190—195, 201, 202,
204, 205, 207, 208, 210, 213,
214, 234, 239, 243, 250, 252,
255—257, 277, 280, 281, 284,
285, 287, 288, 300, 301, 308,
315, 326
Горяинов С. М. 162
Грабарь И. Э. 114, 120, 175,
211, 281, 284
Градов В. Л. 170
Гревс И. М. 118, 150, 221, 226,
227, 272, 273, 275, 322
Гредескул Н. А. 144
Гречанинов А. Г. 114, 184
Гржебин З. И. 202
Грибоедов А. С. 115
Гримм Д. Д. 156, 158, 232
Грин А. С. 249

Гринберг З. Г. 264
Грищенко А. В. 176
Груздев И. А. 108
Грузинов А. Е. 198
Грунт А. Я. 310
Гумилев Н. С. 280
Гуревич Я. Я. 264
Гусев К. В. 123, 261
Гусятников П. С. 4
Гучков А. И. 112, 127, 140, 217

Давыдов В. Н. 328
Далматов И. И. 262
Данилевский Н. Я. 226
Деникин А. И. 227
Денисов В. А. 206, 296, 332
Державин Н. С. 245
Динерштейн Е. А. 6, 258
Доброхотов Д. Н. 232
Добужинский М. В. 181, 201,
202, 214, 281, 293, 328
Догель А. С. 192
Долгов А. Н. 232
Долинов А. И. 328
Домбровский С. В. 134
Домогацкий В. Н. 176
Достоевский Ф. М. 115, 198
Дубенецкий В. И. 205, 214, 293.
Дубовский Н. Н. 214
Дягилев С. П. 167, 202, 210
Дякин В. С. 22, 31, 32, 41, 144

Евдокимов А. А. 303
Егоров Д. Н. 159
Егоров И. В. 240, 241
Емельянов Н. А. 237
Ерман Л. К. 3, 4, 8, 19
Ерманский О. А. 40
Ермолова М. Н. 198, 211
Ершов И. В. 197, 201
Есенин С. А. 115, 125
Ефремов И. Н. 194

Жбанков Д. Н. 143, 187, 232,
233
Жебелев С. А. 173
Жигалин П. П. 47

Заболотный Д. К. 190, 192,
194, 234
Зайцев А. Ф. 102

Зайченко П. А. 5, 124
Зак Л. М. 4
Заленский В. В. 192
Збруева Е. И. 166
Зданевич И. М. 174, 204, 206,
208, 209
Зеленко В. А. 264
Зелинский Ф. Ф. 203
Зернов Д. С. 163, 271
Зилоти А. И. 184, 205
Зимин С. И. 327
Злоказов Г. И. 132, 133
Знаменский О. Н. 136, 309
Золотарев С. А. 133, 156, 232
Зубов В. П. 203, 295, 328

Иванов А. А. 234, 240, 277
Иванов В. И. 303
Иванов Н. И. 70
Иванов Р. В. (Иванов-Разум-
ник) 97
Иванова Л. В. 314
Игнатов С. С. 325
Изгоев А. С. 21
Икскуль фон Гильден-
банд Ю. А. 162
Ильина Г. И. 208
Иорданский Н. И. 114
Иоффе А. Ф. 276
Исаков С. К. 205

Каблуков С. П. 53, 76, 97, 104,
105, 129, 172, 234, 239, 248,
250, 251
Каратыгин В. Г. 181, 201
Кареев Н. И. 151, 157, 254,
272, 273, 277, 313
Карпинский А. П. 161
Карпинский В. А. 47
Карпов Е. П. 165, 166, 326, 328
Карпов Л. Я. 147, 262
Карташев А. В. 181, 226, 302
Катанян В. А. 6, 259
Катонин Л. И. 109
Каутский К. 11, 12
Качалов В. И. 327
Качалов Н. Н. 64
Керенский А. Ф. 85, 128, 194,
219, 238, 258, 298, 307, 332
Керзин М. А. 209
Киреевский И. В. 226
Киреевский П. В. 226
Кирпичников С. Д. 229

- Кишкин Н. М. 198
 Клейнбот Л. М. 34
 Клячко Л. М. 76
 Книпович Н. М. 190, 192, 234
 Князев Г. А. 5, 161
 Кобеко Д. Ф. 162
 Ковалевский Е. П. 226
 Коваленко М. В. 330
 Коковцев Д. 287
 Кольцов А. В. 5, 161
 Кольцов Н. К. 277
 Комков Г. Д. 5, 161
 Кондаков Н. П. 173, 203
 Коненков С. Т. 175, 282
 Кони А. Ф. 104, 203
 Коновалов А. И. 127, 190, 195
 Кончаловский П. П. 281
 Корнилов Л. Г. 219, 239
 Коровин К. А. 175, 176, 197,
 212, 244, 245, 281, 285, 293
 Королев Ф. Ф. 5, 32, 156, 157,
 187, 263
 Короленко В. Г. 36, 140, 192,
 239
 Костенко М. П. 82
 Костинский К. С. 192
 Костомаров Н. И. 333
 Котляревская В. В. 251
 Котляревский Н. А. 114
 Котляревский С. А. 21, 226
 Котов Г. И. 173
 Коутс А. К. 166, 184
 Кравков Н. П. 192
 Красильников С. А. 306, 307,
 340
 Красин Л. Б. 192
 Красникова А. В. 6, 110
 Кржижановский Г. М. 47, 262
 Кручковская В. М. 310
 Крылов А. Н. 192
 Крылов Н. М. 276
 Крымов Н. П. 281
 Ксюнин А. И. 76
 Кувакин В. А. 303, 304
 Кузнецов Н. И. 276
 Куинджи А. И. 174
 Кулагин А. Н. 162
 Купайгородская А. П. 45, 274,
 319, 321
 Куприн А. И. 249, 250, 280
 Купченко В. П. 281
 Курбатов В. Я. 201, 203
 Курнаков Н. С. 140, 321
 Кусевицкий С. А. 324, 326
 Кускова Е. Д. 313
 Кустодиев Б. М. 72, 114, 138,
 281
 Кшесинская М. Ф. 81
 Лансере Н. Е. 181, 201
 Лапицкий И. М. 292
 Лаппо-Данилевский А. С. 162,
 172, 259, 276
 Лапшин В. П. 6, 61, 182, 285,
 306
 Лафайет М. 130
 Левин И. О. 305, 306
 Левшин Б. В. 5, 161
 Лейберов И. П. 28, 29, 53, 78
 Лейкина-Свирская В. Р. 3, 7
 Ленин В. И. 4, 6—14, 17,
 19, 20, 22, 34, 41, 43, 44,
 47—50, 65, 66, 68, 70, 74, 88,
 91—94, 96, 97, 100, 104, 108,
 110—112, 118, 119, 122, 127,
 128, 131, 136—138, 141, 142,
 146, 148, 185, 187—189, 199,
 206, 217, 218, 220, 223, 224,
 233, 235—237, 239, 240, 242,
 298, 302, 306, 307, 314, 336,
 339—341
 Ленин М. Ф. 198, 292, 324
 Лентулов А. В. 175, 281
 Леонидов Л. М. 312
 Леонтович А. В. 277
 Леонтьев К. Н. 226
 Лепешинский П. Н. 47
 Лермонтов М. Ю. 62
 Лесков Н. С. 334
 Лешков П. И. 328
 Лидваль Ф. И. 81
 Лиснер Э. Э. 285
 Лихачев Н. П. 162
 Лобойков В. П. 173
 Ломоносов Ю. В. 57, 60, 72,
 85, 116
 Лопатнев И. М. 156
 Лужский В. В. 72
 Лукин Н. М. 262
 Лукомский Г. К. 181
 Луначарский А. В. 47, 264, 309,
 313, 326, 328—330
 Лундберг Е. Г. 44, 103, 186
 Лурье А. С. 332
 Лурье Ар. 280
 Лутугин Л. И. 149
 Львов В. Н. 101
 Львов Г. Е. 127
 Львов Н. Н. 167, 226

Любимов Л. Д. 106
 Люблинский П. И. 130
 Лялевич М. С. 204, 205, 207
 Ляцкий Е. А. 114

 Майкапар С. М. 172
 Майков В. В. 162
 Маклаков В. А. 101, 226
 Маковский В. Е. 173, 174
 Маковский С. К. 201, 212
 Максимов В. В. 198
 Малевич К. С. 176, 211
 Малышев Ю. А. 293
 Малько Н. А. 166, 197
 Малютин Я. О. 31, 168, 247
 Мамаева К. И. 4
 Мандельштам О. Э. 283, 284
 Манизер М. Г. 295
 Мануилов А. А. 129, 156, 159, 194
 Манухин И. И. 190, 192, 194
 Мария Павловна, вел. кн. 173
 Марков А. А. 190—192, 234
 Марков Н. Е. 145
 Марр Н. Я. 322
 Матвеев А. Т. 205
 Машков И. И. 176, 281
 Маяковский В. В. 6, 73, 112, 113, 125, 138, 176, 195, 199, 205, 208, 210, 212, 239, 252, 258, 259, 279, 293, 314, 315
 Мгебров А. А. 240, 295
 Мейерхольд В. Э. 31, 62, 165, 166, 199, 204, 205, 208, 210, 214, 243, 292, 325, 331, 332
 Мельгунов С. П. 229
 Мельников П. И. 166
 Менделевич Г. А. 6
 Мензбир М. А. 318
 Мережковский Д. С. 97, 234
 Метальников С. И. 276
 Миклашевский К. М. 203, 328
 Милюков П. Н. 22, 85, 127, 194, 217
 Минц И. И. 259, 310
 Миронова В. А. 169
 Мицкевич С. И. 125, 317
 Мичурин И. В. 243
 Мичурина В. А. 26, 328
 Модзалевский Г. Л. 162
 Мозжухин И. И. 247
 Мокульский С. С. 166, 167, 169, 171, 199, 290, 326
 Моракс Р. 326

Морозов Н. А. 194
 Морозов П. О. 328
 Морфесси Ю. 328
 Моцарт В. 290
 Мунц О. Р. 98
 Муратова К. Д. 6, 181, 182, 213, 288
 Мушкетов Д. И. 39, 52, 54, 59, 66, 74, 76, 77, 81, 85, 105, 163

 Набоков В. Д. 205, 207, 328, 329
 Нарбут Г. И. 181, 201
 Нароков М. С. 324
 Неклюдов П. А. 181
 Некрасов Н. А. 115, 333
 Неманов Л. М. 76
 Немирович-Данченко В. И. 114, 139, 167, 211, 239, 280, 301, 312, 327, 328
 Нерадовский П. И. 173, 201, 203
 Нестеров М. В. 30, 176
 Николаев А. В. 172
 Николай I 62
 Николай II 51, 70, 161, 220
 Николай Михайлович, вел. кн. 161, 276
 Новгородцев П. Н. 303
 Новиков М. М. 160
 Нувель В. Ф. 202

Овсяннико-Куликовский Д. Н. 114
 Овчаренко А. И. 6, 110, 126, 300
 Озеров И. Х. 37
 Ольденбург С. Ф. 129, 203, 227, 238
 Ольминский М. С. 47
 Омелянский В. Л. 190
 Ониани В. С. 3
 Орбели Л. А. 238
 Орлов А. А. 328
 Островитянов К. В. 123
 Островский А. Н. 327

Павлов И. П. 113, 120, 190—192, 238, 240, 257, 300
 Павлов-Арбенин А. 134
 Палладин В. И. 192, 234

Парыгин Б. Д. 14
Патон Е. О. 106
Перцов В. О. 6, 113, 208
Петров-Водкин К. С. 181, 201,
293, 294
Петровский А. П. 324
Пешехонов А. В. 40
Пешехонова А. Ф. 40, 267
Пешкова Е. П. 39, 52, 58, 73,
108, 126
Пильский П. И. 249
Пинегина А. А. 4
Пирумова Н. М. 4
Писаржевский О. Н. 147
Платонов С. Ф. 227
Покровский М. Д. 163
Покровский М. Н. 41
Полонский В. П. 280, 299
Полонский Я. П. 333
Поляков А. А.
Поссе К. А. 234
Потоцкая М. А. 328
Предтеченский В. Е. 164
Прокофьев С. С. 214
Пунин Н. Н. 204—206, 208, 296
Пушкин А. С. 115, 198, 290

Радищев А. Н. 114, 198
Ракинт В. Н. 203
Распутин Г. Е. 16, 42, 169, 221,
246, 247
Ратнер Я. В. 6, 167
Рахманинов С. В. 115, 116
Редько А. М. 114
Рейснер Л. М. 296
Репин И. Е. 114, 174, 203, 205,
210
Рерих Н. К. 181, 201, 202
Рид Д. 311
Римский-Корсаков А. Н. 105,
172, 203
Римский-Корсаков Н. А. 172,
184, 197
Родзянко М. В. 85, 223, 226
Рождественский С. В. 162
Розанов В. В. 176
Романов К. К. 213
Ростиславов А. А. 181, 201
Ростовцев М. И. 203, 227, 323
Рощина-Инсарова Е. Н. 26
Рубан Н. В. 261
Руднев Л. В. 134, 182, 196
Русakov И. В. 262
Рылов А. А. 244, 281, 284

Савинков Б. В. 239
Савич Н. В. 226
Садовская О. О. 211
Салазкин С. С. 143
Салтыков-Щедрин М. Е. 37,
115
Самохвалов А. Н. 196
Санин А. А. 199
Северцов А. Н. 277
Сейтов В. М. 162
Семашко Н. А. 262
Семенников В. П. 32, 82, 140
Семенов Л. К. 5, 161
Сидоров А. А. 23
Синакевич О. В. 53—60, 71, 72,
77, 85, 99, 117
Сиповский В. В. 240
Скворцов-Степанов И. И. 108
Скрябин К. И. 22, 23, 105, 131,
301, 323
Смирнова Л. И. 6, 228, 229,
231, 316
Смирнов-Сокольский Н. П. 244,
309
Смоляков Л. Я. 12
Собинов Л. В. 168, 198, 244
Соболева Е. В. 6
Соловьев В. Н. 327
Соловьев З. П. 133, 270
Соловьева И. Н. 301, 327
Сологуб Л. Р. 294
Сологуб (Тетерников) Ф. К.
213, 214, 280, 295
Солонович А. 153
Сомов К. А. 61, 72, 85, 105,
201, 205, 251, 252, 301
Сонгайло М. А. 214, 295
Сорокин П. А. 223
Соскин В. Л. 4, 5, 307, 340
Сперанская В. Н. 84
Спирин Л. М. 261
Станиславский К. С. 114, 251,
257, 290, 324, 325
Станкевич В. Б. 42, 74, 80, 99,
103, 138
Станюкович К. М. 52
Станюкович М. К. 52, 54
Старк Э. А. 328
Старцев В. И. 83
Стеклов В. А. 67, 72, 75, 85,
120, 121, 129, 159, 190, 191,
192, 194, 234, 240, 277, 300,
301, 307, 322
Стернин Г. Ю. 23, 24, 202
Строев В. А. 126

Струве П. Б. 12, 21, 100, 101, 142, 147, 221—227, 302, 303, 305, 306
 Струмилин С. Г. 72
 Студенцов Е. П. 328, 329
 Суворин А. С. 116, 169, 170
 Суворина А. А. 169
 Сулима К. П. 121
 Суханов Н. Н. 126
 Сюзор П. Ю. 204

Таиров А. Я. 87, 171, 199, 282, 283, 292, 325, 326
 Таль Л. С. 271
 Таманов (Таманян) А. И. 204, 205, 207, 212, 213, 293, 294, 331
 Тарасевич Л. А. 159
 Тарновский К. Н. 6
 Тартаков И. В. 166
 Татлин В. Е. 176
 Теляковский В. А. 26, 31, 62, 63, 167, 244
 Тесленко Н. В. 271
 Тикотин М. А. 124
 Тиме Е. И. 64, 165, 168, 169, 198, 248, 327, 328
 Тимирязев К. А. 25, 52, 113, 115, 138, 239, 255
 Тимофеев Г. Н. 172
 Тихов Г. А. 192
 Токарев Ю. С. 76, 81, 132, 134
 Толстой А. К. 311
 Толстой А. Н. 87, 139, 239, 301
 Толстой Л. Н. 37, 115
 Точисский П. В. 262
 Тренев К. А. 276
 Трофимов 67
 Трубецкой Н. С. 302
 Тургенев И. С. 115, 198
 Туркельбаум И. С. 229
 Тэффи (Бучинская) Н. А. 280

Унковская С. А. 39, 117
 Урланис Б. П. 8
 Успенский Г. И. 37
 Ушаков А. В. 4, 20, 56

Фальк Р. Р. 281
 Фаминцин А. С. 190
 Федоров-Девяткин А. Ф. 132
 Федюкин С. А. 4, 5, 8, 9, 14, 15, 96, 262, 309, 314, 341

Ферсман А. Е. 82, 243, 323
 Философов Д. В. 60, 74, 202, 334
 Фокин М. М. 203, 205, 210
 Фомин В. С. 288
 Фомин И. А. 181, 182, 201, 203
 Фонакова Н. Н. 280
 Фофанова М. В. 262
 Франк С. Л. 101, 102, 221, 222, 226
 Фредерикс А. Б. 63
 Френкель В. Я. 276
 Френкель Я. И. 276
 Фриче В. М. 326, 327
 Фролов А. Н. 232

Хабалов С. С. 65
 Хвольсон О. Д. 322
 Хлебцевич В. И. 78, 79
 Ходасевич М. Ф. 175
 Ходотов Н. Н. 26, 168, 198, 327
 Холодковский Н. А. 192
 Хомяков А. С. 226
 Хренов Н. И. 4

Цветаева М. И. 209
 Церетели И. Г. 96

Чайковский П. И. 244
 Чапыгин А. П. 296
 Чарнолуцкий В. И. 156, 264
 Чалищев В. Н. 271
 Черепнин Н. Н. 194, 197, 205
 Чернов В. М. 96
 Черный Л. 153
 Чернявский И. 134
 Черняков А. Г. 262
 Чертков В. Г. 114
 Чехов Н. А. 156
 Чешихин А. Е. 203, 209
 Чугаев Л. А. 140, 192, 194, 240, 321
 Чуковский К. И. 333
 Чхеидзе Н. С. 22

Шалагинова Л. М. 6, 45, 54, 67
 Шалапин Ф. И. 26, 58, 181, 184, 201, 205, 244
 Шанявский А. Л. 149, 278
 Шервуд Л. В. 205

Шибанова А. Н. 164
Шидловский К. И. 152
Шидловский С. И. 215
Шиллинговский П. А. 196
Шиловский А. Л. 134
Шингарев А. И. 128, 194
Шкловский В. Б. 214
Шокальский Ю. М. 105
Шретер Е. Ф. 134, 182
Штример О. Я. 172
Штейнберг М. О. 172
Штернберг П. К. 262
Штранге М. М. 3
Шульгин В. В. 226
Шупп Е. 78, 79

Щеголев П. Е. 214
Щуко В. А. 181, 201
Щусев А. В. 176, 205

Эвентов И. С. 6, 73, 208
Энгельгард Э. А. 85

Эренбург И. Г. 301
Эскузович И. В. 330
Эткинд М. Г. 180, 202
Эфрос А. М. 176
Эфрос Н. Е. 199

Южин-Сумбатов А. И. 167, 168,
198, 211, 324, 327, 328
Юон К. Ф. 281
Юрьев Ю. М. 26, 63, 64, 77,
81, 106, 203, 214, 328, 329,
333
Юфит А. З. 5, 119, 199

Яворская Л. Б. 295
Якулов Г. Б. 175, 176
Ярошецкая В. П. 6, 280
Ярцев П. 287
Ясинский И. И. 153

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Интеллигенция и свержение царизма	16
1. В канун буржуазно-демократической революции . .	16
2. В дни февральского «вихря»	49
Глава II. Интеллигенция в послефевральской политической борьбе	92
1. Развитие революции и умонастроения интеллигенции	92
2. Политические позиции и приобщение к пропаганде	118
Глава III. Приступ к «самоопределению» после свержения царизма	152
1. Полоса организационного учредительства	152
2. Планы работы и полемика. «Революция в художественном мире»	179
Глава IV. В обстановке обострения классовых противоречий (конец апреля — август)	217
1. Апрельский рубеж. Оформление интеллигентских политических организаций	217
2. Эволюция политических умонастроений и социально-психологического состояния	233
3. Интеллигентское движение: подъем или спад? . . .	262
Глава V. В преддверии Великого Октября	298
Заключение	335
Указатель имен	343

Олег Николаевич Знаменский

**ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ НАКАНУНЕ
ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ**

Февраль—октябрь 1917 г.

*Утверждено к печати
Ленинградским отделением
Института истории СССР
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Ю. А. Прохватилов*
Художник *М. Л. Яценко*
Технический редактор *И. М. Кашеварова*
Корректоры *Н. Г. Каценко, Г. В. Семерикова*
и *Г. И. Суворова*

ИБ № 33354

Сдано в набор 21.12.87. Подписано к печати
13.05.88. М-24158. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага типографская № 2. Гарнитура литера-
турная. Печать высокая. Усл. печ. л. 18.48.
Усл. кр.-отт. 18.48. Уч.-изд. л. 20.10.
Тираж 7 000. Тип. зак. № 252. Цена 1 р. 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство «Наука».
Ленинградское отделение.
199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1
2-я типография Воениздата
191065, Ленинград, Д-65, Дворцовая пл., 10

